

UNIwersytet WArmińsko-MAzurski w Olsztynie
UNIVERSITY OF WARMIA AND MAZURY IN OLSZTYN

PRZEGLĄD

WSCHODNIOEUROPEJSKI

VIII/1
2017

Wydawnictwo
Uniwersytetu Warmińsko-Mazurskiego
w Olsztynie

Rada Programowa

Zbigniew Anculewicz (Olsztyn), Selim Chazbijewicz (Olsztyn),
Milosav Čarkiĉ (Belgrad/Serbia), Jim Dingley (London/Wielka Brytania),
Victor Dönninghaus (Lüneberg/Niemcy), Włodzimierz Dubiczyński
(Charków/Ukraina), Michael Fleischer (Wrocław), Helmut Jachnow (Bochum/Niemcy),
Zoja Jaroszewicz-Pieresławcew (Olsztyn), Ēriks Jēkabsons (Ryga/Lotwa),
Ałła Kamałowa (Olsztyn), Andrzej de Lazari (Łódź), Piotr Majer (Olsztyn),
Adam Maldzis (Mińsk/Białoruś), Rimantas Miknys (Wilno/Litwa), Iwona Ndiaye
(Olsztyn), Aleksander Nikulin (Moskwa/Rosja), Alvydas Nikžentajtis (Wilno/Litwa),
Marek Melnyk (Olsztyn), Predrag Piper (Belgrad/Serbia), Zbigniew Puchajda (Olsztyn),
Andrzej Sitarski (Poznań), Aleś Smalanczuk (Grodno/Białoruś),
Ewa Starzyńska-Kościuszko (Olsztyn), Klaus Steinke (Erlangen/Niemcy, Kraków),
Henryk Stroński (Olsztyn), Andrzej Szmyt (Olsztyn), Józef Śliwiński (Olsztyn),
Daniel Weiss (Zürich/Szwajcaria), Alexander Zholkovsky (Los-Angeles/USA),
Bogusław Żyłko (Gdańsk)

Adres redakcji

Uniwersytet Warmińsko-Mazurski w Olsztynie
Centrum Badań Europy Wschodniej
ul. Kurta Obizta 1, 10-725 Olsztyn
tel. ++48 602175802, fax ++48 89 5351486 (87)
e-mail: komunikacjam@uwm.edu.pl
<http://www.uwm.edu.pl/cbew/p.wschodnioeuropejski.html>

Tytuł angielski: EAST EUROPEAN REVIEW

Kolegium Redakcyjne

Aleksander Kiklewicz (redaktor naczelny), Roman Jurkowski (sekretarz naukowy),
Norbert Kasperek, Helena Pocięcina, Dariusz Radziwiłłowicz, Marek Szczepaniak

Recenzenci

Prof. dr hab. Miomir Abović (Tivat)	Prof. dr hab. Eugeniusz Koko (Gdańsk)
Prof. dr hab. Adam Bezwiński (Bydgoszcz)	Prof. dr hab. Natalia Korina (Nitra)
Prof. Dr. Károly Bibok (Szeged)	Prof. dr hab. Mariusz Korzeniowski (Lublin)
Prof. dr hab. Rustem Ciunczuk (Kazań)	Prof. dr hab. Tomasz Kośmider (Warszawa)
Prof. dr hab. Michaił Dymarski (Sankt Petersburg)	Prof. dr hab. Michaił Kotin (Zielona Góra)
Prof. dr hab. Piotr Fast (Katowice)	Prof. dr hab. Ałła Kożynowa (Mińsk)
Prof. dr hab. Sergiusz Grinev-Griniewicz (Białystok)	Prof. dr hab. Walentyna G. Kulpina (Moskwa)
Prof. dr hab. Grzegorz Hryciuk (Wrocław)	Prof. dr hab. Oleg Leszczak (Kielce)
Prof. dr hab. Henryk Jankowski (Poznań)	Prof. dr hab. Marta Pančiková (Ostrava)
Prof. dr hab. Wojciech Kajtoch (Kraków)	Prof. dr hab. Tacciana Ramza (Mińsk)
Prof. dr hab. Artur Kijas (Poznań)	Prof. dr hab. Ludmiła Safronowa (Ałmaty)
Prof. dr hab. Roman Kisiel (Olsztyn)	Prof. dr hab. Władimir Zaika (Wielikij Nowgorod)
Dr hab. Zbigniew Klimiuk, prof. KUL (Lublin)	Prof. dr hab. Marzena Zaorska (Olsztyn)

Redaktorzy językowi

Język polski – Katarzyna Zawilska
Język angielski – Iwona Hetman-Pawlaczyk
Język białoruski – Aleksander Kiklewicz
Język niemiecki – Alina Kuzborska
Język rosyjski – Helena Pocięcina
Język ukraiński – Mirosława Czetyrba-Piszczaiko

Redakcja informuje, że wersją pierwotną czasopisma jest wydanie papierowe.

Czasopismo wdrożyło procedurę zabezpieczającą przed zjawiskiem ghostwriting:
<http://www.uwm.edu.pl/cbew/p.wschodnioeuropejski.html>

Strona internetowa czasopisma:

<http://www.uwm.edu.pl/cbew/p.wschodnioeuropejski.html>

Zasady recenzowania:

<http://www.uwm.edu.pl/cbew/p.wschodnioeuropejski.html>

Projekt okładki

Maria Fafińska

ISSN 2081–1128

Wydawnictwo UWM
ul. Jana Heweliusza 14, 10-718 Olsztyn
tel. ++48 89 523 36 61; fax ++48 89 523 34 38
www.uwm.edu.pl/wydawnictwo/
e-mail: wydawca@uwm.edu.pl

Nakład: 105 egz.; ark. wyd. 25,08; ark. druk. 21,25
Druk: Zakład Poligraficzny UWM w Olsztynie, zam. nr 316

Spis treści

HISTORIA

VLADIMIR SHAIIDUROV (Saint Petersburg)	
The Siberian Polonia in the second half of the 19th – early 20th century in the Polish historiography	11
DARIUSZ RADZIWIŁŁOWICZ (Olsztyn)	
Żołnierze 5 Dywizji Strzelców Polskich w bolszewickiej niewoli i ich repatriacja.....	23
Ирина Смирнова (Москва)	
Митрополит Московский Филарет и российская церковная политика в Восточной Сибири	45
Елена Прищепа (Ривне)	
Образовательно-культурные связи Вильны с учебными заведениями правобережной Украины в первой четверти XIX века	59
Иван Попп / Зульфия Зиннатуллина (Екатеринбург/Казань)	
Проекты губернаторов о преобразовании волостной юстиции: к вопросу создания всесословного местного суда	69
RAFAŁ CZASNOH (Polkowice)	
Wyzwania reformy samorządowej i procesu decentralizacji na Ukrainie po 1991 roku	79
Евгения Н. Строганова (Москва)	
Иван Ювачев: личное и публичное	91
ADRIAN KAROLAK (Łódź)	
Działalność Związku Patriotów Polskich w ZSRS w audycjach rozgłośni imienia Tadeusza Kościuszki	101

EKONOMIKA

ADAM OLEKSIUK (Olsztyn)	
Investment Level and Structure in the Region of Central and Eastern Europe and Barriers for Investment Growth Reported by Entrepreneurs in the Light of Findings of Own Survey Research	125
ZBIGNIEW KLIMIUK (Warszawa)	
Ekonomista z Wilna – dorobek naukowy Władysława Mariana Zawadzkiego	141

SPOŁECZEŃSTWO, KOMUNIKACJA

Элина Асриян (Ереван)	
Этнический и политический миф как фактор формирования общественного мнения	161
LIUDMILA BAEVA (Saint Petersburg)	
Values of Mediasphere and E-Culture	173
ALEKSANDER KIKLEWICZ (Olsztyn)	
Фрагментация текста как средство персуазивности в информационных интернет-сервисах	185

JĘZYK

ТАТЬЯНА ЩУКЛИНА (Казань)	
Прецедентные феномены как источник невузального словообразования в современных российских СМИ	209
KOSTIANTYN MIZIN / OLEXANDR PETROV (Ostrohrad/Kotsiubinsk)	
Metaphorical modelling of cognitive structure of the concept <i>STINGINESS</i> in British, German, Ukrainian and Russian linguocultures	219
GULNARA SUYUNOVA / OLGA ANDRYUCHSHENKO (Pavlodar)	
Regional urban studies as a promising trend in Kazakhstan linguistics	227
ГУЛЬЗИРА КУАТОВА / МАНАТ МУСАТАЕВА (Алматы)	
Репрезентация функционально-семантического поля футуральности в романе Виктора Пелевина «Омон Ра»	237

KULTURA, LITERATURA

АЛЕКСАНДРА ПЛЕТНЕВА (Москва)	
Уход за младенцами: практики, тексты и культурные конфликты	249
NATALIA TOMCZEWSKA-POROWYCZ (Katowice)	
Етнічний туризм та інші близькі форми туризму в східноєвропейській літературі	271
ТАТЬЯНА СЕМАШКО (Київ)	
Соматичний культурний код українців через призму перцептивної стереотипізації	281
ГУЗЕЛЬ ГОЛИКОВА / ИРИНА ХАИРОВА (Казань)	
«Маленький человек» в прозе Татьяны Толстой	289
MARTA ZAMBRZYSCA (Warszawa)	
Starość kobiecego ciała jako metafora społeczno-polityczna w zapisie video <i>Słoik zupy</i> Serhija Bratkowa	301

EDUKACJA

БИБИГУЛЬ АЛЬМУРЗАЕВА / ОРЫНКУЛЬ ШУНКЕЕВА / АЛТНАЙ ЖАЙТАПОВА (Актобе/Алматы)	
Создание образовательно-информационного технопарка как средство социализации сельских школьников	313

RECENZJE, OMÓWIENIA, SPRAWOZDANIA

HENRYK STROŃSKI (Olsztyn)	
Zbrodnia doskonała, czyli ludobójstwo Polaków w ZSRR (artykuł recenzyjny)	327
ЛЮДМИЛА САФРОНОВА / АИДА НУРБАЕВА (Алматы)	
Повествование и наука о разуме. Storytelling and the sciences of mind	332
PAWEŁ PIETNOCZKA (Olsztyn)	
Międzynarodowa konferencja naukowa „25 lat niepodległości Ukrainy – próba bilansu”; Olsztyn, 6–7 października 2016 roku	338

Table of Contents

HISTORY

VLADIMIR SHAIIDUROV (Saint Petersburg)	
The Siberian Polonia in the second half of the 19th – early 20th century in the Polish historiography	11
DARIUSZ RADZIWIŁŁOWICZ (Olsztyn)	
Soldiers of the 5th Polish Rifle Division in Bolshevik Captivity and their Repatriation	23
IRINA SMIRNOVA (Moscow)	
Philaret, Metropolitan of Moscow, and the Russian Church Policy in the Eastern Siberia	45
ELENA PRISHCHEPA (Rivne)	
Educational and cultural connections of Vilno with educational establishments of Right-Bank Ukraine in the first quarter of the 19th century	59
IVAN POPP / ZULFIYA ZINNATULLINA (Ekaterinburg/Kazan)	
The projects of governors on transformation of the Volost justice: about the creation of universal local court	69
RAFAŁ CZACHOR (Polkowice)	
Local self-government reform and decentralization: challenges for Ukraine after 1991	79
YEVGENIYA STROGANOVA (Moscow)	
Ivan Yuvachev: personal and public	91
ADRIAN KAROLAK (Łódź)	
Activity of the Union of Polish Patriots in USSR in radio broadcasts of the T. Kosciusko's broadcasting radio station	101

EKONOMICS

ADAM OLEKSIUK (Olsztyn)	
Investment Level and Structure in the Region of Central and Eastern Europe and Barriers for Investment Growth Reported by Entrepreneurs in the Light of Findings of Own Survey Research	125
ZBIGNIEW KLIMIUK (Warszawa)	
The Economist from Vilnius – Scientific Achievements of Wladyslaw Marian Zawadzki	141

SOCIETY & COMMUNICATION

ELINA ASRIYAN (Erevan)	
Ethnic and political myths as a factor of forming the public opinion	161
LIUDMILA BAEVA (Saint Petersburg)	
Values of Mediasphere and E-Culture	173
ALEKSANDER KIKLEWICZ (Olsztyn)	
Text fragmentation as a measure of persuasivity in the information services in Internet	185

LANGUAGE

TATIANA SHCHUKLINA (Kazan)	
Precedent phenomena as the source of non-usual word-formation in the contemporary Russian mass media	209
KOSTIANTYN MIZIN / OLEXANDR PETROV (Ostrohrad/Kotsiubinsk)	
Metaphorical modelling of cognitive structure of the concept <i>STINGINESS</i> in British, German, Ukrainian and Russian linguocultures	219
GULNARA SUYUNOVA / OLGA ANDRYUCHSHENKO (Pavlodar)	
Regional urban studies as a promising trend in Kazakhstan linguistics	227
GULZIRA KUATOVA / MANAT MUSSATAYEVA (Almaty)	
Representation of the functional-semantic field of futurity in the Victor Pelevin's novel "Omon Ra"	237

CULTURE & LITERATURE

ALEXANDRA PLETNEVA (Moscow)	
Baby care: practices, texts and cultural conflicts	249
NATALIA TOMCZEWSKA-POPOWYCZ (Katowice)	
Ethnic tourism and other similar forms of tourism in literature of Eastern Europe	271
TATYANA SEMASHKO (Kyiv)	
Somatic cultural code of Ukrainians through the prism of perceptive stereotyping	281
GUZEL GOLIKOVA / IRINA KHAIROVA (Kazan)	
The "little man" in Tatyana Tolstaya's prose	289
MARTA ZAMBRZYCKA (Warszawa)	
Old age of the female body in the Ukrainian contemporary art on the example of the film Serhiy Bratkov's film <i>Jar of soup</i>	301

EDUCATION

BIBIGUL ALMURZAYEVA / ORYNKUL SHUNKEYEVA / ALTANA ZHAYTAPOVA (Aktobe/Almaty)	
Creation of educational-information technopark as means of socialization of rural schoolboys	313

REVIEWS, ELABORATIONS & REPORTS

HENRYK STROŃSKI (Olsztyn)	
Zbrodnia doskonała, czyli ludobójstwo Polaków w ZSRR (artykuł recenzyjny)	327
LYUDMILA SAFRONOVA / AIDA NURBAYEVA (Almaty)	
Повествование и наука о разуме. Storytelling and the sciences of mind	332
PAWEŁ PIETNOCZKA (Olsztyn)	
Międzynarodowa konferencja naukowa „25 lat niepodległości Ukrainy – próba bilansu”; Olsztyn, 6–7 października 2016 roku	338

HISTORIA

VLADIMIR SHAIDUROV
Saint-Petersburg Mining University

THE SIBERIAN POLONIA IN THE SECOND HALF OF THE 19TH – EARLY 20TH CENTURY IN THE POLISH HISTORIOGRAPHY

KEYWORDS: Russia, Poland, Siberia, Polish community, historiography, martyrological approach, civilizational approach, political exile

ABSTRACT: The period between the 19th – early 20th century witnessed waves of actively forming Polish communities in Russia's rural areas. A major factor that contributed to the process was the repressive policy by the Russian Empire towards those involved in the Polish national liberation and revolutionary movement. Large communities were founded in Siberia, the Volga region, Caucasus, and European North of Russia (Arkhangelsk). One of the largest communities emerged in Siberia. By the early 20th century, the Polonia in the region consisted of tens of thousands of people. The Polish population was engaged in Siberia's economic life and was an important stakeholder in business. Among the most well-known Polish-Siberian entrepreneurs was Alfons Poklewski-Koziell who was called the "Vodka King of Siberia" by his contemporaries. Poles, who returned from Siberian exile and penal labor, left recollections of their staying in Siberia or notes on the region starting already from the middle of the 19th century. It was this literature that was the main source of information about the life of the Siberian full for a long time. Exile undoubtedly became a significant factor that was responsible for Russia's negative image in the historical memory of Poles. This was reflected in publications based on the martyrological approach in the Polish historiography. Glorification of the struggle of Poles to restore their statehood was a central standpoint adopted not only in memoirs, but also in scientific studies that appeared the second half of the 19th – early 20th century. The martyrological approach dominated the Polish historiography until 1970s. It was not until the late 20th century that serious scientific research started utilizing the civilizational approach, which broke the mold of the Polish historical science. This is currently a leading approach. This enables us to objectively reconstruct the history of the Siberian Polonia in the imperial period of the Russian history. The article is intended to analyze publications by Polish authors on the history of the Polish community in Siberia the 19th – early 20th century. It focuses on memoirs and research works, which had an impact on the reconstruction of the Siberian Polonia's history. The paper is written using the retrospective, genetic, and comparative methods.

1. Introduction

In the second half of the 18th century, the Polish-Lithuanian Commonwealth lost its statehood with its territory being split between Russia, Austria and Prussia. The last partition took place at the Congress of Vienna already in 1815. As a result, the Russian empire obtained Ukrainian, Belarusian and Lithuanian lands. It should be pointed out that the Polish crown lands became part of the Austrian Empire and the Kingdom of Prussia.

The Polish noble class or *szlachta* in Polish, whose lands were located on the territories that were integrated into Russia, was co-opted into the Russian nobility. However, the Polish elite and the Russian government developed very controversial and inconsistent relations. Part of the Polish nobility found a way to put up with the loss of the original statehood and accepted the inclusion in the new state. Another part of the elite took up the struggle for the restoration of the Commonwealth by participating in protests against the Russian administration (the Tadeusz Kosciuszko Uprising, the Polish-Russian war 1830–1831, the January Uprising in 1863, etc.). Similar contradictions pertained to Russia's policy toward Poles, ranging from extreme liberalism (the Polish constitution of 1815) to massive repressions (after the 1831 and 1863 Uprisings).

The “*frondeurs*”, who advocated for the restored Polish state within the borders of the Polish-Lithuanian Commonwealth, formed the basis for Polish communities in various regions (European North, the Caucasus, and Siberia). Understanding the subject of the study requires outlining main stages in its development.

Between the 19th and early 20th century, the most rapid growth was characteristic of the Siberian Polonia. First exiles arrived in Western Siberia in the late 18th century. They were Polish Confederates pardoned by Emperor Paul I (1797). A new Polish inflow to Western Siberia was registered in 1815 when Polish soldiers who fought in the army of Napoleon Bonaparte were sent to the region. In the 1830s, after the Polish-Russian war 1830–1831 and repressions that followed, several thousands of Poles were scattered across Siberia. It is possible to identify several centers where they concentrated, i.e. Tobolsk, Kurgan, Tara in Western Siberia (Poles lived as exiles here) and the Nerchinsk mining district in Eastern Siberian (Poles served penal labor here). Thanks to the amnesty granted by Emperor Alexander II in 1857–1859, Poles received an opportunity to leave Siberia. As a result, the Polonia reached its minimum size. In 1864–1865, more than 15 thousand Poles were deported to Siberia to serve penal labor (total deprivation of civil rights, severe compulsory labor in mines and at factories), penal settlement (restriction of civil rights) and exile (deprivation of civil rights). At the end of the 19th century, Siberia became the final destination for resettling Polish peasants who actively replenished the Siberian Polonia. The increased migration flows took the Polonia's size to approx. 30 thousand people (1897).

In 1900–1915, the number of Poles in the region dramatically rose due to migrants (1900–1913) and refugees of the initial period of the World War I (1914–1915). By 1917, the Polonia amounted to more than 50 thousand people.

Once in Siberia, Poles had to integrate with the regional economy. Economic niches they occupied were largely determined by the community's social composition and educational level of its members. Until the early 20th century, Siberian Poles were highly educated people (the nobles exiled to the region studied at universities or gymnasiums). This allowed them to play an important role in administrative bodies, military apparatus, education and food industry. The community's social dilution, which was later brought about through arriving peasants, drastically reduced the educational level of the Polish population and altered its place in the economic system of Siberia.

2. Material and Methods

Following the Partitions of Poland in the second half of the 18th – early 19th century, Poles became one of the numerous ethnic minorities in the Russian Empire before the early 20th century. The beginning of the 19th century saw Polish communities founded in the Russian provincial regions, such as the Northern Caucasus, Siberia, the Urals, the Volga region, and the European North of Russia. The “Polish question”, which arose in the second half of the 18th century, was addressed by society and government in opposite ways at different periods, which meant implementation of liberal or repressive measures. Poles themselves provoked the authorities to move away from liberalism and democracy to conservatism. This atmosphere became the background for the evolving multi-ethnic policies which replaced the Russian ethnocentrism. Despite all the difficulties, Poles, along with Jews, Germans, Ukrainians and other ethnic groups were one of the forces which were behind the country's historical development (Kappeler 2000).

The subject of this paper includes the publications on the Polish community in Siberia, produced by Polish authors in the second half of the 19th – 20th century. The study uses various methods of historical research, including the chronological approach, retrospective method and genetic technique. They have enabled us to look at the scientific issues from the temporal perspective and identify changes that took place in them. One of the key approaches leveraged by the paper has become the comparative method based on a comparative analysis of the views expressed by authors in their publications on the issues under discussion.

This paper's material comprises works on the history of the Polish community which existed in Siberia. The works were created by Poles and published in the Russian and Polish languages in the late 19th – 20th century.

3. Discussion

The political bias of the Polish question in Russia in the 19th – early 20th century shaped negative attitudes to the Polish national liberation movement in the so-called official (conservative) historiography. The liberal historiography could not deal with this issue.

Already in the second half of the 19th century, a tradition was established to study Polish exiles in Siberia in the Polish-language historiography. Some of the studies in the Polish language, which directly or indirectly developed this line, began appearing in the late 1860s. For example, the work titled “People’s memories” by Eustachy Heleniusz Iwanowski was published in Paris in 1861 and 1864, and in 1876 his “Memories of the past years” was published in Cracow.

Almost every Polish writer uses “The description of the Trans-Baikal region in Siberia” by Agaton Giller (1831–1887) as a source, which was published in Lipsk in 1867. Giller was one of the first authors who introduced Polish readers to the Trans-Baikal. The book “In exile” was published in Lvov in 1870 and was also dedicated to the history of the Polish exile.

These works provided the basis for the martyrological (mythologized) study into the Siberian Polonia by taking a course on the glorification of exiles as fighters for the restoration of the Polish independent state. This line was prevailing in the Polish historiography until the end of the 20th century

A significant step in the exploration of the life of Poles in Siberia was made in the mid-1880s, when Zygmunt Librowicz’s monograph “Poles in Siberia” (1884) was published in Cracow. The author was a writer, a historian and an educator. He lived in St. Petersburg from 1875 to 1917 and worked in publishing. Librowicz made an invaluable contribution to the preparation of the books in the “Picturesque Russia” series for publication, which started in 1879.

Having numerous scientific works at his disposal, Librowicz embarked on a written description of the history of the Siberian Polonia in the mid-1880s. The geographical scope comprises not only Eastern and Western Siberia, but their surrounding areas as well, such as the Amur and Orenburg Krajs, Kirghiz steppes, Kamchatka and Southern Urals (Librowicz 1884). This suggests an extremely broad interpretation of the concept “Siberia” in the Polish tradition. The sources employed by the author included works published in Russian (Maksimov 1871), in Polish (Giller 1867), published recollections by the Poles who had returned from the Siberian exile (N.p. 1875), periodicals and other.

Librowicz was one of the first authors to suggest his own periodization of the Polish presence in Siberia. For example, he dated first mentions of Siberia in Polish sources to the 13th century. It was in this period when Poles visited Kara Korum as part of a diplomatic mission. The next stage covered Polish captives exiled to Siberia

following the war between Russia and Poland in the 17th century. An important milestone was the exile of the Bar Confederates to Siberia. "A new significant party arrived after the War of 1812" (Librowicz 1884, 362). As time passed, the exiles were allowed to return to their homeland, which indicates the occasional presence of Poles in the region. A totally different situation developed later. For example, an essential stage was the period starting from the 1830 Cadet Revolution and ending in 1848 (Ibid., 363). The final stage was the exile of the insurgents involved in the January Uprising. This narrowness is explained by the time of the work's writing.

In his narrative about the Poles exiled in 1830–1848, the author gives personal data and specifies places of their stay and types of activity. For example, he writes that "Onufry Pietraszkiewicz was a secretary in the Tobolsk Order for Public Charity" (Ibid., 131). The author also mentions of the orchestra which was organized under the military governor of Omsk. There were also some Polish exiles performing there. For example, Kozhirkevich played clarinet, Kholvynsky played trumpet and cello, and Hozhnatsky was a violinist there (Ibid., 139–140). Unfortunately, there is no accurate data available on the number of people exiled to Siberia at that time.

However, describing the exile in the middle of the 1860s, the author already provided specific data. "In 1863, 524 people arrived in Siberia, in 1864 – 10 649, in 1865 – 4671, in 1866 – 2829. Of these, 3894 were sentenced to penal labor, 2153 to penal settlement, 2254 to exile and 8491 to penal placement; 1830 people came voluntarily. 4000 were settled in the Tobolsk governorate, 6306 in the Tomsk governorate, 3719 in the Yenisei governorate, 4424 in the Irkutsk governorate, 56 in the Yakutsk region" (Ibid., 160). These figures were borrowed from Sergei Maksimov, as the author pointed out in his text.

In addition to exiled Poles, Librowicz highlighted other problems in his work as well. He also focused his attention on their economic activities. For example, he made mention of the operations carried out by "distiller" Alfons Poklewski-Koziell (the author put his name as Kozierr-Poklewski) in connection with the short commentary from Kurgan, which appeared in the "Yekaterinburgskaya nedelya" in 1882 (No. 42). The message of the piece came down to the idea that "Poles were making Siberia accustomed to hard drinking" (Ibid., 196). However, Librowicz himself believed that this accusation was groundless.

The work places a considerable emphasis on the religious life of exiles. The church remained a vital point of contact for Poles. Thus, according to Librowicz, "the center of life of the Polish community of Tobolsk was the Catholic church" (Ibid., 205).

The author featured the issue of amnesty to those involved in the January Uprising. He drew attention to the fact that the government first loosened the restrictions on them as early as 1865. This was followed by the 1871 and 1874 manifestos. The culmination was the manifesto dated 15 (27) May 1883 issued by Alexander III (Ibid., 257). This led to a conclusion that the repressive policies against the

insurgents were not unconditional, as all the repressed were released from penalty over the next 20 years.

Librowicz was one of the first researchers to expand the composition of the Siberian Polonia and add other groups there besides exiles. He repeatedly noted that the class of those exiled from Poland to Siberia included not only anti-government protesters, but also criminals. There were voluntary migrants in the Polonia as well. For example, referring to the publications in an Irkutsk newspaper "Sibir", the author stressed that in 1881, 4955 people came to Siberia from the Kingdom of Poland, and in 1882 – 5708 (Ibid., 265).

An undisputed merit of Librowicz, as noted by later historians, was his formulating the subject of the Polish-Siberian relations (Janik 1928). It was the civilizational activity undertaken by Poles, which largely contributed to their beneficial nature. This was also in line with the sentiments that were widespread in the Polish community, whose members considered it their predestined mission to facilitate wider use of the achievements of European civilization.

This work prompted Polish researchers to give a closer look to the topic, which was reflected in the books by A. Klaushar "The Bar Confederates in Siberia" (Cracow 1895), G. Virchinsky "Literature of Siberia" (1898), M. Janik "Polish-Siberian literature" (Lvov 1907), M. Rolle "In the past century" (Lvov 1908), and others. As we can see, these studies appeared outside the Russian Empire where their publication was impossible due to censorship.

One of the most prominent writers of the Siberian Polonia in the early 20th century was Bronislaw Pilsudski (elder brother of Jozef Pilsudski, first head of Poland restored after World War I), exiled to Sakhalin for his involvement with revolutionary activities. He lived in Eastern Siberia and the Far East for many years and was actively engaged in scientific work. Of course, Pilsudski kept contact with members of the local Polonia. The result was a booklet "The Poles in Siberia", published in the Polish language in 1918, translated into Russian in the early 21st century and annotated by B. S. Shostakovich, a well-known modern Polish Studies historian (Pilsudski 2001). The centerpiece of Pilsudski's booklet was the periodization of the Polish exile beyond the Urals, where the starting point was the exile of Polish prisoners of war in the middle of the 17th century. He also turned his attention to the issue of adaptation, which Poles had to deal with in new location. In this connection, he noted that first contacts with local inhabitants were not always amicable, for which he blamed the "ignorant priests and malicious persons". At the same time Pilsudski marked a major beneficial influence exerted by Polish exiles on the local population.

In the interwar period, the Polish-Siberian subject remained to be relevant in historical science of sovereign Poland. One evidence was the monograph by M. Janik "History of Poles in Siberia" (*Dzieje Polaków na Syberii*), published in Cracow in 1928. The author was strongly influenced by the national-patriotic movement, which was reflected in the content of the book. Unlike the above writers, Janik had

nothing in common with the Russian reality. He was born in Austria-Hungary and graduated from the Cracow (Jagiellonian) University.

Being addressed to Polish readers, the book starts with an extensive geographic and climatic description of Siberia. Based on medieval historical sources, Janik cited details on travels by Poles to Asia and Siberia, particularly, starting with the diplomatic mission of John of Plano Carpini. The history of the 19th century Siberian Polonia was examined primarily through the prism of the personified history, which already became a tradition for the Polish historiography. On the one hand, it helps define the circle of people who were caught up in the Siberian exile. But on the other hand, it sometimes poses an obstacle to putting together a coherent picture. It is fair to say, however, that Yanik was concentrated not only on penal laborers and exiles, but also on those Poles who settled in Siberia of their own free will. For example, he gave quite scrupulous attention to the activities by Alfons Poklewski-Koziell. He also cited mentions of his help to exiles in the mid-1860s (Janik 1928, 289).

Unlike Librowicz's work, the book by Yanik contains no abundant statistical information on the Siberian Polonia, which greatly impoverishes the study. In addition, it lacks a deep critical analysis of a specific socio-economic situation in the region and has no references to archival materials, other researchers of the Polish historiography pointed out (Oplakanskaya 2001, 43). We believe that an explanation could lie behind the situation which was the context to Janik's research.

After World War II, Poland preserved some interest in the Siberian Polonia's history. However, the martyrological approach also survived aimed, in the first place, at studying the Polish exile. One evidence is the work by Wladyslaw Jewsiewicki, "In the Siberian exile," published in 1959. The book, in particular, argues that after the Polish Uprising of 1830–1831 was suppressed, about 50 thousand people were exiled to Siberia, of which about 20 thousand were soldiers and officers sent to Siberian garrisons, and the remaining 30 thousand belonged to civilians (Jewsiewicki 1959, 19). This statement is unlikely to be accurate. Consider also that according to the Polish notion of Siberia in the 19th century, represented in memoirs and other sources, it included all Russian provinces, located to the east of Moscow. For this reason, for many Poles unfamiliar with the regional geography, Siberia also comprised the Urals and the Volga Region.

In the last quarter of 20th century, the increasingly growing popularity was gained by the civilizational approach that sought to look closer at the inclusion of Poles in the life of Siberian society in the 19th and early 20th century. One of the most remarkable events was a collection of works "Siberia", published in Poland in 1993, which consisted of two parts. The first part, prepared by Antoni Kuczyński, is a historical outline on the history of the Polish diaspora, and the second part is a historical and cultural anthology which includes articles on individual aspects of the diaspora's life.

Kuczyński's "Four hundred years of the Polish diaspora" embodies his vision of the periodization of the diaspora in Russia. The first stage, which he described in the Section "Out of the dark ages", spanned from the turn of the 16th – 17th century to the Partitions of the Polish-Lithuanian Commonwealth. This period is characterized by the appearance of individual migrants in Siberia, who came there from Poland and were in the Russian service. For example, with a reference to the study by Librowicz, Kuczyński speaks of Aleksei Chehanovetsky (Kuczyński 1993, 27) who is mentioned in Russian sources.

A new stage in the diaspora's formation extended throughout the last quarter of 18th and first half of 19th century (from the Confederation of Bar to the January Uprising) and was related to occasional political exiles in Siberia. Already at that time Poles began to favorably affect liberal inhabitants of Siberia, whom they had to communicate with. An example of familiarizing Siberians with the European musical culture, according to Kuczyński, was the participation of some Polish exiles in the Omsk orchestra (Ibid., 69). Describing numerous problems encountered by Poles in their new place of residence, the author also points to the support that they received from Siberians. The proof can be found, as noted by Kuczyński, in letters by exiles (Ibid., 91).

The next stage was linked to the massive exile of those involved in the January Uprising. As he examined this period, Kuczyński could not ignore the question of the number of the repressed in this period who came from Poland and Lithuania. He noted that data on the subject given by Polish literature varied, and the discrepancy ranged from 80 to 250 thousand people (Ibid., 92). This information, according to him, had nothing to do with reality. The only reliable source – archival documents of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Empire – reveals that the figure was 36 459 people repressed before the middle of 1868 (Ibid.). The number of those exiled reached 27 908 people, including 13 018 sent to Siberia (Ibid., 93). Hence, his findings differ significantly from the data commonly found in Polish publications.

The Manifesto issued on May 27, 1883 marked the beginning of a new stage in the history of the Siberian Polonia, which was associated with the exile of Polish revolutionaries, for example, members of the "Proletariat" group (Ibid., 101), as well as the arrival of Polish researchers and migrant workers in the region, who went to Siberia in search of better life. However, when describing this stage, Kuczyński gives almost no details on the voluntary resettlement of Polish peasants in Siberia at the end of the 19th century and refugees who fled at the beginning of the World War I. These categories contributed much to the size of the Siberian Polonia.

The final stage is related to the repressive policies by the Soviet government, through which various Siberian regions became exile for thousands of Poles.

To summarize, Kuczyński suggested the most comprehensive periodization of the history of the Siberian Polonia, which encompasses periods from the Middle Ages to the mid-20th century.

Following the scientific tradition, Kuczyński prefaced his scientific outline with a historiographical overview. However, he put main emphasis on Polish scholars. He gave a rather detailed description of Siberia's accession to Russia and its economic development over the end of the 16th – 18th centuries. This material considers Poles as well, who lived behind the Urals for various reasons.

Once again, it is necessary to stress that Polish historians have gradually departed from the martyrological approach and address not only to the issue of the Polish exile in Siberia, but switched to other problems related to the Siberian Polonia as well.

Modern Polish historians point out that there were not only political exiles, but also criminals among the Poles whom various circumstances forced to live in Siberia. But today's historical literature, as rightly admitted by Polish historians, is one-sided, since it only contains information on the activity of political exiles, their merits and martyrology. This topic is explored by a professor at the Warsaw University, E. Kaczynska, in some of her publications. She rightly raises the question of the proportional correlation between the political and criminal types of exile, pointing out that political exiles accounted for not more than 1% of all exiles in the 19th century. At the same time, the number and significance of the criminal component are outsized. For example, she speaks of "enormous armies of criminals and vagrants" in Siberia, claiming that depending on the district, there was 1 exile per 3 to 10 free inhabitants, including infants (Kaczynska 1998). Siberia is portrayed as "the territory, where the total population has an extremely large proportion of people belonging to the scum of society" (Ibid., 21). Against this background, pitiable Polish political exiles, in her opinion, stood out in stark contrast as they were "former representatives of relatively high culture."

Over decades, the Polish historiography has paid almost no attention to the voluntary resettlement of peasants from provinces of the Kingdom of Poland in the areas beyond the Urals, while the process was actually equal to the emigration to the United States in scale. One of the first scholars who were in the forefront of scientific interest to the subject was Wladislaw Masiarz, who summarized his findings in his dissertation defended in 1995 (Masiarz 1995). In his coverage of the first half of the 20th century, the author also suggested reasons explaining why Poles started to live in the region. He assigned a particular role to the volunteer peasant migration in the Polonia's formation. The characteristic feature distinguishing publications by Masiarz is his extensive use of Russian published and archival materials. This was expressed not only in his dissertation, but also in subsequent works.

In 1999, Masiarz's monograph dedicated to the Polish community in Tobolsk in 1838–1922 was published in Cracow (Masiarz 1999). The chronological framework of the study, introduced in the title, is much narrower than real one. The author began his study with the Poles who first appeared in Tobolsk in the first half of the 17th century. In addition to those who were in the Russian service (Ibid., 15), there also were Jesuit missionaries who made it to the Urals (Ibid.).

Masiarz gave a sufficiently deep overview of the Tobolsk community in the 19th century. His sources were both numerous studies by Siberian historians and archival materials. This allowed him to identify stages, delineate specific sources of the Tobolsk Polonia, and provide its demographic characteristics. A particular line of study was the work of priors in the Tobolsk Church in different historical periods. Masiarz also traditionally mentioned the assistance provided to exiles by Poles who resided in Siberia (A. Poklewski-Koziell, and others) (*Ibid.*, 91), emphasizing their common ethnicity.

For several reasons, the number of studies on Western Siberian conducted by Polish historians is extremely inadequate – they are mainly interested in Eastern Siberia. Still, it is possible to single out several important publications. For example, modern Polish historians, such as Masiarz (2002) and Kaczynska (2002), primarily highlight socio-economic and demographic issues. Conclusions, drawn by the authors, are interesting enough. For example, Masiarz points out that at the end of the 19th century, Polish provinces indicated growing migratory sentiments among peasants, but local administrations artificially restrained peasants from migrating to Siberia. This administrative decision failed to eliminate the problem, and resulted into a larger number of unauthorized migrants, who crossed the Urals, having no permits whatsoever (Masiarz 2002).

4. Conclusion

Thus, the Polish historiography has shaped its own research traditions with regard to Polish communities that existed in Siberia in the 19th – early 20th century. The scientific study of the Siberian Polonia was based on the recollections left by the Poles, who were sent to Siberia at that time to serve exile or penal labor sentences. Being under their major influence, the Polish historiography throughout the 60s of the 19th – first half of the 20th century predominantly relied on the martyrological approach to the study of the Polish diaspora in Russia and the Siberian Polonia in particular. This long-lasting and persistently dominating personification of the history with its partial mythologization can be explained by the pathos in the views Polish society held about the victims of the national liberation and revolutionary movement of the 19th – early 20th century. It was not until the last quarter of the 20th century that the Polish historical literature showed the dominant civilizing approach. The changed guiding principle did not undermine the urgency of studies into the history of the Polish exile. The new approach has enabled a significant expansion of the research field. Making use of both Polish and Russian sources, Polish historians are now exploring the issues of the peasant resettlement in Siberia, and the role of Poles in labor migration against the background of entire Russia at the

turn of the 19th – 20th century. They have raised the question of the position that the Siberian Polonia occupied in the economic, social, and cultural life of Siberia in the 19th – early 20th century. This has made it possible for the Polish historical science not only to avoid further biased development, but also to obtain new perspectives in the study of Polish communities in Russian provincial regions.

References

- GILLER, A. (1867), *Opisanie Zabajkalskiej Krainy w Syberji*. Lipsk.
- JANK, M. (1928), *Dzieje Polaków na Syberii*. Kraków.
- JEWSIEWICKI, V. (1959), *Na syberyjskim zesłaniu*. Warszawa.
- KAPPELER, A. (1992), *Russland als Vielvoelkerreich*. München.
- KUCZYŃSKI, A. (1993), *Syberia. Czteryście lat polskiej diaspory*. Wrocław / Warszawa / Kraków.
- LIBROWICZ, S. (1884), *Polacy w Syberii*. Kraków.
- MASIARZ, W. (1999), *Dzieje kościoła i polskiej diaspory w Tobolsku na Syberii. 1838–1922*. Kraków.
- N.p. (1875), *Wspomnienie o duchowieństwie polskiem znajdującem się na wygnaniu w Syberji*. Poznań.
- КАЧИНСКА, Э. (1998), Политические ссыльные и уголовные преступники. Столкновение двух миров. В: *Польская ссылка в России XIX–XX веков: региональные центры*. Казань, 20–22.
- КАЧИНСКА, Э. (2002), *Поляки в Сибири (1815–1914 гг.). Социально-демографический аспект*. В: *Сибирь в истории и культуре польского народа*. Москва, 225–277.
- МАКСИМОВ, С. (1871), *Сибирь и каторга*. Т. 3. Санкт-Петербург.
- МАСЯРЖ, В. (1995), *Поляки в Восточной Сибири (1907–1947 гг.)*. Иркутск.
- МАСЯРЖ, В. (2002), *Миграция польских крестьян в Сибирь в конце XIX – начале XX века*. В: *Сибирь в истории и культуре польского народа*. Москва, 241–245.
- ОПЛАКАНСКАЯ, Р. В. (2001), *Польская диаспора в Сибири в конце XVIII – первой половине XIX в.* Новосибирск.
- Пилсудский, Б. (2001), *Поляки в Сибири*. В: *Известия Института наследия Бронислава Пилсудского*. V, 125–153.

DARIUSZ RADZIWIŁŁOWICZ

Uniwersytet Warmińsko-Mazurski w Olsztynie

ŻOŁNIERZE 5 DYWIZJI STRZELCÓW POLSKICH W BOLSZEWICKIEJ NIEWOLI I ICH REPATRIACJA

Soldiers of the 5th Polish Rifle Division in Bolshevik Captivity and their Repatriation

SŁOWA KLUCZOWE: Wojna domowa w Rosji, Polacy na Syberii, bolszewicy, 5 Dywizja Strzelców Polskich, niewola, repatriacja.

KEYWORDS: Civil war in Russia, Poles in Siberia, Bolsheviks, 5th Polish Rifle Division, captivity, repatriation.

ABSTRACT: The formation of Polish armed troops began in summer 1918, during the battles between troops of the Czechoslovak Corps (Radziwiłłowicz 2010, 107–126), “white” Russians and Bolsheviks in the Volga region and in Siberia. Earlier that year, small Polish troops began to form spontaneously, taking their names from the towns of formation; therefore, those were, among others, Omsk, Irkuck, Semipalatynsk “legions”. In October 1918, due to a Bolshevik offensive, Polish forces were stationed in Novonikolayevsk (now Novosibirsk) on the Ob river. A division with three rifle regiments, a light artillery regiment and a lancer regiment was formed in 1918 and 1919. The newly-formed troops made up a tactical unit which drew on the tradition of the 5th Polish Rifle Division of the 2nd Polish Corps, with the same number and name (Radziwiłłowicz 2009).

More ambitious organisational plans were developed for a supra-division command structure: the Polish Army Command in Eastern Russia and Siberia. From the end of November 1919 to early January 1920, over a distance of nearly a thousand kilometres, troops of the 5th Polish Rifle Division divided into 57 echelons and evacuated by the decrepit Trans-Siberian Railway as the rearguard of the allied forces, through the area of a civil war, among the hostile population of Siberia. The capitulation of the 5th Polish Rifle Division at the Klukviennaya station came as a surprise, not only to its command. The behaviour of the Czechoslovak commanders blocking the railroad, when troops of the Soviet 5th Army and Bolshevik guerrillas attacked the stretched Polish echelons, was regarded as deliberate and aimed at the liquidation of the Polish division. The commander of the Polish division, Colonel Kazimierz Rumsza with a group of his followers, as well as over a thousand officers and privates, who had no illusions that Bolsheviks would observe certain wartime and moral standards adopted by both parties of the conflict, avoided Bolshevik captivity and its cruelty. This group made their way to Harbin in Manchuria, from where a small number of Polish troops were evacuated by sea to Poland (Radziwiłłowicz 2015).

The remainder of the division, after surviving the hell of Soviet POW and labour camps, returned to Poland in 1921 and 1922 by repatriation transports. About 4 thousand soldiers of the 5th Polish Rifle Division did not survive the hardships of the camps and the cruelty of the Cheka.

Żołnierze, którzy po kapitulacji dywizji pozostali w rejonie stacji Klukwiennaja, jeszcze przez kilka dni cieszyli się względnym spokojem. Te ostatnie chwile wolności zawdzięczali obawom sowieckich dowódców, którzy nie byli pewni, jak zachowa się dowództwo Korpusu Czechosłowackiego na wieść o kapitulacji Polaków. Po upewnieniu się, że Czechosłowacy za wszelką cenę pragną jak najszybciej ewakuować się do kraju, nastąpiły represje. Delegację, która usiłowała wyjednać dotrzymanie warunków kapitulacji przez władze sowieckie, aresztowano i osadzono w więzieniu, wojsku odebrano wszelkie zapasy prowiantu oraz środków medycznych, jak również mienie osobiste. Pułkownik Walerian Czuma wystosował z tego powodu 4 lutego 1920 r. do dowództwa 5 Armii i komisarza tejże armii protest, w którym stwierdził, że złamano najważniejsze punkty umowy kapitulacyjnej.

Z zeznań oficerów, którzy zbiegli z niewoli wynikało, że bolszewicy nie przewieźli – mimo zobowiązania – wojsk polskich w tych samych eszelonach do Krasnojarska. Siłą usunęli oficerów i szeregowców z zajmowanych wagonów, dając im zaledwie pół godziny na zabranie rzeczy osobistych. Rodziny polskich żołnierzy zmuszone były większość swojego dobytku zostawić w wagonach, skąd został on później zrabowany. Pomimo że zapewniono polskim żołnierzom nietykalność osobistą, bolszewicy skazali szefa żandarmerii polowej kpt. Darowskiego na 20 lat więzienia, w więzieniu osadzili też płk. Czumę oraz wszystkich starszych stopniem oficerów. Atmosferę oraz panujące warunki w celi opisuje dowódca pułku artylerii 5 Dywizji Strzelców Polskich (5 DSP) płk Jan Medwadowski:

W tej izbie, do której siedzieliśmy na cemencie, zobaczyłem maszerujące wszy. Zwróciliśmy na to uwagę kolegów i zaczęliśmy pytać starszych więźniów, powiedzieli, że to jest izba zakaźna i po śmierci w niej wielu więźniów pozostawało długi czas. Po staraniach z naszej strony, przeniesiono nas do innej izby, ale była równie przepełniona, bo zamiast 40 było nas 70. My rozmieściliśmy się na podłodze, a płk Czuma, Jacewicz, Kadlec, Siedlecki i Kenig poszli na przegląd felczera. Stwierdzono u nich tyfus. Po dwóch, trzech dniach poszedł również płk Kowal i Świącicki. Zostało na tylko sześciu – płk Bołdog i Dunin-Brzeziński wyprosił sobie jakąś przejściową izbę i spali tam na stołach. Po dwóch tygodniach wrócił płk Czuma, a płk Jacewicz, Kadlec, Siedlecki, Świącicki, Kowal i Kenig zmarli. Płk Kenig był przy dowództwie Wojska Polskiego w rodzaju inspektora przyjmującego ochotników. Pracował przedtem w Turkmenistanie, a idąc do izby chorych, przeczuwał, że z niej nie wróci. Poprosił mnie, abym odesłał pod wskazany mi adres korespondencję oraz fotografie, co uczyniłem, zawiadamiając, kiedy i gdzie zmarł. Podobnie uczynił płk Czuma, powierzając mi paczkę z dokumentami i pieniędzmi. Po jakimś czasie i ja poprosiłem go o taką przysługę, gdy wrócił z izby chorych. Tak jak płk Kenig byłem przekonany, że nie wrócę (cyt. za: Radziwiłłowicz 2013, 218).

W czasie ustawicznych rewizji, rzekomo w poszukiwaniu broni, dokonywano rabunku rzeczy osobistych, siłą zabierając odzież i obuwie (AAN, Ambasada RP w Waszyngtonie, t. 1089). Ze szczególną nienawiścią potraktowani zostali żołnierze

batalionu szturmowego i żandarmerii, których często bez sądu rozstrzeliwano (*ibidem*)¹ (zob. załącznik 1).

Po oddzieleniu oficerów od szeregowców bolszewicy próbowali za pośrednictwem agitatorów werbować polskich żołnierzy do Armii Czerwonej. Mierne efekty tej działalności spowodowały, że wszystkich, którzy ukończyli chociaż dwie klasy gimnazjum, skierowano do obozów lub do więzień czerezwyczajki, gdzie zarówno konwojenci, jak i ochrona dopuszczali się dalszych grabieży. W końcu trafili do obozu pracy w rejonie Krasnojarska. Był to kompleks murowanych budynków, ogrzewanych nawet przy 40 stopniowym mrozie tylko ciepłem ludzkich ciał „przeznaczonych na pomieszczenie maksimum 1/10 stanu faktycznego. Jedzenie składało się dziennie z pół funta gliniastego i ziarnistego chleba, ciepłej, często niedogotowanej wody, zaprawianej kawałkiem końskiej padliny lub cuchnącej ryby” (Scholze-Srokowski 1928, 65). Jeńcy leżeli – jak zaznaczył oficer dywizji W. Scholze-Srokowski – na dwupiętrowych narach i gołych posadzkach, a nawet w ubikacjach.

Warta obozu składała się z międzynarodowej zbieraniny byłych jeńców wojennych – Niemców, Węgrów oraz Łotyszów. Dopuszczała się gwałtów i grabieży, które doprowadziły do tego, że polscy żołnierze pozostali wkrótce jedynie w łachmanach, w większości bez płaszczy. Poza tym

epidemia tyfusu plamistego i powrotnego zabierała setki i tysiące ludzi. Chorzy pozostawali nadal ze zdrowymi, bez żadnej opieki lekarskiej, medykamentów i żywności. Nic dziwnego, że wkrótce procent śmiertelności wskutek chorób przewyższył sumę strat, poniesionych we wszystkich walkach dywizji (AAN, Ambasada RP w Waszyngtonie, t. 1089)².

W końcu kwietnia 1920 r. pozostałych przy życiu oficerów w liczbie 350 wysłano do Omska, a następnie przewieziono do Tuły, skąd wyczerpani i wycieńczeni przybyli późną jesienią 1921 r. do kraju (AAN, Ambasada RP w Waszyngtonie, t. 1089; CAW, Oddział II NDWP, t. 146). Jeśli chodzi o szeregowych, bolszewicy żywili nadzieję, że po odizolowaniu ich od nieprzejeżdżanych antykomunistów staną się bardziej podatni na indoktrynację. Utworzona pod kierownictwem polskich komunistów tzw. „Jenisejska Robocza Brygada” została skierowana do ciężkich robót w andżerskich kopalniach węgla lub w lasach między Aczyńskiem i Krasnojarskiem. W szeregach brygady żołnierzy poddano bolszewickiej indoktrynacji – od represji i gróźb po łagodną perswazję i mnożenie zebrań agitacyjnych. Jednakże, jak się ocenia,

¹ AAN, Ambasada RP w Waszyngtonie, t. 1089. W krótkim czasie zostali rozstrzelani: kpt. Darowski, por. E. Nar, bracia Jaczyniec, por. Fedorowicz, por. Brzeziński, por. Kutkowski oraz kilkudziesięciu podoficerów i żołnierzy z batalionu szturmowego i żandarmerii polowej

² Z powodu wycieńczenia, chorób i braku opieki medycznej zmarli w krótkim czasie m.in. pułkownicy: Kinic, Siedlecki, Sawicki, Skirgiełło-Jacewicz, Nowakowski, Rymaszewski; kapitanowie: Doliński, Dubaj, Dubiński; porucznicy: Łongołowicz, Zakrzewski i wielu innych, których nazwisk nie sposób tu przytoczyć.

tylko kilkudziesięciu Polaków okazało się zdrajcami i rozpoczęło współpracę z sowiecką bezpieką i bolszewickimi organizacjami. To oni często wskazywali agentom czerezwyczajki miejsca ukrycia żołnierzy i oficerów, którzy uniknęli niewoli (Scholze-Srokowski 1928, 66).

Z różnych, często sprzecznych relacji, sprawozdań i meldunków docierających do Polski w 1920 r. wynikało, że z ponad 12 tys. żołnierzy, którzy w listopadzie 1919 r. wyruszyli z Nowonikołajewska, w niewoli pozostało nie więcej niż 6 tys. oficerów i szeregowców (CAW, Oddział I Sztabu MSWojsk. I.300.1.95.)³.

Około 2 tys. żołnierzy po kapitulacji dywizji przedarło się różnymi drogami do kraju (załącznik 2), około 3,5 tys. wymarło z głodu, tyfusu i innych chorób (załącznik 3), a także zostało rozstrzelanych (załącznik 1). Pozostała grupa licząca od tysiąca do tysiąca pięciuset ludzi, rozproszyła się w lasach w rejonie Krasnojarska (Hera 1992, 167–210)⁴, czekając na dogodną okazję, by uciec poza strefę kontrolowaną przez bolszewików (Scholze-Srokowski, op. cit., 66; zob. załącznik 3).

W tragicznym położeniu znalazły się rodziny polskich żołnierzy. Wyrzucone z eszelonów, ograbione z mienia i rzeczy osobistych, bez żywości, dachu i odzieży, skazane były na poniewierkę. Epidemia tyfusu i szkorbutu zebrała wśród nich znaczne ofiary. Wkrótce zaczęły się masowe aresztowania i prześladowania posądzonych o sympatię dla polskiej armii⁵.

Według raportu mjr. Jarosława Okulicz-Kozaryna, dostarczonego Wydziałowi Reemigracyjnemu przy Poselstwie Polskim w Paryżu, w czasie jego przejazdu do Polski w czerwcu 1920 r. zarejestrowanych jeńców Polaków, pochodzących głównie z armii austriackiej i w mniejszej liczbie z armii niemieckiej, znajdowało się na Syberii około 8 tys., zaś w obozach przebywała pewna nieliczna grupa jeńców spoza rejestrów. Byli to zapewne ci, którzy z różnych przyczyn nie wyrazili zgody na wstąpienie do wojsk polskich na Syberii. Pracowali „na swobodzie”, poza obrębem obozów

³ W piśmie z 7 marca 1920 r. Oddziału II Naczelnego Dowództwa WP do Sekcji Jeńców Departamentu I MSWojsk. w sprawie sytuacji jeńców z 5 DSP podano, że liczebność dywizji wynosiła 8–15 tys. żołnierzy, którzy po kapitulacji zostali osadzeni w obozach w Irkucku.

⁴ Jednym z ukrywających się w tajdze w rejonie Krasnojarska był ułan Edmund Hera, który w ziemiance dzięki pomocy polskich zesłańców przetrwał najgorszy okres – zimę syberyjską. Następnie wrócił do Krasnojarska, gdzie podjął pod innym nazwiskiem pracę w szpitalu. Z ogromnymi problemami wrócił do Polski jednym z ostatnich transportów repatriacyjnych (zob. Hera 1992, 167–210).

⁵ Ambasada RP w Waszyngtonie (AAN, t. 1089), w piśmie Losy b. 5-tej Dywizji W.P. po poddaniu się pod Krasnojarskiem, pisała, że przykładem tego są m.in. tragiczne losy żon i dzieci polskich oficerów, np. żona ppłk. Kohutnickiego wraz z małym dzieckiem przez kilka miesięcy z wielkim trudem znosiła niedolę sowieckiej rzeczywistości. Gdy straciła nadzieję na ucieczkę, przekazała dziecko Rosjaninowi, któremu władze bolszewickie wydały pozwolenie na wyjazd do Władywostoku, sama zaś popełniła samobójstwo. Dziecko zostało dowieszone do Władywostoku i tam przekazane pod opiekę Komitetu Ratunkowego. Inne kobiety miały więcej szczęścia: żony płk. Wojtkiewicza, por. Bryca, kpt. Bronikowskiego zawarły fikcyjnie związki małżeńskie z oficerami austriackimi znajdującymi się w niewoli i podczas ich ewakuacji organizowanej przez Międzynarodowy Czerwony Krzyż wyjechały z Rosji. W ten sam sposób, podając się za jeńców austriackich lub niemieckich, zdołały wyjechać kilkuset polskich żołnierzy. Wcześniej rzeczywiście służyli oni we wspomnianych armiach.

i ich sytuacja wyglądała nie najgorzej. Natomiast spośród stanu osobowego 5 DSP po jej kapitulacji około 1500 żołnierzy (Okulicz nie znał prawdopodobnie dokładnej liczby pasażerów statku, wszak nie wszyscy byli żołnierzami 5 DSP) znajdowało się w drodze do Polski na pokładzie statku „Jaroslavl”. Raport wspomina także o grupie przeszło 200 polskich inwalidów, którzy na pokładzie statku „Gweneth” na początku czerwca 1920 r. dotarli do Gdańska (CAW, Komisarz Rządowy do spraw PCK, I.305.5.44, 21 czerwca 1920 r.)⁶.

Zdaniem Okulicz-Kozaryna, w niewoli sowieckiej po kapitulacji 5 DSP znalazło się ponad 10 tys. polskich żołnierzy, w tym około 800 oficerów. Oprócz żołnierzy do niewoli dostało się kilka tysięcy osób cywilnych, z tego około 2300 członków rodzin wojskowych, które ewakuowały się z oddziałami wojsk polskich. Według oceny Okulicz-Kozaryna, byli to w „znacznej części ludzie zamożni, dużo bogatych, którzy posiadali dużo złota; ewakuował się również Bank Polski z Irkucka czy Harbina. Bolszewicy ludzi doszczętnie obrabowali” (ibidem).

W swoim raporcie mjr Okulicz-Kozaryn dość enigmatycznie informuje, że „Wojska polskie na odchodnym” przekazały konsulatowi duńskiemu w Irkucku 2 300 000 tys. rubli syberyjskich (najprawdopodobniej emitowanych przez upadły już rząd omski), prosząc go o opiekę nad polskimi jeńcami cywilnymi. Środki te miały wystarczyć na kilka miesięcy. Jednak bolszewicy anulowali walutę rządu omskiego, co spowodowało, że polscy jeńcy znaleźli się bez żadnych szans na pomoc materialną. Na Syberii, oprócz jeńców żołnierzy, znajdowało się aż kilkaset tysięcy Polaków, w tej liczbie było wielu uchodźców i ewakuowanych, w samym Irkucku ponad 1500 kolejarzy z obszaru Królestwa Polskiego, którzy szukali możliwości powrotu do Polski. Wielu z nich jednak stanowiło głównie inteligencję „zbolszewiczącą” i ich powrót do kraju, według Okulicz-Kozaryna, był niepożądany (ibidem).

Dopóki trwała wojna polsko-sowiecka los zarówno polskich jeńców wojennych, jak i polskiej ludności cywilnej na Syberii mógł ulec tylko pogorszeniu. Wiosną 1920 r., jak twierdzi Scholze-Srokowski, grupa ukrywających się w Krasnojarsku i jego okolicach polskich oficerów i żołnierzy utworzyła w porozumieniu z oficerami rosyjskimi tajną organizację. Celem jej było dokonanie przewrotu w mieście, połączenie się z grupami zbrojnymi „białych” ukrywającymi się w okolicznych lasach i ucieczka do Mongolii. Wskutek nieostrożności rosyjskich oficerów organizacja została zdekonspirowana w chwili rozstrzygającego zebrania. Podczas krwawej potyczki pod Bazaichą (17 km od Krasnojarska) konspiratorów okrażono, większość z nich zabito, a pozostałych przy życiu, w tym przywódcę organizacji por. Jaczyńca, pojmano i w maju 1920 r. rozstrzelano (Scholze-Srokowski 1928, 66).

Odkrycie tej organizacji oraz rozpoczęcie polskiej ofensywy na Ukrainie w końcu kwietnia 1920 r. dało bolszewikom pretekst do wzmożonych represji.

⁶ Mjr Okulicz-Kozaryn informował w raporcie, że statek ten z powodu braku środków finansowych na zakup węgla i materiałów aprowizacyjnych przez trzy tygodnie stał w Port Sajdzie.

Rozpowszechniono m. in. rozkaz, na mocy którego wszyscy Polacy znajdujący się na terenie guberni jenińskiej powinni się zarejestrować, pod groźbą utraty prawa powrotu do kraju. Wszystkich tych, którzy naiwnie się zgłosili, wtrącono do więzienia. Represje wobec Polaków złagodniały na krótko, gdy wojska sowieckie zbliżały się do Warszawy. Wraz ze zmianą sytuacji na froncie na niekorzyść bolszewików nastąpiła kolejna fala prześladowań i represji.

Znaczna część oficerów i szeregowych podjęła próby wydostania się z bolszewickiej niewoli. Niektórzy wstąpili do oddziałów partyzanckich, inni, wykorzystując wszelkie możliwe drogi powrotu do kraju, zostali na zawsze na szlakach wędrówek. Niektórzy powrócili, podróżując w kierunku zachodnim przez Rosję bolszewicką, inni przez Irkuck i Władywostok i dalej drogą morską do Polski. Większość zbiegów wybrała najmniej znaną, ale najbardziej kuszącą swą bliskością granicę mongolską, drogę na południe przez Góry Sajańskie i Urjanchai do Urgi (Giżycki 1929), gdzie krótkotrwałe rządy objął baron Ungern von Sternberg (Palmer 2010). Nielicznym udało się przejść przez Mongolię i Tybet do Chin, przez stepy Kirgiskie i Turkiestan do Persji czy też przez Afganistan do Indii i dopiero stamtąd wrócić do kraju.

Szansa na powrót do kraju jeńców syberyjskiej dywizji i ich rodzin zaistniała dopiero po zakończeniu wojny polsko-bolszewickiej. Jednak repatriacja natrafiała na wielkie trudności już w trakcie negocjowania układów pokojowych z Rosją sowiecką. Przy uzgadnianiu tekstu układu o repatriacji w styczniu 1921 r. (podpisanego 24 lutego 1921 r.) (AAN, mf. M-491), przedstawiciele Polski musieli pokonać opór bolszewików, by zaliczyć żołnierzy 5 DSP do jeńców polskich i zapewnić im tym samym opiekę państwa polskiego i traktowanie zgodnie z międzynarodowym prawem.

Traktat pokojowy z Rosją – podpisany 18 marca 1921 r., ratyfikowany 30 kwietnia 1921 r. – nie określał ani zwycięzców, ani pokonanych, stąd też nie przewidywał żadnych specjalnych środków zabezpieczających wykonanie zobowiązań wynikających z umowy. Polska Delegacja Repatriacyjna mogła więc liczyć tylko na nacisk polityczny i moralny przy wypełnianiu postanowień układu. Następstwem tego były z jednej strony powolne i żmudne prace, „przechodzące częstokroć w [sytuację – przyp. D. R.] beznadziejną, lecz z drugiej – wykazanie Rosji sowieckiej i zagranicy pokojowych dążeń Polski” (Biegański 1928, 69).

Sytuacja jeńców 5 DSP była zupełnie inna niż ich kolegów z innych polskich formacji walczących z wojskami sowieckimi w wojnie polsko-bolszewickiej, którzy znaleźli się w niewoli. Przede wszystkim w okresie wojny uznawani byli za „kołczakowców”, a jako jeńcy wbrew własnej woli w większości (ok. 3200) trafili do 9 i 10 batalionu 4 brygady roboczej, gdzie znaleźli się pod presją polskich komunistów. Jednak efekty ich agitacji musiały być niezwykle mierne, skoro dla jeńców najbardziej krytycznych wobec bolszewizmu utworzyli w Krasnojarsku obóz karny oznaczony nr 1. Liczba takich jeńców zamkniętych w brudzie i głodzie wynosiła przeciętnie 250 osób, zaś 30–40 jeszcze bardziej zbuntowanych zesłano do najcięższych robót (zamiast koni) w kopalni Korino pod Krasnojarskiem. Tych, których uznano za nieprzejeđnanych

i podejrzanych o antysowiecką agitację, osadzano w więzieniu „gubczeka”, w owianych już ponurą sławą lochach i podziemiach, gdzie najprawdopodobniej kilkudziesięciu żołnierzy 5 DSP pozbawiono życia (ibidem, 70).

Jeńców 5 DSP przetrzymywano nie tylko w obozach. Osoby legitymujące się pożądanymi przez bolszewików kwalifikacjami kierowano z czasem za pośrednictwem urzędów pracy lub dowództw wojskowych do różnych prac w znacznym oddaleniu od Krasnojarska. Po przybyciu Polskiej Komisji Repatriacyjnej stwierdzono, że w sierpniu i wrześniu 1921 r. grupki polskich jeńców pracowały: w Irkucku – około 140 osób, w Tajsziecie i Kańsku – 20, Tomsku – 52, Nowonikołajewsku – 90 (w tym 35 brało udział w pracach rolnych), Barnaulu – 30, Omsku – 90, przy pracach na kolczugińskiej linii kolejowej i w Kuźniecku około – 135, w zakładach abakańskich – około 50, w Minisińsku – 30 i wreszcie w rejonie Krasnojarska w różnego rodzaju sowieckich gospodarstwach o charakterze rolniczo-przemysłowym ponad 800, przy obsłudze żeglugi na rzekach jenijskiej guberni – około 150, w szpitalach jako personel pomocniczy – około 120. Jeńcy polscy jako siła robocza byli rozrzućeni na ogromnym obszarze wzdłuż linii Omsk – Irkuck (ponad 2300 km) i na północ – południe do 600 km (Jenisejsk – Abakan). Obrazuje to skalę trudności, z jakimi musieli zmierzyć się członkowie Polskiej Komisji Repatriacyjnej, by zebrać polskich jeńców i wyekspediować ich do Polski.

Należy wziąć jeszcze pod uwagę stan linii kolejowych na Syberii na przełomie 1921 i 1922 r. Najważniejsza magistrala transsyberyjska mogła przepuścić sześć par pociągów, z czego cztery zajmowały się wywozem zboża w jednym kierunku z rejonów Ałtaju i Omska, zaś w drugim kierunku dowożono opał. Pozostałe transporty zajęte były wywozem głodujących z Powołża, przewozem wojsk oraz pasażerów w obie strony.

Polska Komisja Repatriacyjna, która przybyła do Moskwy 26 kwietnia 1921 r., nie mogła wyjechać natychmiast na Syberię. Sporo czasu członkowie delegacji poświęcili na załatwienie ogromnej ilości różnych formalności. Jak podkreślał mjr Stanisław Biegański, strona sowiecka przede wszystkim kierowała w rejon granicy polskiej osoby o „małej zdolności pracy i niepewnych dla państwa polskiego, jak rozagitowanych żołnierzy Armii Czerwonej, bezrolnych Białorusinów i Ukraińców, wreszcie robotników niewykwalifikowanych; w tym celu wytwarzano sztuczny napływ repatriantów tej kategorii, wydając im fałszywe zarządzenia półoficjalne koncentracji w pobliżu zachodnich granic Rosji sowieckiej, by wykazać dobrą wolę strony rosyjskiej do wyjazdu biedoty do kraju, zaś opór czy niechęć delegacji polskiej wobec własnych obywateli” (ibidem, 69–70)⁷.

⁷ Biegański (1928, 69–70) utrzymuje, że w ten sposób zebrano ok. 80 tys. uchodźców nad zachodnią granicą państwa, którym mimo braku wielu formalnych danych polska delegacja zezwoliła na wjazd do Polski, „wierząc w ich głębsze, ponad agitację, instynkty spokoju i pracy”.

Szczególne trudności napotykała repatriacja jeńców wojennych i cywilnych, rzekomo uprzywilejowanych przez rząd polski w „Układzie repatriacji”. I właśnie o tę grupę Polaków walczono ze stroną rosyjską na przełomie 1921 i 1922 r., czyniąc rozmaite wybiegi. Jeszcze w 1921 r. udało się repatriować około 200 jeńców z 5 DSP. Równocześnie podejmowano nieustanne naciski na stronę rosyjską, by ta umożliwiła wysłanie transportu oficerów polskich przetrzymywanych w Tule, aż wreszcie 15 września, pod presją polskiego rządu, pociąg z polskimi oficerami wyjechał w stronę polskiej granicy.

Członkowie polskiej delegacji, jako część składowa Ekspozytury Syberyjskiej Komisji Mieszanej w liczbie trzech osób etatowych i dwóch tymczasowo przydzielonych pod przewodnictwem Kazimierza Gintowt-Dziewałtowskiego (Sybirak 1937/4, 74–77)⁸, wyjechali na Syberię dopiero 1 września 1921 r. Głównym celem była koncentracja polskich jeńców w krasnojarskim obozie oprócz tych znajdujących się w rejonie Omska i Irkucka.

Pod naciskiem delegacji polskiej strona rosyjska zaakceptowała plan ewakuacji przewidujący wysyłanie jeńców polskich z Syberii w kilku grupach w różnym czasie:

1) w lipcu jeden transport z pierwszeństwem dla inwalidów, jeńców obozów karnych i innych osób najbardziej poszkodowanych;

2) w sierpniu trzy transporty obejmujące jeńców z więzień i obozów, którzy przekroczyli wiek 40 lat obarczonych rodziną, wreszcie z najbardziej odległych miejsc;

3) we wrześniu cztery transporty z pozostałych punktów koncentracji jeńców.

Jak zaznacza S. Biegański – plan ten został tylko częściowo zrealizowany, z dużym opóźnieniem i bez przestrzegania ustalonej kolejności osób uprawnionych do wyjazdu, mimo licznych protestów Ekspozytury Syberyjskiej i stałych nacisków Delegacji Polskiej w Moskwie. Polski rząd, pragnąc wyrazić swoje niezadowolenie oraz wyrzucić

⁸ K. Gintowt-Dziewałtowski (1892–1937) po ukończeniu gimnazjum w Irkucku, w l. 1908–1912, odbył studia prawnicze na uniwersytetach w Petersburgu i Kijowie. Wielokrotnie więziony za działalność polityczną, w 1912 r. zesłany na trzy lata do Tunki w pobliżu Mongolii. W 1917 r. w Besarabii objął stanowisko Naczelnika Oddziałów Samorządowych przy rosyjskiej 9 Armii. Był jednym z organizatorów, a następnie członków Prezydium Pierwszego Zjazdu Wojskowych Polaków i w tym charakterze brał czynny udział w organizacji polskich sił zbrojnych na Ukrainie. Był szefem zaopatrywania II i III Korpusu Polskiego. Utrzymywał ścisłe kontakty z POW i Naczelą. Po likwidacji polskich korpusów na Ukrainie jeszcze w 1918 r. odbył podróż z Kijowa do Czelabińska, gdzie wszedł w skład Polskiego Komitetu Wojennego na Syberii, pełniąc funkcję wiceprezesa przez cały okres istnienia 5 DSP. W chwili kapitulacji dywizji pozostał na Syberii, aby organizować i nieść pomoc polskim jeńcom. Po zdemaskowaniu go przez „czerezwycząjkę” opuścił Syberię i prze Mongolię, Władywostok wrócił do Polski. Po kilkumiesięcznej pracy w Ministerstwie Spraw Zagranicznych został w 1921 r. oddelegowany do Polskiej Komisji Repatriacyjnej i w składzie tej Komisji wyjechał do Moskwy, a stamtąd w charakterze jej pełnomocnika na Syberię. Po ukończeniu misji na Syberii został skierowany na Kaukaz do Tyflisu jako pełnomocnik Komisji Repatriacyjnej dla zorganizowania i przeprowadzenia repatriacji Polaków. W czerwcu 1924 r. powrócił do Polski i pracował w administracji państwowej. Odznaczony Krzyżem Niepodległości, Krzyżem Oficerskim Orderu Odrodzenia Polski, Krzyżem Walecznych oraz dwukrotnie Złotym Krzyżem Zasługi.

presję na władzę sowiecką, dwukrotnie przerwał wyjazd jeńców armii sowieckiej z Polski (Nota rządu polskiego z dnia 28 maja 1921 r. i ultimatum repatriacyjne z 14 września 1921 r.) (Biegański 1928, 78).

Należy zauważyć, że znaczny procent repatriowanych stanowiły osoby cywilne – głównie członkowie rodzin żołnierzy 5 DSP. Sytuację tę Biegański tłumaczył faktem, że około 20 procent oficerów oraz 10 procent szeregowych służących w 5 DSP pochodziło ze wschodnich obszarów Rosji europejskiej i z Syberii. Gdy wstępowali w szeregi wojsk polskich, byli już żonaci. Natomiast inni jeńcy z armii austriackiej i niemieckiej oraz żołnierze I i II Korpusu, ze względu na długi okres niewoli i przedłużającą się wojnę domową w Rosji, zawierali związki małżeńskie z kobietami zamieszkującymi głównie miejsca stałej dyslokacji oddziałów polskich na Syberii (ibidem, 75)⁹.

Polskim członkom Ekspozytury Syberyjskiej przyszło pracować w wyjątkowo trudnych warunkach. Listy transportowe jeńców teoretycznie zestawiał Wydział Robót Publicznych, lecz praktycznie wpływ na ostateczny dobór repatriowanych miały różne komisje specjalne, złożone z przedstawicieli administracji robót publicznych, polskiej sekcji komunistycznej oraz nadzoru pracy („roboczej inspekcji”), przy czym wszystkie imienne wykazy podlegały rejestracji „gubczeka” i ponownie polskiej sekcji komunistycznej. A zatem praca Wydziału Robót Publicznych była tylko fasadowa i ograniczała się do ułożenia list, które podlegały weryfikacji i zatwierdzeniu przez różne sowieckie komórki polityczne i organy bezpieczeństwa.

Dodatkowym utrudnieniem była niekompetencja i ociążałość sowieckiej administracji oraz panoszenie się i wszechwładza sowieckich organów bezpieczeństwa. Przejawiało się to w np. w zwlekaniu z podejmowaniem ostatecznych decyzji (a nawet ich unikaniu) przez członków Delegacji Rosyjskiej, którzy – co należy podkreślić – byli często obrażani i zastraszeni przez zwykłych agentów „czeki”. Ich bezceremonialne i prowokacyjne metody poznała też Polska Komisja Repatriacyjna, czego przykładem była „próba przymusowego wywiezienia Pełnomocnictwa Delegacji Polskiej z Krasnojarska w dniu 11 listopada 1921 r., czasowo nieuznawanie zarządzeń Pełnomocnictwa Delegacji Rosyjskiej przez rosyjskie urzędy ewakuacyjne, aresztowania repatriantów za styczność z Delegacją Polską, podsuwanie parokrotnie spraw i osób, mogących skompromitować Delegację Polską itp.” (ibidem, 74–75).

⁹ Biegański (1928, 75) podkreśla, iż Ekspozytura Syberyjska w czasie swoich prac rozpatrzyła prawa do repatriacji aż 58 392 osób, w tym 3324 jeńców cywilnych, z tej liczby nie uznała praw do repatriacji 32 943 osób.

Tabela 1. Naruszenia wykonania planu repatriacji jeńców polskich z Syberii przez stronę sowiecką

Transport		Liczba			Razem	Uwagi
		jeńców wojennych	członków rodzin	dzieci do 8 lat		
1.	Stan ew.* Stan podr.**	994 930	223 153	71 36	1288 1119	Czeka gub. wykreśliła 63 jeńców, wraz z rodz. 163 osoby; transport odszedł 16 VIII 1921 r.
2.	Stan ew. Stan podr.	1083 1059	216 198	93 88	1392 1345	Czeka gub. wykreśliła 24 osoby, zaś 23 nie wyjechały z powodu choroby; transport odszedł w ostatnich dniach września
3.	Stan ew. Stan podr.	1057 1007	263 253	72 61	1412 1338	Czeka gub. wykreśliła 47 osób; transport odszedł 7 X 1921 r.
4.	Stan ew. Stan podr.	1059 1008	301 272	72 61	1432 1341	Czeka gub. wykreśliła 27 osób, z powodu choroby ubyło 37 i 2 osoby zmarły; transport odszedł 15 X 1921 r.
5.	Stan ew. Stan podr.	836 776	355 315	128 96	1319 1187	Z powodu choroby ubyło 46 jeńców; transport odszedł 21 X 1921 r.
5a	Stan ewid. Stan podr.	336 298	175 152	73 59	584 509	Pociąg mógł pomieścić 450 osób; transport odszedł 20 XI 1921 r.
6.	Stan ewid. Stan podr.	512 494	385 366	33 80	980 940	Stan ew. niepewny; transport formował się w Krasnojarsku i Nowonikolajewsku, skąd odszedł na początku maja 1922 r. Czeka wyłączyła z pociągu 3 dodatkowo oskarżonych jeńców
Wyjechało razem		5572	1709	498	7779	

* Stan ewidencyjny – liczba osób wpisanych na listę transportową.

** Stan podróżny – liczba osób znajdujących się rzeczywiście w dniu załadowania do pociągu. Stan rzeczywisty w czasie drogi ulegał nieznacznemu zmniejszeniu, np. transport drugi w czasie podróży 4 listopada liczył już 994 jeńców, 184 członków rodzin i 79 dzieci, zaś piąty 19 listopada 772 jeńców, 396 członków rodzin i 92 dzieci.

Źródło: opracowano na podstawie S. Biegański (1928), Repatriacja jeńców 5-ej Dywizji syberyjskiej, W: Polacy na Syberii. Szkic historyczny. Warszawa, 73.

Podróż do kraju przez wyniszczoną wojną domową Rosję była kolejnym etapem męki i sprawdzianem sił polskich repatriantów. Pierwsze dwa transporty przebyły drogę do granic Polski stosunkowo szybko, bo w ciągu miesiąca, dwa następne potrzebowały już ośmiu tygodni, zaś piąty na samych postojach stracił aż trzy miesiące¹⁰. W takiej sytuacji kolosalne znaczenie miało zaopatrzenie w żywność, odzież, opał i medykamenty. W towarowych wagonach znajdowało się przeciętnie po 40–48 osób, panowała więc ogromna ciasnota. Problemem było zdobycie desek na półki i nary do leżenia i siedzenia. Niektóre wagony z niesprawnymi piecykami

¹⁰ Jeden z jeńców wojennych powracający do Polski w transporcie piątym w relacji spisanej w Polsce w 1937 r. pisał, myśląc zapewne daty (jako datę wyjazdu podał dzień 1 XI 1921 r.): „Wyruszył transport tak zw. piąty z Krasnojarska (tak zwany kontrrewolucyjny) około 1200 ludzi. Jechaliśmy trzy i pół miesiąca, na granicę przyjechaliliśmy 21 II 1922 r. Cały transport odstawiono do Dęblina na 4-tygodniową kwarantannę. Po odbyciu kwarantanny odstawiono do 83 pp syb[eryjskiego] do Kobrynia. Tam po 3 tyg. zwolniono do domu” (CAW, Relacje, I.400.3118).

wymagały remontu i cudem utrzymywały się na torach. Wyżywienie dostarczone przez rosyjskie organa ewakuacyjne stanowiło namiastkę potrzeb repatriantów: 40 g chleba i 15 g mięsa na trzy dni otrzymywała jedna osoba.

Polska delegacja, ze względu na ogromną odległość syberyjskich punktów repatriacyjnych od granic Polski, miała ograniczone możliwości udzielenia pomocy materialnej polskim jeńcom wojennym. Taką pomoc rząd polski organizował dopiero od granic państwa, przeznaczając na potrzeby Komisji Repatriacyjnej w Rosji z zasobów Ministerstwa Spraw Wojskowych i Głównego Urzędu Emigracyjnego niewielkie zapasy odzieży z przeznaczeniem dla więźniów, jeńców wojennych i cywilnych znajdujących się w najgorszych warunkach, wreszcie dla dzieci w przytułkach i ochronkach. Mimo to pełnomocnik Ekspozytury Syberyjskiej otrzymał dzięki swoim działaniom, a przede wszystkim energii i wpływowi, z tych zapasów „około 4000 kompletów ubrań (niestety lichej jakości), przeszło 1000 płaszczy, około 400 par trzewików, 2300 par bielizny oraz 5 wagonów żywności [...] Stanowiło to prawie połowę posiadanych przez Delegację w Moskwie zapasów” (Biegański 1928, 76).

* * *

Ewakuację wojsk sprzymierzonych rozpoczęto zdecydowanie za późno. Podjęto ją w sytuacji, gdy wojska Kołczaka po licznych klęskach uległy demoralizacji i w panice rozpoczęły odwrót jedyną możliwą drogą, czyli magistralą transsyberyjską. Polska dywizja z rozkazu głównodowodzącego wojskami sprzymierzonych gen. Janina otrzymała zadanie pełnienia straży tylnej tych wojsk. Ewakuacja odbywała się w warunkach surowej syberyjskiej zimy przy temperaturach dochodzących do minus 30 stopni, przez obszary ogarnięte antykołczakowskimi powstaniami, w czasie szalejącej epidemii tyfusu. Tempo poruszania się eszelonów ze względu na zniszczone urządzenia stacyjne oraz transporty Korpusu Czechosłowackiego poprzedzające wojska polskie było zbyt wolne, by oderwać się od oddziałów Armii Czerwonej. W rejonie Krasnojarska doszło wśród wyższych dowódców polskich do poważnego kryzysu, w efekcie zmarnowano ostatnią szansę na doprowadzenie do porozumienia z dowództwem Korpusu Czechosłowackiego. Jeszcze przed Krasnojarskiem nie podejmując walki, kapitułuje polska straż tylna. Jednakże większość dywizji została wyprowadzona z Krasnojarska. Dopiero pod stacją Klukwiennaja ze względu na pozostawione bez lokomotyw eszelony Korpusu Czechosłowackiego oraz serbskich oddziałów dalsza ewakuacja została wstrzymana.

O kapitulacji dywizji postanowiono w dramatycznych okolicznościach walki zwolenników marszu dalej na wschód nawet pieszo i konno ze zwolennikami kapitulacji, do których przyłączył się płk Czuma. Niewoli bolszewickiej z całym jej trudnym do opisanego okrucieństwem uniknęli dowódca dywizji płk Rumsza wraz z grupą swoich zwolenników, a także ponad tysiąc oficerów i szeregowych, którzy

nie mieli złudzeń, co do przestrzegania przez bolszewików pewnych moralnych standardów. Grupa ta przedostała się aż do Harbinu, gdzie odtworzone nieliczne polskie oddziały ewakuowano drogą morską do Polski.

Pozostała część dywizji po gehennie sowieckich obozów jenieckich i pracy w ciężkich warunkach wróciła w 1921 i 1922 r. transportami repatriacyjnymi do kraju. Na nieludzkiej ziemi z powodu warunków tam panujących oraz okrucieństwa Czeki na zawsze pozostało około 4 tys. żołnierzy 5 DSP.

Bibliografia

Archiwa

Archiwum Akt Nowych (AAN), mf. M-491, Układ o repatriacji zawarty między Polską z jednej strony a Rosją i Ukrainą z drugiej strony w wykonaniu Artykułu VII umowy o przedwstępnych warunkach pokoju z dnia 12 października 1920 r.

AAN, Ambasada RP w Waszyngtonie, t. 1089, Opracowanie Wydziału Prasowego MSZ, Bolszewicy a V Dywizja Wojsk Polskich na Syberii, Warszawa, 28 lipca 1920 r.

AAN, Ambasada RP w Waszyngtonie, t. 1089, Losy b. 5-tej Dywizji W.P. po poddaniu się pod Krasnojarskiem.

Centralne Archiwum Wojskowe (CAW).

CAW, Komisarz Rządowy do spraw PCK, I.305.5.44, Pismo Ministerstwa Spraw Zagranicznych do Komisarza Rządowego Polskiego Czerwonego Krzyża w sprawie stanu liczbowego jeńców i uchodźców znajdujących się jeszcze na Syberii, Warszawa, 21 czerwca 1920 r.

CAW, Relacje, I.400.3118, Relacja spisana z Janem Kańskim podoficerem 3 ps w Dobczycach, pow. Wieliczka, 4 marca 1937 r.

CAW, Oddział II NDWP, t. 146, Z zeznania ppor. Antoniego Gługiewicza zbiegłego z obozu dla jeńców w Omsku, 16 lipca 1920 r.

CAW, Oddział I Sztabu MSWojsk. I.300.1.95. Pismo z 7 marca 1920 r. Oddziału II Naczelnego Dowództwa WP do Sekcji Jeńców Departamentu I MSWojsk. w sprawie sytuacji jeńców z 5 DSP.

Dokumenty, wspomnienia, opracowania, artykuły

ALEXANDROWICZ, S./KARPUS, Z./REZMER, W. (red.) (1995), Zwycięzcy za drutami. Jeńcy polscy w niewoli (1919–1922). Dokumenty i materiały. Toruń.

BIEGAŃSKI, S. (1928), Repatriacja jeńców 5-ej Dywizji syberyjskiej. W: Polacy na Syberii. Szkic historyczny. Warszawa, 69–81.

GIŻYCKI, K. (1929), Przez Urianchaj i Mongolię. Wspomnienia z lat 1920–1921. Lwów / Warszawa.

HERA, E. (1992), Z biegiem lat, z biegiem wydarzeń... Chotomów.

MATERSKI, W. (2002), Pobocza dyplomacji. Wymiana więźniów politycznych pomiędzy II Rzeczpospolitą a Sowietami w okresie międzywojennym. Warszawa.

MATERSKI, W. (2005), Na widenie. II Rzeczpospolita wobec Sowietów 1918–1943. Warszawa.

OSSENDOWSKI, A. F. (2007), Przez kraj ludzi, zwierząt i bogów (konno przez Azję Centralną). Łomianki.

KARPUS, Z./KASPAREK, N. (red.) (2001), W kraju i na wychodźstwie. Toruń / Olsztyn.

Kazimierz (1937), Śp. Kazimierz Gintowt-Dziewałtowski. W: Sybirak. 4, 74–77.

PALMER, J. (2010), Krwawy biały baron. Poznań.

Protokół (2000), Protokół dodatkowy do Układu o repatriacji zawartego między Rzeczpospolitą a Rosyjską Socjalistyczną Federacyjną Republiką Rad i Ukrainą Socjalistyczną Republiką Rad. W: Materski, W. (red.), Wymiana więźniów politycznych pomiędzy II Rzeczpospolitą a Sowietami w okresie międzywojennym. Dokumenty i materiały. Warszawa, 39–40.

- RADZIWIŁŁOWICZ, D. (2009), Polskie formacje zbrojne we wschodniej Rosji oraz na Syberii i Dalekim Wschodzie w latach 1918–1920. Olsztyn.
- RADZIWIŁŁOWICZ, D. (2010), Rola Korpusu Czechosłowackiego w wojnie domowej w Rosji. W: *Przegląd Wschodnioeuropejski*. I, 107–126.
- RADZIWIŁŁOWICZ, D. (red.) (2013), *Z ziemi rosyjskiej do Polski*. Generał Jan A. Medwadowski w swoich wspomnieniach. Olsztyn.
- RADZIWIŁŁOWICZ, D. (2015), Sytuacja ocalałych żołnierzy 5 Dywizji Strzelców Polskich po kapitulacji na Syberii w styczniu 1920 roku i ich morski transport do Polski. W: Pietkiewicz, I. (red.), *Admiralski Farwater. Jubileusz 70-lecia urodzin i 40-lecia służby i pracy naukowo-dydaktycznej Profesora Antoniego Franciszka Komorowskiego*. Gdańsk, 148–168.
- SCHOLZE-SROKOWSKI, W. (1928), *Do kraju. Po katastrofie. Podróż naokoło świata. Ucieczki*. W: *Polacy na Syberii. Szkic historyczny*. Warszawa, 64–68.
- Spotkanie (1937), *Spotkanie ze śp. Kazimierzem Gintowt-Dziewałtowskim w Orenburgu*. W: *Sybirak*, 4, 77–80.

Załącznik 1

W Y K A Z
oficerów i żołnierzy 5 Dywizji Syberyjskiej
rozstrzelanych przez władze sowieckie w Syberii

1. Bagnowski Kazimierz	z Małopolski ppor.	Areszt. przez Gubczeka w Krasnojarsku	rozstrzelany	Krasnojarsk sierpień 1920 rok
2. Darowski Witold	z Małopolski/ kpt. 5 Dyw.	Areszt. przez Weczeka	rozstrzelany	Krasnojarsk 17/III–20 rok
3. Dąbrowski Pfejfer Wiktor	z b. Król. Pol. por.	Areszt. przez Gubczeka w Krasnojarsku	rozstrzelany	Krasnojarsk 16/VIII–20 rok
4. Fedorowicz-Oskierski Jan	z Małopolski/ ppor.	Areszt. przez Osob. Otd. Gubczeka w Krasnojarsku	rozstrzelany	Krasnojarsk 16/VII–20 rok
5. Filowicz-Korsak Ludwik	z Małopolski/ chor.	„	rozstrzelany	Omsk sierpień 20 rok
6. Jaczyniec Michał	z Syberii ppor.	„	rozstrzelany	Targoszyno maj 20 rok
7. Jaczyniec Ewald	z Syberii	„	rozstrzelany	„
8. Kamieński Edmund	z Małopolski major	„	rozstrzelany	Omsk 10/V 21 rok
9. Knotz-vel-Nowakowicz Konstanty	z Małopolski/ ppor.	„	rozstrzelany	Krasnojarsk lipiec 20 rok
10. Kulikowski Czesław	z b. Król. Pol.	Areszt. przez Osob. Otd. Gubczeka w Omsku	rozstrzelany	Omsk sierpień 20 rok
11. Kutkowski Włodzimierz	z Małopolski/ppor.	Areszt. przez Osob. Otd. 5 armii	rozstrzelany	Krasnojarsk 16/VIII–20 rok
12. Kalistowski Kazimierz	b. jen. woj. świat. z Krakowa, prawnik	Poprzednio b. pol. jen. cyw. następnie oskarżony o spekulację	areszt., rozstrzelany	Areszt. 7/I–20 r., rozstrzelany przez Gubczeka w N. –Nikołajewsku V–21 rok
13. Kozłowski Anatol	pol. jen. woj.		rozstrzelany	Osob. Otd. Krasnojarski Gubczeka 1/VII–21 rok
14. Lech Aleksander	z Semipałatyńska	Areszt. przez Osob. Otd. Gubczeka w Krasn.	rozstrzelany	Krasnojarsk sierpień 20 rok
15. Lewandowski Józef	pol. jen. woj.	Oskarżony o sprawę kryminalną	rozstrzelany	w Irkucku bez sądu w lipcu 21 r. przez Osob. Otd. 5 armii
16. Łempicki Zbigniew	rotm. 5-tej Dyw. Syb. i Otd. Anienkowa	Oskarżony o wyprawy karne	rozstrzelany	przez Semipałatyńską Gubczeka w końcu 20 r.
17. Łaptaś Karol	z Małopolski	Aresztowany przez Osob. Otd. Gubczeka w Omsku	rozstrzelany	Omsk 20/VIII–20 rok
18. Nieradko Piotr	chor. 5-tej Dyw.Syb.		rozstrzelany	przez Osob. Otd. Gubczeka w N. – Nikołajewsku w maju 21 roku

19. Nowacki Edmund	ppor. 5-ej Dyw. Syb		zamordowany	przez milicję na st. War-gaszy pow. Kurgańskiego w kwietniu 21 roku
20. Naar Franciszek	z Bukowiny chor.	Areszt. przez Osob. Otd. 5 armii	rozstrzelany	Krasnojarsk kwiecień 20 r.
21. Obuchowski	ppor.	Areszt. przez Osob. Otd. Gubczeka w Krasnojarsku	rozstrzelany	Targoszyno kwiecień 20 roku
22. Popiel Wacław	kpt.	Areszt. przez Osob. Otd. Gubczeka w Krasn.	rozstrzelany	Krasnojarsk wiosna 20 r.
23. Pawicki Antoni	chor. 5-ej Dyw. Syb.	Oskarżony o współ-udział w organizacji białych	aresztowany	1/VIII–21 r. przez Ortczeka w Krasnoj., zamord. pod pozorem ucieczki 7 lub 8 wrześn. 21 r. przez Ortczeka przy zadaniu 7 ran z przodu
24. Przygodzki Antoni	pol. jen. woj.		rozstrzelany	przez Osob. Otd. Gubczeka w Krasnojarsku 21/XI–21 r.
25. Raczyński Stanisław	z Małopolski ppor.	Osob. Otd. Gubczeka w Krasn. areszt	rozstrzelany	Omsk sierpień 20 roku
26. Socha Franciszek	jen. woj.	Areszt. przez Osob. Otd. 5 armii	rozstrzelany	Krasnojarsk 20/IV 20 rok
27. Stolarz Stanisław wel Kalirynski Jan	z Małopolski chor.	Areszt. przez Osob. Otd. Gubczeka w Krasn.	rozstrzelany	Targaszyno 16/VIII–20 rok
28. Święcicki Józef	pchor. 5-ej Dyw. Syb.			przez milicję Minusińska (gub.Jenisiejskiej) w maju 21 roku
29. Tomkiewicz			rozstrzelany	w Irkucku w lipcu 21 roku przez Osob. Otd. 5 armii
30. Traudsold Konstanty	żołnierz pp. 5 Dyw. Syb. lat 42 z Galicji	Oskarż. o służbę w 5 dyw. i udział w wyprawach karnych	zasądzony	przez Rew. Wojen. Tryb. 5 arm. w Irkucku na 3 lata, przy przejrzeniu sprawy przez Pawłunowskiego (przedstaw. Wczeka na Syb.) skazany na śmierć; wyrok wykonano w stanie silnej gorączki tyfusowej 19/VI–21 r.
31. Włodarski Gustaw	z Małopolski por.	Areszt. przez Wydż. Rob. Powsz.	rozstrzelany	Krasnojarsk luty 20 rok
32. Żongolowicz Bronisław	ppor.	Areszt. przez Gubczeka w Krasnojarsku	rozstrzelany	Targaszyno sierpień 20 rok

Źródło: CAW, WP na Syberii, I.122.91.763, Pismo Delegacji Rzeczypospolitej Polskiej Podkomisji Mieszanej Do Spraw Repatriacji w R.S.F.R.R. i U.S.R.R. do Komisji Likwidacyjnej 5-ej Dywizji Syberyjskiej w Warszawie, Nowonikołajewsk, 9 stycznia 1923.

Załącznik 2

S P I S

oficerów Wojska Polskiego na Syberii, którzy uciekli z niewoli bolszewickiej

Lp.	Ranga	Nazwisko i imię oraz miejsce przydziału	Jaką drogą i kiedy przy- był do Polski	Uwaga
1.	Mjr	Werner Emil zastępca dow. 2. p. strzelców	przez front 22 czerwca 1920 r.	poległ w obronie Warszawy
2.	Mjr lekarz	Branicki Stanisław lekarz szpitala dywizyjnego	przez front 27 grudnia 1920 r.	
3.	Rtm.	Prochnicki Stanisław szef 3 oddziału Dtw 5 dyw. strzelców	przez front 11 kwietnia 1920 r.	
4.	Kpt.	Dojan-Surówka Edward dow. odrębnego bat. szturmowego 5 dyw. Syberyjskiej	przez front 27 czerwca 1920 r.	
5.	Kpt.	Lipiński Tadeusz dow. 2 bat. 1. p. strzelców	przez front 27 czerwca 1920 r.	
6.	Kpt.	Cieszkowski Antoni dowódca 2 komp. K.M.1 pułku	przez front 1 maja 1920 r.	
7.	Kpt.	Czuma Władysław oficer 2 oddziału Dtw W.P. na Syberii	przez front 28 maja 1920 r.	
8.	Kpt.	Pokorny Franciszek oficer 2 Oddziału Dtw W.P. na Syberii	przez front 4 września 1920 r.	
9.	Kpt.	Sapieszko Florian zast. szefa kontroli Dow. W.P. na Syberii	przez Łotwę 6 września 1920 r.	
10.	Kpt.	Kotwicz-Dobrzański zast. dowódcy szkoły oficerskiej	przez front 1 maja 1920 r.	
11.	Kpt. lekarz	Goławski Władysław lekarz 1. p. ułanów	przez front 15 października 1920 r.	
12.	Kpt.	Jaworski Kazimierz dowódca baonu K.M. 2 p. strz.	przez Estonię 1 grudnia 1920 r.	powrócił do kraju z transportem niem. jeńców
13.	Kpt. maryn.	Piotrowski Bolesław oficer dow. W.P.	przez Daleki Wschód, Francję i Niemcy 3 listopada 1920 r.	
14.	Kpt.	Siwkowski Józef Ofic. Dow. W.P. przykomenderowany do Polskiego Komitetu Wojennego	przez Charbin, Marsylię, Francję, Niemcy 9 listopada 1920 r.	
15.	U. w. IX. kl.	Bronikowski Stefan naczelnik warsztatów ruchomych 5 dyw. strzelców	przez Marsylię, Francję i Niemcy 10 lutego 1921 r.	
16.	Por.	Pindela-Emisarski Jan ofic. 3 oddziału Dtw 5 dywizji osob. adjutant Dcy Dywizji	przez front 20 kwietnia 1920 r.	
17.	Por.	Bieganski Stanisław dca 3 komp. 2. p. strz. syb.	przez Rumunię 28 czerwca 1920 r.	

18.	Por.	Kwiatkowski Jan dca plutonu 1. p. ułanów	przez Bolszewię via Piotrogród, Szczecin, Wiedeń 17 maja 1920 r.	powrócił do kraju w transporcie jeńców niem.
19.	Por.	Michocki Stanisław dca kompanii 2. p. strz.	przez front 1 maja 1920 r.	
20.	Por.	Jarmicki Franciszek dca 1. komp. K.M. 1. p. strz.	przez front 4 września 1920 r.	
21.	Por.	Zych Jan dca 9. komp. 3. p. strz.	przez Łotwę 25 września 1920 r.	
22.	Por.	Gonera Stanisław dca plut. 1. p. ułanów	przez Łotwę 21 września 1920 r.	
23.	Por.	Szłaba Walenty z komp. oficerskiej	przez front 29 września 1920 r.	
24.	Por.	Góralczyk Jan dca plutonu 1. p. strz. syb.	przez front 29 września 1920 r.	
25.	Por.	Branicz Stanisław dca plutonu z baonu kadrow.	przez front 29 września 1920 r.	
26.	Por.	Gerlach Stanisław oficer Dtwo W.P.	przez front 22 września 1920 r.	
27.	Por.	Trznadel Władysław ofic. do zleceń dow. W.P.	przez front 19 września 1920 r.	
28.	Por.	Undas Stanisław dca 4 komp. 1. p. strz.	przez front	
29.	Por.	Strugała Ludwik adjutant dowódcy brygady	przez front	
30.	Por.	Langer Gwido instruktor w szkole oficerskiej	przez Estonię 14 paźdz. 1920 r.	powrócił do kraju w transporcie jeńców niem.
31.	Por.	Paykart Michał dca plutonu 1. p. strz.	przez front 17 paźdz. 1920 r.	
32.	Por.	Wiśniowski Józef dca plutonu 1. p. strz. W.P. na Syberii	przez Estonię 7 listopada 1920 r.	powrócił z trans- portem jeńców wojenn.
33.	Por.	Petri Wilhelm sądowy referent w dtwie 2. p. strzelców	przez Daleki Wschód, Marsylię, Niemcy i Francję 9 listopada 1920 r.	
34.	Por.	Cieciel Józef oficer sztab. dow. W.P. na Syberii	przez Estonię 1 grudnia 1920 r.	powrócił z trans- portem jeńców wojenn.
35.	Por.	Frydolin Słup-Libertowski z komp. ofic.	przez front 30 listopada 1920 r.	
36.	Por.	Schmidt Adolf dca kompanii 3. p. strz. syb.	przez front 3 grudnia 1920 r.	
37.	Por.	Szpreglewski Tadeusz dca komp. wywia- dowczej 3. p. strz. syb.	przez front 3 grudnia 1920 r.	
38.	Por.	Sliwa Jan	przez front 22 czerwca 1920 r.	

39.	Por.	Kubiczek Władysław z kompanii oficerskiej	przez front 6 grudnia 1920 r.	
40.	Por.	Nastan Józef ndj. odrębn. bat. kadrowego	przez front 13 lutego 1921 r.	
41.	Por.	Gołubski Jan 2. p. strz.	przez front 3 grudnia 1920 r.	
42.	Ppor.	Waszczuk Jan kompania oficerska	przez front 3 sierpnia 1920 r.	
43.	Ppor.	Majwer Walenty dca plutonu w 3. p. strz.	przez front 31 lipca 1920 r.	
44.	Ppor.	Bebenek Władysław oficer z kompanii oficerskiej	przez front 3 kwietnia 1920 r.	
45.	Ppor.	Gługiewicz Antoni instruktor ze szkoły oficerskiej	przez Estonię 11 lipca 1920 r.	powrócił z trans- portem jeńców wojenn.
46.	Ppor.	Podejma Franciszek dca plutonu 2. p. strz. pol.	przez Estonię 8 lipca 1920 r.	
47.	Ppor.	Jarmoliński oficer intendencji 5 dyw. strz.	przez front 30 maja 1920 r.	
48.	Ppor.	Swieciski Franciszek Oddz. defensywy szt. 5. Dyw.	przez front 16 sierpnia 1920 r.	
49.	Ppor.	Kotowski Witold pułk ułanów	przez front 25 sierpnia 1920 r.	
50.	Ppor.	Kottas Adam dca kompanii łączności 3. p. strz.	przez front 29 sierpnia 1920 r.	
51.	Ppor.	Faix Franciszek dow. szkoły podof. 3. p. strz. 5 dyw.	przez Łotwę 25 sierpnia 1920 r.	
52.	Ppor.	Dubinski Józef oficer z Dtwa szkoły oficerskiej	przez front 22 października 1920 r.	
53.	Ppor.	Noworolski Stanisław szef radiostacji	przez Estonię 8 listopada 1920 r.	powrócił z trans- portem jeńców niem.
54.	Ppor.	Znamirowski Paweł dca plutonu 2 p. p. strz.	przez front 10 listopada 1920 r.	
55.	Ppor.	Górski Stanisław z baonu kadrowego	przez Łotwę 20 listopada 1920 r.	
56.	Ppor.	Klimonda Roman odkomenderowany do Polskiego Komitetu Wojennego	przez front 12 lipca 1920 r.	
57.	Ppor.	Kalinowski Leon instruktor w szkole oficerskiej	przez Daleki Wschód, Francję i Niemcy 9 grudnia 1920 r.	
58.	Ppor.	Paciorkowski Tadeusz dca kompanii 2. p. strz.	przez front 14 grudnia 1920 r.	
59.	Ppor.	Węgrzyn Walenty dca plutonu z 3. p. strz.	przez fr. Wrangla 15 grudnia 1920 r.	

60.	Ppor.	Jungraw Piotr dca plutonu w 5 pułku artyl.	przez Łotwę, Niemcy, Austrię 6 stycznia 1920 r.	
61.	Ppor.	Wapołowski Edmund dca kompanii w 2. p. strz.	przez Daleki Wschód, Marsylię, Francję i Niemcy 1 stycznia 1921 r.	
62.	Ppor.	Jaskowski Arnold dca kompanii w 2. p. strz.	przez front 11 sierpnia 1920 r.	
63.	Ppor.	Wasilewski Józef dca plutonu 3. p. strz.	przez front 20 stycznia 1921 r.	
64.	Ppor.	Prochnicki Aleksander dca plutonu 1. p. ułanów	Przez Daleki Wschód, Francję i Niemcy 18 grudnia 1920 r.	
65.	Ppor.	Chodowiecki Jan dca plutonu 1. p. ułanów	Przez Daleki Wschód, Francję i Niemcy 18 grudnia 1920 r.	
66.	Ppor.	Zemanek Stanisław dca plutonu 2. p. ułanów	Przez Daleki Wschód, Francję i Niemcy 18 grudnia 1920 r.	
67.	Ppor.	Kaden Czesław oficer sekcji propagandy przy dow. W.-P.	Przez Daleki Wschód, Francję i Niemcy 18 grudnia 1920 r.	
68.	Ppor.	Trella Stanisław dca kompanii 3. p. strzelców	Przez Daleki Wschód, Francję i Niemcy 18 grudnia 1920 r.	
69.	Ppor.	Zabłocki Waldemar dca plutonu z 2. p. strz	Przez Daleki Wschód, Francję i Niemcy 18 grudnia 1920 r.	
70.	Ppor.	Roman Kazimierz szkoła oficerska	przez front 8 lutego 1921 r.	
71.	Ppor.	Łukasik Ludwik	przez front 6 sierpnia 1920 r.	
72.	Ppor.	Czulis Jan 3. p. strz.	przez Estonię 7 listopada 1920 r.	powrócił transpor- tem jeńców niem.
73.	U. w. XI. kl.	Rządkowski Jan urzędnik intendencji 5 dyw. strz.	Przez Daleki Wschód, Marsylię, Francję i Niemcy 1 stycznia 1921 r.	
74.	U. w. XI. kl.	Siewicz Jerzy w sekcji Defensywy Dłwa W.P. na Syberii	przez Estonię 23.VIII.1920 r.	powrócił transpor- tem jeńców niem.
75.	U. w. XI. kl.	Szymanski Stanisław oficer kasowy 3. p. strz.	przez front 25 stycznia 1921 r.	

Źródło: CAW, WP na Syberii, I.300.76.263, Spis oficerów Wojska Polskiego na Syberii, którzy uciekli z niewoli bolszewickiej.

Załącznik 3

W Y K A Z

oficerów i żołnierzy 5 Dywizji Syberyjskiej przypadłych bez wieści
w więzieniach i obozach koncentracyjnych na Syberii

l.p.	Nazwisko i imię	Pochodzenie	Zajęcie	Przez kogo aresztowany	Ostatnie miejsce pobytu i data
1.	Andrzejewski Konstanty	„	pol. jen. woj.	Osob. Otd. 5 armii	Krasnojarsk 29/3–1920 r.
2.	Baziak Emil	Małopolska	„	Gubczeka w Krasnojars.	Targażyno dn. 16/VIII–1920 r.
3.	Bedner Władysław	„	„	„	jak wyżej
4.	Biernakiewicz	„	„	„	Krasnojarsk maj 20 r.
5.	Borkowski Witold wel Gonczarowski St.	b. Król. Pol.	„	„	jw. 16/VII–20 r.
6.	Boryowski Aleksander	„	„	Osob. Otd. 5 arm.	jw. 6/III–20 r.
7.	Brzeziński Stanisław	„	„	„	jw. 20/VII–20 r.
8.	Brzeziński Eugeniusz	„	„	„	jw. lipiec 20 r.
9.	Brzostek	„	„	„	jw. sierpień 20 rok
10.	Butkiewicz Antoni	„	„	„	jw. 23/V–20 rok
11.	Bujak	„	„	Gubczeka w Krasnojarsku	jw. kwiecień 20 rok
12.	Cicieniewski Michał	„	„	Osob. Otd. 5 arm.	jw. 10/VIII–20 rok
13.	Ćwirko-Godycki Ludwik	„	„	„	jw. 10/IX–20 rok
14.	Dobrot	„	sierż.	Gubczeka w Krasnojarsku	jw. 16/VIII–20 rok
15.	Dobrowolski Aleksander	„	jen. woj.	Osob. Otd. 5 arm.	jw.
16.	Doganowski Paweł	„	„	„	jw. 12/III–20 rok
17.	Fangor Roman	„	chor.	Osob. Otd. Gubczeka w Krasn.	Dauraskaja Minusiń- skiego pow. Jenis. gub. grudz. 20 rok
18.	Gawroński Franciszek	„	jen. woj.	Osob. Otd. 5 arm.	Krasnoj. 1/V–20 rok
19.	Gendrowicz Bronisław	„	„	„	jw. 16/VIII–20 rok
20.	Gryniewicz Michał	„	„	„	jw.
21.	Jakubowski Michał	b. Król. Pol.	„	„	jw. 27/7–20 rok
22.	Jakubowski Stefan	„	„	„	jw. 1/VII – 20 rok
23.	Januszewski Leon	„	„	„	jw. 1/V–20 rok
24.	Kalinowski Tadeusz	Częstochowa	„	Gubczeka Irkusk	Irkuck wrzesień 20 rok
25.	Kowalski	b. Król. Pol.	„	Osob. Otd. Gubczeka w Krasnojarsku	Targaszyo 16/VIII 20 rok
26.	Kowalczuk Józef	„	„	„	Krasnojarsk maj 20 rok
27.	Koza-Kowalik Władysław	Małop.	chor.	Osob. Otd. Gubczeka w Omsku	Omsk sierpień 20 r.

28.	Klimczak	„	jen. woj.	jw. w Krasn.	Targaszyo 16/VIII
29.	Krasowski Aleksander	„	„	Osob. Otd. 5 arm.	Krasnojarsk 12/V–20 rok
30.	Kulczycki Feliks	„	„	„	jw. 20/V–20 rok
31.	Kulakowski Edward	b. Król. Pol.	„	„	jw. maj 20 rok
32.	Libera Jan	Małop.	„	Osob. Otd. Gubczeka w Krasnojarsku	jw.
33.	Łukaszewicz Bronisław	„	„	jw.	jw. wiosna 20 rok
34.	Makowski Wincenty	„	„	Osob. Otd. 5 arm.	jw. 1/IV –20 rok
35.	Malczewski Eugeniusz	„	„	„	jw. 10/V–20 r.
36.	Mroczek Andrzej	„	chor.	Osob. Otd. Gubczeka w Omsku	Omsk sierpień 20 rok
37.	Mianowski Witold	„	jen. woj.	Osob. Otd. 5 arm.	Krasnojarsk 24/V–20 r.
38.	Nasadkiewicz Wiktor	„	„	„	jw. 16/VIII–20 r.
39.	Nowakowski Franciszek	„	chor.	Os. Ot. Gubcz. Omsk	Omsk sierpień 20 r.
40.	Obuchowski	„	ppor.	jw. Krasnojarsk	Targaszyo kwiecień 20 rok
41.	Orzechowski Jan	„	„	Osob. Otd. 5 arm.	jw. 16/VII–20 rok
42.	Paszkiewicz Ernest	„	„	„	Krasnoj. 13.IV–20 rok
43.	Paszkowski Antoni	„	jen. woj.	„	jw. 10/IV–20 rok
44.	Petruszek Stanisław	Małop.	sierz.	Wydz. Specj. Gubcz.	Tiumeń wiosna 20 r.
45.	Pikuła Wilhelm	„	jen. woj.	Osob. Otd. 5 arm.	Krasnoj. 2/IV–20 r.
46.	Piotrowski Piotr	„	„	„	jw.
47.	Rudniewski Michał	„	„	„	jw. wiosna 20 rok
48.	Rydzewski Mikołaj	„	„	„	jw. 12/V–20 rok
49.	Sokołowski Mikołaj	„	ppor.	„	jw. 7/IV–20 rok
50.	Szerfocowski Mikołaj	„	jen. woj.	„	jw. 5/IV–20 rok
51.	Sztriger Zygmunt	„	„	„	jw. 16/IV–20 rok
52.	Tomkuś Józef	„	por.	„	jw. 25/IV– 20 rok
53.	Wiczman	„	pchor.	„	jw. wiosna 20 rok
54.	Wrzozowski Kazimierz	„	jen. woj.	„	jw. 10/IX–20 rok
55.	Zaszczeryński	„	„	„	jw. 29/VIII–20 rok
56.	Zdzieszynski Tadeusz	„	„	„	jw. 1/IV–20 rok
57.	Siekiert	„	pod.ofic.	Gubcz. w Krasn.	jw. 16/VIII–20 rok
58.	Żuk Leon	„	jen. woj.	Osob.Otd. Gubcz. w Krasn.	Kańsk,Jenis.gub.
59.	Czerniewski Jan	„	„	Osob. Otd. 5 arm.	Krasnojarsk 23/V.20
60.	Wrzesiński Kazimierz	„	„	Gubcz. w Krasn.	lipiec 20 rok

Źródło: CAW, WP na Syberii, I.122.91.763, Pismo Delegacji Rzeczypospolitej Polskiej Podkomisji Mieszanej Do Spraw Repatriacji w R.S.F.R.R. i U.S.R.R. do Komisji Likwidacyjnej 5-ej Dywizji Syberyjskiej w Warszawie, Nowonikolajewsk, 9 stycznia 1923.

ИРИНА СМЕРНОВА

Институт российской истории РАН

МИТРОПОЛИТ МОСКОВСКИЙ ФИЛАРЕТ И РОССИЙСКАЯ ЦЕРКОВНАЯ ПОЛИТИКА В ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ

Philaret, Metropolitan of Moscow, and the Russian Church Policy in the Eastern Siberia

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Дальний Восток, Китай, Святейший Синод, Русская Духовная Миссия в Пекине, миссионерство

KEYWORDS: The Far East, China, The Sacred Governing Synod, The Russian Ecclesiastical Mission in Beijing, missionary

ABSTRACT: The article is devoted to the Church policy of the Russian Orthodox Church in Eastern Siberia and the Far East with the participation of the Metropolitan of the Moscow Philaret (Drozdov, 1782–1867). Until recently historians did not focus their attention on “Asian” perspective of his activities, though there is an extensive historiography devoted to Moscow prelate. The most important aspects of the missionary activity of the Russian Orthodox Church in Eastern Siberia during the 1810s – 1860s are considered on the basis of materials from Russian archives (RSHA, St. Petersburg) and the little-known documentary sources. Particular attention is paid to the fate of the British Ecclesiastical Mission (1818–1840) and the development of Orthodox missionary work in the Trans-Baikal region, the missionary work of St. Innocent (Veniaminov) in the Far East, the Russian Church policy in the Amur and Primorye regions after the Crimean War (1853–1856), the reorganization of the Russian Ecclesiastical Mission in Beijing (1860–1864). The role of the Metropolitan Philaret in the Russian Church diplomacy in the Far East is studied in the context of Russian-Chinese relations in the mid-Nineteenth Century.

Святитель Филарет, митрополит Московский (1782–1867), известен прежде всего как выдающийся церковный и государственный деятель, богослов и проповедник. Между тем, он был выдающимся церковным дипломатом, мнение которого определяло церковную политику России как в отношениях с Православными Патриархатами Востока, так и в контактах с христианскими Церквями Запада (Филарет 1885–1887, Смирнова 2014). При его участии в Москве были устроены подворья Восточных престолов, оказывалась помощь Русским Духовным Миссиям в Святой Земле и на Аляске (Климент 2009, Петров и др. 2011, Смирнова 2012/4), он стоял у истоков межконфессионального

диалога с Церковью Англии и Американской Епископальной Церковью (Смирнова 2010, 2012/6). Не менее значительным было участие московского святителя в российской церковной политике в Восточной Сибири (в том числе на русском Дальнем Востоке¹) и Китае, однако «азиатский» ракурс его деятельности до настоящего времени оставался вне внимания российских и зарубежных историков.

На основе документальных материалов можно выделить условно три периода различной степени вовлеченности московского святителя в «восточные» дела: 1) «синодальный», когда его присутствие в Синоде (до 1842 г.) оказывало решающее воздействие на принятие синодальных определений; 2) «предкрымский», связанный прежде всего с деятельностью «апостола Аляски», будущего святителя Иннокентия (Вениаминова) (1840–1853), и 3) «церковно-дипломатический» (первое десятилетие после Крымской войны), когда вопросы церковно-административного устройства и православного миссионерства в восточносибирском регионе оказываются в центре внимания российских светских и церковных политиков. Отметим основные вехи деятельности митрополита Филарета в эти периоды.

I

Как член Святейшего Синода, Филарет, несомненно, был осведомлен о делах в Иркутской епархии, управляемой в разные периоды его воспитанниками по Санкт-Петербургской или Московской духовным академиям. Так, Иркутскую кафедру с 1831 по 1835 г. занимал святитель Мелетий Иркутский², преемником Мелетия стал другой воспитанник Санкт-Петербургской духовной академии времен ректорства Филарета епископ Иннокентий (Александров)³, находившийся на Иркутской кафедре с 1835 по 1838 г. К этому времени относится синодальное дело о книгах Нового Завета на монгольском языке для Забайкальской английской миссии (РГИА, ф. 796, 3–5об.), история которой заслуживает особого внимания (Тиваненко 2009).

Решение об открытии в Восточной Сибири представительства Лондонского миссионерского общества, как «одного из наиболее крупных и важных

¹ После реформы административно-территориального устройства Сибирского региона и разделения Сибири на два генерал-губернаторства, Западной Сибири и Восточной Сибири (т. н. «Сибирское учреждение» М. М. Сперанского 1822 г.), в Восточную Сибирь с центром в Иркутске входили Иркутская губерния, Енисейская губерния, Забайкальская и Якутская области (выделенные из Иркутской губ. в 1851 г.) а также Приморская область (с 1856 г., с присоединением Уссурийского края в 1860 г.), Амурская область (с 1858 г.), и о. Сахалин. Такое положение сохранялось до 1884 г. (см.: Зуев и др. 2009).

² Святитель Мелетий (Леонтович; 1784–1840), архиепископ Иркутский, Нерчинский и Якутский с 18.07.1831 по 22.06.1835.

³ Епископ Иннокентий (Александров; 1793–1869) управлял Иркутской епархией с 22.07.1835 по 23.04.1838.

миссионерских центров Великобритании в мире» (Тиваненко 2009, 16), было принято 26 декабря 1814 г. на основании сведений о Восточной Сибири, Иркутске, в том числе о численности и конфессиональной принадлежности населения региона, полученных от пастора Дж. Паттерсона, главы Шотландской миссии на Кавказе, и бывшего члена той же миссии пастора Р. Пинкертона, при содействии которых в 1813 г. было учреждено Библейское общество в Санкт-Петербурге. Одной из целей учреждения английской миссии в Забайкалье была подготовка к британскому миссионерскому проникновению в закрытый для европейских держав Китай со стороны его северной границы.

Забайкальская английская миссия пользовалась полной поддержкой Александра I, который 5 января 1818 г. «выразил готовность содействовать их богоугодным начинаниям и сообщил о готовности даровать им акт о владении земель для основания миссионерского заведения» (Тиваненко 2009, 24). Правда, наряду с изданием императорского указа об открытии протестантской миссии, последовало Высочайшее повеление «об усилении деятельности православной миссии в Иркутско-Забайкальской епархии», что свидетельствует о том, что император трезво оценивал ситуацию и понимал, каких последствий можно ожидать от присутствия английских миссионеров.

В конце 1819 г. не без участия миссионеров было открыто Иркутское отделение Санкт-Петербургского Библейского общества, директорами которого стали епископ Михаил (Бурдуков) и сибирский генерал-губернатор М. М. Сперанский. В качестве наиболее подходящего для миссии места был избран Селенгинск, более удаленный от церковной и светской власти и более близкий к границе с Цинской империей город.

Миссионеры оказывали кочевникам Забайкалья врачебную помощь, устроили школы и типографию, изучали монгольский, тибетский, маньчжурский языки, бурятские наречия, как и их коллеги в Юго-Восточной Азии, уделяли большое внимание переводам христианских книг на «монголо-бурятский язык», распространяя изданные типографским способом переводы среди бурят. Запрет в 1824 г. Российского библейского общества с его региональными отделениями, отставка князя А. Н. Голицына и последовавшая вскоре кончина Александра I не замедлили сказаться на положении Забайкальской британской миссии. В 1826 г. в Петербург поступили материалы для рассмотрения вопроса о ее закрытии, и хотя первая попытка свернуть деятельность миссии успеха не имела, ее упразднение оставалось делом времени.

С тех пор основные усилия миссионеров были сосредоточены на проповеди Священного Писания среди бурят и монголов. В 1836 г., нуждаясь в книгах Нового Завета на местном языке, миссионеры обратились в Российское Евангелическое библейское общество и, ссылаясь на «значительный запрос между монголо-бурятами Св. Евангелия на их языке», просили ходатайствовать перед Св. Синодом об уступке Английскому библейскому обществу «через

покупку всех напечатанных иждивением бывшего Российского библейского общества изданий Нового Завета, переведенного под надзором академика Шмидта на монгольский язык одним ученым монголо-бурятom [Татуровым]» (РГИА, ф. 796, л. 3об.).

После обращения Главного Комитета Библейского общества к министру внутренних дел, который в свою очередь обратился к обер-прокурору Св. Синода графу Н. А. Протасову, вопрос был рассмотрен на заседании Св. Синода 21 октября 1836 г. Определением от 11 ноября предписывалось:

Уведомить господина министра внутренних дел, что Святейший Синод не может передать из своего ведомства напечатанные на монгольско-бурятском языке экземпляры Нового Завета, потому что они могут быть нужны для греко-российского духовного начальства, так в особенности потому, что они не получили еще одобрения (там же, л. 4–5об.).

Определение было подписано всеми членами Св. Синода: первоприсутствующим в Синоде Серафимом (Глаголевским), митрополитом Новгородским и Санкт-Петербургским, Филаретом (Дроздовым), митрополитом Московским, митрополитом Ионой (Василевским), Филаретом (Амфитеатровым), архиепископом Ярославским, императорским духовником Николаем Музовским и обер-священником армии и флота Василием Кутневичем. Отказ Синода от предоставления книг Нового Завета английским миссионерам был одной из мер противодействия инославной пропаганде в Забайкалье для облегчения задач православной миссии среди буддистов и старообрядцев, проживавших вблизи российской границы.

В 1840 г. Забайкальская британская миссия была закрыта. В рапорте на имя Николая I, поданном в 1838 г., генерал-губернатор Восточной Сибири В. Я. Руперт выдвинул предположение о политической неблагонадежности английских миссионеров, подозревая, что вместо христианской проповеди они занимаются «противорусской» политикой среди инородцев и даже шпионажем на востоке страны в пользу своей Великобритании» (Тиваненко 2009, 118). Заметную роль в прекращении деятельности Забайкальской английской миссии сыграл и назначенный на Иркутскую кафедру в апреле 1838 г. преосвященный Нил (Исакович)⁴. Сам факт перемещения в Иркутск епископа-миссионера говорит о том, что российское правительство и синодальные власти рассматривали православную христианизацию народов Восточной Сибири как вопрос государственного значения, в этой связи одной из главных задач преосвященного Нила на Иркутской кафедре стало «обращение и просвещение народов Сибири» (Саймон 2008, 79).

⁴ Архиепископ Ярославский Нил (Исакович; 1799–1874), епископ Иркутский, Нерчинский и Якутский с 23.04.1838 по 24.12.1853.

В 1840 г. преосвященный Нил направил в Св. Синод рапорт с предложением упразднить Забайкальскую английскую миссию как способствующую «распространению старообрядчества и сектантства во вверенной ему епархии» (Тиваненко 2009, 119). После настойчивых возражений против присутствия в Забайкалье английских миссионеров из опасений, что бурятское население Восточной Сибири окажется под их влиянием, прежние позиции в Петербурге были пересмотрены. Ознакомившись с донесением преосвященного Нила, Св. Синод постановил:

Воспретить поселившимся в Сибири англичанам всякие миссионерские действия и именования себя миссионерами по примеру прекращения Шотландской и Базельской миссий, хотя в действиях сих последних и не усматривалось столько зла, сколько от Английской миссии в Сибири (там же).

В том же определении ставился вопрос о «надлежащем устройстве православной миссии для бурят», составление проекта которой было поручено архиепископу Нилу, а духовно-учебное управление обязывалось обеспечить православную миссию «всеми нужными для сего изданиями на монголо-бурятском языке» (там же). 7 июля 1840 г. определение Св. Синода получило Высочайшее утверждение.

На окончательное решение о депортации британских миссионеров из пограничного с Китаем региона повлияла и начавшаяся в апреле (а фактически в июле, после получения приказа из метрополии) 1840 г. Первая опиумная война Великобритании против Цинской империи. Недовольство императора «в политическом отношении» (Терехов 2003) в связи с присутствием вблизи границы с Китаем британских подданных было вызвано нежеланием подавать повод к росту напряженности в русско-китайских отношениях, о чем свидетельствует и тот факт, что 10 июня 1841 г., в ответ на письменное обращение миссионеров, в котором они просили назначить особое расследование по поводу их образа жизни в Забайкалье и снять с них незаслуженное обвинение, Николай I повелел объявить, что причина закрытия английской миссии заключается в «изменившихся политических обстоятельствах и представившейся возможности учредить миссию из православного духовенства» (Тиваненко 2009, 122).

Митрополит Филарет был в курсе всех перипетий британской миссии в Забайкалье – как член Российского библейского общества он находился в тесных контактах с Пинкертоном и др. (Смирнова 2015), а как член Св. Синода активно участвовал в его работе. Сохранилось воспоминание епископа Кирилла (Богословского-Платонова) о присутствии святителя на одном из синодальных заседаний 1840 г.:

[...] Я сегодня был в Синоде, и Синод не узнал. [...] Сегодня, когда впервые пожаловал в Синод митрополит Московский, все приняло строгий чин и порядок. Прокурор с своими чинами на месте; обер-секретарь с кипю докладов. Начинаются доклады один за другим, выслушиваются решения Синода, без перерыва (сит. по: Никодим 1877, 68–69).

Все последующие годы митрополит Филарет будет с особенным вниманием наблюдать за успехами православной миссионерской деятельности в Забайкалье под руководством архиепископа Иркутского Евсевия (Орлинского), бывшего ректора Московской духовной академии, а также в Алтайском крае, где с конца 1820- гг. действовала Русская Духовная Миссия под управлением его ученика архимандрита Макария (Глухарева).

II

Незадолго до того как последовало запрещение деятельности британских миссионеров, состоялось знакомство митрополита Филарета с аляскинским протоиереем Иоанном Вениаминовым, в июне 1839 г. прибывшим в Петербург с докладом об «обозрении Православной Церкви в российских поселениях в Америке, со своим мнением об улучшении состояния оной». В ожидании осенней сессии Синода, о. Иоанн испросил разрешение отправиться в Москву «для сбора пожертвований на восточное миссионерство» (Барсуков 1997, 136). Там, на Троицком Сухаревском подворье состоялась его встреча с митрополитом Филаретом – судьбоносное событие в жизни священника-миссионера: отныне митрополит Филарет будет всемерно содействовать трудам будущего святителя, а миссионерское служение последнего, как и восхождение по иерархической лестнице будет связано с именем Филарета Московского.

Аляскинский доклад прот. Иоанна был представлен в Синоде 20 января 1840 г. обер-прокурором графом Протасовым. Подготовка отзыва была поручена митрополиту московскому, с учетом замечаний которого была составлена новая смета издержек на содержание Церкви в Российской Америке» (Климент, 2009, 139). Тогда же Филарет отредактировал составленную о. Иоанном особую инструкцию для священников-миссионеров под названием «Наставление священнику, назначаемому для обращения иноверных и руководства обращенных в христианскую веру» (Инструкция миссионерам 1905). Первоначально принятая для аляскинских миссионеров, инструкция была рекомендована для употребления и в других миссиях Русской Церкви (Климент 2009, 141).

29 ноября 1840 г. на Троицком подворье в Петербурге Филарет Московский совершил постриг о. Иоанна в монашество с наречением ему имени

Иннокентий; в тот же день на Высочайшее рассмотрение был предложен вопрос о восстановлении Камчатской епархии. В синодальном определении отмечалось, что к новой российско-американской епархии могли бы быть отнесены и камчатские церкви, весьма удаленные от иркутского архиерея. В итоге Синод признал нужным: учредить епископскую кафедру российско-американских церквей с подчинением ей камчатских и охотских церквей, назначенному епископу именоваться Северо-Американским и Камчатским и иметь пребывание в Новоархангельске на о-ве Ситха, где находилось Главное управление Российско-Американской компании (РАК).

15 декабря в Казанском соборе совершилась хиротония Иннокентия во епископа Камчатского, Курильского и Алеутского, епархия которого охватывала колонии РАК, Камчатскую и Охотскую область, прежде относившиеся к Иркутской епархии (НИОР РГБ, л. 66). Много лет спустя святитель Иннокентий вспоминал о тех событиях:

До 6 ноября 1840 года, то есть до того времени, как я стал собираться ехать в Америку, ни речи, ни мысли не было ни у кого об учреждении архиерейской кафедры в Америке... Но как и кому пришла первая мысль об этом, может со временем сказать наш трудолюбивый и благонамеренный писатель Андрей Николаевич Муравьев, принимавший в этом самое живое участие; а обо всем прочем, касающемся до меня, может сказать мой преемник, по рассмотрении всех дел и бумаг моих (Барсуков 1997, 129).

К сожалению, Муравьев не оставил обещанных разъяснений, но нет сомнений, что события развивались по сценарию московского святителя. Косвенным подтверждением его участия в деле учреждения камчатской кафедры служит и письмо Филарета к Муравьеву (по поводу рукописи последнего об Иннокентии), в котором святитель просит «не приписывать более должного митрополиту Московскому» (Филарет 1869, 120).

Благодаря письмам-отчетам Иннокентия митрополит Филарет был в курсе всего происходящего на дальневосточных рубежах России; не миновал его и поднятый в 1840-е гг. преосвященным Иннокентием «китайский вопрос». Вынужденный переезд архиепископа Иннокентия в 1850 г. в Аян и обозрение им азиатской части Камчатской епархии открыли новые перспективы миссионерской работы – «распространение света евангельского учения» в Якутии и на Камчатке, где, по его словам, «еще ни один из имеющих право и обязанность проповедывать Евангелие не путешествовал с сей целью не только по коряцким стойбищам, но даже и по ближайшим селениям инородцев» (Барсуков 1997, 271). Имелось в виду и «проповедание слова Божия пограничным подданным Китая», что входило в планы Иннокентия, по свидетельству Барсукова, «еще с 1843 года» (там же, 321–322).

Перенесение кафедры из Иркутска в Аян, а затем в Якутск (1852), позволило архиепископу Иннокентию по-новому взглянуть на проблемы края. Ситуация в пограничных с Китаем областях – неразграниченность территорий с Китаем, активность британских судов вблизи побережья Камчатки, незащищенность населения от иностранного влияния – все требовало неотложных мер правительства, и преосвященный Иннокентий, наряду с генерал-губернатором Восточной Сибири Н. Н. Муравьевым, был одним из главных действующих лиц в решении этих вопросов.

Отдельного упоминания заслуживает участие митрополита Филарета в судьбе православной диаспоры в китайской Кульдже⁵ в начале 1850-х гг., о чем известно из записки афонского постриженника Парфения (Аггеева) под названием «Первые известия о русских в Кульдже и присоединение к России Киргизской степи» (Парфений 1878, 9–16).

Инок Парфений, в 1845 г. отправившийся по благословению духовника с Афона через Иерусалим в Сибирь и с 1847 г. проживавший в Томском архиерейском доме, в 1851 г. сообщил митрополиту Филарету о проживании в китайской Кульдже большой общины потомков пленных албазинцев, о существовании которой до того времени не было известно ни в Пекине, где была Русская Духовная Миссия, ни в России. В своей записке Парфений изложил разговор с местным купцом, который во время поездки по торговым делам в Бухару и Китай встретил в Кульдже китайца, называвшего себя «русским и христианином». Как следовало из рассказа православного китайца, после того, как в 1712 г. в Пекине умер священник Максим, окормлявший пленных албазинцев, они обратились к китайскому правительству за разрешением выписать из России нового священника, но получили отказ, а затем, из-за их настоятельных просьб, «пятьдесят семейств сослали в Кульджу» (там же).

На вопрос китайских албазинцев, «зачем нас бросила Россия», русский «брат» отвечал, что в России не знают о существовании Кульджи и тем более не подозревают, что там живут потомки русских. По просьбе Парфения, томский купец записал эту историю, после чего афонский инок «переписал ее своею рукою и при своем письме послал в Москву к митрополиту Филарету в 1851 году» (там же, 14). Парфений не поясняет, почему он решил обратиться именно к Филарету; возможно, эту мысль ему подсказал преосвященный

⁵ Китайской Кульджой (совр. Хуэйюань) в российской историографии сер. XIX в. называли крепость, основанную в 1762 г. и расположенную в 30 км к северо-западу от Кульджи таранчинской (Инин), находящейся на северном берегу р. Или в 100 км к востоку от границы Китая с Алмаатинской областью Казахстана на так называемой Кульджинской равнине. Если таранчинская, или старая, Кульджа была центром русско-китайской торговли, то Кульджа китайская, или новая, являлась центром китайской администрации в регионе.

Афанасий (Соколов), епископ Томский и Енисейский⁶, но, скорее, это связано с тем, что в Гефсиманском скиту при Троице-Сергиевой Лавре по благословению митрополита Филарета пребывали молдавские старцы, соотечественники и единомышленники Парфения, перешедшие вместе с ним в 1839 г. из раскола в православие (*Гефсиманский скит... 1899*) (в августе 1854 г. в Гефсиманский скит будет определен и сам Парфений).

Ознакомившись с историей потомков албазинских пленных, желавших «иметь священника и церковь», митрополит Филарет обратился за советом к архимандриту Антонию (Медведеву):

Прочитайте прилагаемые бумаги старца Парфения, – писал Филарет 8 января 1852 г. – Они длинные, но, надеюсь, не будут для Вас скучны. Что тут делать? Хорошо бы скрыть в караване священника и послать в Бухарию и в Китай. Но как это сделать? Св. Синод не решится без сношения с Министерством иностранных дел; а оно будет видеть в сем только политическую опасность. Надоумьте меня (Филарет 2007, 2, 119).

Письмо Парфения Филарет переслал к обер-прокурору Св. Синода графу Протасову, который сообщил его содержание императору Николаю Павловичу. Если Филарета заботило удовлетворение духовных потребностей потомков бывших российских подданных и возвращение их к «христианскому закону», то в Петербурге был поставлен вопрос о территориальной принадлежности Киргизской степи. Уже к зиме 1852 г. там возникло пограничное казачье поселение Верный, получившее в феврале 1854 г. статус города (совр. Алма-Ата).

Эти события отразились и на судьбе кульджийских «русских христиан», которые переехали в Россию, крестились, стали носить русскую одежду, говорить по-русски, выстроили церкви и училища, «вообще сделались совершенно русскими и истинными христианами» (Парфений 1878, 16). Таким образом, можно говорить о том, что в решении вопроса об укреплении границы с Китаем со стороны современного Казахстана и усилении там православного влияния немаловажную роль сыграли донесения инока Парфения и митрополита Филарета.

III

Крымская война потребовала пересмотра всей церковно-дипломатической стратегии Российской империи, обозначив новые приоритеты ее внешней политики как на Ближнем, так и на Дальнем Востоке. Опыт первой половины

⁶ Архиепископ Казанский и Свияжский Афанасий (Соколов; 1801–1868), с 25.06.1841 епископ Томский и Енисейский, с 24.12.1853 архиепископ Иркутский и Нерчинский, с 3.11.1856 по 9.11.1866 архиепископ Казанский и Свияжский.

XIX в. – эпохи миссионерского проникновения западных держав в Османскую империю и цинский Китай – убеждал, что для укрепления позиций России в этих регионах удобнее и надежнее действовать по уже налаженным церковным каналам (Gordon-Cumming 1889; Montgomery, Stock 1905; Такер 1998; Дацышен 2007; Лисовой, Смирнова 2015; Смирнова 2015). Наряду с видными государственными деятелями и дипломатами, такими как великий князь Константин Николаевич, князь А. М. Горчаков, граф Е. В. Путятин, граф Н. П. Игнатъев, в формировании курса церковной политики в Китае и Приамурье приняли участие выдающиеся российские иерархи Филарет (Дроздов) и Иннокентий (Вениаминов) (Смирнова 2016).

В апреле 1858 г. был фактически решен вопрос о переносе Камчатской кафедры в Благовещенск. Этот важный в политическом отношении шаг, с энтузиазмом встреченный российским духовенством, укреплял позиции России в Русской Америке и на Дальнем Востоке. В ожидании разрешения вопроса о российско-китайской границе Филарет писал архимандриту Антонию: «О монастырях по Амуру думать рано. И то, что делается, делается довольно смело. Еще вопрос о принадлежности сего края не бесспорен». По поводу планов Евсевия Иркутского готовить в Китайской миссии миссионеров для Приамурья, митрополит отозвался: «Это долго. Я говорил графу [Н. Н. Муравьеву], чтобы изыскать меры поспешнее» (Филарет 2007, 3, 57). (Позже граф Муравьев-Амурский благодарил митрополита Филарета за благословение на предстоявшие ему труды, связанные с расширением губернии:

Благословение Ваше на устройство нового края, – писал он 15 октября 1858 г., – принимаю как вернейший залог успеха и в свое время не премину довести до Вашего сведения о последствиях наших там начинаний, когда Бог позволит мне лично представиться в Москве Вашему Высокопреосвященству (Львов 1990, 471–472).

В мае 1858 г. преосвященный Иннокентий сопровождал Муравьева в плавании по Амуру для участия в переговорах о русско-китайской границе, завершившихся подписанием Айгунского договора (16 мая 1858 г.), по которому Амурский край перешел к Российской империи; итогом дипломатического посольства Путятина в Китай (1857–1858) (Кадырбаев 2009; 2014) стал Тяньцзиньский трактат (1 июня 1858 г.); в 1860 г. Игнатъев подписал Пекинский трактат, закреплявший за Россией территории нижнего Амура (от устья Уссури) и Уссурийский край (Игнатъев 1895) – эти меры запустили механизм формирования новой программы православного присутствия на Дальнем Востоке и в Китае.

Для развития российско-китайских отношений определяющими стали донесения графа Путятина о конфессиональной ситуации в Китае (Путятин 1916, 10–16), где шла речь о важности духовного влияния на языческие народы

Дальнего Востока. В частных беседах в московском доме синодального обер-прокурора дипломат поделился своими соображениями о значении православного миссионерства в политическом отношении:

Если мы не будем иметь в тех странах правильных миссий, то дела наши не получат прочности... Пока мы думаем, католики и протестанты действуют, и если мы себя не оградим, то они, прошед Китай и Тибет, подойдут к нашим границам и перейдут чрез них (Леонид 2012, 221).

На фоне отлаженной работы католиков и протестантов успехи русских миссионеров казались Путятину столь ничтожными, что он допускал возможность «отказаться и, вероятно, навсегда от участия в сем деле» или же вести совместную работу с католиками, пользуясь их опытом (Путятин 1916, 15). Решение этого важного вопроса, по мнению дипломата, целиком зависело от дальнейших распоряжений духовных и светских властей. На рапорте графа Путятин Александр II оставил собственноручную резолюцию: «Насчет миссионеров войти в сношение с обер-прокурором Св. Синода и сообщить, какие меры признается полезным принять» (там же).

Митрополит Филарет, ознакомившись с рапортом, счел нужным выступить в защиту Пекинской Духовной Миссии. «Для чего сделано это несчастное предположение? – писал святитель. – Для чего произнесено даже отчаянное слово “навсегда”? Если бы не нашлось для сего средств теперь, почему не стараться найти оных и не надеяться, что оные будут изысканы и употреблены?» (Филарет 1888, 5/2, 647) Филарет не считал возможным участвовать в христианизации китайцев совместно с католическими миссионерами, предвидя затруднения от того, что «пред китайцами рядом, рука об руку, явятся христиане Восточной и Западной Церкви, не единомысленные». В то же время, не оставляя надежду «видеть Православную Россию деятельно участвующей в сем подвиге», митрополит Филарет предлагал «действовать отдельно», начав дело с сухопутной границы, не пересекаясь там с иностранными миссионерами, но и не оставляя в бездействии Пекинскую Миссию (Там же). (Характерно, что в 1866 г. в аналогичном положении оказалась Русская Духовная Миссия в Иерусалиме, когда обер-прокурор Св. Синода граф Д. А. Толстой, из-за расхождения во мнениях светских и церковных дипломатов, предложил ее «совершенное уничтожение» (Смирнова 2014, 413–415). Обе Миссии были сохранены лишь благодаря вмешательству московского святителя).

В другом отзыве, относившемся к учреждению миссионерского заведения, Филарет подчеркнул важность русского православного присутствия в дальневосточном регионе:

Наблюдение над распространением христианства в Китае иностранными миссиями и свобода, приобретенная христианству в Китае новым трактатом, уже возбудили голос, неужели Россия откажется от участия в сем деле со своей стороны? Неужели допустить иностранных миссионеров проникнуть и сюда и распространить здесь свои действия, которые, конечно, будут не в пользу наших и религиозных, и государственных видов? (Филарет 1886, 4, 376).

Позиция московского митрополита предопределила дальнейшие меры Министерства иностранных дел и Святейшего Синода по вопросу православной проповеди на территориях Приамурья и Приморья, а также по реорганизации Русской Духовной Миссии в Пекине. В фонде канцелярии Св. Синода сохранилось письмо обер-прокурора Св. Синода А. П. Ахматова к митрополиту Филарету от 6 мая 1864 г., при котором «на усмотрение» последнего были направлены отзыв о кандидате в начальника Пекинской РДМ архимандрите Палладии (Кафарове) и выписка из письма российского посланника в Пекине А. Г. Влангали к директору Азиатского департамента МИД Н. П. Игнатьеву от 1 февраля 1864 г., содержавшего наблюдения и замечания о ситуации в Пекине и положении русской Миссии (РГИА, ф. 797, 22–23).

В отзыве на записку Влангали Филарет поддержал мнение тех, кто не считал делом первостепенной важности повышать статус начальника Миссии, назначив в Пекин епископа (один из основных пунктов обсуждения при согласовании новой инструкции РДМ):

Учредить православное епископство в Китае неудобно: для 200 христиан открывать епархию – много. «С деньгами наwerbовать христиан» – будет ли истинное приобретение для Церкви Христовой? Если папство позволяет умножение людей и расходов, мы не богаты... Лучше не восходить, чтобы не падать (Филарет 1888, 5/2, 571).

Отзыв Филарета дал И. К. Смоличу повод утверждать, что точка зрения московского святителя была решающей при назначении в Пекин архимандрита (Смолич 1997, 266); то же мнение продолжают разделять современные историки миссионерства (Ефимов 2007). На самом деле отзыв Филарета поступил значительно позже того как окончательное решение, принятое в Гос. Совете, получило Высочайшее одобрение, и навряд ли мог повлиять на принятое еще в ноябре 1863 г. решение, с другой стороны, имея в виду близкие отношения святителя с семьей Мухановых и лично с Н. А. Мухановым, товарищем министра иностранных дел в 1861–1866 гг., а также с самим министром князем Горчаковым, нельзя исключать того, что это мнение могло быть высказано раньше в частных беседах.

Таким образом, на протяжении 1860–1867 гг. митрополиту Филарету неоднократно приходилось составлять отзывы по тем или иным делам русского

православного присутствия в Приамурье и Китае – в 1860–1864 гг. он участвовал в составлении проекта преобразования Пекинской Духовной Миссии, в 1860–1866 гг. разрабатывал концепцию Миссионерской академии, в 1862 г. исправил и дополнил свод правил «обеспечения духовенства в Приамурском крае», предназначенных и для других российских епархий (кроме западных) (Филарет 1887, 5/1, 291–298), содействовал назначению вернувшегося в Россию начальника РДМ в Пекине архимандрита Гурия (Карпова) настоятелем Московского Симонова монастыря (Леонид 1909, 441–443). История российского церковно-дипломатического присутствия в дальневосточном регионе позволяет утверждать, что российские иерархи зачастую лучше дипломатов понимали государственные задачи России, принимая непосредственное участие в становлении мирного православного присутствия в стратегически важных регионах, и ключевая роль в «церковной геополитике» Российской империи принадлежала митрополиту Московскому Филарету (Дроздову).

Библиография

- GORDON-CUMMING, C. F. (1889), Notes on China and its missions. London.
- Guide to the Council for World Mission (2014), B: London Missionary Society Archive. 1764–1977. The Library School of Oriental and African Studies (<http://archives.soas.ac.uk>).
- MONTGOMERY, H. H./ Stock, E. (1905), Christian missions in the Far East. London.
- БАРСУКОВ, И. П. (1997), Иннокентий, митрополит Московский и Коломенский по его сочинениям, письмам и рассказам современников. Москва.
- Гефсиманский скит и пещеры при нем. СТСЛ (1899).
- ДАЦЫШЕН, В. Г. (2007), Христианство в Китае: история и современность. Москва.
- Ефимов, А. Б. (2007), Очерки по истории миссионерства Русской Православной Церкви. Москва.
- Зуев, А. С./Ноздрин, Г. А./Матханова, Н. П./Ильиных, В. А. (2009), Административно-территориальное устройство Сибири и Дальнего Востока, Историческая энциклопедия Сибири: в 3 т. Новосибирск.
- [Игнатъев, Н. П.] (1895), Отчетная записка, поданная в Азиатский департамент генерал-адъютантом Н. П. Игнатъевым о дипломатических сношениях его во время пребывания в Китае в 1860 г. Санкт-Петербург.
- Инструкция миссионерам [1840] (1905), Известия Братства Православной Церкви в Китае/1, 21–22; 2–3, 28–34; 4–5, 18–25.
- КАДЫРБАЕВ, А. Ш. (2009), Россия на рубежах Дальнего Востока накануне посольства Е. В. Путятина в Китай (1844–1857 гг.). В: Восточный архив. 2 (20), 51–57.
- КАДЫРБАЕВ, А. Ш. (2014), У истоков миссии Е. В. Путятина ко двору императора Цин. В: Восточный архив. 2 (30), 4–7.
- КЛИМЕНТ (КАПАЛИН), митрополит (2009), Русская Православная Церковь на Аляске до 1917 года. Москва.
- [ЛЕОНИД (КРАСНОПЕКОВ), архиепископ] (1909), Из записок преосвященного Леонида, архиепископа Ярославского. В: Московский церковный вестник. 26, 441–443.
- ЛЕОНИД (КРАСНОПЕКОВ), архиепископ (2012), Записки московского викария. Москва.
- Лисовой, Н. Н./Смирнова, И. Ю. (2015), Россия и Святая Земля в первой половине XIX века: церковная политика на Православном Востоке. Санкт-Петербург.

- Львов, А. Н. (ред.) (1900), Письма духовных и светских лиц к митрополиту Московскому Филарету (1812–1867), изданные с биографическими сведениями и пояснительными примечаниями. Санкт-Петербург.
- Никодим (КАЗАНЦЕВ), епископ. (1877), О Филарете, митрополите Московском, моя память. Москва.
- НИОР РГБ. Ф. 214. Ед. хр. 51. Л. 66.
- [ПАРФЕНИЙ (АГТЕЕВ), иеросхимонах] (1878), Первые известия о русских в Кульдже и присоединение к России Киргизской степи: рукопись инока Парфения, сообщенная Д. Ф. Косицыным. В: Русский вестник. 9, 9–16.
- ПЕТРОВ, А. Ю./митрополит Климент (Капалин)/Малахов, М. Г. и др. (2011), История и наследие Русской Америки. В: Вестник РАН. 12, 1090–1099.
- ПУТЯТИН, Е. В., граф (1916), Письмо к обер-прокурору Св. Синода графу А. П. Толстому. Гонконг, 2/14 ноября 1857 г. В: Китайский благовестник. 7–8, 10–12.
- ПУТЯТИН, Е. В., граф (1916), Рапорт на имя великого князя Константина Николаевича. Тяньцзинь, июнь 1858 г. В: Китайский благовестник. 7–8, 13–16.
- РГИА. Ф. 796. Оп. 445. Ед. хр. 41. Л. 3–5об.
- РГИА. Ф. 797. Оп. 34. Отделение II. Стол 3. Ед. хр. 77.
- САЙМОН, К. (2008), Латинские цитаты в «Путевых заметках» архиепископа Нила (Исаковича). В: Филаретовский альманах. 4, 77–92.
- СМИРНОВА, И. Ю. (2010), Митрополит Московский Филарет и контакты с представителями западных конфессий в середине XIX в.: по документам российских архивов. В: Отечественные архивы. 4, 28–33.
- СМИРНОВА, И. Ю. (2012) Письменные источники по истории первой русской епархии в Северной Америке: московские святители Филарет и Иннокентий и Православная Церковь в Калифорнии. В: Отечественные архивы. 4, 40–50.
- СМИРНОВА, И. Ю. (2012), Конфессиональные перекрестки Святой Земли: англо-американское религиозное присутствие в свете российской политики XIX в. В: Дипломатическая служба. 6, 45–53.
- СМИРНОВА, И. Ю. (2014), Митрополит Филарет и Православный Восток: из истории межцерковных связей. Москва.
- СМИРНОВА, И. Ю. (2015), Россия и Англия в Святой Земле в канун Крымской войны. Москва.
- СМИРНОВА, И. Ю. (2016), Церковно-дипломатический аспект русско-китайских отношений в сер. XIX в. В: Сборник материалов Первой научно-практической конференции «Власть и насилие в незападных обществах: проблемы теоретического осмысления и опыт практического изучения» [в печати].
- СМОЛИЧ, И. К. (1997), История Русской Церкви. Москва.
- ТАКЕР, Р. (1998), От Иерусалима до края земли. Санкт-Петербург.
- ТЕРЕХОВ, А. М. (2003), Борьба с религиозной экспансией католицизма и протестантизма на востоке России в XIX веке. В: http://mion.isu.ru/filearchive/mion_publications/power/4.html.
- ТИВАНЕНКО, А. В. (2009), История Английской духовной миссии в Забайкалье. Улан-Удэ.
- ФИЛАРЕТ, митрополит Московский (1869), Письма к А. Н. М^уравьеву. Киев.
- [ФИЛАРЕТ, митрополит Московский] (1886), Собрание мнений и отзывов Филарета, митрополита Московского и Коломенского, по делам Православной Церкви на Востоке. Санкт-Петербург.
- [ФИЛАРЕТ, митрополит Московский] (1885–1888), Собрание мнений и отзывов Филарета, Митрополита Московского и Коломенского, по учебным и церковно-государственным вопросам. Т. I–V. Санкт-Петербург / Москва.
- ФИЛАРЕТ, митрополит Московский, свт. (2007), Письма к преподобному Антонию, наместнику Свято-Троицкой Сергиевой Лавры. 1831–1867. Т. 1–3. СТСЛ.

ЕЛЕНА ПРИЩЕПА
Ривне

ОБРАЗОВАТЕЛЬНО-КУЛЬТУРНЫЕ СВЯЗИ ВИЛЬНЫ С УЧЕБНЫМИ ЗАВЕДЕНИЯМИ ПРАВОБЕРЕЖНОЙ УКРАИНЫ В ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XIX ВЕКА

Educational and cultural connections of Vilno with educational establishments of Right-Bank Ukraine in the first quarter of the 19th century

Ключевые слова: Виленский учебный округ, Российская империя, Правобережная Украина, городские поселения, образовательно-культурная среда, учительский состав, служебные перемещения, печатная продукция

KEYWORDS: Vilno educational district, Russian empire, Right-Bank Ukraine, settlements, educational and cultural environment, teaching staff, official transfers, printed matter

ABSTRACT: The article analyzes educational and cultural connections of Vilno with educational establishments of Right-Bank Ukraine in the first quarter of the 19th century and includes the study of the external factors' influence on the formation of town cultural environment in Ukrainian provinces within the Russian empire in the period when Lithuanian, Belorussian and Ukrainian territories of the former Rzeczpospolita (Polish-Lithuanian Commonwealth) were the part of Vilno educational district. The article states that educational establishments controlled by Vilno University took the most important part in the processes of interaction and communication of towns' population in that period. In this connection the article considers official transfers of teaching staff within Belorussian and Ukrainian territories. School teachers were mostly representatives of land-poor gentry and promoted both the expansion of school activity sphere and spiritual communication in towns and settlements of Right-Bank Ukraine provinces in general. The article also pays attention and stresses the movement of printed matter and certain cultural values from Vilno to the educational establishments of Right-Bank Ukraine. The article makes a conclusion that Polish culture dominated in towns' cultural space.

В результате разделов Речи Посполитой правобережная Украина, как и литовско-белорусские земли, оказались в новом государственном пространстве – Российской империи. Реформирование ее системы образования предполагало создание учебных округов, и с 1803 г. эти территории составили единое внутреннее пространство – Виленский учебный округ. Хотя одна из трех правобережных губерний – Киевская, в 1818 г. была выведена из состава округа, остальные – Волынская и Подольская, оставались его частью вплоть

до упразднения в 1831 г. (О причислении учебных заведений к округу Харьковского университета 1818; О новом распределении учебных округов 1831, л. 3–3 об.)

Заметим, что „нарезание” Виленского учебного округа в такой конфигурации было отнюдь не случайным, ибо на принятие этого решения большое влияние оказывали представители шляхетской аристократии, и прежде всего – А. Е. Чарторыйский, который и был назначен на должность куратора округа. Как руководитель округа (до 1824 г.) и польский патриот Чарторыйский в новых политических реалиях искал возможности для сохранения польского характера земель бывшей Речи Посполитой – прежде всего в образовательно-культурной сфере. Утвержденные очертания округа в составе восьми западных губерний империи Романовых предоставляли для этого исключительные шансы.

Правобережная Украина, как, впрочем, и другие составляющие Виленского учебного округа, на то время была слабо урбанизованным регионом, а городские поселения еще не были готовы ответить на вызовы модернизации, как это уже имело место в Западной Европе. Фактически на протяжении всего XIX в. они оставались аграрно-торговыми, и посему – доиндустриальными.

Несмотря на слабость потуг к урбанизации правобережной Украины на рубеже XVIII–XIX вв. городам и отдельным местечкам выпало перебрать на себя инициирование культурных новаций от магнатских резиденций. Последние зачастую локализовались за пределами городских поселений и все ощутимее демонстрировали экономический и культурный упадок. Касательно культурных новаций, речь идет о распространении книжной культуры, организации учебных заведений, библиотек, типографий, театральных зрелищ, массовых культурных мероприятий. Каждую из них можно рассматривать как отдельный компонент культурной среды – пространства духовного взаимодействия и коммуницирования городского населения.

Наиболее важная роль в процессах формирования городской культурной среды отводилась учебным заведениям. В первую очередь это касалось гимназий и уездных училищ, учебно-воспитательная деятельность которых была подконтрольной Виленскому университету. Выполняя возложенные на университет контролирующие функции, его администрация отвечала за подготовку и трудоустройство педагогических кадров (Устав или общие постановления Императорского Виленского университета и училищ его округа 1803). Выступая центром науки на отобранных Российской империей от Речи Посполитой землях, это высшее учебное заведение выступало главным очагом польской культуры, вокруг которого концентрировались академические и культурные сообщества, издательская деятельность, книгораспространение (Chwalba 2000, 205). Исходя из собственного опыта, университет апробировал модель распространения культурных ценностей на городское образованное

сообщество, и в дальнейшем ее использовали подконтрольные ему учебные заведения округа, в том числе и правобережной Украины.

На протяжении первой четверти XIX в. в городских поселениях правобережной Украины насчитывалось до двух десятков средних учебных заведений – преимущественно уездных училищ, большая часть которых функционировала еще во времена польской Комиссии национального образования (Komisija Edukacji Narodowej). Средние школы гимназического типа с польским языком преподавания были обустроены лишь в Кременце на Волыни (1805, реорганизована в лицей 1819), Виннице на Подолье (1814), а с 1825 г. ранг гимназии приобрела шестиклассная уездная школа в волынском местечке Межиричи (Межирич Корецкий), продолжаемая содержаться пиарами. И лишь в губернском Киеве (1812) была открыта российская гимназия, поскольку польскому влиянию здесь не судилось доминировать.

В формировании образовательно-культурной среды городских поселений правобережной Украины мог быть задействован весь коллектив того, либо иного учебного заведения, и все же наиболее активным в коммуницировании с городским сообществом выступал учительский состав. Заметим, что уровень образования и мобильности среди горожан в учителей был самым высоким. И хотя учительский труд в среде шляхетского сообщества продолжал считаться непрестижным, потребность в такой профессии с годами увеличивалась. Если в начале XIX в. в трех правобережных украинских губерниях округа трудилось около 140 лиц учительской профессии, то в конце 20-х гг. на Волыни – из наиболее разветвленной сетью средних школ, их насчитывалось уже более 200 (Beauvois 1991, 214–215; Raport ogólny Uniwersytetu Wileńskiego i szkół jego Wydziału za rok 1829, л. 346 об.–347).

Направляя на преподавательскую работу в городские поселения правобережной Украины учителей из числа выпускников Виленского университета, либо исходя из наделенных полномочий – перемещая учителей из белорусско-литовских территорий на „украинскую” часть учебного округа, администрация округа косвенно влияла на формирование их образовательно-культурной среды.

Наиболее ощутимые результаты применения механизма управления указанным округом и подчинения ему подавляющего числа учебных заведений правобережной Украины стали возможны лишь после смерти Т. Чацкого (1813) – инспектора трех украинских губерний, который непосредственно подчинялся куратору округа, минуя университет. Руководствуясь желанием автономии в составе округа, этот выдающийся польский просветитель поначалу в наборе педагогических кадров в открытую в Кременце гимназию отдавал предпочтение Кракову. Но сохранить эту тенденцию ему не удалось, и уже в 1808 г. из Вильны сюда прибыло 23 учителя, а из Кракова – лишь 10 (Шмит 2012, 125). В дальнейшем питомцы Виленского университета составляли

весомое интеллектуальное ядро педагогических кадров не только в Волынской гимназии/лицее, но и в других учебных заведениях правобережья.

Так, в 1825 г. выпускники Виленского университета составляли третью часть основного учительского состава Волынского лицея. Некоторые из них до перемещения на работу в Кременец успели поработать в учебных заведениях белорусской части округа (Гродно, Бобруйск), а директор лицея А. Левицкий, префект Ю. Бокщанин и учитель немецкого языка Ю. Михальский набирались педагогического опыта поначалу в Белостокской гимназии. Примечательно, что упомянутый Левицкий, а также Ю. Ульдинский – учитель истории и географии, успели поработать и в своей альма-матер – Виленском университете (Формулярные списки директоров и учителей Виленского учебного округа 1825, л. 146–172).

Подчеркнем, что в воспоминаниях бывших учеников Волынской гимназии/лицея прослеживается неформальное деление их учителей на „краковян” и „виленчан”. Первые, за их определением, принадлежали к старопольскому учительскому сообществу, служение школе ими воспринималось как священный долг, сравнимый с ревностной отдачей служению церкви представителей духовного сана. Как правило, такой же самоотдачи в учебе они требовали от учеников (Iwanowski 2004, 548). А „виленчане” – зачастую их младшие коллеги, были более демократичны в коммуницировании с учениками, и более открыто настроенные на контакты с городским сообществом. О том, как ученики курсов Волынской гимназии дорожили неформальным общением с учителями „виленского типа” вспоминал Ф. Ковальский:

Młodzi profesorowie wileńscy z uczniami kursowymi w przyjaznych żyli stosunkach. Odwiedzali się wzajemnie, czy w imieniny, jeżeli u kogo były, czy bez imienin [...]: i to nie tylko nam nie przeszkadzało w naukach, ale owszem dawało do nich popęd, bo przez samą delikatność, przez bojaźń uczynienia najmniejszego niesmaku tak kochanym profesorom, staraliśmy się zawsze na każdą lekcję jak najlepiej być przygotowanymi (2004, 515).

Впрочем, те и другие идентифицировали себя как принадлежащие к польской культуре и своей педагогической деятельностью приобщались к ее распространению в городской среде. В разные годы пример добросовестного служения избранному делу подавали в Кременце такие воспитанники Виленского университета, как С. Зенович и М. Якубович (преподавали химию), учителя математики С. Вижевский и Г. Гречина. Короткий период (1809) историческую географию читал И. Лелевель. Незадолго до закрытия Волынского лицея учителем права здесь работал Александр Мицкевич, родной брат Адама Мицкевича – классика польской литературы.

„Ментальная карта” многих из них формировалась под влиянием субъективного представления о Вильне как центре окружающего их пространства – территории учебного округа, независимо от места их пребывания. Следует отметить, что среди учителей литвинского происхождения, либо тех, кто длительное время проживал на этих землях, могло сохраняться ощущение превосходства Вильны – и в целом, белорусско-литовских земель – над правобережной Украиной. В значительной степени – благодаря воспоминаниям о Вильне с ее университетом, многочисленными религиозными святынями, памятниками старины, в целом разнообразной ее архитектурной палитрой. Проникновенно об этом поведал в своих мемуарах А. Анджеевский, длительное время прослуживший в Кременце помощником профессора ботаники В. Бессера:

Litwo! błogosławiona Litwo! Kolebko rodu mojego! ty! na biednej glebie twojej, z ciężkiem trudem, w pocie czoła, wydobywając chleb twój powszedni, kształciłaś umysły, zbierałaś naukowe skarby i wyrabiałaś w sobie polor i szczytne uczucia, któremi tak świetnie w dziejach naszych jaśniejesz, i zostawiłaś nas daleko za sobą! daleko! (1921, 199).

Среди наиболее ярких представителей учительской профессии, оставивших глубокий след в истории Волынской гимназии/лицея и в целом – культурной жизни Кременца, был упомянутый Ульдинский – непревзойденный лектор-импровизатор, чье изложение учебного материала напоминало скорее театральное зрелище. Любимец учеников и кременецкой публики, которая охотно по выходным дням посещала его открытые занятия, посвященные истории Польши, либо с неподкупным интересом слушала его пламенные доклады на публичных мероприятиях, приуроченных к окончанию учебного года, вызывал настороженность школьных властей. Тесные связи Ульдинского с Виленским университетом в бытность куратора округа Н. Новосильцева дали повод школьной администрации заподозрить его в контактах с обществом филаретов и даже на некоторое время отстранить от преподавания (Witte 2004, 537; Iwanowski 2004, 549–550).

Оригинальной личностью слыл профессор химии, минералогии Зенович, чьи публичные лекции, как и Ульдинского неизменно пользовались в Кременце популярностью. Большой интерес в школьных гостей вызывали собранные им коллекции минералов, окаменевших ископаемых древних эпох, а также предметов старины, в частности старинная одежда различных слоев населения бывшей Речи Посполитой, и даже народов севера и степных регионов Российской империи. Хотя комплектование этнографических материалов не входило в его прямые обязанности, Зенович не только выставлял их на

всеобщее обозрение, но много времени отводил на каталогизацию собранного, применяя хронологический и географический подход (Kaczkowski 2004, 491).

По окончании Виленского университета, бывший ученик Волынской гимназии – К. Качковский вернулся в Кременец и занялся врачебной практикой, одновременно преподавал в лицее и гигиену. На его публичных занятиях, проводимых в воскресные дни, после богослужений в местных храмах, собиралась многочисленная публика, не помещавшаяся в большой физической аудитории:

Uczniowie wszystkich kursów, damy, profesorowie, księża, urzędnicy, mieszczenie, Żydzi nawet, słowem, co tylko mieszkało w Krzemieńcu, zasiadało ławki i krzesła, zostawiając mi zaledwie wąską ścieżkę, po której mogłem do katedry się przecisnąć, – вспоминал Качковский (2004, 493–494).

Кадровые вопросы и остальных учебных заведений правобережной Украины по-деловому решались в Вильне. Благодаря назначению первым директором Подольской гимназии М. Мацеевского, известного своей педагогической деятельностью в Белостоке, это учебное заведение, открытое в Виннице, приобрело ощутимый авторитет (Rozporządzenia rządowe dla Uniwersytetu Wileńskiego za ministerstwa Razumowskiego 1814, л. 92; Колесник 2011, 179–181). Но даже такому опытному администратору и педагогу кардинально изменить достаточно индифферентное отношение винницкого городского сообщества к образованию не удалось. В стенах этого учебного заведения трудилось немало выпускников Виленского университета – Ю. Ковалевский, Я. Миладовский, М. Богатко, И. Ягелло. Заметим, что до получения назначения в Кременец здесь набирались педагогического опыта упомянутые Зенович и Ульдинский. В 1829 г. половину административного и учительского состава этого учебного заведения (десять штатных единиц) составляли выпускники Виленского университета (Opisy służbowe z lat 1828–1829, л. 1166–1219).

Постепенное расширение сфер школьной жизнедеятельности на всем пространстве южной части Виленского учебного округа втягивало в орбиту культурного взаимодействия более широкое представительство заинтересованных в функционировании учебных заведений лиц. К нему приобщались и наделенные властными полномочиями чиновники от Виленского университета. Присутствие визитаторов, назначенных от университета (Ш. Малевского, в последующем – ректора университета, Л. Кропинского, Я.-Н. Вилежинского, К. Монюшка, Н. Мяновского и других) на публичных актах различных учебных заведений, усиливали торжественность таких мероприятий, к участию в которых приглашались и наиболее авторитетные городские обыватели, окolicная шляхта (Ярмошик 2009, 272; Rozporządzenia rządowe dla Uniwersytetu Wileńskiego za ministerstwa Razumowskiego, л. 160–162).

Образовательно-культурные связи Вильны с учебными заведениями правобережной Украины предполагали не только передвижения учительского состава, но и движение книжной продукции. В исследуемый период в культурном пространстве городских поселений украинских губерний появились виленские печатные издания (в том числе учебники и периодика), что позволяло формировать среду образованной и читающей публики. Как известно, в первой четверти XIX в. в Российской империи централизованное печатание и распространение учебной литературы только налаживалось. Начиная с 1806 года, регулярной доставкой книг из Вильны занималась университетская типография Завадского (Beauvois 1991, 296–305; Rozporządzenia rządowe dla Uniwersytetu Wileńskiego za ministerstwa Razumowskiego, л. 53) и книжный магазин, открытый при университете (Сборник материалов для истории просвещения в России 1898, 679). К примеру, на протяжении 1814–1816 гг. учебники из Вильны заказывала подавляющая часть школ правобережных украинских губерний, что предусматривалось государственным финансированием. В указанные годы наиболее крупные поставки учебной литературы из Виленского университета направлялись в Подольскую (2177 экземпляров на сумму 764 руб.) и Волынскую гимназии (чуть более 1 тыс. экземпляров стоимостью 364 руб.). Значительно меньше книг выписывали уездные училища (Умань, Каменец-Подольский, Немиров). Но даже самые малые за численностью учеников школы в Овруче и Дубровице делали скромные заказы, несмотря на то, что доставка книг на такие большие расстояния была довольно затратной (Beauvois 1991, 303). За неимением на правобережной Украине сети книжной торговли приобрести отдельные виленские издания можно было в книжном магазине Глюксбергов, который функционировал при типографии Волынского лицея (Маковський 2006, 121–122; Kowalski 2004, 499).

В первой четверти XIX в. зарождается традиция комплектования школьных библиотек правобережной Украины периодическими изданиями – журналами и газетами, которые также, как и учебная литература, играли важную роль в распространении знаний, и собственно – в формировании информационного пространства. В условиях, когда на территории Российской империи пресса как средство массовой коммуникации лишь зарождалась, школы правобережья отдавали предпочтение виленским изданиям. Главная роль в ее доставке отводилась Виленскому университету. Известно, что в 1806 г. это высшее учебное заведение получило разрешение на рассылку периодических изданий без почтовой оплаты. Среди журналов и газет, доставляемых из Вильны в школы правобережной Украины, фигурировали „Dziennik Willeński”, „Gazeta Literacka”, „Kurjer Litewski”, „Messenger de Wilna” (Сборник материалов для истории просвещения в России 1898, 475, 678).

В образовательно-культурных связях Вильны с учебными заведениями встречаются и единичные примеры перемещения культурных ценностей,

либо в случае выезда из правобережной Украины в Вильну на постоянное жительство – дарения своих коллекций местным учебным заведениям. Так, известен случай, когда часть художественной коллекции каноника виленского И.-К. Богуславского, согласно его посмертному завещанию, была передана в Межирицкое уездное училище пиаров (Волынь), в котором он учительствовал в начале XIX века, и составила галерею портретов прославленных поляков (Moszyński 1876, 76–77).

Таким образом, можем констатировать, что учебные заведения правобережной Украины всех типов на протяжении первой четверти XIX в. выступали главными очагами распространения знаний и продуцирования культурного взаимодействия, в орбиту которого попадало все больше горожан. При этом подразумевалась польская культура, что не могло в продолжительной перспективе удовлетворить императорскую власть. Вследствие же коммуникационной обособленности столичных городов Российской империи от правобережной Украины и принадлежности ее территории к единому пространству Виленского учебного округа, более ощутимым в первой четверти XIX в. центром культурного притяжения для ее городов выступала Вильна.

Бібліографія

- КОЛЕСНИК, В. (2011), Польська і російська гімназії в поезуїтських Мурах у першій половині XIX ст. В: Висоцька, К. (ред.), Вінницькі Мури. Погляд крізь віки: Матеріали конференції. Вінниця, 173–202.
- МАКОВСЬКИЙ, С. (2006), Кременецькі джерела творчості Юліуша Словацького. В: Маковський, С. і Собчук, В. (ред.), Волинські Афіни. 1805–1833. Кременець, 118–128.
- О причислении учебных заведений Киевской губернии к округу Харьковского университета (1818. 25 сентября). В: Полное собрание законов Российской империи (1830). XXXV. Санкт-Петербург, 573.
- О новом распределении учебных округов (1831), Литовский государственный исторический архив. Ф. 721. Виленский Императорский университет. Оп. 1. Д. 324.
- Сборник материалов для истории просвещения в России извлеченных из архива Министерства Народного Просвещения (1898). 3. Учебные заведения в западных губерниях. 1805–1807. Санкт-Петербург.
- Устав или общие постановления Императорского Виленского университета и училищ его округа (1803. 18 мая). В: Полное собрание законов Российской империи (1830). XXVII. Санкт-Петербург, 610.
- Формулярные списки директоров и учителей Виленского учебного округа (1825), Литовский государственный исторический архив. Ф. 567. Канцелярия попечителя Виленского учебного округа. Оп. 1. Д. 2.
- ШМИТ, А. (2012), Кременецький ліцей як зразок просвітницької моделі школи на території України у першій половині XIX ст. Кременець.
- ЯРМОШИК, І. І. (2009), Сторінки історії Кременецької гімназії у висвітленні професора Варшавського університету Теодора Вежбовського. В: Інтелігенція і влада. 16, 265–275.
- ANDRZEJOWSKI, A. (1921), Ramoty starego detiuka o Wołyniu. 1. Wilno.

- BEAUVOIS, D. (1991), Szkolnictwo polskie na ziemiach litewsko-ruskich. 1803–1832. II. Szkoły podstawowe i średnie. Lublin.
- CHWALBA, A. (2000), Historia Polski. 1795–1918. Kraków.
- IWANOWSKI, E. (2004), Młodzieńcze lata moje. Rok 1825 [w Krzemieńcu]. W: Makowski, S. (red.), Krzemieniec. Ateny Juliusza Słowackiego. Warszawa, 547–554.
- KACZKOWSKI, K. (2004), Krzemienieckie dzieło Tadeusza Czackiego 1805–1832. W: Makowski, S. (red.), Krzemieniec. Ateny Juliusza Słowackiego. Warszawa, 484–496.
- KOWALSKI, F. (2004), Krzemieniec i krzemieńczyk w latach 1819–1823. W: Makowski, S. (red.), Krzemieniec. Ateny Juliusza Słowackiego. Warszawa, 407–520.
- MOSZYŃSKI, A. (1876), Monografia kollegium i szkoły pijarskiej w Międzyrzeczu-Koreckim. Kraków.
- Opisy służbowe z lat 1828–1829, Отдел рукописи научной библиотеки Вильнюсского университета. Ф. 2. Archiwum Kuratorji Wileńskiej X. Ad. Czartoryskiego. KC 145a.
- Raport ogólny Uniwersytetu Wileńskiego i szkół jego Wydziału za rok 1829 (ros.), Отдел рукописи научной библиотеки Вильнюсского университета. Ф. 2 KC 263.
- Rozporządzenia rządowe dla Uniwersytetu Wileńskiego za ministerstwa Razumowskiego (ros.). (1814), Отдел рукописи научной библиотеки Вильнюсского университета. Ф. 2. KC 299.
- WITTE, K. (2004), Krzemieniec i Liceum w latach 1824–1825. W: Makowski, S. (red.), Krzemieniec. Ateny Juliusza Słowackiego. Warszawa, 527–546.

Источники

- О новом распределении учебных округов (1831), Литовский государственный исторический архив. Ф. 721. Виленский Императорский университет. Оп. 1. Д. 324.
- О причислении учебных заведений Киевской губернии к округу Харьковского университета (1818. 25 сентября). В: Полное собрание законов Российской империи (1830). XXXV. Санкт-Петербург, 573.
- Сборник материалов для истории просвещения в России извлеченных из архива Министерства Народного Просвещения (1898). 3. Учебные заведения в западных губерниях. 1805–1807. Санкт-Петербург.
- Устав или общие постановления Императорского Виленского университета и училищ его округа (1803. 18 мая). В: Полное собрание законов Российской империи (1830). XXVII. Санкт-Петербург, 610.
- Формулярные списки директоров и учителей Виленского учебного округа (1825), Литовский государственный исторический архив. Ф. 567. Канцелярия попечителя Виленского учебного округа. Оп. 1. Д. 2.
- ANDRZEJOWSKI, A. (1921), Ramoty starego detiuka o Wołyniu. 1. Wilno.
- IWANOWSKI, E. (2004), Młodzieńcze lata moje. Rok 1825 [w Krzemieńcu]. W: Makowski, S. (red.), Krzemieniec. Ateny Juliusza Słowackiego. Warszawa, 547–554.
- KACZKOWSKI, K. (2004), Krzemienieckie dzieło Tadeusza Czackiego 1805–1832. W: Makowski, S. (red.), Krzemieniec. Ateny Juliusza Słowackiego. Warszawa, 484–496.
- KOWALSKI, F. (2004), Krzemieniec i krzemieńczyk w latach 1819–1823. W: Makowski, S. (red.), Krzemieniec. Ateny Juliusza Słowackiego. Warszawa, 497–520.
- MOSZYŃSKI, A. (1876), Monografia kollegium i szkoły pijarskiej w Międzyrzeczu-Koreckim. Kraków.
- Opisy służbowe z lat 1828–1829, Отдел рукописи научной библиотеки Вильнюсского университета. Ф. 2. Archiwum Kuratorji Wileńskiej X. Ad. Czartoryskiego. KC 145a.
- Raport ogólny Uniwersytetu Wileńskiego i szkół jego Wydziału za rok 1829 (ros.), Отдел рукописи научной библиотеки Вильнюсского университета. Ф. 2 KC 263.
- Rozporządzenia rządowe dla Uniwersytetu Wileńskiego za ministerstwa Razumowskiego (ros.). (1814), Отдел рукописи научной библиотеки Вильнюсского университета. Ф. 2. KC 299.
- WITTE, K. (2004), Krzemieniec i Liceum w latach 1824–1825. W: Makowski, S. (red.), Krzemieniec. Ateny Juliusza Słowackiego. Warszawa, 527–546.

ИВАН ПОПП

Уральский государственный педагогический университет

ЗУЛЬФИЯ ЗИННАТУЛЛИНА

Казанский федеральный университет

ПРОЕКТЫ ГУБЕРНАТОРОВ О ПРЕОБРАЗОВАНИИ ВОЛОСТНОЙ ЮСТИЦИИ: К ВОПРОСУ СОЗДАНИЯ ВСЕСОСЛОВНОГО МЕСТНОГО СУДА¹

**The projects of governors on transformation of the Volost justice:
about the creation of universal local court**

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: волостной и мировой суды, губернаторы, крестьянская реформа 1861 г., Судебные уставы 1864 г., обычное право

KEYWORDS: Russian Empire, volost and magistrate courts, Governors, the Emancipation Reform of 1861, the Legal statutes of 1864, the customary law

ABSTRACT: The article is devoted to the poorly studied problem of creating in 1860–1880's. a single, local, elected local court in the Russian Empire, which could best respond to the needs of socio-economic development of the country. It was very important after the Emancipation Reform of 1861 in Russia. As the main source the authors use 30 projects of Governors prepared for the Special Commission, which worked on creating the project of local government. These projects can be divided into two groups and each of them had its advantages and disadvantages. In 1885 the Special Commission created the project of new court, but which was not realized.

Одним из итогов крестьянской реформы 1861 г. в России стало введение крестьянского самоуправления, в котором волостной суд занимал одно из ключевых положений (см.: Полное собрание законов Российской империи 1861). Ежегодно в рамках административно-территориальных границ волостей крестьяне самостоятельно избирали из своей среды до 12 судей. Они по очереди разбирали проступки крестьян и их имущественные споры ценой иска до 100 рублей.

Судебные решения основывались на правовых традициях местного населения и совести судей, являлись окончательными и не подлежали

¹ Работа выполнена в рамках исследования, финансируемого грантом РГНФ № 13-11-66003 а(р).

обжалованию. Максимальное наказание за совершенный проступок – до 6 дней общественных работ, либо до 3 рублей, либо до 7 дней ареста, либо до 20 ударов розгами. В результате волостной суд представлял собой сословное, выборное, коллегиальное, независимое, безапелляционное крестьянское судебное учреждение, применявшее нормы обычного права. По мнению современников, одной из причин учреждения особых крестьянских судов была необходимость «оградить крестьянскую общегражданскую жизнь в ее, так сказать, младенческом возрасте от всех побочных влияний» (РГИА Ф. 1282. Оп. 2. Д. 13. Л. 106).

После создания волостных судов в российском обществе возникли острые дискуссии по поводу деятельности и будущего развития этого института. Уже в начале 1860-х гг. появились публикации, в которых авторы негативно отзывались о волостной юстиции. Они указывали на то, что крестьянский суд не подконтролен ни общим судебным, ни административным учреждениям, поэтому иногда «творит» самый «беспощадный и безжалостный произвол». Исследователи (К. Марков, С. Лунгин) подчеркивали, что сами крестьяне не признавали «канцелярский» волостной суд, который у них никогда не существовал, а был образован также как и административно-территориальные единицы – волости – искусственным способом «из разнородных элементов» (Марков 1862, 1–10). К тому же, решениями неграмотных судей-мужиков управляли волостные старосты и писари, а крестьяне не умели грамотно распоряжаться «дарованным» им избирательным правом, поэтому выбирали в судьи самых «худших» из крестьян (Лунгин 1864, 383–397). Это, в основном, объяснялось особенностью «русского менталитета» (см.: Полежаев 2012). Защитники волостного суда, наоборот, отмечали его положительные стороны: близость суда к населению, простое и неформальное решение огромного количества мелких судебных дел на основе обычного права. Они надеялись на постепенное самосовершенствование крестьянского судебного института (Геннади 1862; Воронов 1904; Пестржецкий 1861). Основные выводы сводились к необходимости объединения крестьянской юстиции и судебно-мировых учреждений (ОР РГБ. Ф. 290. П. 29. Д. 1. Л. 5–13; РГИА. Ф. 1405. Оп. 66. Д. 3482а. Л. 50–55).

О деятельности волостных судей писали мировые посредники, мировые судьи, прокуроры судебных палат, – все, кто на практике постоянно сталкивался с решениями неграмотных крестьянских судей. Так, в 1868 г. прокурор Московской судебной палаты с возмущением писал, что местные обычаи, активно использовавшиеся волостными судами при рассмотрении проступков крестьян, «теряют здесь всякое значение, ибо нигде нет, да и быть не может такого обычая, чтобы, например, драться, буйствовать и красть было терпимо». Подобные отзывы публиковались во второй половине 1860-х гг. в специальных сводах замечаний о применении на практике Судебных уставов

с заголовками: «Неудовлетворительность отдельных крестьянских судов» или «Необходимые преобразования во взаимных отношениях волостных и мировых судов». Основные выводы сводились к необходимости объединения крестьянской юстиции и судебно-мировых учреждений (РГИА. Ф. 1405. Оп. 66. Д. 3482а. Л. 50–55).

В 1870–1880-х гг. в Российской империи произошло осознание необходимости преобразования волостной юстиции, поэтому на повестке дня стоял один из важнейших вопросов: «Нужно ли сохранить волостные суды?» (Нужно ли... 1873). Даже апологеты волостной юстиции признавали проблемы в организационных аспектах волостного суда и жаловались, что их оппоненты «решили сплеча, что суд этот никуда не годится, что учреждение это следует вырезать с корнем из народной жизни, вместо того, чтоб постараться об изменении его на более разумных началах, с сохранением в нем того, что в нем бесспорно есть хорошего, с устранением того, что оказалось в практике неудобным, и не достигающим своей цели» (Санкт-Петербургские ведомости 1872, 1). Таким образом, многие признавали недостатки волостных судов, но были и их защитники. Тем не менее, многие признавали, что эта система требует определенных изменений.

В этой связи научный интерес представляют проекты преобразования волостного суда тридцати губернаторов, чьи взгляды, в основном, отражали весь спектр мнений российской общественности по совершенствованию волостной юстиции. В рамках работы Особой комиссии для составления проектов местного управления в июне 1883 г. министр внутренних дел Д. А. Толстой направил губернаторам секретный циркуляр № 529 «О доставлении соображений и заключений по вопросам, касающимся предположений об изменении в местных учреждениях» (РГИА. Ф. 1282. Оп. 2. Д. 12. Л. 1–32). Седьмой вопрос этого документа был посвящен волостному суду: «Каким изменениям должны быть подвергнуты существующие крестьянские суды, нужна ли для них высшая кассационная или ревизионная инстанция, и какая именно?» (РГИА. Ф. 1282. Оп. 2. Д. 12. Л. 5). Советские и современные историки опирались на этот важный источник при изучении преобразований в системе местного управления начала 1880-х гг. (см.: Зайончковский 1970; Христофоров 2011), однако не проводили скрупулезного исследования проблем крестьянской юстиции.

В декабре 1883 – январе 1884 гг. из разных российских губерний пришли ответы министру внутренних дел, что повышает ценность этих хронологически близких исторических источников. Хозяева губерний отмечали, что «вопрос о суде один из самых щекотливых, а потому при решении его необходимы крайняя осторожность» (РГИА. Ф. 1282. Оп. 2. Д. 13. Л. 550 об.), правильно организованный суд «приобретает громадное воспитательное влияние и уважение к себе, развивая в среде народа понятия законности и сознание

своих человеческих прав» (РГИА. Ф. 1282. Оп. 2. Д. 13. Л. 25 об.). Планы были развернутыми с конкретными предложениями по изменению не только организационной основы судоустройства, но и всей системы местного управления. Формально проекты можно разделить на две основные группы: 1) обосновывавшие необходимость несущественных нововведений в организационной структуре волостной юстиции; 2) требовавшие полного пересмотра основ волостного суда, вплоть до его ликвидации. Причем все учитывали применение крестьянами обычного права, поэтому в большинстве проектов предлагалось создание обновленных крестьянских судов с учетом традиционных правовых норм.

К первой группе можно отнести проекты *новгородского, саратовского, уфимского, харьковского, херсонского, ярославского, симбирского и тверского* губернаторов, причем только последний из них положительно отозвался о деятельности волостного суда. Он же рекомендовал создать из волостных судей апелляционную инстанцию под председательством лица, утверждаемого правительством, которому предоставлялось право ревизии судопроизводства волостных судей (РГИА. Ф. 1282. Оп. 2. Д. 14. Л. 181–183). Те же принципы отстаивал *симбирский* губернатор, предложивший объединить судебную и административную власти на уровне волости, назначив волостных старшин председателями судов. Для надзора за новыми судебно-административными учреждениями были необходимы специальные начальники, которые могли бы приостанавливать и отменять решения волостных судов (РГИА. Ф. 1282. Оп. 2. Д. 14. Л. 308–309). В этих проектах просматривался курс на подчинение волостного суда административной власти.

Остальные начальники губерний высказались за сохранение крестьянских судов, но скрупулезно описали их проблемы. При этом никто из них не ставил под сомнение существование в крестьянской среде особого обычного права, заметно отличавшегося от общего законодательства Российской империи.

В результате эти апологеты волостной юстиции отстаивали фундаментальное положение о невозможности апелляционных обжалований на решения волостных судей в общих судебных учреждениях, которые рассматривали уголовные и гражданские дела на основе «позитивного» права и не понимали крестьянских обычаев. Настороженно губернаторы относились и к отменам решений (т.е. кассационным обжалованиям) волостных судей, однако признавали их при строгом определении случаев. Кроме того, для улучшения деятельности волостного суда предлагалось: 1) разграничить подсудность между волостными и мировыми судами с помощью издания сельского судебного устава; 2) присвоить особый знак волостным судьям и назначить им жалование для привлечения к деятельности грамотных крестьян; 3) расширить сферу подсудности волостному суду в крестьянских имущественных спорах до 500 рублей; 4) законодательно признать «суды

стариков» в каждой крестьянской общине и подчинить их волостным судам (РГИА. Ф. 1282. Оп. 2. Д. 12. Л. 438 об.–440 об.; Д. 13. Л. 550 об.–560 об.; Д. 14. Л. 245, 309–315 об., 386–387 об.; Д. 15. Л. 243–243 об.).

Таким образом, эти администраторы предлагали проекты реформирования волостного суда, направленные на закрепление сословного судопроизводства, основанного на обычном праве. Эти предложения соответствовали консервативным взглядам представителей высшей административной власти, видевших в сохранении традиционного крестьянского элемента главную опору «против пробудившихся в высших классах стремлений, так называемого, конституционального свойства, то есть стремлений к известной доле участия в политической жизни страны» (Валуев 1919, 190).

Вторую группу планов представили казанский, олонецкий, орловский, черниговский, вологодский, вятский, калужский, нижегородский, пензенский, пермский, Санкт-Петербургский, таврический, тамбовский, самарский, бессарабский, владимирский, екатеринославский, костромской, курский, полтавский, смоленский и тульский губернаторы. Они поддержали меры по ревизии организационных основ крестьянских судов, подвергнув их более серьезной и обстоятельной критике.

Первые четыре губернатора представили проекты, направленные на исправление проблем в низших судебных учреждениях, сохранение и закрепление основ общинного хозяйства, более широкое и эффективное применение норм обычного права. Главное предложение заключалось в ликвидации «формального» волостного суда. Предполагалось законодательно закрепить судебные функции за «сельскими судами» (крестьянскими сельскими сходами, «судами стариков»). Эти неформализованные, наиболее приближенные к крестьянам, институты «творили» бы справедливый и непредвзятый суд. Второй инстанцией должны были стать либо мировые суды, либо съезды представителей от каждой общины (РГИА. Ф. 1282. Оп. 2. Д. 12. Л. 162–162 об.; Д. 13. Л. 129–138, 294 об.; Д. 15. Л. 38 об.–39). К сожалению, в этих проектах не объяснялось, каким образом можно в апелляционном или кассационном порядках проконтролировать огромное количество судов, которых, в случае реализации подобных планов, даже в одной Пермской губернии насчитывалось бы более 3000?!²

Вологодский, вятский, калужский, нижегородский, пензенский, пермский, Санкт-Петербургский, таврический, тамбовский и самарский начальники губерний также признавали существование норм обычного права в крестьянской среде, однако в отличие от предыдущих коллег они выдвинули основное

² В 1880-х гг. в Пермской губернии насчитывалось более 3000 сельских обществ, исходя из проектов, каждое общество должно было иметь свой «суд стариков», следовательно, – 3000 судов. Подсчитано авторами по данным ОР РГБ. Ф. 290. П. 64. Д. 4. Л. 50–62.

условие сохранения волостного суда: введение действенной системы апелляционных и кассационных обжалований судебных решений, причем признавали необходимым для создания «живой связи» судебных учреждений поставить волостных судей в той или иной мере под контроль мировой юстиции.

Для сохранения возможности применения норм обычного права в волостном судопроизводстве предлагалось либо назначать мировых судей председателями будущих съездов волостных судей с правом совещательного голоса, либо вызывать волостных к мировым судьям при рассмотрении апелляционных жалоб, либо позволить съездам мировых судей отменять незаконные решения, либо просто обязать мировых судей ревизовать волостную юстицию. По мнению санкт-петербургского губернатора, в таком случае «следует ожидать, что население, скорее всего, ознакомится с существующими законами и приобретет уважение к существующим правам и обязанностям» (РГИА. Ф. 1282. Оп. 2. Д. 12. Л. 39 об.–43 об., 101–102 об., 193, 398 об.–400, 416–417 об.; Д. 13. Л. 320 об.–321, 367 об.–371 об., 453–455; Д. 14. Л. 50–54, 126–126 об.; Д. 15. Л. 6).

Впервые об объединении волостного и мирового судов рассуждали в правительственных кругах еще при подготовке судебной реформы 1864 г. Так, вопрос о взаимодействии двух выборных судебных учреждений возник в апреле 1862 г. в Государственном Совете при рассмотрении «Основных начал преобразования судопроизводства и судоустройства» Российской империи, а подробно рассматривался в Особой комиссии для начертания проектов законоположений о преобразовании судебной части. В итоге 15 членов комиссии предложили предоставить право тягущимся самостоятельно выбирать суд для ведения гражданских исков. Такое «мягкое» предложение не было поддержано большинством комиссии, поэтому на этапе подготовки Судебных уставов не удалось «установить правильную связь между этим важнейшим учреждением (*волостным судом*) и всей судебной организацией империи» (РГИА. Ф. 1405. Оп. 66. Д. 3482а. Л. 247–252 об.; Записка Государственного секретаря В. Буткова от 24 декабря 1863 г.).

На протяжении 1860–1880-х гг. мнение об объединении волостной и мировой юстиций постоянно озвучивалось в общественных и правительственных кругах. В целом, Судебные уставы 1864 г. отделили мировой суд от общих судебных учреждений, приблизив его к населению и введя единоличную власть судьи, не требовавшую ни специального юридического образования, ни сложного формального судопроизводства (ОР РГБ. Ф. 290. П. 46. Д. 6. Л. 2–2 об.). При обсуждении проекта Устава гражданского судопроизводства большинство Особой комиссии разрешило мировым судьям применять обычное право в судопроизводстве (ОР РГБ. Ф. 290. П. 22. Д. 2. Л. 38 об.–44), что стало веским аргументом защитников объединения волостного и мирового судов.

Уже в начале 1880-х гг. население и представители власти ощущали потребность в преобразовании всей системы волостного управления: превращения

его из узкосословного крестьянского – во сословное. Так, член Государственного Совета, сенатор М. Ковалевский, ревизовавший отдаленные от центра Казанскую, Уфимскую и Оренбургскую губернии, писал: «Уступая требованиям современной жизни, волость все более и более утрачивает характер сословного крестьянского учреждения и, служа нуждам всех лиц, проживающих в пределах волости, тем самым вызывает необходимость коренного преобразования» (ОР РГБ. Ф. 290. П. 151. Д. 4. Л. 2 об.). Естественно, такая волость требовала сословного местного суда.

Остальная часть губернаторов второй группы проектов предложила создать местный суд для всех сословий, совершенно ликвидировать волостных судей, передав их дела либо в судебно-мировой институт, либо в иное сословное судебное учреждение. Однако среди них не было единого мнения по вопросу применения обычного права в обновленном суде. Наиболее проработанным был проект *владимирского губернатора*, который обосновал проблемы не только волостных, но мировых судов (высокий имущественный ценз для кандидатов в мировые судьи, влияние на них земских и административных учреждений, огромные по площади участки и др. и предложил создать «волостной мировой коллегияльный суд», который был бы «близок для каждого сельского обывателя, дешев и, по простоте своих процессуальных форм, доступным каждому темному крестьянину» (РГИА. Ф. 1282. Оп. 2. Д. 15. Л. 106 об.).

Этот проект предполагал объединение нескольких волостей в один судебный округ, в каждом из которых открывался сословный судебный институт, состоявший из председателя и нескольких членов. Съезд председателей этих судов мог обжаловать несправедливые решения. Представители обновленного судебного учреждения должны были избираться в земских собраниях и волостных сходах, иметь образовательный ценз, служить не менее 6 лет, получать зарплату за свой труд и разбирать все мелкие гражданские и уголовные дела. В таком случае происходило бы взаимовлияние обычного и позитивного права. На основе деятельности этих судов в ближайшем будущем можно было подготовить обновленные уставы уголовного и гражданского судопроизводства, с учетом крестьянского традиционного права.

По мнению председателя Особой комиссии по составлению проектов местного управления, члена Государственного Совета М. С. Каханова все представленные в министерство внутренних дел проекты служили «весьма полезным подспорьем при рассмотрении вопросов о местном управлении» (РГИА. Ф. 1282. Оп. 2. Д. 15. Л. 412). В январе 1885 г. на заключительных совещаниях Особой комиссии был утвержден окончательный проект обновленного волостного суда, включавший следующие основные положения: 1) вводилась апелляционная инстанция под председательством мирового судьи; 2) отменой решений волостных судов занимались только съезды мировых судей, им же поручался надзор, ревизия и привлечение к ответственности

судей; 3) расширился круг подведомственных волостной юстиции гражданских дел; 4) подсудность волостному суду распространялась на лиц, проживавших в пределах волости, но не принадлежавших к крестьянскому сословию (кроме привилегированных сословий) (Журнал Высоч. Учрежд.).

Таким образом, кахановская комиссия поддержала губернаторов, которые выступали за объединение волостной и мировой юстиции. Этот стратегически верный подход в наибольшей степени соответствовал требованиям развития социально-экономической системы страны, подталкивал к постепенному становлению не только независимого, всесословного, единого, близкого местного суда, но и трансформации всей правовой системы. Реализация предложенного плана позволяла в ближайшем будущем сосредоточить внимание на изучении народных обычно-правовых норм, выбрать наиболее адекватные и внедрить их в обновленные судебные уставы. Это в свою очередь создало бы твердую базу для дальнейшего развития имущественных и товарно-денежных отношений в крестьянской среде. К сожалению, проекты кахановской комиссии остались на бумаге, а самодержавие взяло курс на ликвидацию мировой юстиции и усиление волостного суда под полнейшим контролем представителей административной власти – земских начальников, закон о которых был опубликован в 1889 г. Местный суд так и не стал всесословным, единым, независимым и близким населению.

Библиография

- Валуев, П. А. (1919), Дневник 1877–1884 гг. Санкт-Петербург.
- Воронов, Ф. Ф. (1904), Сорок лет тому назад. В: Вестник Европы. 7/7 [н.с.].
- Лунгин, С. Ф. (1864), Волостные суды. В: Русский вестник. 3/50, 383–397.
- Геннади, Г. (1862), Кое-что о волостных судах. В: День. 20, 14–15.
- Журнал Высочайше учрежденной Особой комиссии для составления проектов местного управления № 7. Печатная записка НСБ РГИА № 144. Л. 1–15 об.
- Зайончковский, П. А. (1970), Российское самодержавие в конце XIX столетия (политическая реакция 80-х – начала 90-х годов). Москва.
- Записка Государственного секретаря В. Буткова от 24 декабря 1863 г. О работе комиссии по преобразованию судебной части. Печатная записка Научно-справочной библиотеки Российского государственного исторического архива (НСБ РГИА) № 645. Л. 1–14.
- Марков, К. (1862), Из деревни. [м.и.]
- Нужно ли... (1973), Нужно ли сохранить волостные суды? Москва.
- Пестржецкий, А. (1861), О суде крестьян, вышедших из крепостной зависимости. В: Журнал Министерства юстиции. 9, 3–30.
- Полежаев, Д. (2012), Русский менталитет: социально-философская концепция. W: Przegląd Wschodnioeuropejski. III, 285–303.
- Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ-2) (1861), 36/1. № 36657. 155–169. ОР РГБ (Отдел рукописей Российской государственной библиотеки). Ф. 290. П. 29. Д. 1. Л. 5–13.
- РГИА (Российский государственный исторический архив). Ф. 1282. Оп. 2. Д. 12. Л. 1–32.
- РГИА. Ф. 1282. Оп. 2. Д. 12. Л. 39 об.–43 об.
- РГИА. Ф. 1282. Оп. 2. Д. 12. Л. 101–102 об.

- РГИА. Ф. 1282. Оп. 2. Д. 12. Л. 162–162 об.
РГИА. Ф. 1282. Оп. 2. Д. 12. Л. 193.
РГИА. Ф. 1282. Оп. 2. Д. 12. Л. 398 об.–400.
РГИА. Ф. 1282. Оп. 2. Д. 12. Л. 416–417 об.
РГИА. Ф. 1282. Оп. 2. Д. 12. Л. 438 об.–440 об.
РГИА. Ф. 1282. Оп. 2. Д. 13. Л. 25 об.
РГИА. Ф. 1282. Оп. 2. Д. 13. Л. 106.
РГИА. Ф. 1282. Оп. 2. Д. 13. Л. 129–138.
РГИА. Ф. 1282. Оп. 2. Д. 13. Л. 294.
РГИА. Ф. 1282. Оп. 2. Д. 13. Л. 320 об.–321.
РГИА. Ф. 1282. Оп. 2. Д. 13. Л. 367 об.–371 об.
РГИА. Ф. 1282. Оп. 2. Д. 13. Л. 453–455.
РГИА. Ф. 1282. Оп. 2. Д. 13. Л. 550 об.–560 об.
РГИА. Ф. 1282. Оп. 2. Д. 14. Л. 50–54.
РГИА. Ф. 1282. Оп. 2. Д. 14. Л. 126–126 об.
РГИА. Ф. 1282. Оп. 2. Д. 14. Л. 181–183.
РГИА. Ф. 1282. Оп. 2. Д. 14. Л. 245.
РГИА. Ф. 1282. Оп. 2. Д. 14. Л. 309–315 об.
РГИА. Ф. 1282. Оп. 2. Д. 14. Л. 386–387 об.
РГИА. Ф. 1282. Оп. 2. Д. 15. Л. 6.
РГИА. Ф. 1282. Оп. 2. Д. 15. Л. 38 об.–39.
РГИА. Ф. 1282. Оп. 2. Д. 15. Л. 243–243 об.
РГИА. Ф. 1282. Оп. 2. Д. 15. Л. 308–309.
РГИА. Ф. 1282. Оп. 2. Д. 15. Л. 412.
РГИА. Ф. 1405. Оп. 66. Д. 3482а. Л. 50–55.
РГИА. Ф. 1405. Оп. 66. Д. 3482а. Л. 247–252 об.
ОР РГБ (Отдел рукописей Российской государственной библиотеки). Ф. 290. П. 22. Д. 2. Л. 38 об.–44.
ОР РГБ. Ф. 290. П. 46. Д. 6. Л. 2–2 об.
ОР РГБ. Ф. 290. П. 151. Д. 4. Л. 2 об.
Санкт-Петербургские ведомости (1872).
Христофоров, И. А. (2011), Судьба реформы. Русское крестьянство в правительственной политике до и после отмены крепостного права (1830–1890-е гг.). [м.и.]

RAFAŁ CZACHOR

Uczelnia Jana Wyżykowskiego w Polkowicach

WYZWANIA REFORMY SAMORZĄDOWEJ I PROCESU DECENTRALIZACJI NA UKRAINIE PO 1991 ROKU

Local self-government reform and decentralization: challenges for Ukraine after 1991

SŁOWA KLUCZOWE: samorząd terytorialny, decentralizacja, demokratyzacja, Ukraina

KEYWORDS: local self-government reform, decentralization, democratization, Ukraine

ABSTRACT: Local self-government reforms were one of most important elements of political transformations in the post-communist countries. Currently Ukrainian authorities pay much attention to this problem, however all previous attempts of reforms were insufficient. The paper deals with theoretical aspects of local self-government models in a functional approach and discusses challenges that Ukraine will face during the reform. The author concludes that despite of positive tendencies of the reform, it brings serious threats to Ukrainian statehood.

Ukraina jest przykładem państwa postradzieckiego, którego system polityczny w mijającym ćwierćwieczu dokonał głębokiej zmiany, cechując się mobilizującymi szerokie masy społeczne wstrząsami – kryzysami legitymacji władzy. Na obecnym etapie rozwoju państwa ukraińskiego ważnym zagadnieniem pozostaje reforma modelu samorządu lokalnego oraz decentralizacja władzy. Świadczy o tym rosnąca liczba publikacji, głównie ekonomistów i konstytucjonalistów, prowadzących badania zarówno w ujęciu porównawczym, jak i pożądanym kierunków zmian. Będąca obecnie w toku reforma samorządowa na Ukrainie uwarunkowana jest zjawiskami w polityce wewnętrznej państwa oraz wpływem środowiska międzynarodowego. Celem niniejszego artykułu jest przedstawienie teoretycznych uwag na temat istniejących wariantów ustroju samorządu lokalnego w ujęciu systemowo-funkcjonalnym oraz odniesienie ich do wyzwań stojących przed Ukrainą w związku z trwającą reformą. Artykuł składa się z dwóch zasadniczych części: 1) określenia istoty samorządu lokalnego w jednym z najczęściej używanych na gruncie politologii paradygmacie systemowo-funkcjonalnym i charakterystyki możliwych modeli relacji pomiędzy władzą centralną a zorganizowanymi wspólnotami lokalnymi (w artykule wymieniane określanymi jako „peryferie” wobec państwowego „centrum”) oraz 2) analizy

procesu ewolucji i zakresu współczesnej reformy samorządowej na Ukrainie, w tym dyskusji związanych z nią szans i zagrożeń. Artykuł powstał na podstawie dostępnej literatury przedmiotu, wyników przeprowadzonej w kwietniu w 2015 roku wizyty studyjnej na Ukrainie oraz rozmów z ekspertami.

Samorząd lokalny w ujęciu systemowo-funkcjonalnym

Zagadnienie samorządności, choć będące przedmiotem licznych studiów naukowych i praktyką życia publicznego wielu społeczeństw, wciąż pozostaje różnie definiowane. Samorząd z reguły sprowadzany jest do rządzenia samym sobą, w wymiarze wyodrębnionej wspólnoty o charakterze terytorialnym, zawodowym itp. W tym wypadku oznacza pewną niezależność danej wspólnoty od scentralizowanych struktur państwowych oraz partycypację w rozwiązywaniu problemów jej dotyczących (Barański 2007, 8; Gąciarz 2004, 60). W świetle prawa samorząd terytorialny to „forma samorządu o przymusowym charakterze członkostwa, obejmująca wszystkie osoby zamieszkałe na terenie określonej jednostki podziału terytorialnego państwa, polegająca na niezależnym od administracji rządowej zarządzaniu własnymi sprawami społeczności lokalnej” (Banaszak 2007, 493) Przyjęta przez Radę Europy w 1985 roku *Europejska Karta Samorządu Lokalnego* definiuje samorząd lokalny jako „prawo i zdolność społeczności lokalnych, w granicach określonych prawem, do kierowania i zarządzania zasadniczą częścią spraw publicznych na ich własną odpowiedzialność i w interesie ich mieszkańców” (*Europejska*).

Współcześnie wskazuje się, że samorząd odgrywa kluczową rolę w procesie decentralizacji państwa (Bukowski/Jędrzejewski/Rączka, 2005, 27; Dębski 2014, 27). Decentralizacja i dekoncentracja władzy odbywa się poprzez rozłożenie kompetencji na różne podmioty w pionowym układzie struktury terytorialnej państwa, a władzę publiczną sprawują ogniwa różnych szczebli (Lutrzykowski 2006, 91). Proces tegoż „rozkładu” przebiegał w różnych państwach odmiennie, co uwarunkowane jest czynnikami natury obiektywnej: specyfiką geograficzną, historyczną, kulturową, w tym tradycją organizacji społeczno-politycznej. W literaturze naukowej istnieje kilka typologii państwowych tradycji samorządności zasadniczo opierających się na trzech kryteriach: zadań i kompetencji, prawa do postępowania według własnego uznania i dostępu do funkcjonujących ram formalno-prawnych, wytyczanych przez władze centralne (Rajca 2010, 15–17).

Idea samorządu terytorialnego materializuje się jako: a) jedna z podstaw ustroju państwa demokratycznego, gdzie część kompetencji suwerena jest realizowana poprzez organy wyłączone ze struktury państwowej władzy centralnej; b) specyficzna forma realizacji władzy suwerena (narodu) w drodze samostanowienia danej wspólnoty lokalnej w ramach określonych ustawami; c) system stosunków społecznych, związanych z realizacją posiadanego prawa do decydowania w kwestiach dotyczących

danej wspólnoty, mechanizm politycznej organizacji społeczności lokalnej. Atrybutem wspólnot jest – wynikająca ze świadomości woli działania, posiadania pewnej autonomii w wyborze działań oraz mocy sprawczej – podmiotowość polityczna. Oznacza to, że wspólnoty lokalne charakteryzują się statusem podmiotu politycznego (aktora politycznego), współuczestnicząc w określonym stopniu w podejmowaniu wiążących decyzji publicznych (Jabłoński 2006, 167; Antoszewski 2014, 115).

W świetle powyższego relacje pomiędzy władzą centralną a peryferiami, a więc wspólnotami lokalnymi, mogą być analizowane w kategoriach relacji autonomicznych aktorów dążących do maksymalizacji korzyści, np. zgodnie z teorią racjonalnego wyboru lub w paradygmacie neoinstytucjonalnym. Do przyjmowania takiej perspektywy badawczej, a więc traktowania jednostek administracyjno-terytorialnych w ich relacji z centrum państwa jako jego peryferyjnych subpodmiotów, ale jednocześnie autonomicznych subsystemów politycznych, zachęca model systemu politycznego rozwinęty przez D. Eastona (sam Easton nie negował możliwości stosowania tego podejścia do analizy na różnych szczeblach organizacji społecznej) (Cockburn 1977; Туповский 2007, 20). Dla badacza systemów politycznych, a więc koncepcji *sui generis* abstrakcyjnej, ich granice mają miejsce w przestrzeni politycznej, są – w odróżnieniu od granic fizycznych jednostek administracyjno-terytorialnych – nieliniowe. Jednak przy upraszczającym założeniu, że jednostki administracyjno-terytorialne są funkcjonalnymi odpowiednikami systemu politycznego państwa w mniejszej skali, można zakładać, że powinny one charakteryzować się wszystkimi cechami systemu, a głównie być w stanie zapewnić sobie funkcjonalność i homeostazę.

W ujęciu funkcjonalnym istota sprawnego modelu samorządu opiera się na równowadze relacji, przy ich jednoczesnej asymetrii, pomiędzy centrum a peryferiami w procesie sprawowania władzy (czyli alokacji zasobów materialnych, organizacyjnych, symbolicznych). Równowaga ta jest dynamiczną relacją uzależnioną od interesów centrum i peryferii. Jej naruszenie może mieć bardzo istotne konsekwencje dla przetrwania państwa, które związane są z pojawieniem się jego dysfunkcyjności. W związku z tym możliwe są następujące scenariusze niesprawności państwa: a) państwo przecentralizowane (Związek Socjalistycznych Republik Radzieckich); b) państwo zbyt zdecentralizowane (Mikronezja, Nigeria); c) państwo upadłe, *failed state* (Somalia, Republika Środkowoafrykańska).

Sprawny model samorządu lokalnego, a więc w istocie model relacji centrum-peryferie, uwarunkowany jest dwoma rodzajami czynników. Pierwszą grupę tworzą uwarunkowania strukturalne, w tym charakter hierarchicznej struktury jednostek administracyjno-terytorialnych (federalizm/unitarność, liczba poziomów jednostek administracyjno-terytorialnych), ich typ i granice. Drugą grupę stanowią uwarunkowania funkcjonalne, komunikacyjne (w rozumieniu zaproponowanym przez K. Deutscha): zarówno istnienie kanałów komunikacji horyzontalnej i wertykalnej w danej wspólnocie, jak i w ogóle istnienie rzeczywistej wspólnoty o cechach funkcjonalnych.

O ile władza centralna ma charakter władzy najwyższej i suwerennej, to samorząd terytorialny ma niższy status: funkcjonuje w ramach wyznaczanych przez władzę centralną i jest przez nią kontrolowany w zakresie realizacji posiadanych kompetencji. Ponadto na władzy centralnej spoczywa obowiązek ochrony, udzielania gwarancji i wspierania działalności organów samorządowych. Samorząd terytorialny posiada ograniczony zakres kompetencji, co wynika z ich podziału pomiędzy organy władzy państwowej: centralnej i terenowej oraz samorząd. Z reguły kwestie będące przedmiotem zainteresowania samorządu terytorialnego sprowadzają się do zarządzania sprawami i gospodarowania majątkiem lokalnym, rozwiązywania problemów związanych z codziennym życiem wspólnoty. Oznacza to, że peryferie nie dążą do równoprawnych relacji z centrum, bowiem oznaczałoby to rozpad państwa, lecz do realizacji własnych interesów w istniejących ramach ustrojowych. Z reguły dominuje wspólnota interesów, a nie ich przeciwstawność, choć odwołanie do kategorii siły – podstawowej dla charakterystyki stosunków między podmiotami państwowymi – umożliwia wyróżnienie czterech modeli relacji centrum-peryferie (a więc modeli samorządu terytorialnego). Siła jest tu rozumiana jako potencjał wzajemnego oddziaływania, zakres prerogatyw, stopień kontroli centrum nad peryferiami i stopień autonomii peryferii, niezależności (w tym politycznej i gospodarczej) od centrum. Siła peryferii w ramach jednego państwa (jednego systemu politycznego) również może się różnić i być uzależniona od położenia geograficznego poszczególnych jednostek, wielkości terytorium, liczby zaludnienia, poziomu rozwoju społeczno-gospodarczego i innych czynników.

Model pierwszy to model „silne centrum – słabe peryferie”. Właściwy jest państwom scentralizowanym o strukturze unitarnej, w których samorządność jest ograniczona instytucjonalnie. Model drugi: „silne centrum – silne peryferie”. Jest to najbardziej stabilny, efektywny model asymetrycznej równowagi relacji, w którym artykułowane, agregowane i zaspokajane są potrzeby obu stron. Model trzeci: „słabe centrum – silne peryferie”. Jest to model niestabilny, zaś źródłem zagrożenia dla jego przetrwania jest dysfunkcjonalność centrum. Model czwarty: „słabe centrum – słabe peryferie”. Z reguły istnieje wobec braku jakiejkolwiek alternatywy, może prowadzić do rozpadu państwa w związku z niesprawnością instytucji władzy na poziomie centralnym i lokalnym.

Ewolucja modelu samorządu lokalnego na Ukrainie po 1991 roku

Początki obecnego modelu samorządu lokalnego na Ukrainie związane są z ustawą Ukraińskiej Socjalistycznej Republiki Radzieckiej *O terenowych radach deputowanych ludowych* z 7 grudnia 1990 roku. Zgodnie z nią system samorządów lokalnych miał obejmować terenowe organy prawodawcze oraz wykonawcze: rady deputowanych

ludowych oraz komitety wykonawcze na wszystkich trzech szczeblach jednostek administracyjno-terytorialnych: w obwodach, rejonach (powiatach) i gminach (*Промаїсїєсї*). Ten krótki, bo trwający do 1992 roku, okres cechował się podjętą przez ustawodawcę próbą nałożenia na organy samorządu obowiązków realizacji funkcji bezpośrednio im należących oraz funkcji organów państwowych (Hікончук 2011, 49). Wprowadzenie do systemu organów państwowych instytucji prezydenta w końcu 1991 roku, po ogłoszeniu przez Ukrainę niepodległości, wpłynęło na proces kształtowania się samorządu lokalnego. W marcu 1992 roku przyjęto ustawę *O przedstawicielach prezydenta Ukrainy*, która stała się prawnym fundamentem powołania struktur tzw. pionu prezydenckiego (*Про Представника*). Na jej mocy terenowe organy wykonawcze na poziomie obwodów i powiatów stały się częścią podległych prezydentowi organów egzekutywy. Szefowie komitetów wykonawczych, wyznaczani przez prezydenta jego przedstawiciele, stali się reprezentantami władzy państwowej w terenie (na szczeblu obwodów zwyczajowo nazywani gubernatorami). Tym samym rady deputowanych, jako samorządowe ciała prawodawcze, pozbawione zostały podległych sobie organów wykonawczych.

W lutym i czerwcu 1994 roku przyjęto akty prawne prowadzące do odejścia od dominacji organów władzy centralnej w zarządzaniu lokalnym. Zlikwidowano instytucję przedstawicieli prezydenta, co przyczyniło się do podjęcia dalszych prac nad modelem samorządu terytorialnego. Proces petryfikacji systemu, w którym rady wszystkich szczebli posiadały kontrolę nad lokalną egzekutywą, realizowaną poprzez skupienie kompetencji przewodniczącego obu ciał w rękach wybieralnego przewodniczącego rady, można ocenić za właściwy krok zarówno ku wytworzeniu się podmiotowości politycznej lokalnych wspólnot (choć obciążonych postradziecką kulturą polityczną), jak i jego efektywności.

W czerwcu 1995, w toku trwającego procesu konstytucjonalizacji ustroju Ukrainy, podpisana została umowa konstytucyjna regulująca także zagadnienia samorządności lokalnej (*Конституційний*). Była ona kompromisem pomiędzy zwolennikami silnej, zcentralizowanej władzy prezydenckiej a zwolennikami rozproszonego modelu władzy, w którym większą rolę nadano by wspólnotom lokalnym. Pod naciskami rządzącego od 1994 roku prezydenta Ł. Kuczmy, kształtującego silną władzę prezydencką, przywrócono instytucję przedstawicieli prezydenta, odtwarzając model władzy z 1992 roku, a tym samym degradując znaczenie instytucji samorządu lokalnego. Przywrócono państwowe administracje terytorialne, które utrzymały hierarchiczną zależność i podległość głowie państwa, i zlikwidowano tym samym samorządowe komitety wykonawcze. Zmiany te były krytykowane przez niektórych specjalistów za odstąpienie od dotychczasowych osiągnięć i regres na polu demokratyzacji państwa (Łazor 2010, 132).

W materii samorządu terytorialnego przyjęta w czerwcu 1996 roku konstytucja Ukrainy potwierdziła i zagwarantowała jego istnienie i ochronę (art. 7) oraz obowiązujące do tej pory regulacje w rozdziale XI (*Konstytucja*). Samorząd zdefiniowano

jako „prawo zbiorowości (hromady) terytorialnej – mieszkańców wsi lub dobrowolnie zjednoczonej w wiejską zbiorowość mieszkańców kilku wsi, osiedla czy miasta – do samodzielnego rozstrzygania spraw o znaczeniu lokalnym” (art. 140). Zakładano łączenie przez przewodniczących rad obwodowych i powiatowych przynależących im funkcji z kompetencjami szefa jej komitetu wykonawczego (art. 141). Ustawa przewidywała wprowadzenie majątku komunalnego oraz przekazanie na własność samorządom ziemi, surowców naturalnych, które wraz z dochodami lokalnymi miały tworzyć podstawę materialną i finansową samorządów (art. 142–143).

Kompleksowo zagadnienie funkcjonowania samorządu uregulowała ustawa *O samorządzie lokalnym* z maja 1997 roku (*Про місцеве*). Wprowadzony został tym samym nowy model samorządu, jednak należałoby raczej mówić o ewolucji i kontynuacji istniejących rozwiązań w nowych ramach prawnych niż o jakościowej zmianie. Przyniosła ona definicję podmiotowości samorządu w postaci nie jego organów, lecz wspólnoty mieszkańców. Wspólnoty zyskały prawo przyjmowania własnych statutów. Ustawa wprowadziła rozdzielenie funkcji przewodniczącego obwodowej i powiatowej rady oraz przewodniczącego aparatu wykonawczego. Po raz pierwszy w ustawodawstwie ukraińskim pojawiła się zasada subsydiarności.

Ustawa z 1997 roku nadała wybieralnym radom wszystkich szczebli prawo tworzenia podległych sobie organów wykonawczych. W praktyce instytucje samorządu funkcjonują wyłącznie na najniższym szczeblu, bowiem w obwodach i powiatach ograniczają się jedynie do istnienia wybieralnych rad. Nie posiadają one podległych sobie organów wykonawczych. Egzekutywę na najwyższym i średnim szczeblu stanowią podporządkowane prezydentowi i przez niego powoływane w drodze dekretu terenowe administracje państwowe. Formalnie rady kontrolują działalność terenowych administracji państwowych, jednakże możliwość wyrażenia wotum nieufności wobec niej przez daną radę jest dość utrudniona (poprzez wymóg kwalifikowanej większości 2/3 członków rady). Jedynie w miastach funkcjonują samorządy z merem jako wybieralnym szefem egzekutywy.

W kolejnych latach model samorządu pozostał zasadniczo niezmienny, aczkolwiek w przekonaniu polityków narastała potrzeba kompleksowej reformy. Plany takie, choć niezrealizowane, pojawiły się w okresie rządów W. Juszczenki. Także w 2012 roku, przy ówczesnym prezydencie W. Janukowyczu, powołano zespół przygotowujący reformę samorządu, która zakładała konsolidację rozdrobnionych jednostek administracyjno-terytorialnych oraz uszczegółowienie kompetencji samorządów, zwiększenie uprawnień wykonawczych oraz posiadanych środków finansowych (*Концепція*). Wypracowana wówczas koncepcja nie została wdrożona, bowiem – podobnie jak w okresie rządów „pomarańczowych” – nie były nią zainteresowane dążące do centralizacji mechanizmów rządzenia szerokie elity władzy, w tym otoczenie Janukowycza (Iwański/Żochowski 2013, 1).

Do tej pory nieuregulowany pozostaje szereg istotnych kwestii dotyczących funkcjonalnego aspektu ukraińskiej samorządności. Mimo że w 1997 roku Ukraina

ratyfikowała *Europejską Kartę Samorządu Lokalnego*, nie doszło do decentralizacji fiskalnej, przekazania wspólnotom lokalnym majątku, nierealizowana jest zasada subsydiarności. Czyni to samorządy słabymi i skazanymi na pomoc od władz centralnych – w połowie jednostek administracyjno-terytorialnych udział dotacji wyrównawczych z budżetu państwa przekracza 70%. Z kolei około 90% środków samorządów pochłaniają koszty utrzymania administracji.

Funkcjonujący obecnie model ucieleśnienia specyfikę przekształceń systemowych w okresie po rozpadzie Związku Radzieckiego. Jego zasadniczą dysfunkcjonalność i niechęć władz centralnych do wprowadzania reform, podyktowana zarówno przekonaniem o ich większej sprawności niż wspólnot lokalnych, jak i interesami rządzących koterii, właściwa jest także innym państwom postradzieckim (Swianiewicz 2011, 7). Obecna struktura administracyjno-terytorialna państwa ukształtowana została w latach 60. XX wieku i opiera się na trzech szczeblach: szczebel najwyższy tworzą 24 obwody, 1 republika autonomiczna, 2 miasta wydzielone (tę kwestię reguluje art. 133 konstytucji); szczebel średni 490 rejonów (powiatów); szczebel najniższy prawie 30 tys. gmin, miast i dzielnic w miastach (dane nie uwzględniają zmian, które nastąpiły po aneksji Krymu przez Rosję oraz powstania separatystycznych republik na wschodzie Ukrainy). Po uzyskaniu niepodległości w 1991 roku wzrosła liczba jednostek administracyjno-terytorialnych najniższego szczebla, podczas gdy liczba ludności wiejskiej zmniejszyła się o ponad 2,5 mln¹. Średnia liczba mieszkańców gminy wynosi około 4,5 tys., gdy – zgodnie z badaniami – efektywnie zadania może wykonywać przy ludności przekraczającej 5 tys. (Swianiewicz, 2012, 56). Obecnie 80% ludności wiejskiej stanowią emeryci, co sprawia, że coraz więcej gmin ma zbyt mało mieszkańców, by samodzielnie realizować potrzeby danej wspólnoty. Fakt ten dodatkowo wpływa na słabość obecnych rozwiązań samorządu terytorialnego (Hnat/Liapina 2005, 135–168). Jednoznacznie można zaklasyfikować je jako wpisujące się w model „silne centrum – słabe peryferie”. Władza w okresie prezydentury Ł. Kuczmy (zwłaszcza jego II kadencja) oraz W. Janukowycza cechowała się tendencjami ku jej personalizacji, oparciu o koteryjne mechanizmy równoważenia wpływów klanów oligarchicznych (Szapowałenko 2010, 254–259). Procesy rządzenia miały charakter neopatrymonialny, realizowany przez tzw. „machiny polityczne”². Oznaczało to, że siła władzy centralnej opierała się na monopolizacji zasobów, zaś peryferie (w tym wypadku – rywalizujące pomiędzy sobą klany oligarchiczne, w tym kijowski, doniecki i dniepropietrowski) zainteresowane były uzyskaniem dostępu do instytucji głowy państwa. Głębokie zmiany w elitach władzy, a także w mechanizmach rządzenia po tzw. Euromajdanie stały się jednym z czynników sprzyjających redefinicji modelu samorządu lokalnego i wzmocnieniu jego podmiotowości politycznej.

¹ W pewnym sensie przyrost liczby gmin można powiązać ze swoistą formą decentralizacji, która w różnym stopniu objęła szereg państw postkomunistycznych (Swianiewicz 2006, 599).

² Szersze omówienie paradygmatu neopatrymonialnego, także w odniesieniu do mechanizmów władzy na współczesnej Ukrainie (Czachor 2015, 211–230).

Zakres reformy, szanse i zagrożenia

Reforma samorządowa zainicjowana przez nowe elity władzy po Euromajdanie uwarunkowana jest czynnikami wewnętrznymi (funkcjonalność samorządu i jego zakres) i zewnętrznymi (zobowiązania wobec Unii Europejskiej i w ramach porozumień mińskich) i ma na celu realizację trzech zadań: po pierwsze, usprawnić mechanizmy rządzenia, uczynić je efektywniejszymi; po drugie, zapewnić integralność terytorialną państwa – poprawić więź komunikacyjną między centrum a peryferiami zgodnie z modelem „silne centrum – silne peryferie”; po trzecie, realizację zadań o charakterze symbolicznym, uwarunkowanych ideowo („europejski wybór” Ukrainy) i prawnie (zgodnie z umową stowarzyszeniową z UE oraz porozumieniami mińskimi z września 2014 roku w sprawie konfliktu separatystycznego w obwodzie donieckim i ługańskim). Podkreślić należy, że Rosja zainteresowana jest taką reformą samorządu na Ukrainie, która przekształciłaby ją w państwo federalne i znacznie zwiększyłaby podmiotowość polityczną, uprzywilejowałaby rosyjskojęzyczne wschodnie i południowe regiony (Olszański, 2014a, 3). Fakt ten ma poważne znaczenie, bowiem zakres reformy może wpłynąć w przyszłości na trwałość całej państwowości i integralność terytorialną (Ksenicz, 2015, 106–110). Oznacza to, że właściwe ustrojowi każdego państwa napięcie pomiędzy dwoma wartościami: potrzebą samorządności (autonomii) a potrzebą spójności nabiera szczególnego charakteru. W przypadku współczesnej Ukrainy problem ten winien być w centrum uwagi osób odpowiedzialnych za reformę samorządową. Eksperci wskazują, że skuteczność reformy warunkuje jej szybkość i zdecydowanie we wprowadzaniu radykalnych rozwiązań (Swianiewicz 2015, 12). Pośpiech we wdrażaniu reformy, choć może być interpretowany w kontekście manifestu polityczno-cywilizacyjnego wyboru Ukrainy na rzecz zbliżenia z Unią Europejską (Stępień 2015, 17–22), z pewnością nie służy jej jakości i skuteczności.

Wprowadzana obecnie reforma ma charakter wielowymiarowy: dotyczy zarówno aspektu strukturalnego, jak i funkcjonalnego. Reforma zakłada proces konsolidacji jednostek administracyjno-terytorialnych średniego i najniższego szczebla (planuje się powstanie około 120–130 powiatów oraz łączenie gmin). Krok ten należy uznać za właściwy, bowiem służyć może zwiększeniu funkcjonalności jednostek i zbliżeniu ku modelowi relacji „silne centrum – silne peryferie”³. Jednocześnie należy wskazać, że Ukraina jest państwem dużym obszarowo, niejednorodnym etnicznie, kulturowo, o niespetyfikowanej tożsamości narodowej, istotnych dysproporcjach w rozwoju społeczno-ekonomicznym, a obecnie także poddawane presji zewnętrznej, która wprost godzi w jej integralność terytorialną. O ile proces konsolidacji jednostek administracyjno-terytorialnych niższego i średniego szczebla wydaje się uzasadniony,

³ Przykład reformy konsolidacyjnej w Gruzji w 2006 roku wskazuje, że samo ograniczenie liczby jednostek bez decentralizacji funkcjonalnej nie przynosi wymiernych rezultatów (Swianiewicz 2015, 14).

o tyle utrzymanie horyzontalnej asymetrii peryferii (Autonomiczna Republika Krym, obecnie pod faktyczną kontrolą Rosji) i jej rozszerzenie na część obwodów donieckiego i ługańskiego, na co nalegają władze Rosji, grozi dalszą dezintegracją państwa⁴. Zagrożenie to wprost wynika nie tylko z wpływu czynnika zewnętrznego, lecz także ze wspomnianych dysproporcji i różnic w rozwoju poszczególnych części państwa. Należałoby zatem utrzymać dotychczasowy model podziału administracyjno-terytorialnego, lecz doprowadzić do zmniejszenia liczby gmin i powiatów oraz podniesienia funkcjonalności poszczególnych jednostek.

W kontekście funkcjonalnym władze Ukrainy dążą do wprowadzenia faktycznego samorządu na szczeblu obwodów i powiatów. Odbić ma się to poprzez podporządkowanie ciał egzekutywy lokalnym radom deputowanych. Dotychczasowe administracje państwowe mają zatem stać się elementem samorządu, zaś ich szefowie nie będą wyznaczani przez prezydenta, lecz wybierani w wyborach bezpośrednich. W miejsce administracji państwowych jako terenowi przedstawiciele władz państwowych funkcjonować mają prefekci o prerogatywach kontrolnych. W miejscowościach liczących powyżej 50 mieszkańców planuje się wprowadzenie instytucji starosty jako organu pomocniczego. Analitycy stwierdzają, że wprowadzenie szerokiego samorządu lokalnego i przekazanie mu istotnej części kompetencji władz centralnych wraz z odpowiednimi środkami finansowymi jest niezbędne, by dostosować państwo do standardów nowoczesnej demokracji (Olszański 2014b, 1). Na obecnym etapie reforma niesie jednak pewną decentralizację zadań, ich przekazywanie samorządom, ale nie decentralizację fiskalną. Brak funduszy na realizację powierzonych zadań może tylko pogłębić trudną sytuację samorządu i skazać go na niewydolność. Formalnie zatem reforma ma zbliżyć Ukrainę ku modelowi „silne centrum – silne peryferie”. W istocie projektowane zmiany nie przybliżają jej ku rozwiązaniu szeregu istotnych problemów, których natura nie poddaje się regulacji prawnej. Wśród najważniejszych można wskazać:

1) niski poziom instytucjonalizacji samorządu i profesjonalizacji kadr, brak trwałych rozwiązań, praktyki samorządności lokalnej, sprecyzowania kompetencji samorządu, jego samodzielności majątkowej i finansowej i minimalną rolę budżetów lokalnych;

2) wysoki poziom fragmentacji terytorialnej na szczeblu gminnym (duża liczba słabo zaludnionych gmin) oraz powiatowym;

3) chaotyczną strukturę podziału terytorialno-administracyjnego (np. miasta w granicach innych miast, rozróżnienie statusu miast i osiedli typu miejskiego itp.);

⁴ Postulat federalizacji Ukrainy jest trwale obecny w jej dyskursie politycznym, zaś ostatnią próbą ożywienia tej idei była koncepcja Południowo-Wschodniej Republiki Autonomicznej, która zgłoszona została na przełomie 2004 i 2005 roku przez środowiska rosyjskojęzyczne (Olszański 2014, 24–25).

4) trwały regionalizm i rozwój interesów lokalnych grup (w tym oligarchicznych), co osłabia więzy poziome między częściami składowymi państwa i grozi separatyzmem (części południowo-wschodnich, ale także np. Rusi Zakarpackiej);

5) specyficzną kulturę polityczną właściwą społeczeństwu postradzieckim, zdecydowane różne postawy i katalogi wartości wśród mieszkańców różnych części państwa (Prystupa, 2009, s. 159–165), słabo zakorzenione poczucie obywatelskości, wysoki poziom fragmentacji społecznej, podziałów socjopolitycznych (w tym niejednorodność językowa i religijna) a także szereg patologii życia publicznego, m.in. powszechność praktyk nieformalnych, korupcji, nepotyzmu itd. (Darden 2001, 67).

Niejednoznaczny charakter i ograniczony zakres reformy w obecnych warunkach słabości instytucji centralnych, co potwierdza m.in. *Worldwide Governance Indicators* Banku Światowego (*The Worldwide*), sprawia, że postulować można następujący etapowy plan działań. W pierwszej kolejności przeprowadzenie reformy konsolidacyjnej jednostek administracyjno-terytorialnych, głównie na poziomie gmin. Wyrażna jest potrzeba wykreowania wspólnot, które będą w stanie skutecznie artykułować i realizować swoje potrzeby. Potrzebne jest zatem „nakreślenie” granic administracyjno-terytorialnych na podstawie kryterium funkcjonalnego. Wskazane są w tym zakresie konsultacje na poziomie lokalnym oraz wdrożenie sprzyjającego procesowi narzędzia związków samorządowych. Ważne jest także przygotowanie kompetentnych kadr oraz petryfikacja obywatelskiej kultury politycznej (w tym zakresie należałoby kontynuować wsparcie zewnętrzne, m.in. ze strony Polski).

W kolejnym etapie, przede wszystkim po ustabilizowaniu sytuacji geopolitycznej oraz pożądanym ograniczeniu oligarchizacji życia publicznego, powinna zostać wdrożona reforma funkcjonalna. Należałoby prawnie wzmocnić podstawy do współpracy obywateli z administracją publiczną w celu rozwoju regionalnego, określić ramy współpracy, zrzeszania się jednostek samorządu terytorialnego. Ważnym elementem powinno być określenie zasad odpowiedzialności lokalnych organów wykonawczych przed organami stanowiącymi oraz nadzoru nad legalnością działania organów samorządu terytorialnego. W jej zakres powinna wejść także decentralizacja fiskalna, przekazanie majątku wspólnotom lokalnym oraz rzeczywiste wdrożenie zasady subsydiarności. Etap ten finalizowałoby nowe określenie wzajemnych relacji „centrum – peryferie”.

Europejskie doświadczenie dwuetapowego procesu reformy samorządowej w ostatnich latach wskazuje, że rezultaty takich działań nie są zadowalające (Swianiewicz 2015, 21). Jednak w przypadku obecnej sytuacji na Ukrainie konieczność reformy uwarunkowana jest dwoma sprzecznymi ze sobą czynnikami: koniecznością usprawnienia procesów rządzenia na poziomie lokalnym i zwiększeniem funkcjonalności wspólnot przy jednoczesnej konieczności uniknięcia zagrożenia dezintegracją państwa i jego przekształcenia się w państwo upadłe (*failed state*).

Bibliografia

- ANTOSZEWSKI, A. (2014), Parlamenty Europy Środkowej i Wschodniej jako podmioty polityki. Przyczynek do dyskusji o podmiotowości organizacji politycznej. W: Zarządzanie Publiczne. 3(29), 115–124.
- BANASZAK, B. (2007), Porównawcze prawo konstytucyjne współczesnych państw demokratycznych. Warszawa.
- BARAŃSKI, M. (2007), Samorządność i podmiotowość samorządu terytorialnego. W: Barański, M./Kantyka, S./Kubas, S./Kuś, M., Samorząd terytorialny i wspólnoty lokalne. Warszawa, 19–36.
- BUKOWSKI, Z./JĘDRZEJEWSKI, T./RĄCZKA, P. (2005), Ustrój samorządu terytorialnego. Toruń.
- COCKBURN, C. (1977), The Local State. Management of Cities and People. London.
- CZACHOR, R. (2015), Postradzieckie reżimy polityczne w perspektywie neopatrymonialnej. Wstęp do badań. Wrocław.
- DARDEN, K. A. (2001), Blackmail as a Tool of State Domination: Ukraine under Kuchma. W: East European Constitutional Review. 10, 67–71.
- DĘBSKI, S. S. (2014), Kształtowanie się samorządu terytorialnego: przeszłość i teraźniejszość. Grudziądz.
- Europejska Karta Samorządu Terytorialnego sporządzona w Strasburgu dnia 15 października 1985 roku. W: Dziennik Ustaw. 124, 607.
- GĄCIARZ, B. (2004), Instytucjonalizacja samorządności. Aktorzy i efekty. Warszawa.
- HNAT, V./LIAPIA, K./NAVRUZOV, Y./NIKITIN, V. et al. (2005), Ukraine. W: Capková, S. (ed.), Local Government and Economic Development. Budapest, 135–167.
- IWAŃSKI, T./ŻOCHOWSKI, P. (2013), Fikcja decentralizacji. Brak reformy administracyjno-samorządowej hamuje modernizację Ukrainy. Komentarze OSW. 102.
- JABŁOŃSKI, A. (2006), Podmiot i struktura jako problem w analizie politologicznej. W: Cichosz, M./Zamorska, K. (red.), Politologia w Polsce. Stan badań i perspektywy. Wrocław, 170–180.
- Konstytucja Ukrainy (1999). Warszawa.
- KSENICZ, I. (2015), Decentralizacja a bezpieczeństwo Ukrainy. W: Sprawy Międzynarodowe. 1, 101–118.
- LUTRZYKOWSKI, A. (2006), Samorząd terytorialny – element ładu ustrojowego w Unii Europejskiej. Athenaeum. Political Science. 14–15, 91–105.
- ŁAZOR, O. (2010), Kształtowanie się samorządu terytorialnego na Ukrainie W: Antoszewski, A./Kolodii, A./Kowalczyk, K. (red.), Transformacja w Polsce i na Ukrainie. Wybrane aspekty. Wrocław, 129–141.
- OLSZAŃSKI, T.A. (2014a), Ukraina: suwerenna decentralizacja czy niesuwerenny federalizm? W: Komentarze OSW. 134.
- OLSZAŃSKI, T.A. (2014b), Więcej jedności niż podziałów. Zróżnicowania wewnętrzne Ukrainy. W: Punkt Widzenia OSW. 40.
- PRYSTUPA, Y. (2009), Kultura polityczna Ukrainy w procesie przemian. W: Wrocławskie Studia Politologiczne. 10, 155–168.
- RAJCA, L. (2010), Modele samorządu terytorialnego. W: Rajca, L. (red.), Samorząd terytorialny w Europie Zachodniej. Warszawa, 13–26.
- STĘPIEŃ, J. (2015), Cywilizacyjny spór o samorząd terytorialny. W: Samorząd Terytorialny. 3, 17–22.
- SWIANIEWICZ, P. (2006), Poland and Ukraine: Contrasting Paths of Decmocratization and Territorial Reforms. W: Local Government Studies. 5, 32, 599–622.
- SWIANIEWICZ, P. (2011), Empiryczna typologia systemów samorządowych w krajach Europy Środkowo-Wschodniej. W: Samorząd Terytorialny. 11, 5–21.
- SWIANIEWICZ, P. (2012), Modele samorządu terytorialnego w krajach Europy Zachodniej oraz Środkowowschodniej – próba generalizacji. W: Studia Regionalne i Lokalne. 4 (10), 49–67.

- SWIANIEWICZ, P. (2015), Reformy terytorialne – europejskie doświadczenia ostatniej dekady. W: *Samorząd Terytorialny*. 6, 7–22.
- SZAPOWAŁENKO, M. (2010), Grupy interesów na Ukrainie. W: Antoszewski, A./Kolodii, A./Kowalczyk, K. (red.), *Transformacja w Polsce i na Ukrainie. Wybrane aspekty*. Wrocław, 249–260.
- The Worldwide Governance Indicators (WGI) project. W: <<http://info.worldbank.org/governance/wgi/index.aspx#home>> [dostęp 25 listopada 2015].
- Конституційний договір між Верховною Радою України та Президентом України про основні засади організації та функціонування державної влади і місцевого самоврядування в Україні на період до прийняття нової Конституції України. W: <<http://zakon5.rada.gov.ua/laws/show/1%D0%BA/95-%D0%B2%D1%80>> [dostęp 10 stycznia 2016].
- Концепція реформи місцевого самоврядування та територіальної організації влади в Україні. W: <<http://civil-rada.in.ua/?p=477>> [dostęp 10 stycznia 2016].
- Нікончук, А. М. (2011), Розвиток та формування системи місцевого самоврядування в сучасній Україні. *Право і Суспільство*. 6, 48–53.
- „Про місцеве самоврядування”, Закон України. W: <<http://zakon5.rada.gov.ua/laws/show/280/97-%D0%B2%D1%80>> [dostęp 10 stycznia 2016].
- „Про місцеві Ради народних депутатів та місцеве і регіональне самоврядування”, Закон України. W: <<http://zakon5.rada.gov.ua/laws/show/533-12>> [dostęp 10 stycznia 2016].
- „Про Представника Президента України”, Закон України. W: <<http://zakon5.rada.gov.ua/laws/show/2167-12>> [dostęp 10 stycznia 2016].
- Туrowsкий, Р. Ф. (2007), *Центр и регионы: проблема политических отношений*. Москва.

ЕВГЕНИЯ Н. СТРОГАНОВА

Российский государственный университет им. А. Н. Косыгина (Институт славянской культуры)

ИВАН ЮВАЧЕВ: ЛИЧНОЕ И ПУБЛИЧНОЕ

Ivan Yuvachev: personal and public

Ключевые слова: мемуарно-публицистические сочинения, автодокументы, социально-политическая деятельность, идеализм, религиозность

KEYWORDS: memoir and essay genre, ego-documents, social and political activity, idealism, religious commitment

ABSTRACT: The article draws on the personal fund of Ivan P. Yuvachev, member of the revolutionary organisation *Narodnaya Volia*, political convict and hard labourer, who eventually became a religious writer and memorialist. His literary heritage – unlike his son's, the absurdist poet Daniil Kharmis – has long remained forgotten. Basing on the biographical method, we elucidate the difference of self-expression of a writer in his texts designed for publication and his ego-documents. Our analysis aims at showing that his memoirs and essays uncovered Yuvachev's external biography, while his private texts – his diaries and personal correspondence – are more pertinent to reveal his creed, particularly the idealism that constituted the core of his personality. This raises the question of the writer's preserving the documents which concerned his private life. Our hypothesis is that Yuvachev was deliberately constructing his personal archive, ready to the fact that in future his life and destiny would become known in every detail.

Имя Ивана Павловича Ювачева (1860–1940) в наши дни порой сопровождается эпитетом «известный». Но эта известность пришла к нему относительно недавно, и вплоть до последнего времени сведения об этом человеке с трудом можно было найти. «Виновником» обращения исследователей к Ювачеву стал не столько сам он, сколько его знаменитый сын Даниил Иванович Ювачев – Даниил Хармс. Лишь благодаря ему в конце XX века проявился интерес к личности отца, которая действительно заслуживает отдельного внимания. Моя статья основана на материалах Государственного архива Тверской области, где находится личный фонд Ювачева. Речь пойдет не столько о внешней канве его биографии, сколько о тех сторонах жизни, которые скрыты от постороннего взгляда и открываются через тексты, написанные «для себя», – дневники и письма приватного характера.

Ювачев родился в семье придворного полотера и воспитывался в традиционном патриархальном духе, мальчиком был религиозен, иногда «пел на клиросе» (Миролюбов 1901, 50). Он много читал о путешествиях

в дальние страны и по окончании Владимирского уездного училища поступил в Кронштадтское техническое училище морского ведомства. В этот период он, как и многие его товарищи, проникся сочувствием к революционным идеям. По окончании учебы, служа в Черноморском флоте, приобщился к деятельности народовольческой военной организации и, по словам В. Н. Фигнер (1933, 96), был одним из тех, кто отличался «стремительностью революционной пропаганды» среди моряков. В 1883 году Ювачева арестовали, судили по «процессу 14-ти» и приговорили к смертной казни, которая была заменена пятнадцатью годами каторжных работ. Четыре года он провел в одиночном заключении в Петропавловской и Шлиссельбургской крепостях и восемь лет на сахалинской каторге.

Еще будучи морским офицером, Ювачев начал заниматься литературным трудом и впоследствии не оставлял этих занятий. После освобождения он активно печатался в религиозно-нравственных журналах «Русский паломник», «Отдых христианина», «Душеполезное чтение», помещал свои сочинения в «Историческом вестнике», выходили они и отдельными изданиями. Свои произведения он подписывал собственным именем или псевдонимом И. Миролюбов – от сложившегося на каторге девиза Мир и Любовь. Основными жанрами Ювачева были религиозная публицистика и мемуаристика. В его книге «Шлиссельбургская крепость» рассказывается об опыте самосохранения в тяжелейших условиях одиночного заключения¹. Воспоминания «Восемь лет на Сахалине» посвящены каторжному периоду и описывают повседневную жизнь каторги. В мемуарном очерке советского времени «Из записок старого моряка» речь идет о революционных настроениях молодежи 1870-х – начала 1880-х годов и об участии автора в деятельности «Народной воли». Таким образом, мемуарные тексты Ювачева воссоздают разные этапы его биографии. Они дают впечатление и о личности автогероя, но раскрывается она теми гранями, которые сам он считал возможным предъявить публике.

Публицистика Ювачева также имеет мемуарную основу. Его очерки – это всегда рассказ о собственном опыте приобщения к тем или иным сторонам жизни, о знакомстве с разными людьми, о своем восприятии явлений и событий, будь то паломничество в Палестину, знакомство с жизнью закавказских сектантов, посещение монастырей-тюрем и т. д. Ювачев обладал несомненным публицистическим даром, свое повествование он строил как информативно насыщенный живой рассказ от первого лица. Расстановка акцентов, а нередко и прямые дидактические выкладки, содержащиеся в очерках, дают представление о взглядах и убеждениях автора, однако не о его характере.

¹ В заключении он выработал систему правил самосохранения: «стараясь дисциплинировать свой ум», читал вслух лекции по любимым предметам – математике, физике, астрономии, переводил с английского и французского, занимался классическими языками (Миролюбов 1902, 193).

Но есть у Ювачева два беллетристических текста, которые можно расценивать как опыт автохарактеристики. Это рассказы об эпизодах личных отношений с женщинами, имеющие форму воспоминаний и лишенные общественного содержания. В названии одного из них использовано стихотворение А. К. Толстого – «То было раннею весною...» (в первоисточнике – «весной»). Герой рассказа наделен «...любопытным умом, ищущим света истины [...] добрым сердцем, нежным как у женщины», преданностью «чистым, святым идеалам», готовностью подымать «знамя истины, добра, красоты» (М. Л. 1915, 11). Второй рассказ – «Из семейной драмы» – не был опубликован, но сохранился в рукописи. Его главный герой Иван Иванович изображен как «чистейший идеалист», «сентиментальный и чувствительный», который «горячо стоял за эмансипацию женщин» (Рисунки и рукописи, 14 об.). Дневники Ювачева дают основание говорить, что оба героя наделены автопсихологическими чертами и процитированные выше характеристики можно рассматривать как авторскую саморепрезентацию. Одна из этих характеристик – «чистейший идеалист», т. е. человек, безгранично преданный высокой идее и посвятивший ей жизнь, дает особенно точное представление о личности Ювачева. Однако идеализм его с годами трансформировался: в юности он был окрашен в социально-политические тона, с годами же приобрел ярко выраженную религиозно-нравственную направленность. Идеализм Ювачева всегда принимал крайние, предельные выражения, и пережитые испытания привели к тому, что он посвятил свою жизнь идее «святости».

Решающее воздействие на «перерождение убеждений» Ювачева оказал арест. В условиях одиночного заключения он сделался истово религиозным человеком, произошла перестройка его эмоциональной и интеллектуальной жизни на религиозно-церковный лад. Чрезвычайной интенсивностью религиозного переживания определялось и общее восприятие действительности. В письме к родным от 19 мая 1887 года есть фраза: «Я так думаю, что верующий человек, внимательно относясь к своей жизни, видит непрестанно множество чудес» (Письма Ювачева к родным 1887, 2). И он непрестанно ищет совпадения, предвещения и предначертания в собственной судьбе, проецируя события своей жизни на Священную историю: «Итого со дня ареста сидел в Петроп.<авловской> крепости 430 дней, по числу лет пребывания Израиля в Египте» (Дневники и записные книжки 1890–1892, 20 об.).

В Шлиссельбурге Ювачев «изъявил желание изучать греческое писание» и в январе 1886 года получил Библию на греческом языке (Дневники и записные книжки, 26), по которой вел счет дням. Перечитывая тексты Священного Писания, он начал составлять примечания к Евангелиям. На каторге Ювачев постоянно читал духовные сочинения, много размышлял над библейскими текстами и продолжал писать собственные «толкования на Библию».

Он участвовал в постройке храма в селении Рыковском на Сахалине, где отбывал наказание, и принимал активное участие в церковной жизни как староста и помощник регента. В дневниках Ювачева в перечислении ежедневных дел постоянно фиксируются эти занятия и строгое соблюдение церковного календаря. Политический ссыльный Э. Плоский вспоминал о его образе жизни:

[...] Выписал себе с десятков различных единых библий и евангелий, разложил их на доске вдоль самой длинной стены комнаты и целыми часами изучал и сравнивал тексты разноязычных библий. Пятницу или субботу тщательно постился, а в воскресенье пел в церковном хоре и лишь после службы принимался за еду (Плоский 2014).

Бронислав Пилсудский, с которым был дружен Ювачев, считал его «религиозным фанатиком»². В дневниках Ювачева многочисленны записи о беседах на религиозные темы с близкими знакомыми и единомышленниками, причем нередко встречается реплика «сегодня много проповедовал». Свет веры, осенивший его, Ювачев стремился донести до других людей, и это желание, чтобы его проповедь была услышана многими, привело к созданию стихотворного сборника, который он предполагал назвать «Милость и Истина» (Строганова 2005; 2011; 2016).

После возвращения Ювачева в Центральную Россию не все родные могли понять и принять то стремление к «святости», которое он сделал нормой своей жизни, в частности строгое соблюдение постов. Одну из домашних сцен, спровоцированных сестрой Анной, он описывает в дневнике: «За обедом Анна стала язвить, упрекать меня “святостью” и называть “ханжой”. Это каждый день. Я не выдержал и попросил объяснить, как мне сделаться действительно святым, а не быть ханжой, и почему я ханжа?» (Дневники и записные книжки 1897, 31).

В апреле 1902 года, в возрасте 42-х лет, Ювачев познакомился с будущей женой – Надеждой Ивановной Колюбакиной (1869–1929), начальницей Убежища для женщин, освободившихся из тюремного заключения. Сохранились его переписка с невестой и большой массив семейных писем. Их обилие объясняется тем, что с 1903 года Ювачев состоял на службе в Управлении государственными сберегательными кассами и по роду своей деятельности постоянно находился в разъездах. В этой ситуации эпистолярное общение супругов было необходимым элементом сохранения семейных

² См.: Вуйцек 1998, 353. Ювачев хранил свою переписку с Пилсудским, но при аресте Хармса в 1931 году забрали и материалы его отца, которые, судя по документам, в 1934 году были переданы из НКВД в секретную часть Московского областного архивного управления, причем переписка, имевшая отношение к Пилсудскому, и письма Пилсудского к Ювачеву остались в НКВД (Инвентарная опись 1934, 2).

связей, что стало еще более актуальным с появлением детей. Остановлюсь на двух эпизодах, которые особенно проявляют идеалистическую настроенность Ювачева. Первый связан с тем временем, когда отношения между Ювачевым и Надеждой Ивановной приняли матримониальный характер. В не дошедшем до нас письме невеста сообщила Ювачеву «страшный факт» своей биографии. Сохранилось ответное его письмо от 8 января 1903 года, из которого становится понятна драма Надежды Ивановны.

Никакая фантазия до этого, что я узнал, не может додуматься... [...] И даже сомневаешься в своей догадке: да так ли? Что делать, к сожалению, я узнал об этом. И, конечно, лучше знать всю правду, чем давать волю фантазии и подозрениям. Но позвольте Вам заметить: зачем Вы говорили об этом [...] другим! Эту тайну Вы одна должны были знать и схоронить ее в себе. [...] Как никак, а этот факт – пятно на Вашем отце. И выставлять напоказ это пятно не следует. Власть отца над дочерьми громадна. Его судить мы не смеем. Вино чего не сделает! Вы помните библейский пример с Лотом... Но ведь Моавитянка³ Руфь была прабабушкой возлюбленного Давида и праматерью Иисуса Христа. Так что благословение Господне от вас не отнимется. Напротив, если Вы со смирением перенесете обиду, то Господь воздаст Вам сторицею. Итак, насколько это Вам возможно, свяжите обетом молчания всех лиц, кому это известно, и больше об этом н и к о м у (как М о а в и т я н к а) ни слова. На отца не обижайтесь. Какой бы ни был отец, – все-таки он о т е ц. И судить человеческие слабости нам нельзя. Разве Вы осуждаете Адама? А ведь он виновник всех наших бед... Да будет во всем воля Божия. Ему одному ведомы неисповедимые пути, которыми Он нас ведет к спасению. Что касается моего отношения к Вам, то это сообщение только заставляет еще более сочувствовать Вам, сострадать, соболезновать. Страхните с себя всякую мысль об этом прошлом и не думайте никогда впредь (Письма Ювачева к жене 1903, 2–3 об.).

Узнав о трагическом событии в жизни уже близкой ему Надежды Ивановны, Ювачев реагирует как человек добросердечный и разумный, при этом его реакция окрашена в религиозные тона. Он предлагает ей те аналогии, которые были актуальны для него самого, советует поступить так, как поступал сам, проецируя перипетии собственной жизни на библейскую историю, – отсюда и напоминание о мифологических прародителях. В патриархатном духе Ювачев символизирует фигуру отца, редуцируя таким образом индивидуальный характер драмы. Убеждая Надежду Ивановну не судить отца, он пытается внушить ей необходимость всепрощения, которое сделал принципом собственного существования.

Второй эпизод относится к начальному периоду семейной жизни, омраченной горестным событием – смертью новорожденного первенца.

³ Имеется в виду библейский рассказ о Лоте и его дочерях, забеременевших от отца; старшая дочь родила Моаву, родоначальника моавитян.

В смерти сына Надежда Ивановна винила себя: «Мне трудно быть покойной, зная, что я сама сгубила нашего крошку, не могу примириться с этой мыслью» (Письма жены к Ювачеву 1904, 1). Пытаясь успокоить жену, Иван Павлович писал ей в больницу 13 февраля 1904 года:

Ведь мы добровольно не отдали бы своего первенца Богу. У Тебя и в мыслях этого не было. А между тем так полагается: первого посвящать Богу [...] Верю, что Господь и нас утешит и даст нам хорошего сына (Письма Ювачева к жене 1904, 3 об.-4).

Религиозная риторика письма ориентирует на христианское смирение и веру в высшую справедливость, в чем Иван Павлович искал успокоения и для себя.

На протяжении всей жизни Ювачев неукоснительно соблюдал посты и строго придерживался религиозно-церковной обрядности. Особенности его обыденного поведения становятся понятны из писем жены, где она сообщает трогательные подробности о маленьком Данииле. Приведу лишь два примера. В письме от 4 февраля 1907 года читаем: «Научился он креститься и все крестится и кланяется» (Письма жены к Ювачеву 1907, 14 об.). Через три года, 22 октября 1910 года, она более определенно пишет мужу о том, что сын копирует внешние атрибуты его религиозного поведения: «Сегодня был молебен, Данила все время стоял молился и когда клал земной поклон, то руки на полу складывал так, как делаешь это ты, и следил, чтобы и все так делали» (Письма жены к Ювачеву 1910, 14 об.).

Надежда Ивановна уважала принципы мужа и с пониманием относилась к его привычкам, но их семейная жизнь была далека от идиллической. Судьба свела двух незаурядных людей, у каждого из которых была своя личная драма, и при всем их искреннем расположении друг к другу и обоюдном желании мира и согласия, отношения порой принимали конфликтные формы. Человек добрый и мягкий, Иван Павлович, как можно судить по переписке, был эмоционально сдержан в отношениях с женой и пытался играть наставническую роль. Надежда Ивановна, женщина самостоятельная и сильная, горячо любила мужа, не мыслила без него своей жизни, но стремилась сохранить внутреннюю независимость. Время от времени между супругами возникали серьезные разногласия, заходила речь и о разводе. Инициатива исходила от Надежды Ивановны, но очень характерна реакция Ивана Павловича. В его архиве сохранилось два неотправленных письма, которые были написаны в особенно острых ситуациях.

В недатированном письме 1906 года⁴ Ювачев упрекает жену в нелюбви и неуважении к нему и называет это основной причиной семейных неурядиц.

⁴ Всю переписку с женой Ювачев систематизировал. Этот недатированный тетрадный листок находится среди писем к Надежде Ивановне за 1906 год и по содержанию относится к этому

Сам он остается верен принципу смирения, но отвергает вмешательство посредников, считая, что отношения между супругами подлежат только высшему суду.

Чтобы ни случилось, принимаю как из рук Господа.

Ты хочешь расходиться? Пожалуй, у тебя найдутся некоторые основания:

1) Ты меня не любишь. Жена, которая любит мужа, ни под каким видом не покинет его. А для тебя довольно мимолетной вспышки, чтобы разойтись с мужем.

2) Ты меня не уважаешь. Ты знать не хочешь и ни в грош не ставишь мою прошлую борьбу за святые принципы до самопожертвования и навязываешь мне то, от чего отвращается душа моя.

3) Ты измучила меня угрозой уйти. Что за подруга жизни, за которую надо бояться, что вот-вот она не сегодня-завтра уйдет от тебя! Невыносимо три года балансировать на супружеском вулкане, ожидая каждую минуту взрыва. [...]

Я со своей стороны одно предложу: Если действительно хочешь разойтись, то давай расходиться мирно. Никаких посредников между мужем и женой, кроме Бога и ангелов его, не допускаю (Письма Ювачева к жене 1906, 31–31 об.).

Несколько лет спустя, 17 января 1911 года, на новом витке обострения отношений, он упрекает жену в безразличии к его духовным интересам, причины семейных аномалий объясняет нарушением традиционного гендерного порядка, свое же самоощущение характеризует библейскими аналогиями:

[...] Ты не дала себе труда познакомиться с моим духовным миром. [...] Слава жены – муж. Если она свою славу помрачает, то остается бесславною, конечно. А вся худость мужа в том, что он дал волю, дал главенствовать жене. Это против природы и против закона Божия. И все в семье перевернулось вверх ногами.

[...] А я, право, иногда себя чувствую, как Христос, когда Он говорит иудеям: «За какую вину вы хотите побить меня камнями? Что я худого тебе сделал?» (Письма Ювачева к жене 1911, 2–7).

Как показывают эти письма, в семейных конфликтах Ювачев так же, как и в других ситуациях, стремился следовать принципу смирения (правда, это не всегда удавалось), апеллируя к высшей воле. Подчеркну, что оба письма не были отправлены адресату. Мотивы неизвестны, но можно предположить, что, выразив на бумаге свое недовольство женой, Ювачев отчасти исчерпал для себя вопрос, снял психическое напряжение и нивелировал стресс. Письма остались неотправленными, потому что он, явно не стремясь к разрыву, не хотел усугублять неприятное положение и провоцировать дальнейшее взаимное раздражение.

Гораздо важнее вопрос, почему Ювачев сохранил эти письма, почему сохранил другие исповедальные документы, которые с обыденной точки зрения можно было бы предать огню? Причина, на наш взгляд, заключается в признании им уникальности человеческой жизни и собственной жизни в частности. Любой документ, имеющий отношение к человеку, есть фиксация жизни, а значит и ее сохранение. В прижизненных публикациях Ювачева его личность проявлялась по преимуществу в своей социально значимой ипостаси, но у него существовала потребность и более глубокого самораскрытия. На протяжении всей жизни он вел дневники, в которых отмечал свои психические состояния, эмоциональные потребности, интеллектуальные занятия, социальные контакты, физиологические ощущения, подробности своих снов, которые сами по себе являются интереснейшим человеческим документом. Больше того, он берег свидетельства, связанные с самыми незначительными событиями: квитанцию из переплетной мастерской, библиотечный абонемент, приглашение на публичное мероприятие и т. д. Сокровенные страницы дневников и имевшую сугубо интимный характер переписку с женой Ювачев сохранял как аутентичный материал, дающий более полное представление не только о содержании его личной жизни, но и об отношении к ней. Ювачев не исключал, а, скорее, предполагал, что это личное когда-нибудь может стать публичным, но не страшился публичности, был готов к ней и собирал материалы для предстоявшего в неопределенном будущем выхода из забвения.

Библиография

- Вуйцек, З. (1998), Из неизвестной переписки ссыльного Бронислава Пилсудского. В: Вестник Сахалинского музея. 5, 350–357.
- Дневники и записные книжки Ювачева (1897). В: Государственный архив Тверской области. Ф. 911. Оп. 1. Ед. хр. 4. № 2.
- Дневники и записные книжки Ювачева (1890–1892). В: Государственный архив Тверской области. Ф. 911. Оп. 1. Ед. хр. 4а. № 2.
- Инвентарная опись (1934). В: Государственный архив Тверской области. Ф. 911.
- Миролюбов, И. (1902), В заточении. В: Исторический вестник. 87/1, 181–210.
- Миролюбов, И. (1901), Восемь лет на Сахалине. Санкт-Петербург.
- Письма жены к Ювачеву (1904). В: Государственный архив Тверской области. Ф. 911. Оп. 1. Ед. хр. 2. Ч. 2.
- Письма жены к Ювачеву (1907). В: Государственный архив Тверской области. Ф. 911. Оп. 1. Ед. хр. 2. Ч. 1.
- Письма жены к Ювачеву (1910). В: Государственный архив Тверской области. Ф. 911. Оп. 1. Ед. хр. 2. Ч. 5.
- Письма Ювачева к жене (1903). В: Государственный архив Тверской области. Ф. 911. Оп. 1. Ед. хр. 1. Ч. 1.
- Письма Ювачева к жене (1904). В: Государственный архив Тверской области. Ф. 911. Оп. 1. Ед. хр. 1. Ч. 2.
- Письма Ювачева к жене (1906). В: Государственный архив Тверской области. Ф. 911. Оп. 1. Ед. хр. 1. Ч. 4.

- Письма Ювачева к жене (1911). В: Государственный архив Тверской области. Ф. 911. Оп. 1. Ед. хр. 1. Ч. 9.
- Письма Ювачева к родным (1887). В: Государственный архив Тверской области. Ф. 911. Оп. 1. Ед. хр. 3. Ч. 2.
- Плоский, Э. (2014), О Брониславе Пилсудском. Вступительное слово. В: <<http://www.icrap.org/ru/Ploski-9-1.html>> [доступ 26 марта 2014].
- Рисунки и рукописи церковного содержания. В: Государственный архив Тверской области. Ф. 911. Оп. 1. Ед. хр. 16. Т. I. Ч. 5.
- Строганова, Е. (2005), О книге стихов И. П. Ювачева. В: Столетие Даниила Хармса. Санкт-Петербург, 215–224.
- Строганова, Е. (2011), «Мария добрая явилась...»: (шлиссельбургско-сахалинские стихи И. П. Ювачева). В: *Alexandro Pušino septuagenario oblata*. Москва, 242–253.
- Строганова, Е. (2016), «Милость и Истина» (О книге стихов Ивана Павловича Ювачева). В: *Православная культура: История и современность*. Olsztyn, 251–296.
- Фигнер, В. (1933). Избранные произведения. Т. 2. Москва.

ADRIAN KAROLAK
MBP Łódź-Widzew

DZIAŁALNOŚĆ ZWIĄZKU PATRIOTÓW POLSKICH W ZSRS W AUDYCJACH ROZGŁOŚNI IMIENIA TADEUSZA KOŚCIUSZKI

Activity of the Union of Polish Patriots in USSR in radio broadcasts of the T. Kosciuszko's broadcasting radio station

SŁOWA KLUCZOWE: Komintern, Związek Patriotów Polskich, rozgłoszenia im. Tadeusza Kościuszki, propaganda radiowa, polscy komuniści w Związku Sowieckim, 1 Dywizja Piechoty im. Tadeusza Kościuszki, działalność kulturalno-oświatowa

KEYWORDS: Communist International, the Union of Polish Patriots, the T. Kosciuszko's broadcasting radio station, radio propaganda, Polish communists in the USSR, Tadeusz Kosciuszko's Infantry Division, cultural-educational activity

ABSTRACT: Appraising the activity of the Union of Polish Patriots on the basis of radio broadcasts in Polish, one can come to two conclusions. First, the Union of Polish Patriots was an organization dealing with Poles and Jews staying on the territory of the Soviet Union. After the severance of diplomatic relations with the Soviet Union the aforementioned organization undermined the legitimacy of the Polish government in London. It was also responsible for passing an ideological declaration, which consisted of theses relating to the post-war borders of Poland. It should be noted however, that all postulates the declaration included (inter alia the subject matter of the post-war Polish-Soviet demarcation) were in fact solutions proposed by the USSR's authorities. The board of the Union of Polish Patriots organized in war conditions both cultural and educational life for hundreds of thousands of Polish citizens. They were provided with material being to the greatest extent possible and thanks to it countless compatriots lived through that traumatic period. Broadcasts of the Tadeusz Kosciuszko Polish-language radio station never misrepresented actions of the Union of Polish Patriots. It arose from the fact that the radio station was functioning and acting as propaganda of its authorities, that is the USSR.

22 czerwca 1941 r. III Rzesza zaatakowała ZSRS. Niekorzystny dla Armii Czerwonej obrót zmagani militarnych na froncie wschodnim spowodował, że działające w państwie sowieckim od 1919 r. struktury Międzynarodówki Komunistycznej (MK) zostały przeniesione w październiku 1941 r. z Moskwy do Ufy (Lebiediewa/ /Narinskij 2002, 206 i n.) i Kujbyszewa, przy czym niektóre z nich nadal pozostały w stolicy ZSRS.

Po agresji Niemiec na Związek Sowiecki zaistniała potrzeba prowadzenia intensywnej pracy propagandowej. W ramach aparatu Komitetu Wykonawczego (KW) MK działał wówczas m.in. Wydział Prasy i Radiofonii, którym kierował w latach 1941–1943 Bedřich Geminder (pseudonim G. Friedrich). Po ewakuacji Kominternu z Moskwy w skład wyżej wymienionego Wydziału w końcu 1941 r. wchodziły: Agencja Telegraficzna (kierownicy Grupy Kujbyszewskiej – Fritz Glaubauf, Grupy Moskiewskiej – Friedl Fűrnberg); Redakcja „Biuletynu Informacyjnego” (redaktor odpowiedzialny Aleks Kellerman¹), Grupa Nasłuchu (redaktor odpowiedzialny Friedrich Heksman), Biuro Tłumaczeń (kierownik Maria Kryłowa) z czterema sekcjami – rosyjską, niemiecką, romańską i angielską, Biblioteka (kierownik Fiodor Kozłow) (Adibekow/Szachnazarowa/Szyrina 1997, 221).

W latach 1941–1942 działały ogólna redakcja radiowa i 16 tajnych stacji językowych (narodowych). Redakcję ogólną tworzyli pracownicy Kominternu: Palmiro Togliatti (Włoch), Klement Gottwald, Bedřich Geminder (Czesi), Friedl Fűrnberg (Austriak), Mihály Farkas (Węgier). Redaktorami odpowiedzialnymi za redakcje narodowe byli: Wilhelm Pieck, G. Zinner – redakcje niemieckie (były dwie); Klement Gottwald – redakcja czeska; Zofia Dzierżyńska – polska; Wasil Kolarow – bułgarska; Palmiro Togliatti – włoska; Dolores Ibarruri – hiszpańska; Matyas Rákosi – węgierska; Ana Pauker – rumuńska; Urcho Kari (nazw. rodowe Usko Karunien) – fińska; André Marty – francuska; Vaclav Kopecký – słowacka; Richard Magnusson (właśc. Richard Gyptner) – norweska; Velimir Vlahović – serbska; Johann Koplenig – austriacka; Bruno Koehler – sudecko-niemiecka (Adibekow/Szachnazarowa/Szyrina 1997, 224).

W 1943 r. powyższe stacje włączono do Wydziału Prasy i Radiofonii. Składał się on z: sekcji radiofonii (redakcje: austriacka – „Austria” – redaktor Franz Schelling; bułgarskie – im. Christo Botewa i „Głos Ludu” – Wyłko Czerwenkow; węgierska – im. Lajosa Kossutha – József Révai; hiszpańska – „Wolna Hiszpania” – Enrique Castro; włoska – „Wolny Mediolan” – Piere Allard (właściwie Giulio Ceretti), Fimien Edo (właściwie Eduardo D’Onofrio), Anselmo Marabini; niemiecka – „Wolne Niemcy” – Anton Ackermann; norweska – „Wolna Norwegia” – Georg Moltke; polska – im. Tadeusza Kościuszki – Zofia Dzierżyńska; rumuńska – „Wolna Rumunia” – Walter Roman; słowacka – „Za Wolną Słowację” – Stefan Reis; sudecko-niemiecka – „Niemcy Sudeccy” – Rudolf Appelt; fińska – „Wolne Radio Narodu Fińskiego” – Inkeri Lehtinen; francuska – „Radio Francja” – Arthur Ramette (ps. Charles Dupuis); czeska – „Za Wyzwolenie Narodowe” – Jiří Kotátko, Maria Švermowa; jugosłowiańska – „Wolna Jugosławia” – Albert Dravić (właśc. Duro Salai), Piotr Lazić (właśc. Lazar Stefanović), Dragutin Durdev, Stanislav Samardjić; sektor nasłuchu radiowego – Friedrich Heksman; sektor informacji – Aleks Kellerman; sektor tłumaczeń – Maria Kryłowa; agencja telegraficzna – Fritz Glaubauf; biblioteka – Fiodor Kozłow. Na początku 1943 r. w Wydziale pracowało 161 osób (Adibekow/Szachnazarowa/Szyrina 1997, 221).

¹ Aleks Kellermann – używał jeszcze jednego pseudonimu, Sándor Nógrádi. Właściwie nazywał się Grünbaum, niestety, nie znamy jego imienia.

Po rozwiązaniu MK wiosną 1943 r. rozgłoszenie radiowe podlegały tajnemu Instytutowi Naukowo-Badawczemu (INB) nr 205 (były Wydział Prasy i Radiofonii KW MK) Wydziału Informacji Międzynarodowej (WIM) KC WKP(b). Kierował nim Bedřich Geminder, a jego zastępcą był Friedl Fűrnerberg (Adibekow/Szachnazarowa/Szyrina 1997, 223)².

Powyższe redakcje, podlegające Kominternowi, a następnie WIM KC WKP(b), kierowały komunikaty do okupowanych przez III Rzeszę krajów lub zależnych od niej po to, by zachęcić społeczeństwa do podejmowania walki narodowowyzwoleńczej przeciwko Niemcom, wspomagając jednocześnie państwo sowieckie w trudnym dla niego okresie klęsk militarnych.

Poza wyżej wymienionymi rozgłoszeniami MK powołała do życia wspomnianą już polskojęzyczną radiostację im. Tadeusza Kościuszki (Nazarewicz 2008, 143). Rozpoczęła ona działalność w sierpniu 1941 r. i kontynuowała ją do 22 sierpnia 1944 r. (Sobór-Świdarska 2009, 131). Została rozwiązana przez Sowietów, ponieważ powstał Polski Komitet Wyzwolenia Narodowego³. Siedziba redakcji mieściła się początkowo w Moskwie, a po ewakuacji KW MK w październiku 1941 r. jej nowym miejscem nadawania była Ufa w Baszkirii. Tam również znajdowało się kierownictwo Kominternu (Kowalski 1961, 340 i n.). W pracę radia zaangażowani byli polscy komuniści znajdujący się w czasie II wojny światowej na terenie ZSRS. Spośród nich wymienić należy: Juliusza Burgina, Tadeusza Daniszewskiego, Gertrudę Finderową, Zofię Dzierżyńską, Józefa Kowalskiego, Wacława Lewikowskiego, Józefa Olszewskiego, Halinę Pietrak, Stefana Wierbłowskiego, Leona Zieleńca (Kowalski 1961, 342 i n.). Należy dodać, że wyżej wymienione osoby były od wczesnych lat swojego życia zaangażowane w ruch komunistyczny. W związku z tym Sowietci mieli do nich zaufanie.

* * *

Spośród wielu zagadnień podejmowanych w komunikatach przez polskojęzyczną redakcję na oddzielne omówienie zasługuje temat dotyczący funkcjonowania Związku Patriotów Polskich (ZPP) w ZSRS. Tej problematyce jest poświęcony niniejszy artykuł.

Radiostacja im. T. Kościuszki wiele uwagi poświęciła działalności polskich komunistów skupionych wokół ZPP. Celem rozgłosni było przedstawienie dokonania tej organizacji na polu kulturalno-oświatowym oraz ukazanie zaangażowania

² Na podstawie uchwały Biura Politycznego KC WKP(b) z 13 czerwca 1943 r. powołano do życia WIM KC WKP(b) patrz: tamże, s. 232. Na temat powołania przez Komintern m.in. rozgłosni im. T. Kościuszki szerzej patrz: Karolak 2013, 19–21.

³ Polski Komitet Wyzwolenia Narodowego – tymczasowy naczelny organ władzy wykonawczej w Polsce, powołany w Moskwie przez członków delegacji Krajowej Rady Narodowej i przedstawicieli Zarządu Głównego Związku Patriotów Polskich. Przewodniczącym PKWN był Edward Osóbka-Morawski, formalnie zatwierdzony ustawą KRN, datowaną 21 lipca 1944 r., a jego zastępcami zostali: Wanda Wasilewska i Andrzej Witos.

polskiej lewicy w tworzenie polskich sił zbrojnych na terytorium ZSRS. Intencją radia było ukazanie ZPP jako przeciwwagi istniejącego w Londynie polskiego rządu emigracyjnego. Napięte z nim relacje miały wynikać, według rozgłośni, z prowadzonej przez rząd polski antysowieckiej polityki, która ostatecznie doprowadziła do zerwania przez ZSRS (25 kwietnia 1943 r.) stosunków dyplomatycznych z Polską. W związku z tym ZPP miał być odtąd odpowiedzialny za sprawy Polaków znajdujących się w ZSRS. W wielu przekazach radiowych kluczową postacią wśród tych obywateli polskich była Wanda Wasilewska (wówczas obywatelka ZSRS). Autorzy audycji kreowali ją na bohaterkę, która realizowała marzenia Polaków. Prowadziła działalność polityczną i przyczyniła się do powstania programu. Stanowił on swoiste panaceum na problemy, jakie dotyczyły Polaków w okresie poprzedzającym wybuch drugiej wojny światowej.

Napaść Niemiec na ZSRS (22 czerwca 1941 r.) spowodowała, że 3 lipca przewodniczący Państwowego Komitetu Obrony Związku Sowieckiego, Józef Stalin, wystąpił w radiu z apelem, w którym podkreślał szczególny charakter wojny jako ogólnonarodowej w obronie wszystkich uciemnionych przez hitleryzm narodów. Niebawem powstał w Moskwie Wszechsłowiański Komitet Antyfaszystowski. Była to organizacja mająca na celu zjednoczenie wszystkich Słowian w walce z III Rzeszą. Jej przewodniczącym był gen. lejtnant Armii Czerwonej Aleksandr Gundorow. Antyfaszystowski Komitet powołał 6 sekcji: rosyjską (przewodniczący – Aleksy Tołstoj), ukraińską (Aleksandr Dowżenko), białoruską (Jakub Kołas), południowych Słowian (Bożydar Maślarić), polską (Wanda Wasilewska), czeską (Zdenek Nejedlý).

Zgromadzeni w Moskwie przedstawiciele narodów słowiańskich w dniach 10–11 sierpnia 1941 r. na I Wiecu Wszechsłowiańskim zwrócili się do wszystkich swoich rodaków z apelem o nieprzejednaną walkę z niemieckim najeźdźcą. Do Polaków przemawiali Wanda Wasilewska oraz gen. Marian Januszajtis (Syzdek 1981, 128 i n.).

Wydarzenie to nie zostało zrelacjonowane w polskojęzycznej rozgłośni im. T. Kościuszki. 4 i 5 kwietnia 1942 r. (Syzdek 1981, 132) odbył się II Wiec Wszechsłowiański. 5 kwietnia 1942 r. stacja ta cytowała w swojej audycji patetyczne apele do narodów słowiańskich, m.in. gen. Gundorowa. Dla naszych rozważań istotniejsze są słowa wypowiedziane przez Wandę Wasilewską, kierowane do Polaków mieszkających w okupowanym kraju (Audycja z 5 kwietnia 1942 r., k. 225):

Bracia! Wiosna u progu, wiosna krwi i chwały. Nie pora czekać, nie pora słuchać tchórzów. Nie dajcie posłuchu tym, co radzą czekać na sygnał. Samemu trzeba walczyć i zwyciężać. Chwała tym, co walczą w ciągu dwu i pół lat. Chwała tym, co w Warszawie, w Poznaniu w Borach Świątokrzyskich i w Puszczy Tucholskiej ginęli z bronią w ręku. Dziś nadszedł czas, by wszyscy ruszyli do boju.

Z jednej strony słowa Wasilewskiej podważały słuszność linii prowadzonej przez legalne władze polskie w Londynie i całe podległe jej podziemie wojskowe działające

w okupowanej Polsce. Wasilewska nie zgadzała się ona na to, by czekać na dogodny moment, aby rozpocząć konfrontację militarną z okupantem. Postępowanie rządu polskiego w tej kwestii było słuszne, ponieważ zbrojne wystąpienia przeciwko Niemcom doprowadziłyby do ogromnych strat demograficznych w polskim społeczeństwie.

Z drugiej strony zachęta do prowadzenia czynnej walki przeciwko Niemcom wynikała m.in. z perspektywy zbliżającej się wówczas niemieckiej ofensywy, która miała rozpocząć się wiosną 1942 r. Armii Czerwonej udało się odepchnąć wojska niemieckie spod Moskwy, ale istniało wiele obszarów ZSRS zagrożonych zdobyciem przez nieprzyjaciela. Wymienię tu choćby Półwysep Krymski czy prawobrzeżną Ukrainę. Należy pamiętać, że hitlerowcy będą posuwać się w kierunku Kaukazu, który stanie się niewrażliwym odcinkiem frontu wschodniego. Dlatego Wasilewska na wspomnianym wiecu nakłaniała Polaków, by rozwinęli ruch oporu, który wspomże Sowieci.

Warto zwrócić uwagę na inny fragment jej przemówienia, który został nadany 5 kwietnia 1942 r. przez polskojęzyczną rozgłośnię. Stwierdziła ona, że Polacy powinni walczyć z Niemcami „za Polskę, w której najwyższym prawem będzie wola ludu” (Audycja z 5 kwietnia 1942 r., k. 226). Na tej podstawie można wnioskować, że organizujące się wówczas środowisko polskich komunistów kreśliło plany zmiany ustroju w powojennej Polsce. Jak należy sądzić, lewica (przebywająca w ZSRS) uważała, że w okresie przed 1 września 1939 r. sanacyjne elity nie realizowały oczekiwań *p r o s t y c h* obywateli RP, czyli chłopów i robotników. Tamta władza była obca dla wymienionych warstw, które należy uznać za słabe ekonomicznie. Nie reprezentowała interesów ubogiej części społeczeństwa polskiego, ani nie pochodziła z jego wyboru. W związku z tym stacja, nadając powyższą treść, zapowiadała gruntowne zmiany, które mogą zaowocować np. poprawą poziomu życia mieszkańców Polski. Sami obywatele RP będą decydować o swoim losie.

Jednak nadrzędnym zadaniem Polaków było zintensyfikowanie działań zmierzających do zorganizowania ruchu partyzanckiego, który utrudniłby prowadzenie wojny wojskom Wehrmachu na froncie wschodnim. Rozgłośnia im. T. Kościuszki w przekazie z 6 kwietnia 1942 r. przytaczała fragment przemówienia innego uczestnika II Wiecu Wszechślowiańskiego – polskiego robotnika Aleksandra Joczysa, który próbował uzmysłowić Polakom znaczenie położenia geograficznego Polski na mapie toczącego się konfliktu (Audycja z 6 kwietnia 1942 r., k. 230):

Polacy! Nasz kraj jest miejscem koncentracji hitlerowskich sił wojennych. Tędy przewożą amunicję i sprzęt bojowy dla wroga. Polska jest jednym z najważniejszych ogniw w systemie wojennym Hitlera.

Radio przytoczyło, relacjonując przebieg wiecu, fragment wypowiedzi Joczysa, w której domagał się zaangażowania Polaków po stronie ZSRS. Oceniał ich bezczynność jako przejaw ignorancji. Interesem narodowym było odzyskanie niepodległości

przez Polskę oraz zapewnienie jej poczesnego miejsca w powojennej rzeczywistości (Audycja z 6 kwietnia 1942 r., k. 230).

Od nas, Polaków, zależy wiele. Nie wolno biernie czekać na wyzwolenie. Bezczynność jest śmiertelnym grzechem wobec przyszłości kraju. Polski czyn winien przyczynić się do zwycięstwa Związku Sowieckiego. Nasz czyn określi miejsce Polski w Europie.

Zgadzam się ze słowami Joczysa, że brak podjęcia walki przez Polaków z niemieckim okupantem mógł wpłynąć niekorzystnie na pozycję Polski na arenie międzynarodowej po zakończeniu II wojny światowej. Zapewne uczestnik wiecu oczekiwał, by Polacy prowadzili wojnę partyzancką, która ogarnęłaby cały kraj. Uważam, że taki postulat był wówczas mało realny, aby go urzeczywistnić. Jednak to nie czyn zbrojny polskiego ruchu oporu ostatecznie określił nasze miejsce w Europie, tylko ustalenia Wielkiej Trójki.

Mówiąc o przemówieniu Wandy Wasilewskiej wygłoszonym na wiecu, należy podkreślić, że rozgłosnia im. T. Kościuszki cytowała jego fragmenty w audycji z 5 kwietnia 1942 r., w których podkreśla się szczególną rolę polskich robotników w odzyskaniu wolności dla Polski, pomijając inne grupy społeczne. Wykorzystywano do tego celu fakty z historii Polski, takie jak rewolucja 1905 r. czy wydarzenia z listopada 1918 r., które przyczyniły się do odzyskania niepodległości. Apelowano (Audycja z 5 kwietnia 1942 r., k. 225):

Robotnicy Warszawy, Radomia, Łodzi, Zagłębia! Wy zawsze byliście awangardą narodu. Wspomnijcie pełne chwały dni 1905 roku, gdy walczyliście na barykadach i w roku 1918, gdyście pierwsi przepędzali niemieckich okupantów. Uzbrajajcie się! Twórzcie drużyny bojowe, walczcie z okupantem na każdym kroku.

Odnosząc się do powyższego fragmentu przekazu radiowego, rozgłosnia – za Wasilewską – nawoływała do podjęcia walki, nie podając, w jaki sposób mają tego dokonać adresaci tego komunikatu, czyli robotnicy. Skąd mieli wziąć broń? Jak miała być zorganizowana drużyna bojowa? Co partyzanci mieliby w pierwszej kolejności atakować? Pytania postawione przeze mnie pozostają bez odpowiedzi.

Rozgłosnia na podstawie opinii Wasilewskiej twierdziła, że gwarancją powodzenia w odzyskaniu niepodległości dla Polski miałyby być zjednoczenie się wszystkich grup społecznych, które poprzez wspólną walkę osiągną swój zamierzony cel. „Nasza znakomita pisarka wzywa polskich chłopów i polską inteligencję do wspólnej z polską klasą robotniczą walki tak, jak to było w roku 1905 i 1918” (Audycja z 5 kwietnia 1942 r., k. 226).

Taki pogląd był charakterystyczny dla polskich komunistów w kraju i w ZSRS. Głosili oni hasła budowy frontu narodowego. Z jednej strony, według nich, solidarność wśród przedstawicieli różnych zawodów zapewniała skuteczniejsze

prowadzenie walki przeciwko okupantowi niemieckiemu, co mogło ostatecznie dać dobre rezultaty w działalności konspiracyjnej. Z drugiej strony lewica próbowała tak oddziaływać na Polaków, by stać się popularniejszą siłą polityczną. Warto dodać, że Wasilewska nie była cenioną pisarką przez polskich czytelników w dwudziestolecie międzywojennym, a jej twórczość nie miała wielu walorów literackich.

W przytaczanej audycji brak jakiegokolwiek wzmianki na temat przyjęcia przez uczestników II Wiecu Wszechślowiańskiego odezwy *Do ujarzmionych narodów słowiańskich*, w której przedstawiono aktualny stan wojny z hitlerowskim najeźdźcą i zwrócono się do poszczególnych narodów słowiańskich z wezwaniem o wzmożenie walki (Syzdek 1981, 133).

Od połowy 1942 r. stosunki polsko-sowieckie ulegały pogorszeniu w związku z ewakuacją Armii Polskiej do Iranu. Władze ZSRS podjęły decyzję o wznowieniu wydawania polskojęzycznej gazety pt. „Nowe Widnokreği” jako dwutygodnika społeczno-kulturalnego dla Polaków w ZSRS. Pismo ukazywało się od 5 maja 1942 r. w Kujbyszewie⁴. W gazecie tej zamieszczano artykuły krytycznie odnoszące się do ewakuacji polskich jednostek wojskowych do Iranu. Podnoszono postulat prowadzenia przez Polaków walki zbrojnej przy boku Armii Czerwonej.

Pierwszym wystąpieniem w sprawie Polaków znajdujących się w ZSRS (po ewakuacji Armii Polskiej) był program polityczno-wojskowy opracowany przez ppłk. Zygmunta Berlinga (jeszcze w czasie jego pobytu w Taszkencie) i przedłożony władzom sowieckim bezpośrednio po jego przybyciu do Moskwy pod koniec września 1942 r. Autor dokumentu stwierdził w nim, że musi powstać nowy ośrodek polityczny, który nie będzie uznawał rządu emigracyjnego w Londynie, ponieważ nie reprezentuje on interesów narodu polskiego. Uważał, że musi powstać na terytorium ZSRS Armia Polska, która stanie do walki u boku Armii Czerwonej (Sobczak 1973, 130 i n.).

4 stycznia 1943 r. grupa osób skupiona wokół redakcji „Nowych Widnokreğów” wysłała do zastępcy przewodniczącego Rady Komisarzy Ludowych ZSRS Wiaczesława Mołotowa list podpisany przez Wandę Wasilewską i Alfreda Lampego. Przedstawiono w nim sytuację Polaków w ZSRS i podkreślono konieczność ujęcia u c h o d ź s t w a

⁴ „Nowe Widnokreği” – organ Związku Pisarzy Radzieckich, ukazujący się od stycznia do lipca 1941 r. jako społeczno-kulturalny miesięcznik dla Polaków w ZSRS. Z gazetą związali się: Wanda Wasilewska, Helena Usijewicz (córka Feliksa Kona), Tadeusz Boy-Żeleński, Władysław Broniewski, Jerzy Putrament, Leon Pasternak, Adam Ważyk, Stefan Jędrzychowski, Janina Broniewska i inni. Do współpracy włączyła się także Zofia Dzierżyńska. Po wznowieniu czasopisma do jego redakcji dołączyły nowe osoby: Alfred Lampe, Julian Brun, Jerzy Borejsza, Jakub Prawin, Włodzimierz Sokorski i inni. Pismo było popularne wśród licznej grupy Polaków w ZSRS. Świadcą o tym m.in. stale wzrastający nakład i liczba odbiorców. I tak w maju 1942 r. było 800 stałych prenumeratorów (nakład wynosił 10 tys. egzemplarzy), w lutym 1943 r. ich liczba osiągnęła 6 tys., a nakład wzrósł do 15 tys. egzemplarzy. Drugim wskaźnikiem zasięgu i znaczenia społecznego „Nowych Widnokreğów” był duży napływ listów. W okresie od maja 1942 do marca 1943 r. do redakcji nadeszło 1969 listów, których autorzy podejmowali nie tylko sprawy osobiste, lecz także przede wszystkim ogólnopolityczne. Na ten temat patrz: Zbiniewicz 1961a, 1963a i b, 1967; Sobczak 1973.

polskiego w ramy organizacyjne poprzez wyłonienie jego nowej politycznej reprezentacji. W liście zawarto propozycje dotyczące ponownej mobilizacji Polaków do Armii Czerwonej oraz przyjmowanie do jej szeregów także ochotników polskich (Jałoszyński 1962, 153 i n.).

Sprawę udziału Polaków w walce z Niemcami podejmowali nie tylko komuniści. 20 stycznia 1943 r. redakcja „Nowych Widnokręgów” zamieściła list Tadeusza W. z miejscowości Marks, z obwodu saratowskiego. Autor domagał się zorganizowania polskich jednostek wojskowych na terytorium ZSRS⁵.

W drugiej połowie lutego 1943 r. Wanda Wasilewska, Hilary Minc i Wiktor Grosz zostali przyjęci przez Józefa Stalina. Polscy komuniści uzyskali zgodę na zorganizowanie w Moskwie nowego czasopisma „Wolna Polska”. Miało ono oddziaływać na Polaków przebywających w ZSRS pod względem propagandowym i ideologicznym. Gazeta miała być centralnym organem organizacji społecznej – ZPP. Pierwszy numer „Wolnej Polski” ukazał się 1 marca 1943 r. Wkrótce pismo osiągnęło nakład 40 tys. egzemplarzy (Jałoszyński 1962, 155). ZPP jeszcze nie istniał, ale miał już swoją nazwę, którą zaproponował na tym spotkaniu Józef Stalin (Sobczak 1973, 134).

W połowie kwietnia 1943 r. spośród działaczy skupionych wokół redakcji „Wolnej Polski” wyłonił się Komitet Organizacyjny ZPP. Kluczowymi postaciami w Komitecie byli Alfred Lampe i Wanda Wasilewska, która pełniła funkcję przewodniczącej. Do zasadniczych obowiązków członków należało przygotowanie programu politycznego, podstaw organizacyjnych działalności ZPP (Jałoszyński 1962, 156).

25 kwietnia 1943 r. ZSRS zerwał stosunki dyplomatyczne z rządem emigracyjnym, m.in. z powodu zaangażowania się władz polskich w wyjaśnienie okoliczności zamordowania oficerów Wojska Polskiego w Katyniu.

Radiostacja im. T. Kościuszki 29 kwietnia 1943 r. przytoczyła obszernie fragmenty przemówienia Wandy Wasilewskiej, które wygłosiła dzień wcześniej w moskiewskim radiu. Najlepiej świadczy o tym fragment, mówiący o tym, czego społeczeństwo polskie oczekuje od władz emigracyjnych (Audycja z 29 kwietnia 1943 r., k. 387):

Polacy pragną tylko jednego – oświadcza Wasilewska – pragną wyzwolenia ociekającej krwią ojczyzny z hitlerowskich łap. Polacy rozumieją, że można to osiągnąć jedynie w uczciwym i trwałym sojuszu z państwami demokratycznymi walczącymi przeciw Hitlerowi.

Pomimo iż rozgłośnia przytaczała słowa polskiej działaczki i posługiwała się jej opinią, starano się wyrazić stanowisko wobec omawianego problemu. Świadczy o tym fragment, w którym dokonuje się oceny władz polskich: „Wasilewska stwierdza,

⁵ Autor listu nazywał się Alfred Tadeusz Wiślicki. Szerzej na ten temat: Zbiniewicz 1961b.

że rząd generała Sikorskiego nie prowadził takiej polityki, że rząd ten nie chciał i nie umiał wzmocnić sił Polski” (Audycja z 29 kwietnia 1943 r., k. 387).

Autorzy audycji przedstawiają stanowisko Wasilewskiej i stawiają wiele zarzutów polskim władzom emigracyjnym. Jednym z nich był brak zrozumienia oczekiwań społeczeństwa polskiego, przez co rząd polski rzekomo nie reprezentował interesów Polaków. Nie dążył on do czynnej walki przeciwko niemieckiemu okupantowi i podważał sens współpracy z ZSRS. Innymi słowy – działania polskiego *establishmentu* przebywającego w Londynie nie przybliżały RP do pokonania III Rzeszy.

W związku z tym rozgłosnia podważała legalność istnienia polskiego rządu w Londynie, posługując się argumentem, że „naród polski rządu tego nie wybierał, pełnomocnictw mu nie dawał i nie mógł” (Audycja z 29 kwietnia 1943 r., k. 387). Można zgodzić się z tym stwierdzeniem, że społeczeństwo polskie nie wybierało władz RP, ponieważ powstały one w warunkach emigracyjnych. Gabinet premiera Władysława Sikorskiego został utworzony w Paryżu 30 września 1939 r.⁶ i cieszył się dużą popularnością w okupowanej Polsce, m.in. dlatego że odbudował Polskie Siły Zbrojne poza granicami RP.

Radiostacja posługiwała się cytatem z przemówienia Wasilewskiej. Próbowła polskim władzom postawić jeszcze jeden zarzut: chęć zagarnięcia terytorium tzw. Zachodniej Ukrainy i Zachodniej Białorusi, które – w jej ocenie – powinno znaleźć się w granicach państwa sowieckiego. Radio sugerowało, że rząd gen. Sikorskiego nie jest zainteresowany polskimi ziemiami wcielonymi do Niemiec oraz tymi, które zostały utracone przez RP na rzecz tego państwa. To oznaczało, że należało oprzeć przyszłą granicę polsko-niemiecką „o tereny nad Bałtykiem i na zachodzie” (Audycja z 29 kwietnia 1943 r., k. 388).

Pracownicy rozgłośni w pełni akceptowali starania Wasilewskiej (jej list do Stalina z końca kwietnia 1943 r.) o uzyskanie zgody władz ZSRS na formowanie polskiej jednostki wojskowej, która walczyłaby wspólnie z Armią Czerwoną na froncie wschodnim. Oznaczało to, że nie będzie ona podlegać w żaden sposób władzom polskim. Tym samym rozgłosnia podważała legalność rządu emigracyjnego (Audycja z 29 kwietnia 1943 r., k. 388):

Popieramy też całkowicie stanowisko Wasilewskiej i ogółu naszych rodaków przebywających w Rosji, którzy domagają się, by rząd sowiecki dał im możliwość walczyć z bronią w ręku z niemieckim najeźdźcą.

Decyzja rządu sowieckiego w sprawie formowania polskiej jednostki wojskowej na terytorium ZSRS nastąpiła wcześniej niż została nadana audycja rozgłośni im. T. Kościuszki (była ona wówczas poufna), w której przedstawiano plany i zamiary

⁶ Na temat okoliczności powołania do życia rządu gen. Władysława Sikorskiego patrz: Duraczyński 1993; Hulaś 1996; Michowicz (red.) 1999.

Wasilewskiej dotyczące omawianego problemu. Wspomnienia polskich działaczy ZPP pokazują, że władze ZSRS podjęły ją pod koniec kwietnia 1943 r. Według Jerzego Putramenta nastąpiło to 18 kwietnia 1943 r. (Putrament 1962, 164 i n.), z kolei Zygmunt Berling dowiedział się o tym fakcie w nocy z 19 na 20 kwietnia 1943 r. (Jaczyński 1996, 148; Grzelak/Stańczyk/Zwoliński 2002, 25; Zwoliński red. 2003, 38 i n.)

Wiadomość o zgodzie ZSRS na stworzenie polskiej jednostki wojskowej pojawiła się w prasie sowieckiej 9 maja. Tego samego dnia odbył się w Moskwie III Wiec Wszechsłowiański, podczas którego Wasilewska i Berling poinformowali jego uczestników o tym, że powstaną polskie siły zbrojne w ZSRS (Syzdek 1973, 420 i n.; Sokorski 1979, 41; Sokorski 1983, 15)⁷.

Radiostacja im. T. Kościuszki przedstawiła relację z wiecu 11 maja. Przytoczono fragmenty z przemówienia Wasilewskiej, dodając jedynie drobne komentarze do omawianych przez nią problemów.

Polska działaczka poruszyła kwestię zbrodni dokonywanych przez niemieckich okupantów na mieszkańcach Polski. Zaznaczyła również, „że cały świat z przerażeniem patrzy na to, co się dzieje w Polsce i że z szacunkiem chyli głowę przed naszym narodem, który nie ugiął się przed wrogiem” (Audycja z 11 maja 1943 r., k. 558).

Informacja podana przez rozgłośnię o hitlerowskich zbrodniach na obywatelach Polski nie stanowiła żadnego *n o v u m*. Bardziej istotny dla naszych rozważań wydawać się może cytat z przemówienia Wasilewskiej na temat celów, jakie zostały postawione przed nowo powstałą jednostką wojskową. W tej samej audycji podano (Audycja z 11 maja 1943 r., k. 558):

My, Polacy w Związku Sowieckim, [...] przystąpiliśmy do formowania polskiej dywizji, która pójdzie na front pod polskim sztandarem, ze znakiem Orła piastowskiego, Orła walki z Niemcami. Pójdzie ona ramię przy ramieniu z Armią Czerwoną [...]. Stąd, z wschodniego frontu, będziemy sobie torować drogę do Polski, do wielkiej, silnej i sprawiedliwej Polski.

Pomimo podkreślania polskości DP im. T. Kościuszki była ona pod sowiecką supremacją. Została stworzoną na podstawie decyzji władz ZSRS. Dlatego zaznaczanie niezależności dywizji od sowieckich czynników decyzyjnych było, w mojej ocenie, działaniem propagandowym. Radio, nadając powyższy komunikat, chciało uświadomić słuchaczom, że Polacy, którzy przebywali na terenie wschodniego sąsiada RP, będą prowadzić walkę przeciwko hitlerowskim Niemcom dokonującym wielu zbrodni i okrucieństw na narodzie polskim. Stacja sugerowała odbiorcom, że powyższa formacja militarna przyczyni się do pokonania nieprzyjaciela. Uważam taki

⁷ Na temat komunikatu dotyczącego zgody rządu sowieckiego na formowanie polskiej dywizji na terenie ZSRS patrz: Grzelak/Stańczyk/Zwoliński 1994.

wniosek za zbyt daleko idący. W 1943 r. udział Polaków w działaniach wojennych na froncie wschodnim był niewielki.

Radiostacja im. T. Kościuszki, korzystając z fragmentów wywiadu, jakiego udzieliła Wasilewska gazecie „Krasnaja Zwiezda”, próbowała po raz kolejny podkreślić polski charakter nowej dywizji po to, aby nie spotkać się z zarzutem, że była to jednostka wojskowa, która służyła interesom ZSRS. 14 maja 1943 r. nadała (Audycja z 14 maja 1943 r., k. 591):

Dywizja będzie polska – mówi Wanda Wasilewska – ale polska ze swej treści. Oficerami tej dywizji będą wyłącznie Polacy. Komenda będzie polska, hymnem – hymn narodowy „Jeszcze Polska nie zginęła”. Oficerowie, żołnierze będą składać przysięgę na wierność narodowi polskiemu. Umundurowanie będzie takie jak do września 1939 roku. Sztandar oczywiście biało czerwony z Orłem Śmiałych i Krzywoustych: pogromców niemieckiego raubritterstwa. Oto, jak rysuje obraz dywizji polskiej im. Tadeusza Kościuszki Wanda Wasilewska.

Rozgłosnia zaznaczała, posługując się opinią Wasilewskiej, że polska jednostka wojskowa nie będzie wchodzić w skład Armii Polskiej, podlegającej legalnym władzom polskim w Londynie, lecz dowództwu sowieckiemu (Audycja z 14 maja 1943 r., k. 591).

W tej samej audycji znajduje się krótki biogram dowódcy DP im. Tadeusza Kościuszki – Zygmunta Berlinga. Podkreśla się w nim wiele zasług i odznaczeń, jakie otrzymał, m.in. order Virtuti Militari. Był on czterokrotnie odznaczony Krzyżem Walecznym i Złotym Krzyżem Zasługi. Zaznacza się, iż współpracował z gen. Władysławem Andersem, jednak nie postąpił tak jak on i nie opuścił ZSRS, aby udać się na Bliski Wschód.

W cytowanym przekazie rozgłośni nie brakuje również fragmentów wywiadu udzielonego przez Berlinga gazecie sowieckiej „Krasnaja Zwiezda”, w którym podkreśla on ogromne zasługi rządu ZSRS, udzielającego wszelkiej pomocy w formowaniu polskiej dywizji (Audycja z 14 maja 1943 r., k. 591). Należy zgodzić się z tym, że władze państwa sowieckiego udzieliły niezbędnej pomocy do sformowania DP im. T. Kościuszki.

Posługując się audycją, próbowano stworzyć przeświadczenie, że powyższa jednostka posiadała wszelkie atrybuty, by uznać ją za polską. Ostatecznie stacja stwierdziła, że będzie ona podlegać Sowietom. Charakterystyka jej dowódcy miała podkreślić kompetencje oraz walory charakterologiczne, jakie posiadał Berling. Według pracowników polskojęzycznej redakcji był on bohaterem i patriotą. W ten oto sposób próbowano zaznaczyć, że omawiana przeze mnie formacja wojskowa będzie dobrze dowodzona, co powinno zaowocować sukcesami na polach bitewnych.

Uczestnicy Zjazdu ZPP, który odbył się w Moskwie w dniach 9–10 czerwca 1943 r., wystosowali list do przewodniczącego Rady Komisarzy Ludowych – Józefa Stalina z podziękowaniem za udzielenie zgody na formowanie DP im. T. Kościuszki⁸.

Fakt ten nie został pominięty przez rozgłośnię. W audycji z 18 czerwca radio podało (Audycja z 18 czerwca 1943 r., k. 248):

W swej depeszy prezydium zjazdu wyraża radość, z tego, że rząd sowiecki i sam premier Stalin, nie bacząc na wszelkie przeszkody i wysiłki wrogów, zachował swój życzliwy i przyjazny stosunek dla wyzwoleniczej walki narodu polskiego i do sprawy odbudowania po wojnie wolnej, niepodległej i silnej Polski. Poza tym zjazd [Związku – przyp. A. K.] Patriotów [Polskich – przyp. A. K.] wyraził swe podziękowanie za to, że rząd sowiecki i marszałek Stalin dali swą zgodę na formowanie dywizji imienia Kościuszki, że udzielają pomocy w jej formowaniu oraz podziękował za pomoc i życzliwy stosunek wobec polskich uchodźców.

Inny fragment przekazu podany przez radiostację podkreślał wkład militarny ZSRS w toczącą się wojnę: „Jesteśmy przeświadczeni, że Związek Sowiecki robi i zrobi wszystko, co jest w jego mocy, by przyspieszyć klęskę Niemców, a co za tym idzie, przyspieszyć i nasze wyzwolenie” (Audycja z 18 czerwca 1943 r., k. 249).

Stalin odpowiedział na depeszę, wysyłając do Zarządu Głównego ZPP list, w którym wyraził gotowość niesienia Polakom dalszej pomocy, która przyczyni się do odbudowania silnej i niepodległej Polski. Słowa te nie miały nic wspólnego z prawdziwymi intencjami władz sowieckich wobec Polski i jej obywateli.

Odnosząc się do tych słów, radiostacja im. T. Kościuszki próbowała utwierdzić słuchaczy w przekonaniu, iż przywódca ZSRS był zainteresowany udzieleniem pomocy Polakom w odbudowie ich państwa. 18 czerwca przekonywano, że (Audycja z 18 czerwca 1943 r., k. 249):

Słowa Stalina świadczą o niezachwianej woli rządu i narodów Związku Sowieckiego dopomożenia nam w naszej walce o wyzwolenie Ojczyzny, w walce o odbudowanie niepodległego i silnego państwa polskiego.

Poza odnotowaniem faktu, że ZPP prowadził korespondencję z najwyższymi przedstawicielami władzy państwa sowieckiego, w audycji podkreślono szczególną rolę, jaką pełnił on w staraniach o odzyskanie niepodległości przez Polskę. „Szczerze i ofiarnie służą narodowi polskiemu działacze i członkowie Związku Patriotów Polskich w Rosji, gdyż idą na front, by oddać krew i życie za wyzwolenie naszej Ojczyzny” (Audycja z 18 czerwca 1943 r., k. 250).

⁸ Na temat obrad Zjazdu ZPP piszą w swych wspomnieniach m in. : Sokorski 1983, 20; Berling 1991, 137 i n.; Audycja z 20 czerwca 1943 r., k. 283. Patrz również: Głowacki 1983, 149; Głowacki 1994, 45 i n.

Rozgłosnia im. T. Kościuszki 12 czerwca 1943 r. poświęciła wiele miejsca Zjazdowi ZPP. Śledząc audycje, można dojść do wniosku, że miały one na celu ukazanie Polaków znajdujących się w ZSRS jako organizatorów walki narodowowyzwoleńczej. Rząd emigracyjny, w opinii kierownictwa ZPP, był odpowiedzialny za pogorszenie stosunków polsko-sowieckich. Według przekazów radiostacji kierownictwo ZPP to wielcy patrioci o bohaterskiej przeszłości, którym „leży na sercu los państwa polskiego” (Audycja z 12 czerwca 1943 r., k. 155 i n.). 13 czerwca 1943 r. próbowano wykazać, że ZPP był organizacją tolerancyjną oraz otwartą dla osób o różnych poglądach politycznych. Jego członkiem nie musiał zostać wyłącznie komunista (Audycja z 13 czerwca 1943 r., k. 174 i n.).

20 czerwca 1943 r. rozgłosnia poruszyła temat koncepcji ustrojowej Polski. Treść audycji była zbieżna z zapisem w *Deklaracji ideowej ZPP*⁹ (Audycja z 20 czerwca 1943 r., k 195).

Jak Związek Patriotów Polskich wyobraża sobie ustrój tej Polski? Jak wynika z jego deklaracji ideowej – ma to być ustrój parlamentarny z demokratycznym sejmem na czele, który stanowić będzie o prawach i obowiązkach obywateli. Oznacza to, że naród da wyraz swej woli za pośrednictwem posłów wybranych na zasadach na wskroś demokratycznych. Sejm będzie uchwalał ustawy [...], stanowił o rządach, określił w demokratycznej konstytucji prawa i obowiązki obywateli.

Z treści przekazu wynika, że ustrój przyszłej Polski ma być w pełni demokratyczny z legalnie funkcjonującymi partiami politycznymi, których przedstawiciele, wybrani w wyborach, będą ustanawiać prawo zgodnie z ustawą zasadniczą. Takie koncepcje ustrojowe powojennej Polski autorstwa kierownictwa ZPP z pewnością miały zachęcić Polaków do poparcia tych idei, a tym samym ich inicjatorów. Podanie takich informacji miało na celu zapewnić radiosłuchaczy, że Polska nie zostanie skomunizowana, jak twierdzili członkowie rządu emigracyjnego w Londynie. Trzeba wziąć pod uwagę, że proponowane rozwiązania ustrojowe przez kierownictwo ZPP pozostały na p a p i e r z e, ponieważ realny wpływ na system sprawowania władzy w Polsce miał ZSRS.

Bardziej radykalny ton w związku z omawianym zagadnieniem przyjęła rozgłosnia im. T. Kościuszki w innym przekazie, w którym posłużono się tezami zawartymi w deklaracji ZPP. W jednym z fragmentów zaznacza się, że nie można powracać do systemu sprzed 1 września 1939 r., ponieważ doprowadził on do upadku państwowości polskiej. Poza tym podano, że w powojennej Polsce nie będą mogły funkcjonować partie polityczne o rodowodzie sanacyjnym, a tym samym można dojść do wniosku, że przyszły ustrój nie będzie demokratyczny, jak to było przedstawiane w cytowanej wyżej audycji. Świadczą o tym najlepiej słowa przekazu nadanego 18 czerwca (Audycja z 18 czerwca 1943 r., k. 252):

⁹ *Deklaracja ideowa Związku Patriotów Polskich*, opr. Syzdek 1983. Na ten temat patrz: Kumoś 2001.

Deklaracja nawiązuje do doświadczeń przeszłości, podkreśla, że tragedia wrześniowa ujawniła całkowite bankructwo systemu sanacyjno-ozonowego. Wskazuje ona na konieczność całkowitej likwidacji pozostałości tego systemu, na konieczność odrzucenia przeżytych form i idei, zwyciężenia wewnętrznego rozbitcia narodu i na konieczność jego zjednoczenia na zasadach odpowiadających wymogom obecnej chwili. W dalszym ciągu działają różne wsteczne grupki ozonowe, które nie tylko szkodzą wyzwolenczej walce narodu, ale chciwie wyciągają łapy ku polskiej przyszłości.

Kluczowym zagadnieniem dla polskich komunistów, skupionych wokół ZPP, było przeprowadzenie reformy rolnej. Proponowano, aby oddać ziemię polskiemu chłopu. Jednak powody, dlaczego miała ona zostać przeprowadzona bez odszkodowania, przedstawia inny przekaz radiowy (Audycja z 20 czerwca 1943 r., k. 288):

Toteż deklaracja zupełnie słusznie wypowiadała się za przebudową ustroju rolnego w wyzwolonej Polsce, przy czym chłop i robotnicy rolni powinni otrzymać ziemię bez wykupu. Winna to być Polska wyzwolona spod panowania obszarników, baronów, lichwiarzy bankowych i spekulantów giełdowych.

Rozgłosznie akceptowała postulat zawarty w deklaracji, iż Związek Sowiecki jest naszym naturalnym sprzymierzeńcem, wręcz gwarantem naszej niepodległości. 18 czerwca 1943 r. mówiono (Audycja z 18 czerwca 1943 r., k. 254):

Przyjaźń tę, jak wynika z deklaracji, uważa Związek Patriotów za podstawowy czynnik, który umożliwi nam zabezpieczenie raz na zawsze bytu narodowego przed niszczycielską furią i brutalnością niemieckiego imperializmu. Toteż deklaracja zupełnie słusznie podkreśla, że jedynie rozsądną polityką, jaką możemy prowadzić, jest sojusz z naszym naturalnym sprzymierzeńcem Związkiem Sowieckim.

Stacja, powołując się na program ZPP, oświadczyła słuchaczom, że Polska nie będzie w stanie samodzielnie utrzymać swojej niepodległości przed kolejnym spodziewanym atakiem ze strony Niemiec. Dlatego uważała, że ZSRS – jako kraj o większym potencjale militarnym i gospodarczym – zapewni nam stabilność polityczną, etc. Uważam, że radio nakłaniało do zależności politycznej wobec wschodniego sąsiada, co mogło nie odpowiadać oczekiwaniom wielu Polaków pamiętających wydarzenia z okresu wojny polsko-bolszewickiej z 1920 r. (próba zajęcia Polski przez Rosję Sowiecką), a szczególnie te, które miały miejsce w latach 1939–1941 we wschodnich województwach II RP (dokonywanie represji przez ZSRS wobec narodu polskiego).

Autorzy audycji, omawiając wiele postulatów zawartych w deklaracji programowej ZPP, nie ominęli również zagadnienia przyszłych granic Polski. Temat ten był w okresie II wojny światowej podejmowany przez polskich komunistów w ZSRS i okupowanym kraju po to, by zabezpieczyć niepodległość Polski.

Jak przebiegać miała zachodnia granica Polski? Na to pytanie odpowiada fragment przekazu radiostacji im. T. Kościuszki, nadany 23 czerwca, do którego użyto treści *Deklaracji ideowej* ZPP: „Nawiązując do wspaniałych tradycji wielkich budowniczych państwa polskiego, Bolesławów, Łokietka [...], dążymy do umocnienia Polski na zachodzie i nad Bałtykiem”. Jaka droga prowadzi do umocnienia Polski na zachodzie i nad Bałtykiem? Deklaracja daje jasną i wyraźną odpowiedź (Audycja z 23 czerwca 1943 r., k. 317)¹⁰:

Po zwycięskim zakończeniu wojny na Śląsku powinna zostać odrestaurowana polskość. Polska masa etniczna na Śląsku musi być znów połączona z pniem macierzystym. Ujście Wisły, podstawowej, życiowej arterii naszego kraju, powinno wrócić w polskie ręce. Prusy Wschodnie nie mogą nadal istnieć jako bastion imperializmu niemieckiego, jako bariera oddzielająca Polskę od Bałtyku. Prusy Wschodnie muszą się stać pomostem Polski na Bałtyk.

Polskojęzyczna redakcja propagowała w ten sposób wizję Polski piastowskiej. Powojenne granice zachodnie należało oprzeć m.in. o akwen Morza Bałtyckiego. Równie istotne było przyłączenie do RP tych obszarów, które zostały utracone przed wieloma wiekami z powodu ekspansji niemieckiej na wschód. Nietrudno dojść do wniosku, że one nie tylko zabezpieczą Polskę przed ewentualną agresją zachodniego sąsiada, lecz także przyczynią się do rozwoju gospodarczego. A to niewątpliwie może skutkować tym, że nastąpi podniesienie poziomu życia obywateli polskich. Pracownicy redakcji, podobnie jak kierownictwo ZPP, negatywnie ocenili przedwojenne rozgraniczenia RP, uznając je za przyczynę katastrofy narodowej, która dokonała się we wrześniu 1939 r.

Rozgłosnia potępiła politykę uprawianą przez władze sanacyjne wobec Czechosłowacji, określając ją jako antyczeską. Według opinii pracowników stacji, najazd na Zaolzie dokonany został przez Polskę w porozumieniu z Hitlerem. Odpowiedzialni za to byli Minister Spraw Zagranicznych Józef Beck oraz marszałek Edward Rydz-Śmigły. Ich krótkowzroczność doprowadziła do wzmocnienia nazistowskich Niemiec i ostatecznie do utraty niepodległości przez Polskę.

W przekazie radiowym z 23 czerwca 1943 r. posłużono się deklaracją ZPP w kwestii granicy polsko-czechosłowackiej. Rozgłosnia nie precyzowała, jak będzie ona przebiegać. Podała jedynie lakoniczne i niewiele mówiące stwierdzenie, że powinno się to dokonać w sposób pokojowy i niezakłócający trwałej przyjaźni pomiędzy narodami polskim i czechosłowackim.

Granica wschodnia powinna być łącznikiem, a nie przegrodą pomiędzy Polską a narodami zamieszkującymi ZSRS. Takie stwierdzenie pada w przekazie rozgłosni,

¹⁰ Na temat konieczności powrotu do Polski ziem na zachodzie pisał Zygmunt Berling w swoim memoriale z końca 1942 r., przedłożonym władzom sowieckim. Alfred Lampe odniósł się do problemu powojennych granic Polski w artykule pt. *Miejsce Polski w Europie*. Szerzej patrz: Prus 1974, 470 i n.

w którym stwierdza się, że granica ryska nie odpowiadała dążeniom Ukraińców i Białorusinów do własnego zjednoczenia narodowego (Audycja z 23 czerwca 1943 r., k. 318).

Pomimo iż radiostacja próbowała „rzetelnie” informować radiosłuchaczy w okupowanej Polsce, popełniała błędy, podając nieprawdziwą datę rozpoczęcia obrad Zjazdu – 8 czerwca, kiedy miało to miejsce dzień później.

Stacja w komunikatach radiowych podjęła się tematu organizacji DP im. T. Kościuszki. W przekazach z 9 lipca informowano o tym, że jednostka ta posiadała nowoczesny sprzęt wojskowy, a jej żołnierze byli zdeterminowani prowadzić walkę z Wehrmachtem (Audycja z 9 lipca 1943 r., k. 154). Kilka dni później w audycji przedstawiono uroczystość zaprzysiężenia dywizji. Odbędzie się ona 15 lipca 1943 r., w 533. rocznicę bitwy pod Grunwaldem (Audycja z 20 lipca 1943 r., k. 321), stoczonej przez wojska polskie, litewskie i ruskie przeciwko zakonowi krzyżackiemu. Król Polski Władysław Jagiełło pokonał wtedy jednostki dowodzone przez wielkiego mistrza Ulricha von Jungingena. Była to największa bitwa rycerstwa w okresie średniowiecza.

Radio, podając powyższe informacje, oddziaływało psychologicznie na świadomość odbiorców w Polsce. Próbowano w ten sposób dodać otuchy tym, którzy wątpili w pokonanie III Rzeszy. Jak można przypuszczać, DP im. T. Kościuszki miała odnosić zwycięstwa na miarę wiktorii z XV w.

W doniesieniu z 2 września podkreślano również, że w ZSRS powstała nie jedna dywizja, ale korpus składający się z kilku jednostek. Zatem Polacy, podlegający sowieckiemu dowództwu, dysponowali większą siłą rażenia. To również miało na celu uzmysłwić słuchaczom, że duże formacje wojskowe zostaną wykorzystane do działań wojennych na froncie wschodnim (Audycja z 2 września 1943 r., k. 29)¹¹.

Kolejne wiadomości dotyczyły udziału DP im. T. Kościuszki w bitwie pod Lenino (obwód mohylewski), która odbyła się 12–13 października 1943 r.¹²

¹¹ Na mocy decyzji Państwowego Komitetu Obrony 19 sierpnia 1943 r. został wydany rozkaz organizacyjny gen. Zygmunta Berlingowi o formowanie korpusu, w którego składzie – obok DP im. T. Kościuszki – utworzono także 2 DP im. H. Dąbrowskiego, 1 Brygadę Artylerii im. Józefa Bema, 1 Brygadę Pancerną im. Bohaterów Westerplatte, 1 Pułk Lotnictwa Myśliwskiego i szereg innych jednostek. Berling został mianowany w sierpniu 1943 r. generałem brygady oraz dowódcą 1 Korpusu Polskich Sił Zbrojnych w ZSRS. Na ten temat patrz: Syzdek 1973; 1981; Audycja z 11 stycznia 1944 r., k. 170. Radio informowało o przekształceniu 1 Korpusu Polskich Sił Zbrojnych w Armię Polską w ZSRS, Audycja z 19 marca 1944 r., k. 279. Dodam tylko, że miało to miejsce 16 marca 1944 r. Polskojęzyczna redakcja podawała również, że zostały zaprzysiężone kolejne jednostki z udziałem polskich żołnierzy m.in.: 3 DP im. R. Traugutta, Audycje z 28 marca, 5, 11 kwietnia, 9 maja 1944 r., tamże, k. 419; k. 65, 142; k. 127.

¹² W dniach 12–13 października 1943 r. DP im. T. Kościuszki, wchodząca w skład 33 Armii Frontu Zachodniego, stoczyła bitwę o przełamanie umocnionego pasa niemieckiej obrony tzw. Bramy Smoleńskiej. Był to pierwszy bój jednostki polskiej u boku Armii Czerwonej. W dwudniowej bitwie dywizja, rzucona na najsilniejsze pozycje obronne wroga, nie otrzymała dostatecznego wsparcia od sąsiednich dywizji sowieckich. Nieumiejętnie dowodzona, po zdobyciu części niemieckich punktów oporu, została

W doniesieniach z 21, 24 października i 13 listopada 1943 r. podkreślano, że Polacy wykonali postawione im zadanie i przełamali linię obrony wroga, dokładnie nie precyzując miejsca, gdzie tego dokonali. Wiele uwagi poświęcono tym, którzy zginęli na polu walki. Wymieniono niektóre osoby, które poległy: Aniela Krzywoń, kpt. Władysław Wysocki. Dodać należy, że zostały one odznaczone Orderem Bohatera Związku Radzieckiego (Audycje z 21, 24 października, 13 listopada 1943 r., k. 320, 373; k. 199). Podkreślano, że obecność dywizji przy boku Armii Czerwonej spotkała się z dużym zainteresowaniem ze strony prasy zagranicznej (angielskiej) (Audycja z 31 października 1943 r., k. 505).

Stacja wykazywała, że urzeczywistniły się plany o udziale Polaków w operacjach militarnych na froncie wschodnim. Wojska hitlerowskie ponoszą straty w wyniku działań żołnierzy: sowieckich, angielskich, amerykańskich, ale również i polskich, którzy wytyczali sobie drogę do Ojczyzny. Sama obecność ich na froncie niemiecko-sowieckim powinna słuchaczy napawać optymizmem. Żołnierze, którzy zapłacili najwyższą cenę – życie, byli dowodem na to, że Polacy zaangażowali się w walkę o niepodległość i wolność RP.

W doniesieniach radiowych z 20 i 21 czerwca 1944 r. poruszono temat dotyczący swobody kultu religijnego w Armii Polskiej w ZSRS (Audycje z 20, 21 czerwca 1944 r., k. 304, 305, 325) (powstała ona 16 marca 1944 r. po przekształceniu 1 Korpusu Polskich Sił Zbrojnych). Jaki był cel podawania takich informacji? Pracownicy redakcji próbowali walczyć z obiegowymi opiniami, że wśród Sowietów krzewi się jedynie ateizm, a praktykowanie wiary spotyka się z poważnymi konsekwencjami. Chciano ocieplić wizerunek ZSRS, podkreślić, że Polakom stworzono dobre warunki do pełnienia służby wojskowej.

Radio podkreślało w komunikatach z 3 marca, że żołnierze brygady artyleryjskiej im. J. Bema znajdują się 120 km od granicy polskiej (Audycja z 3 marca 1944 r., k. 76) lub w innym doniesieniu z 12 maja, że Armia Polska w ZSRS przebywa na Ukrainie (Audycja z 12 maja 1944 r., k. 170). W marcowej audycji stacja wykazała się brakiem precyzji, ponieważ powyższa jednostka wymaszerowała na front dopiero 11 lipca 1944 r. i uczestniczyła w walkach pod Turzyskiem, w sierpniu wraz z 2 DP walczyła o uchwycenie przyczółków pod Puławami (Sobczak 1975, 37). Po co kierowano tego typu wiadomości do okupowanej Polski? Wspomnę tylko, że stacja informowała mało precyzyjnie o lokalizacji wojsk polskich i sowieckich, ale przecież nie chodziło o podawanie dokładnych informacji, lecz o uzmysłowienie odbiorcom, że zbliża się front, który przyczyni się do wyzwolenia pozostałej części RP. A to oznaczało, że Niemcy zostaną w niedalekiej przyszłości wyparci.

ostatecznie zmuszona do odwrotu. Poniosła ogromne straty: 510 zabitych, 1776 rannych i 652 zaginionych. Przedwcześnie rzucona do walki została na wiele miesięcy wycofana z frontu wschodniego, by dokonać uzupełnień i rozpocząć nowy okres szkolenia. Patrz: *Encyklopedia II wojny światowej* (1994).

Działalność ZPP nie ograniczała się jedynie do sfery polityki, jak wynika to z treści artykułu. Prowadzona była również praca na polu kulturalnym i społecznym.

Wanda Wasilewska zaangażowała się we współpracę między powołanym przez Radę Komisarzy Ludowych (30 czerwca 1943 r.) Komitetem do spraw Dzieci Polskich w ZSRS przy Ludowym Komisariacie Oświaty RFSRS a Zarządem Głównym ZPP, zwłaszcza zaś jego Wydziałem Kultury i Oświaty. Uczestniczyła ona w dwóch kolejnych posiedzeniach: u przewodniczącego Komitetu do spraw Dzieci Polskich w ZSRS Grigorija Iwanienki 6 lipca 1943 r. oraz w zebraniu Komitetu z udziałem ludowego komisarza oświaty RFSRS Władimir Potiomkina. Na pierwszym spotkaniu rozstrzygnięto sprawy personalne. Zgodnie z wcześniej podjętymi przez Prezydium ZG decyzjami uchwalono, że funkcję zastępcy przewodniczącego Komitetu pełnić będzie Stanisław Skrzyszewski. Uzgodniono skład osobowy Komitetu, do którego z ramienia ZPP wszedł także Henryk Wolpe. Pozostałe siedem osób reprezentowało różne instytucje sowieckie, zaangażowane w udzielaniu pomocy dzieciom polskim w ZSRS. Przyjęto też listę polskich i sowieckich pracowników Komitetu oraz postanowiono, że Stanisław Skrzyszewski, na podstawie zatwierdzonego przez Radę Komisarzy Ludowych ZSRS statutu Komitetu, opracuje instrukcję o utworzeniu zakładów dydaktyczno-wychowawczych dla dzieci polskich w Związku Sowieckim. Skrzyszewski zobowiązany został do sporządzenia wykazu literatury, która miała być wydawana przez Komitet, z wyszczególnieniem wysokości nakładów (Syzdek 1981, 180)¹³.

Działalność kulturalno-społeczna prowadzona przez ZPP była przedstawiona w wielu przekazach radiowych poświęconych tej tematyce. W audycji z 23 czerwca 1943 r. omówiono wystąpienie radiowe Stanisława Skrzyszewskiego, w którym potępił niszczenie kultury polskiej i jej zabytków przez hitlerowskie Niemcy. Podkreślał on fakt, że podjęte zostały przez ZPP działania, mające na celu zorganizowanie działalności kulturalno-oświatowej. Szczególnie chodziło o rozwój szkolnictwa dla dzieci polskich na terenie ZSRS. Wymienił specjalną komórkę powołaną przez rząd sowiecki do tego celu – Komitet do spraw Dzieci Polskich w ZSRS. Podkreślił, iż władze sowieckie były zainteresowane niesieniem pomocy polskim dzieciom, zorganizowaniem działalności dydaktycznej. Powstawały przedszkola, szkoły, kursy nauki języka polskiego, literatury, historii, geografii Polski. Poza tym zaznaczył, że wydawane były w wielkich nakładach dzieła klasyków literatury polskiej, podręczniki szkolne oraz to, że zaczęło wychodzić specjalne piśmisko dla dzieci pod nazwą „Płomyczek” (Audycja z 23 czerwca 1943 r., k. 327)¹⁴.

W innej audycji, mającej charakter propagandowy, przedstawiano sytuację materialną w Polskim Domu Dziecka w Zagorsku pod Moskwą. Miało to na celu

¹³ Na ten temat patrz: Pirimkułow 1977; Trela 1981; Lachowicz 1990; Głowacki 1992; 1994; 2002.

¹⁴ Wydano 25 pozycji z literatury polskiej w 175 tys. egzemplarzach. Szerzej: Trela 1983.

podkreślenie, że władze sowieckie i ZPP troszczyły się o polskie dzieci mimo trudności, jakie panowały w Związku Sowieckim w czasie trwającego konfliktu światowego.

Rozgłosnia im. T. Kościuszki tak przedstawiła informacje o warunkach panujących w Polskim Domu Dziecka w Zagorsku¹⁵ (Audycja z 16 kwietnia 1944 r., k. 235)¹⁶:

Mięso, chleb, mleko, cukier, kakao, owoce – oto zasadnicze produkty wchodzące w codzienne menu domu dziecka polskiego. Dzieci posiadają dostateczną ilość bielizny i odzieży, mieszkają w ciepłym, jasnym, piętrowym domu z elektrycznym oświetleniem i centralnym ogrzewaniem, nie odczuwają niedostatków, które powoduje wojna.

Podsumowując powyższe rozważania na temat działalności ZPP, obecnej w audycjach polskojęzycznej rozgłośni, można dojść do następujących wniosków. ZPP był organizacją zajmującą się m.in. Polakami i Żydami (obywatele polscy) przebywającymi na terenie Związku Sowieckiego. Po zerwaniu stosunków polsko-sowieckich podważał legalność władz polskich w Londynie, uchwalił *Deklarację ideową*, która zawierała tezy dotyczące m.in. powojennych granic Polski. Należy zwrócić uwagę na to, że znajdujące się w niej postulaty (kwestia powojennego rozgraniczenia polsko-sowieckiego) były w gruncie rzeczy rozwiązaniami proponowanymi przez władze ZSRS.

Z kolei podjęcie się przez Zarząd Główny ZPP trudu zorganizowania życia kulturalno- oświatowego dla setek tysięcy polskich obywateli w warunkach wojennych zasługuje na słowa uznania. Udało się zapewnić im byt na miarę ówczesnych możliwości, dzięki temu wielu rodaków przeżyło ten traumatyczny okres.

Audycje polskojęzycznej radiostacji im. T. Kościuszki nie przedstawiały w sposób krytyczny poczyniń ZPP, a wynikało to z faktu, iż rozgłosnia prowadziła działalność propagandową na potrzeby jej mocodawców, czyli ZSRS. Jej doniesienia radiowe były jednostronne i bardzo często zafałszowane.

Bibliografia

- ADIBEKOW, G. M./SZACHNAZAROWA, E. N./SZYRINA, K. K. (1997), Organizacyonnaja struktura Komintierny 1919–1943. Moskwa.
Audycja z 5 kwietnia 1942 r., Archiwum Akt Nowych, Radiostacja „Kościuszk”, sygn. 321, t. 3, k. 225, 226.
Audycja z 6 kwietnia 1942 r., Archiwum Akt Nowych, Radiostacja „Kościuszk”, sygn. 321, t. 3, k. 230.
Audycja z 29 kwietnia 1943 r., Archiwum Akt Nowych, Radiostacja „Kościuszk”, sygn. 321, t. 14, k. 387, 388.

¹⁵ Zagorsk – od 1990 r. Siergijew Posad, m. w obwodzie moskiewskim, 70 km na pn.-wsch. od Moskwy.

¹⁶ Na temat działalności społecznej prowadzonej przez ZPP patrz: Audycja z 29 kwietnia 1944 r., k. 419. W 1946 r. dzięki ZPP na terenie ZSRS funkcjonowało: 248 szkół, 52 domy dziecka, 593 świetlice, 636 bibliotek, 463 koła dramatyczne. Por. Juskiewicz 1967.

- Audycja z 11 maja 1943 r., Archiwum Akt Nowych, Radiostacja „Kościeszko”, sygn. 321, t. 14, k. 558.
- Audycja z 14 maja 1943 r., Archiwum Akt Nowych, Radiostacja „Kościeszko”, sygn. 321, t. 14, k. 591.
- Audycja z 12 czerwca 1943 r., Archiwum Akt Nowych, Radiostacja „Kościeszko”, sygn. 321, t. 15, k. 155–156.
- Audycja z 13 czerwca 1943 r., Archiwum Akt Nowych, Radiostacja „Kościeszko”, sygn. 321, k. 174–175.
- Audycja z 18 czerwca 1943 r., Archiwum Akt Nowych, Radiostacja „Kościeszko”, sygn. 321, t. 15, k. 248–250, 252, 254.
- Audycja z 20 czerwca 1943 r., Archiwum Akt Nowych, Radiostacja „Kościeszko”, sygn. 321, t. 15, k. 283, 288.
- Audycja z 23 czerwca 1943 r., Archiwum Akt Nowych, Radiostacja „Kościeszko”, sygn. 321, t. 15, k. 317, 318, 327.
- Audycja z 26 czerwca 1943 r., Archiwum Akt Nowych, Radiostacja „Kościeszko”, sygn. 321, t. 15, k. 376.
- Audycja z 9 lipca 1943 r., Archiwum Akt Nowych, Radiostacja „Kościeszko”, sygn. 321, t. 16, k. 154.
- Audycja z 20 lipca 1943 r., Archiwum Akt Nowych, Radiostacja „Kościeszko”, sygn. 321, k. 321.
- Audycja z 2 września 1943 r., Archiwum Akt Nowych, Radiostacja „Kościeszko”, sygn. 321, t. 18, k. 29.
- Audycja z 13 października 1943 r., Archiwum Akt Nowych, Radiostacja „Kościeszko”, sygn. 321, t. 19, k. 195.
- Audycje z 21, 24 października, 13 listopada 1943 r., Archiwum Akt Nowych, Radiostacja „Kościeszko”, sygn. 321, t. 19, k. 320, 373; t. 20, k. 199.
- Audycja z 31 października 1943 r., Archiwum Akt Nowych, Radiostacja „Kościeszko”, sygn. 321, t. 19, k. 505.
- Audycja z 11 stycznia 1944 r., Archiwum Akt Nowych, Radiostacja „Kościeszko”, sygn. 321, t. 22, k. 170.
- Audycja z 3 marca 1944 r., Archiwum Akt Nowych, Radiostacja „Kościeszko”, sygn. 321, t. 24, k. 76.
- Audycja z 19 marca 1944 r., Archiwum Akt Nowych, Radiostacja „Kościeszko”, sygn. 321, t. 24, k. 279.
- Audycje z 28 marca, 5, 11 kwietnia, 9 maja 1944 r., Archiwum Akt Nowych, Radiostacja „Kościeszko”, sygn. 321, t. 24, k. 419; t. 25, k. 65, 142; t. 26, k. 127.
- Audycja z 16 kwietnia 1944 r., Archiwum Akt Nowych, Radiostacja „Kościeszko”, sygn. 321, t. 25, k. 235.
- Audycja z 29 kwietnia 1944 r., Archiwum Akt Nowych, Radiostacja „Kościeszko”, sygn. 321, k. 419.
- Audycja z 12 maja 1944 r., Archiwum Akt Nowych, Radiostacja „Kościeszko”, sygn. 321, t. 26, k. 170.
- Audycje z 20, 21 czerwca 1944 r., Archiwum Akt Nowych, Radiostacja „Kościeszko”, sygn. 321, t. 27, k. 304, 305, 325.
- BERLING, Z. (1991), *Wspomnienia. Przeciwnicy 17 Republiki*. Warszawa.
- DURACZYŃSKI, E. (1993), *Rząd polski na uchodźstwie 1939–1945*. Warszawa.
- Encyklopedia II wojny światowej (1994), Kraków.
- FERTACZ, S. (1991), *Komitet Wszechsłowiański w Moskwie 1941–1947*. Katowice.
- GŁOWACKI, A. (1983), *Struktura i działalność centralnych władz Związku Patriotów Polskich w ZSRR (1943–1946)*. W: *Z dziejów rozwoju państw socjalistycznych*. T. 1. 2, 149.
- GŁOWACKI, A. (1992), *Polskojęzyczne wydawnictwa książkowe w ZSRR*. W: Kubiak, H./Paleczny T. i in. (red.), *Mniejszości polskie i Polonia w ZSRR*, Wrocław / Warszawa / Kraków, 231.
- GŁOWACKI, A. (1994), *Ocalić i repatriować. Opieka nad ludnością polską w głębi terytorium ZSRR (1943–1946)*. Łódź.

- GŁOWACKI, A. (2002), Dokonania Komitetu ds. Dzieci Polskich w ZSRR w dziedzinie wydawnictw edukacyjnych. W: Mierzwa E. A. (red.), *Dzieje kształtowania się polskich instytucji oświatowych*, Piotrków Trybunalski, 294.
- GRZELAK, Cz./STAŃCZYK, H./ZWOLIŃSKI, S. (1994), *Wojsko Polskie na froncie wschodnim 1943–1945*. Warszawa, 18.
- GRZELAK, Cz./STAŃCZYK, H./ZWOLIŃSKI, S. (2002), *Armia Berlinga i Żymierski. Wojsko Polskie na froncie wschodnim 1943–1945*. Warszawa.
- HUŁAS, M. (1996), *Goście czy intruzi. Rząd polski na uchodźstwie, wrzesień 1939 – lipiec 1943*. Warszawa.
- JACZYŃSKI, S./BERLING Z. (1993), *Między sławą a potępieniem*. Warszawa.
- JAŁOSZYŃSKI, I. (1962), Niektóre problemy dotyczące powstania i struktury organizacyjnej Związku Patriotów Polskich w ZSRR. W: *Najnowsze Dzieje Polski. Materiały i Studia z Okresu II Wojny Światowej*. T. VI, 153–156.
- JUSZKIEWICZ, A. (1967), *Sprawozdanie sekretarza generalnego ZG ZPP*. W: *Publicystyka Związku Patriotów Polskich 1943–1944. Wybór*. Warszawa, 412–413.
- KAROLAK, A. (2013), Sprawy ruchu oporu w okupowanej Polsce w audycjach rozgłośni im. T. Kościuszki. W: *Acta Universitatis Lodzensis. Folia Historica*. 91, s. 19–21.
- KOWALSKI, J. (1961), Rozgłosnia im. Tadeusza Kościuszki: fragment wspomnienia „Z pola walki”.
- KUMOŚ, Z. B. (2001), *Geneza satelickiego systemu władzy w Polsce 1941–1948*. Warszawa, 103–108.
- LACHOWICZ, J. (1990), Los dzieci polskich w ZSRR w czasie II wojny światowej. W: Marszałek, A. (red.), *Położenie ludności polskiej na terytorium ZSRR w wschodnich ziemiach II Rzeczypospolitej w czasie II wojny światowej*. Toruń, 114.
- LEBIEDIEWA, N. S./NARINSKIJ, M. M. (2002), *Komintern i wtórna mirowaja wojna (posle 22 ijunja 1941 goda)*. W: Czubarjan, A. O. (red.), *Istorija kommunističeskogo Intiernacyonała 1919–1943. Dokumentalnyje očerki*. Moskwa, 206–207.
- MICHOWICZ, W. (red.) (1999), *Historia polskiej dyplomacji*. T. V, 138.
- NAZAREWICZ, R. (2008), *Komintern a lewica polska. Wybrane problemy*. Warszawa.
- PIRIMKUŁOW, Sz. D. (1977), *Polskie domy dziecka w Uzbekistanie w latach drugiej wojny światowej*. W: *Biuletyn Informacyjny Instytutu Krajów Socjalistycznych PAN*. 2, 20.
- PRUS, E. (1974), *Problem ziem zachodnich w działalności Związku Patriotów Polskich w ZSRR*. W: *Zaranie Śląskie*. 3, 470–471.
- PUTRAMENT, J. (1962), *Pół wieku. Wojna*. Warszawa.
- SOBCZAK, K. (1973), *Z genezy Armii Polskiej w ZSRR*. W: *Wojskowy Przegląd Historyczny*. 3, 123, 129–131, 134.
- SOBCZAK, K. (red.) (1975), *Encyklopedia II wojny światowej*. Warszawa.
- SOBÓR-ŚWIDERSKA, A./BERMAN, J. (2009), *Biografia komunisty*. Warszawa.
- SOKORSKI, W. (1979), *Tamte lata*. Warszawa.
- SOKORSKI, W. (1983), *Polacy pod Lenino*. Warszawa.
- SYZDEK, E. (1973), *Dokumenty i materiały do historii stosunków polsko-radzieckich*. T. 7, styczeń 1939 – grudzień 1943. Warszawa, 420–421, 468–470.
- SYZDEK, E. (1981), *Działalność Wandy Wasilewskiej w latach drugiej wojny światowej*. Warszawa.
- SYZDEK, E. (wyb., wstęp i opr.) (1982), *Wanda Wasilewska we wspomnieniach, wybór*. Warszawa.
- SYZDEK, E. (opr.) (1983), *Deklaracja ideowa Związku Patriotów Polskich*. Lublin.
- TRELA, E. (1981), *Polskie placówki oświatowe i wychowawcze w Związku Radzieckim w latach 1943–1946. Liczebność i rozmieszczenie*. Wrocław.
- TRELA, E. (1983), *Edukacja dzieci polskich w Związku Radzieckim w latach 1941–1946*. Warszawa, 115.
- ZBINIEWICZ, F. (1961a), *Rola komunistów w organizowaniu i działalności Związku Patriotów Polskich oraz Polskich Sił Zbrojnych w ZSRR (maj 1942 – lipiec 1944 r.)*. W: *Z Pola Walki*. 4, 90–91.

- ZBINIEWICZ, F. (1961b), W sprawie listu Tadeusza W. opublikowanego 20 I 1943 r. w „Nowych Widnokręgach”. W: *Wojskowy Przegląd Historyczny*. 3, 302–303.
- ZBINIEWICZ, F. (1963a), *Armia Polska w ZSRR*. Warszawa.
- ZBINIEWICZ, F. (1963b), Geneza Związku Patriotów Polskich w ZSRR i 1 Dywizji Piechoty im. Tadeusza Kościuszki. Maj 1942 – czerwiec 1943 r. W: *Wojskowy Przegląd Historyczny*. 1, 8–12.
- ZBINIEWICZ, F. (1967), Polska lewica demokratyczna w Związku Radzieckim i jej rola w organizacji ludowych regularnych sił zbrojnych w ZSRR. W: *20 lat Ludowego Wojska Polskiego*, 216–218.
- ZWOLIŃSKI, S. (red.) (2003), *Wojsko Polskie w ZSRR w 1943 roku wobec powstającego systemu władzy. Udział 1 Dywizji Piechoty im. Tadeusza Kościuszki w bitwie pod Lenino*. Warszawa.

EKONOMIKA

ADAM OLEKSIUK

University of Warmia and Mazury

INVESTMENT LEVEL AND STRUCTURE IN THE REGION OF CENTRAL AND EASTERN EUROPE AND BARRIERS FOR INVESTMENT GROWTH REPORTED BY ENTREPRENEURS IN THE LIGHT OF FINDINGS OF OWN SURVEY RESEARCH

KEYWORDS: Region of Central and Eastern Europe, entrepreneur, barriers for investment growth, inflexible labour law, labour costs, tax system complexity, amount of taxes, corruption, volatility and low quality of law, access to financing, inflexible labour law, survey research

ABSTRACT: The purpose of the paper was to conduct the author's own survey research on barriers reported by entrepreneurs in the countries of Central and Eastern Europe. It should be pointed out that in this article the notion of Central and Eastern Europe was "limited" and covers 10 countries: Poland, the Czech Republic, Hungary, Slovakia, Slovenia, Lithuania, Latvia, Estonia, Romania, and Croatia. As a result of the selection from among 1000 enterprises, a group of 600 was selected, including the survey covered 129 enterprises. The method of indirect survey was adopted (surveys were sent to enterprises by e-mail). The surveyed sample was selected in such a way that the surveyed enterprises were arranged evenly across particular countries and were characterized by different range and profile of activities. Service enterprises were a dominant group (96 enterprises, i.e. 74.4% of surveyed enterprises), others were production enterprises (33 enterprises, i.e. 25.6% of the surveyed enterprises). Among the surveyed enterprises, 98% were small and medium-sized enterprises. During the survey, eight investment barriers in particular countries of the region, were most often indicated by the surveyed enterprises. The conducted survey research on investment barriers for enterprises in the region of Central and Eastern Europe indicates serious problems associated with complexity and instability of the tax system and with excessive bureaucracy, high labour costs, volatility and low quality of law, and high taxes.

1. Introduction

Investment raises efficiency in the economy not only directly, but also indirectly provide knowledge about new technologies by flows of employees between enterprises with foreign capital and national capital and as a result of cooperation between these groups of enterprises. A relatively low investment rate can be attributed to the sector of enterprises whose investment in the previous 10 years accounted for on average slightly approximately 16% of GDP in the region. Public investment

increased significantly as a result of EU funds and after 2008 was the highest in Poland than in most countries of the region. However, they will not replace private investments, which can be concluded from an analysis of experience in such countries as Greece, Spain or Portugal.

A considerable part of public investment does not increase (even indirectly) the production potential of the economy, and it will require outlays on maintenance in the future. At the same time, EU funds that enabled their growth will be diminishing. The possibilities for financing them from national funds depend on growth rate of the economy, and the pace of reforms. Still too low investment rate towards real needs of Central European and Eastern countries limits the growth rate of the economies of this region. The article shows that both the investment rate and the inflow of foreign direct investment are still too low as compared to the potential of the discussed region. When analysing the factors affecting investment decisions of enterprises, it was indicated that, presently, the greatest problem for growth in investment in the Central and Eastern European countries is uncertainty as to the condition of law and regulations, including their complexity. It should be pointed out that in this article the notion of Central and Eastern Europe was “limited” and covers 10 countries: Poland, the Czech Republic, Hungary, Slovakia, Slovenia, Lithuania, Latvia, Estonia, Romania, and Croatia¹.

2. Factors Affecting Investment

In the future years, work productivity will be the most important potential source of economic growth in the region of Central and Eastern Europe. A greater investment rate is necessary for this purpose. Given current demographic conditions, within the next 25 years the region is awaiting decrease in the number of the employed. Potential reforms can, as a matter of fact, decrease the scale of this slope, but a rapid growth in the number of the employed is hardly likely (Oleksiuk 2013, 197–216). It means that the main source of growth will be work productivity, which results from two factors: availability of capital and the so-called total factor productivity (TFP).

Employees in the region have at their disposal effectively much less machines than the employees in the West. For instance, in 2014 capital per one employees in Poland was below EUR 47 thousand as compared to EUR 135 thousand in Germany; without eliminating this difference, Poland and other countries of the region do not have real opportunities to achieve the standard of living in Germany. Baker et al. (2015) show, using the data of American enterprises, that the periods of political

¹ The need for such definition of this group of states is related to the possibility of using feedback questionnaires received for analysis and presentation of findings of the survey conducted with the group of enterprises from the countries from which filled in questionnaires were returned.

uncertainty imply slope in investment and employment in the sectors dependent on the state such as defence, construction and health care. This effect may be potentially stronger in Lithuania, Latvia, Estonia, Romania or in Hungary, owing to still large share of state ownership in comparison to OECD economies. The stock exchange is one of mechanisms allocating capital for investment of enterprises. Pastor and Veronesi show (Pastor, Veronesi 2012, 1219–1264) in their theoretical paper, and Baker et al. confirm, using the data of 12 enterprises, that political uncertainty raises the unsteadiness of stock prices (Baker, Bloom, Davis 2015).

We define investment as outlays on fixed capital, namely, among others, machines and devices, which will generate value in the future. We apply thereby the definition from national accounts, in accordance with which investment does not include, among other things, investment in human capital. Growth in capital resources in the economy is estimated as a result of investment (namely newly generated capital) and depreciation (namely consumption of the existing capital). Then it is assumed that changes in capital resources affect the economic growth. This commonly used in literature simplification does not consider fully improvement in capital quality. The convention adopted in most papers concerning growth account would require that estimates of contribution of capital outlays to the economic growth should include the following: (i) contribution of capital identical in technical terms and (ii) contribution of this part of technical progress, which is embodied in new capital. Because of difficulties with the assessment of improvement in capital quality (problem of deflators and depreciation rates), contribution of capital outlays to the growth considers only a part of technical progress embodied in new capital.

A significant growth in capital per one employed requires long-term investment. The investment rate in the countries of Central and Eastern Europe is diverse: it is the lowest in Poland, Lithuania and in Hungary, and the highest in Estonia and Slovenia. The low savings rate in many countries of the region does not enable financing even the present, low investment rate. So far, it has not been an important restriction because such countries as Poland, Hungary or Slovakia have attracted foreign investments, but the situation is changing slowly. International research indicates imperfect international capital mobility (Mussa, Goldstein 1993, 245–335). Attracting foreign investors will be a serious problem particularly in the case when the crisis scenario is fulfilled. At the same time, enterprises with share of foreign capital play an important role in the economy and for instance account for most domestic export.

This not too low potential of increase in revenues from investment in the region is responsible for a low rate of investment and attracting a relatively smaller volume of FDI. It suggests problems related with costs or uncertainty. Enterprises indicate in the survey research that the tax system is the main barrier of activities in Poland, Bulgaria, Romania and Hungary. From the point of view of an enterprises, adjusting to a complicated tax system and groundless competitive advantage on the part

of enterprises to which the tax system facilitates violation of law are costs that reduce return on investment. On the other hand, the instability of tax and administrative regulations along with vagueness as to the practice of their enforcement, as well as the inefficiency of the judiciary introduce uncertainty as to expected profits. It makes it difficult for enterprises to make plans in the long run.

3. Investment Rate and Structure of Central and Eastern European Countries

The countries of the region inherited from the period of socialism large resources of hardly effectively used fixed capital whose quality was difficult for evaluation. Growth in effectiveness of use of the existing capital was one of the most important factors of growth in the 1990s. However, without increasing investment in new machines, buildings and infrastructure, the region of Central and Eastern Europe will fail to reach the Western European level of development. For instance, for the last 10 years (2005–2014), Poland invested on average 21.4% of the GDP, and Lithuania and Hungary slightly above 22%. This was much below the regional average of 26% of GDP.

In the case of such countries as Hong Kong, Ireland, Taiwan and Spain, investment rates were from 3 to 10 p.p. higher than the ones recorded in the above mentioned countries of Central and Eastern Europe in 2014, and in Korea, Finland, and Singapore they were higher by as much as 15–30 p.p.

Low investment of enterprises is particularly alarming. Unfortunately, no data are available on the difference between investment of private enterprises and enterprises with share of the state, although e.g. in the coal mining sector investment of private mines it is clearly higher (Bukowski, Maśnicki, Śniegocki, Trzeciakowski 2015). In the period of the last 10 years, investment of enterprises in the Central and Eastern Europe accounted for on average 16.2% of GDP. Low investment of enterprises is associated with low investment in machines, which, from the point of view of long-term economic growth is particularly alarming, because this type of investment strongly affects effective capital supply (DeLong, Summers 1991). Estimates of the scale of this impact vary, depending on the adopted methodology, but remain significant.

Sakellaris and Wilson analysed a sample of more than 24 thousand factories in industrial processing in the USA from 1972–1996. It seems from the analysis that the average annual rate of increase in capital productivity is as much as 8–17% (Sakellaris, Wilson 2004, 1–26). In the paper of Tokui et al., where a similar methodology was applied, the average annual growth rate obtained was 8–22% on the data concerning enterprises in the Japanese industrial processing from the years

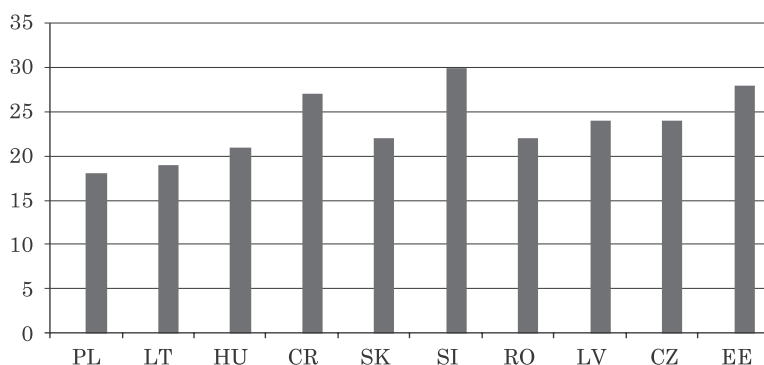

Chart 1. Average investment rates in countries of the region in the years 2002–2014 (in %) Instead of investment, gross accumulation (investment increased by inventory) was applied on the chart

Source: prepared by the author on the basis of Eurostat

1997–2002 (Tokui, Inui, Kim 2008). A lower investment rate of enterprises in the region of Central and Eastern Europe cannot be explained by a different sectoral structure of the economy, namely large significance of sectors with naturally low investment rate as compared to the countries of Western Europe.

The amount of public investment does not make the countries of Central and Eastern Europe stand out as negatively as compared to other EU Member States as in the case of private investment. Furthermore, fast growth in public investment was recorded in 2004–2012 in the countries that acceded the EU in 2004; this trend was particularly visible in the years 2011–2012: over this period a significant growth was recorded. Public investment cannot replace private investment as a source of growth economic: at most, they may be of complementary, rather than substitute character. In the long run, investment and associated development of private enterprises that respond to market signals, is a decisive factor for economic growth.

4. Possibilities of Financing Investments from National Savings

Despite low investment rate, national savings were not enough to finance investment. A gap between the savings rate and the investment rate in the Central and Eastern Europe in the period 2004–2014 was on average 4.3% of GDP. This gap was undergoing strong fluctuations. In the period of pre-crisis boom of 2004–2009, the average difference between investment and savings in new Member States was 9% of the GDP, but later it plummeted (the average value of 2010–2014 region: 0.3% of GDP). The shortage of savings is covered in most countries of Central and Eastern Europe by foreign capital, largely inflowing in the form of foreign direct investment. Although the inflow of foreign direct investment alone involves many benefits, the

shortage of national savings is unwanted phenomenon. Investment raises labour productivity and, at the same time, wages, regardless of whether or not they are financed from national or foreign savings. At the same time, however, foreign owners of savings expect remuneration for completed projects, due to which part of profits may be transferred abroad. From the point of view of long-term economic growth, we are dealing with the most beneficial situation when national and foreign enterprises execute, in the region, investment projects financed from national savings. A good example may be foreign enterprises that build factories, financed from credit. The presence of foreign enterprises contributes to transferring know-how and technology, and credit interest will be transferred to national owners of savings.

Relying on foreign savings is risky under the conditions of shocks which can cause their sudden drain, in the context of hazard of crisis. For this reason, from the point of view of long-term economic growth, it would be beneficial to raise national savings rate. The IMF (2014) analysed data of 135 countries over the years 1960–2012 and found cases of at least one episode of quick growth in rate of savings in as many as 69 economies. Most of these cases were concerned with economies that, similarly to Poland, were just aiming at a high level of income and standard of living of the developed countries. Episodes of growth in the savings rate were, in the vast majority, a consequence of accelerated income growth rate, rather than its cause. However, the raised rate of savings would make it possible to keep later a higher rate of economic growth. Countries which managed to raise the savings rate were characterized not only by high rates of economic growth, but also low rates of unemployment and balanced public finances. For this reason, the fulfilment of these conditions should be a goal of structural reforms in most countries of Central and Eastern Europe which, indirectly, should bring also growth in the savings rate.

In the period 2004–2009, the savings rates in countries of the region were clearly positive, apart from some countries, such as Poland, Lithuania or Slovakia. On the other hand, in the years 2010–2014, after the outbreak of the debt crisis, according to the data of the EC, the situation only slightly worsened and the region of Central and Eastern Europe recorded slightly positive rates.

5. Importance and Structure of Foreign Investment

In the contemporary economy, appropriate level of capital employment is necessary for stable economic development of each area (country, region). Foreign direct investment is a valuable source of capital. Therefore, particular areas (countries, regions) compete for capital, namely investment.

It is worth emphasizing that foreign investment firstly creates jobs in enterprises in which foreign investment is allocated, and secondly raises their work efficiency. FDI is accompanied by a significant technology transfer, namely improvement

in the quality of capital, rather than only increase in its volume. Both national and foreign entrepreneurs report problems with different barriers that limit development of their enterprises and scope of investment.

Post-communist Member States of the EU were attractive for foreign investors. In the years 2005–2014, the share of the region in the world FDI stream was 59% above the share in world GDP. This attractiveness decreased after the outbreak of the global financial crisis and the European debt crisis: the share in the world FDI stream decreased.

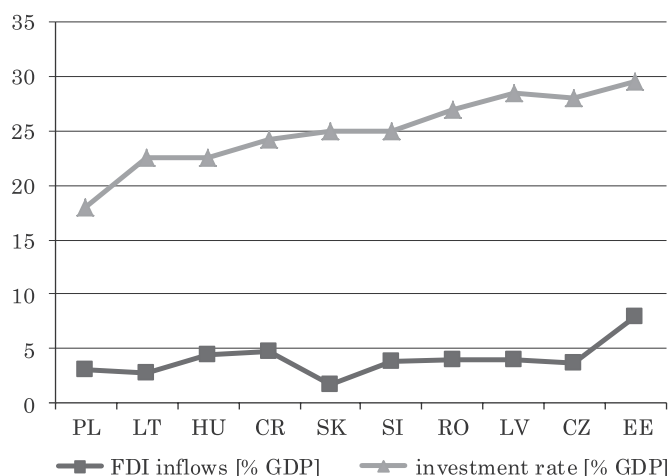

Chart 2. The inflow of FDI and the investment rate in the region of CEE in 2004–2014
Source: prepared by the author on the basis of UNCTAD and IMF data

FDI may be, however, limited by regulatory restrictiveness which is relatively high as compared to the region (see chart 3). Its index is estimated by OECD that verifies whether there are regulations that treats foreign investors differently than national investors in the areas of equity restriction, verification and approvals, key foreign personnel, etc. The highest restrictiveness in the region of Central and Eastern Europe characterizes Poland, Slovakia, Latvia and Lithuania.

During the initial phase of transition, the main restriction in economic growth was shortage of capital (investment gap) and modern technologies (technological gap). It implied the need for executing the strategy of growth which was based on external sources of capital, knowledge and technology. Therefore, it can be assumed that a characteristic feature of the countries of Central and Eastern Europe, especially in the initial period of transition, was complementary nature of absorption of FDI and national investments. On the other hand, however, it is necessary to take into consideration lack of preparation of national entities for competing effectively with foreign enterprises having advantage, which, in turn, suggests existence of the effect of displacement. In such conditions, it is difficult to determine a priori the final

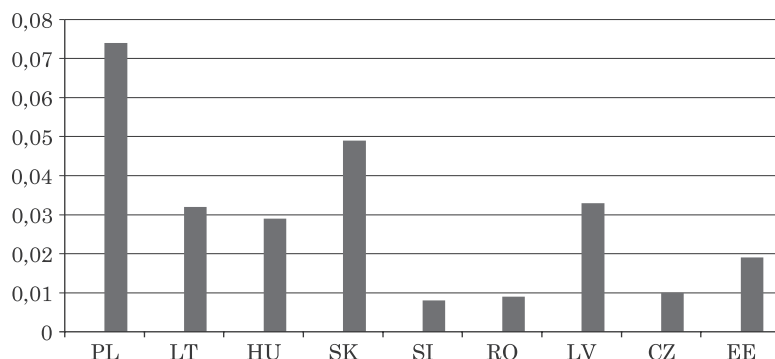

Chart 3. The FDI regulatory restrictiveness index in the region in 2014

Source: prepared by the author on the basis of OECD data

impact of FDI absorption on national investment. In addition, it cannot be excluded that along with reduction in the investment and technological gap, the direction of the net effect will be reversed.

A significant share of FDI absorption in creating bases for economic development of the countries of Central and Eastern Europe suggests that the association between two FDI countries (incoming/outgoing) in these countries is much stronger than in industrialized economies. Growing investment activity of the countries in transition on foreign markets may be a consequence not only of external factors (globalization), but also internal factors related, among other things, with the implemented before absorption of FDI and small-market push factors.

The justified character of adopting such a hypothesis is partially confirmed by findings of the survey research by M. Svetličič and A. Jaklič among five the countries of Central and Eastern Europe (new members of the EU), according to which the most important benefit of undertaken foreign investment was to extend the sales markets, which, in their opinion, influenced growth in export and national production (Svetličič, Jaklič 2007, 190–206). Thus, it seems that foreign direct investment executed by the countries of Central and Eastern Europe may stimulate national investment.

6. Investment Barriers Reported by Entrepreneurs in the Light of the Author's Own Survey Research

Both national and foreign entrepreneurs report problems with different barriers that limit development of their enterprises and scope of investment. As a result of the selection from among 1000 enterprises, a group of 600 was selected, including the survey covered 129 enterprises. The adopted method of indirect survey

(surveys were sent to enterprises by e-mail) demonstrated effectiveness reaching 21.5% (the lowest effectiveness was obtained in Slovenia, Estonia, Croatia and Romania)². The surveyed sample was selected in such a way that the surveyed enterprises were arranged evenly across particular countries and were characterized by different range and profile of activities.

Service enterprises were a dominant group (96 enterprises, i.e. 74.4% of surveyed enterprises), other were production enterprises (33 enterprises, i.e. 25.6% of the surveyed enterprises). Among the surveyed enterprises, 98% were small and medium-sized enterprises according to Art. 1 of Appendix I to Commission Regulation (EC) no. 800/2008 of 6 August 2008 (and thus the ones that were employing no more than 250 employees and their annual turnover did not exceed EUR 50 million or the annual balance sheet total did not exceed EUR 43 million). During the survey, eight investment barriers in different countries of the region, most often indicated by the surveyed enterprises were chosen (see table 1).

Table 1. Main investment barriers reported by enterprises in the Central and Eastern European countries

Barriers	PL N=28	LT N=16	HU N=18	CR N=5	SK N=17	SI N=4	RO N=7	LV N=15	CZ N=14	EE N=5
Administration and bureaucracy	18	13	11	4	16	2	5	11	12	3
Labour costs	21	9	16	5	7	1	5	6	7	1
Tax system complexity	15	10	9	2	11	1	5	4	7	4
Amount of taxes	18	6	13	3	6	2	5	3	6	1
Corruption	10	12	5	1	4	0	4	2	2	0
Volatility and low quality of law	12	12	6	2	10	1	3	9	4	1
Access to financing	9	7	9	3	8	2	1	12	10	3
Inflexible labour law	13	5	5	3	4	3	1	4	5	3

Source: Prepared by the author on the basis of the survey 2016

The statistical observation covered variable characteristics for all the surveyed Central and Eastern European countries which indicated particular investment barriers found in the enterprises of particular countries. Most often (taking account of the average) the surveyed enterprises indicated, as the main obstacles in the implementation of investment in their enterprises, barriers on the part of administration and bureaucracy, labour costs, complicated tax system and amount of taxes. Usually, the median (Mx) was lower than the average which indicates the presence of a positive right-sided asymmetry. In the case of barriers such as administration

² The survey does not include Bulgaria, since no feedback questionnaires were received.

and bureaucracy and access to financing, the median (Mx) was higher than the average which indicates the presence of left-sided asymmetry (see table 2).

Table 3 presents the percentage of main investment barriers reported by enterprises in the Central and Eastern European countries.

Table 2. Descriptive statistics of the distribution of the surveyed enterprises in all the surveyed countries by type of barrier

Barriers	N of significant	Average	Median	Standard deviation	Min	Max	Variance	Skewness
Administration and bureaucracy	95	9,5	11,0	5,352	2	18	28,65	1,85
Labour costs	78	7,8	6,5	5,963	1	21	35,56	1,21
Tax system complexity	68	6,8	6,0	4,190	1	15	17,56	0,50
Amount of taxes	63	6,3	5,5	5,020	1	18	25,21	1,49
Corruption	40	4,0	3,0	3,872	0	10	15,00	1,13
Volatility and low quality of law	60	6,0	5,0	4,195	1	12	17,60	0,27
Access to financing	64	6,4	7,5	3,638	1	12	13,24	-0,14
Inflexible labour law	46	4,6	4,0	3,039	1	13	9,24	2,25

Source: Prepared by the author on the basis of the survey 2016

Table 3. Main investment barriers reported by enterprises in the Central and Eastern European countries (in %)

Barriers	PL	LT	HU	CR	SK	SI	RO	LV	CZ	EE
Administration and bureaucracy	64,28	81,25	61,11	80,00	94,11	50,00	71,42	73,33	85,71	60,00
Labour costs	75,00	56,25	88,88	100,00	41,17	25,00	71,42	40,00	50,00	20,00
Tax system complexity	53,57	62,50	50,00	40,00	64,70	25,00	71,42	26,66	50,00	80,00
Amount of taxes	64,28	37,50	72,22	60,00	35,29	50,00	71,42	20,00	42,85	20,00
Corruption	35,71	75,00	27,77	20,00	23,52	00,00	57,14	13,33	14,28	00,00
Volatility and low quality of law	42,85	75,00	33,33	40,00	58,82	25,00	42,85	60,00	28,57	20,00
Access to financing	32,14	43,75	50,00	60,00	47,05	50,00	14,28	80,00	71,42	60,00
Inflexible labour law	46,42	31,25	27,77	60,00	23,52	75,00	14,28	26,66	35,71	60,00

Source: Prepared by the author on the basis of the survey 2016

Barriers on the part of administration and bureaucracy (see chart 4) are reported as a significant obstacle for the implementation of investment most often by enterprises in Slovakia (94.11%), the Czech Republic (85.71%), Lithuania (81.25%), and Croatia (80.0%). The smallest percentage of enterprises of Estonia pointed out to this barrier as significant, but even in this country it was pointed out as significant (60% of the surveyed enterprises).

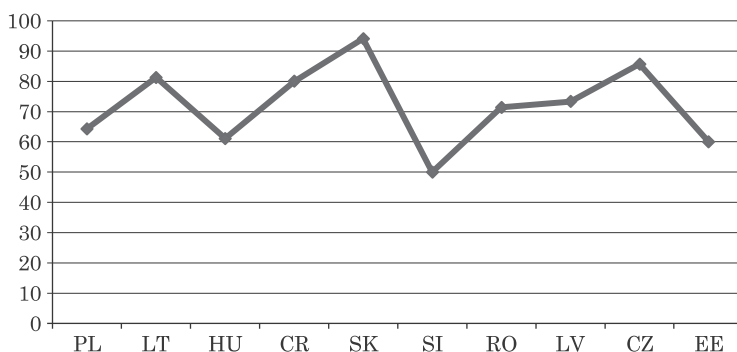

Chart 4. Investment barriers on the part of administration and bureaucracy in the Central and Eastern European countries (in %)

Source: Prepared by the author on the basis of the survey 2016

Labour costs are an obstacle for the implementation of investment to the largest extent in Croatia (all the surveyed enterprises), Hungary (88.88%), Poland (75.00%), as well as Romania (71.42%) (see chart 5). The surveyed enterprises indicate that any actions increasing labour costs with no association with increased efficiency are dangerous for stability and development of their enterprises.

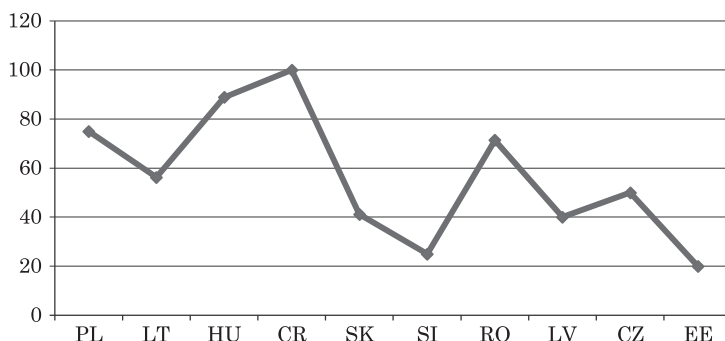

Chart 5. Investment barriers on the part of labour costs in the Central and Eastern European countries (in %)

Source: Prepared by the author on the basis of the survey 2016

The amount of taxes is most often complained about by the surveyed enterprises in Romania (71.42%), Hungary (72.22%), Poland (64.28%), and Croatia (60%). The complicated tax system is indicated most often by enterprises in Estonia (80%), Romania (71.42%), Slovakia (64.70%), Lithuania (62.50%), and Poland (53.57%). The surveyed enterprises emphasize that if regulations are constantly amended, sustaining the costs of their tracking has no end. It shows why volatility and low quality of law was classified among main barriers reported by enterprises (Lithuania – 75.00%, Latvia – 60.00%, Slovakia – 58.82%, Romania – 42.85, Poland – 42.85%).

On the other hand, if taxes were often changed, but simple, it would be possible to determine potential scenarios and prepare for each of them. When the number of parameters in the tax system subject to changes is high, the analysis of potential scenarios is getting very difficult, if at all possible. These difficulties discourage to start projects, from which it is not possible to withdraw without serious losses, namely in particular to invest in machines, especially not used in other entities. The uncertainty caused by complicated and unstable taxes is deepened in the region of Central and Eastern Europe by the prolixity of court proceedings.

The inefficiency of the judiciary system as a serious barrier for development is indicated as a matter of fact by not very high percentage of the surveyed enterprises of Central and Eastern Europe (only 11% of all the surveyed enterprises). However, it increases more than twice (to 25%) among entrepreneurs who were party of court proceedings over the past three years. Due to the inefficiency of the judiciary system, in disputable cases entrepreneurs, even if they have confidence as to their own reasons, may not count on fast recovery of receivables from the tax service. They are also exposed to serious problems with the enforcement of receivables from unreliable partners. Those factors make it difficult for them to fulfil own obligations, including tax liabilities, on time. The research indicates that confidence and ease in the enforcement of receivables significantly increase the tendency of enterprises to invest (e.g. the World Bank, 2005). The inefficiency of the judiciary in the Central and Eastern Europe does not arise from low expenses for courts. The Central and Eastern European counties that spend most on the judiciary (as% of GDP) are Slovenia, Croatia and Poland.

The largest percentage of enterprises reporting problems with corruption is identified in Lithuania 75%, Romania 57.14, and Poland 35.71%. In Slovenia and Estonia none of the surveyed enterprises did not indicate corruption as a significant barrier for their development.

Inflexible labour law is a significant barrier for the surveyed enterprises in Slovenia (75.00%), Estonia and Croatia (60%), and Poland (42.46%). In the context of barriers in access to financing, a possibility to use support services of business environment institutions (consulting, training, aid in obtaining financing, services of networking as well as matching partners) gains in importance. The surveyed enterprises mostly positively assessed business environment institutions operating in this area (the highest percentage of such answers was obtained in Slovenia – 96%, Estonia – 91%, Poland and the Czech Republic – 89%). Data making it possible to draw conclusions about the popularity of sources of external financing are presented by the following question concerning popularity of sources of external financing: “If an enterprise would need external financing for the implementation of its development plans, which type of instrument would be preferred? The greatest interest was indicated in relation to credits and financing from non-bank sources. On this background, a larger intensification of interest in financing from non-bank

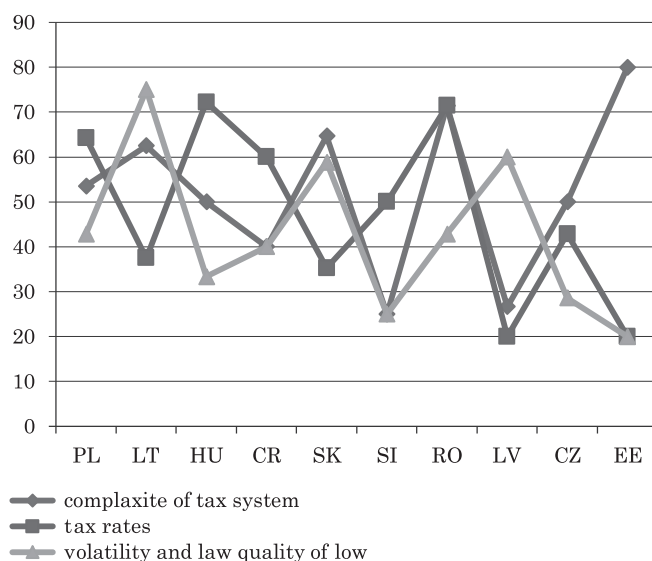

Chart 6. Investment barriers on the part of complicated tax system, amount of taxes, volatility and low quality of law in the Central and Eastern European countries (in %)
Source: Prepared by the author on the basis of the survey 2016

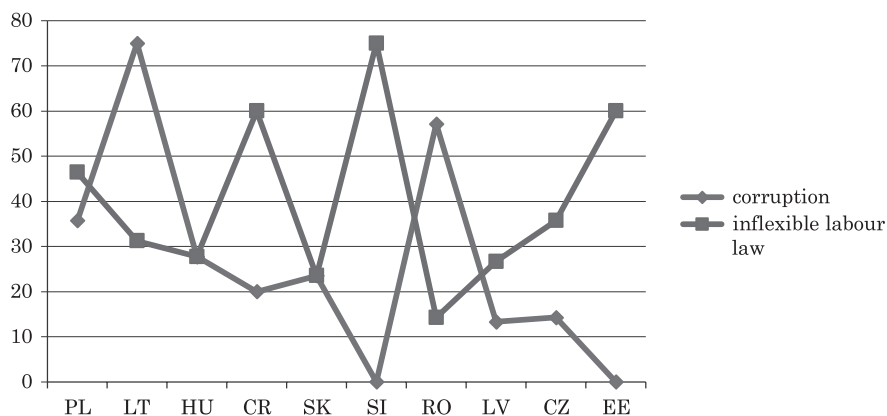

Chart 7. Investment barriers on the part of corruption and inflexible labour in the Central and Eastern European countries (in %)
Source: Prepared by the author on the basis of the survey 2016

sources is visible in Poland, Slovenia, Hungary, Croatia, Latvia and Estonia (at the expense of credit financing), and quite an interesting phenomenon (as compared to the European average) is visible: a relatively high interest in equity type financing (it applies to the whole region of Central and Eastern Europe).

At the same time, it is worth emphasizing that at the level of the whole region of Central and Eastern Europe the distribution of interest in particular sources do not

differentiate substantially with regard to size of business. The surveyed enterprises of the region most often indicated barrier in access to external financing such as: too high interest / cost of obtaining financing (62% of the answers), and low ability to secure transactions, low availability of securities (47% of the surveyed).

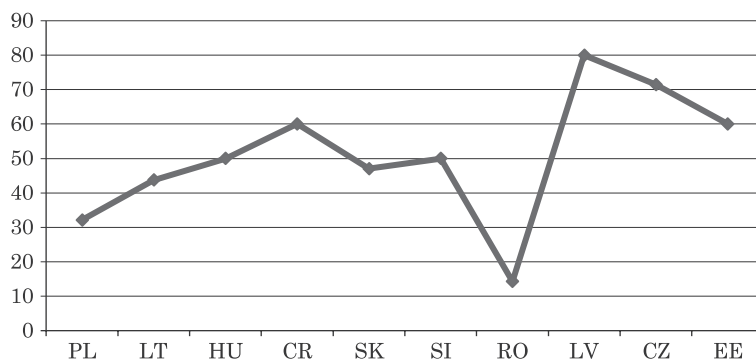

Chart 8. Investment barriers on the part of access to financing in the Central and Eastern European countries (in %)

Source: Prepared by the author on the basis of the survey 2016

7. Conclusions

The level of investment is determined first of all by potential profits, costs and uncertainty. On the basis of the surveyed enterprises of Central and Eastern European countries, attention should be paid to great uncertainty, whose main source are acts or omissions of the state. In this respect, findings for the countries of the region are similar; the best situation is in Estonia and Slovenia. In the region costs and uncertainty of investment are increased by administrative costs, bureaucracy, labour costs, uncertainty, resulting from complication, volatility of legislation and unclear practice of law application by tax authorities and administration. The regulatory uncertainty creates not only additional investment costs, associated with the necessity to adapt to regulations, but, first of all, makes it difficult to estimate investment risk. It results, above all, from excessive pace of creation of new regulations, as well as volatility, complication and vagueness with regard to the practice of using tax system, administrative burdens and the judiciary.

Large legislation inflation means a greater volatility and difficulties with keeping consistency of particular provisions. An additional problem that increases uncertainty in the analyzed countries of the region is prolixity in enforcing law by the judiciary. In particular countries it is necessary to aim at restricting uncertainty as to

the interpretation of regulations and their application. The surveyed entrepreneurs indicate most often the tax system as a significant obstacle to conduct activities.

Moreover, it is necessary to restrict costs and improve transparency and predictability of the provisions concerning administrative burdens. Recommendations concerning reduction in administrative burdens can be found for instance in reports of the OECD, the European Commission and the World Bank. The greatest challenges to be faced by the economies of Central and Eastern Europe require solutions on a state level and will not replace their operations at the level of the EU. Nonetheless, operations at the EU level may be a factor strengthening positive effects of particular national reforms.

References

- BAKER, S. R./BLOOM, N./DAVIS, S. J. (2015), *Measuring Economic Policy Uncertainty*, Kellogg School of Management, Stanford University and Chicago Booth School of Business Working Paper. March.
- Brookings Institution (2015), *Global MetroMonitor: An Uncertain Recovery 2014*, Metropolitan Policy Program, Brookings Institution.
- BUKOWSKI, M./MAŚNICKI, J./ŚNIEGOCKI, A./TRZECIAKOWSKI, R., (2015), *Polski węgiel: quo vadis? Perspektywy rozwoju górnictwa węgla kamiennego w Polsce*, Warszawski Instytut Studiów Ekonomicznych. Warszawa.
- ČIHÁK, M./FONTEYNE, W. (2009), *Five Years After: European Union Membership and Macro-Financial Stability in the New Member States*, IMF Working Paper. WP/09/68. March.
- DELONG, B./SUMMERS, L.H. (1991), *Equipment Investment and Economic Growth*. In: *Quarterly Journal of Economics*. 106, 2 (May), 445–502.
- HNATKOVSKA, V./LOAYZA, N. (2003), *Volatility and Growth*, World Bank. Washington.
- IMF (2015), *Global Financial Stability Report. Vulnerabilities, Legacies, and Policy Challenges. Risks Rotating to Emerging Markets*, International Monetary Fund, Publication Services, October. Washington.
- IMF (2015), *World Economic Outlook. Adjusting to Lower Commodity Prices*, International Monetary Fund, Publication Services, October. Washington.
- JARMOŁOWICZ, W./PIĄTEK, D. (2013), *Economy of Poland, the Czech Republic and Hungary after 20 years of transition*. In: *Transformations in Business & Economics*. 12(2B), 293–304.
- JOHANSSON, Å. (2013), *Long-Term Growth Scenarios*, OECD Economics Department Working Papers. No. 1000. Paris.
- JONES, Ch. I. (2015), *The Facts of Economic Growth*, NBER Working Paper. No. 21142.
- KOSKE, I./WANNER, I./BITTETI, R./BARBIERO, O. (2015), *The 2013 update of the OECD's database on product market regulation: Policy insights for OECD and non-OECD countries*, OECD Economics Department Working Papers. 1200, OECD Publishing.
- MUSSA, M./GOLDSTEIN, M. (1993), *The integration of world capital markets*. In: *Proceedings – Economic Policy Symposium – Jackson Hole*, Federal Reserve Bank of Kansas City, 245–335.
- OLEKSIUK, A. (2013), *Economic Transformation Processes of Central and Eastern European Countries*. W: *Przegląd Wschodnioeuropejski*. IV, 197–216.
- PASTOR, L./VERONESI, P. (2012), *Uncertainty about Government Policy and Stock Prices*. In: *The Journal of Finance*. 67, 1219–1264.
- RUBINI, L./DESMET, K./PIGUILLEM, F./CRESPO, A. (2012), *Breaking down the barriers to firm growth in Europe: The fourth EFIGE policy report*, Bruegel Blueprint Series. Bruegel.

- SAKELLARIS, P./WILSON, D. J. (2004), Quantifying Embodied Technological Change, Review of Economic Dynamics. In: Elsevier for the Society for Economic Dynamics. 7(1), 1–26.
- SVETLIČIČ, M./JAKLIČ, A. (2007), Outward FDI from New European Union Member States, in Foreign Direct Investment in Europe. A Changing Landscape. In: Liebscher, K./ Christl, J./Mooslechner, P. et al. (eds.), Edward Elgar. Chetlenham, 190–206.
- TOKUI, J./INUI, T./KIM, Y. G. (2008), Embodied Technological Progress and the Productivity Slowdown in Japan, RIETI Discussion Paper Series 08-E-017.
- UNCTAD (2015), World Investment Report 2015. Reforming International Investment Governance. Geneva.
- World Economic Forum (2014), Competitiveness Report 2014–2015.

ZBIGNIEW KLIMIUK

Instytut Pracy i Spraw Socjalnych w Warszawie

EKONOMISTA Z WILNA – DOROBK NAUKOWY WŁADYSŁAWA MARIANA ZAWADZKIEGO

The Economist from Vilnius – Scientific Achievements of Władysław Marian Zawadzki

SŁOWA KLUCZOWE: W. M. Zawadzki, Wilno, ekonomia matematyczna, równowaga gospodarcza, teoria produkcji, przedsiębiorstwo publiczne i prywatne, doktryny ekonomiczne

KEYWORDS: W.M. Zawadzki, Wilno, mathematical economy, economic equilibrium, the theory of the production, public and private enterprise, docttrins of economics

ABSTRACT: Władysław Marian Zawadzki (1885–1939), was born in Vilno, Polish economist, Minister of Treasure (1932–1935), pioneered mathematical economics in Poland (the Walrasian mathematical economist). The conservative professor of economics at the School of Commerce (SGH) in Warsaw and the Stefan Batory University of Wilno (1919–1931). The SGH had at this time the stronger team of theoreticians. It was led by Władysław Zawadzki. He was a very thorough exposition of J.M. Keynes's monetary analysis, contrasting it with his earlier ideas in the *Treatise on Money* and the *Tract on Monetary Reform*. Zawadzki regretted Keynes's etatism but comforted himself and his readers that Keynes had changed his mind at least twice before *The General Theory*.

Wprowadzenie

Władysław Marian Zawadzki urodził się 8 września 1885 r. w Wilnie jako syn Feliksa, znanego wileńskiego księgarza i wydawcy. Był najstarszym synem w drugim małżeństwie swego ojca, miał jeszcze siostrę Annę (wcześnie zmarła na gruźlicę) i brata Adama (w przyszłości właściciel księgarni „Józef Zawadzki”). Nauki początkowe pobierał w domu, następnie kształcił się w I gimnazjum wileńskim. Jako uczeń kierował tajną grupą samokształceniową; w młodości związał się z działającą nielegalnie w Wilnie Polską Partią Socjalistyczną (PPS). W 1903 r. uzyskał świadectwo dojrzałości i rozpoczął studia na Wydziale Fizyczno-Matematycznym Uniwersytetu Moskiewskiego. Po dwóch latach przeniósł się do Krakowa, gdzie podjął studia filozoficzno-humanistyczne na Uniwersytecie Jagiellońskim (UJ). Z początkiem 1906 r.

przerwał studia i jako działacz PPS prowadził przez kilka miesięcy działalność agitacyjną w Łodzi. Po rozłamie, do którego doszło niebawem w PPS, odsunął się od czynnego udziału w ruchu socjalistycznym (Bochenek 2008, 281).

Zapewne pod koniec 1906 r. Zawadzki wyjechał do Zurychu, a stamtąd do Paryża. Raz jeszcze zmienił swe zainteresowania naukowe, podejmując studia ekonomiczno-społeczne w paryskiej Ecole Libre des Sciences Politiques. Ukończył je w 1909 r. po przedstawieniu pracy dyplomowej pt. *Societes cooperatives de vente*, po czym podjął samodzielną pracę naukową. Łącząc swoje dotychczasowe zainteresowania, badał możliwości zastosowania matematyki w naukach ekonomicznych. W 1914 r. wydał w Paryżu swe pierwsze znaczące dzieło *Les mathematiques appliquees a l'economie politique* (wydane w tym samym roku w Wilnie w przekładzie na język polski pt. *Zastosowanie matematyki do ekonomii politycznej*). Wiosną tego roku podjął starania o uzyskanie docentury na UJ, przerwane z powodu wybuchu I wojny światowej (ibidem, 282).

Początkowy okres wojny spędził w Wilnie, oddając się pracy społecznej i politycznej, m.in. jako wiceprezes Komitetu Obywatelskiego, reprezentującego interesy narodowe Polaków z Wileńszczyzny. Udzielał się również w Związku Niepodległości w Wilnie, będąc jego członkiem, a następnie prezesem. Równolegle wykładał ekonomię polityczną: od 1916 r. w Towarzystwie Rolniczym, a w latach 1916–1917 na Kursach Naukowych. Dodatkowo uczył języka francuskiego w gimnazjum męskim utworzonym we wrześniu 1916 r. przez Stowarzyszenie Nauczycieli i Wychowawczyń w Wilnie. W dniu 10 lutego 1917 r. ożenił się z Haliną Niedziałowską.

Jesienią 1917 r. został powołany na wykładowcę ekonomii politycznej na Politechnice Warszawskiej (PW), w związku z czym przeniósł się do Warszawy. W latach akademickich 1917/1918–1918/1919 wykładał ekonomię na wszystkich wydziałach PW z wyjątkiem Wydziału Architektury. Od 1918 r. był również wykładowcą historii doktryn ekonomicznych w Wyższej Szkole Handlowej (późniejszej Szkole Głównej Handlowej – SGH) w Warszawie. Jako materiał pomocniczy do tych wykładów w 1919 r. Zawadzki wydał (ze swoją przedmową) zbiór prac ekonomistów zachodnich pt. *Wartość i cena*. W późniejszym okresie wznawiał wykłady i seminaria w WSH oraz publikował swoje prace w serii „Biblioteka Wyższej Szkoły Handlowej”. Wkrótce po odzyskaniu niepodległości znalazł się w pierwszym 38-osobowym gronie profesorów PW. 14 maja 1919 r. uzyskał nominację na profesora nadzwyczajnego i objął Katedrę Ekonomii Politycznej na Wydziale Inżynierii Wodnej (prowadzoną krótkotrwale do października tego roku). Ten okres życia Zawadzkiego wypełniony był nie tylko pracą dydaktyczną w warszawskich szkołach wyższych, lecz także aktywną działalnością polityczną (Landau 1980, 753 i n.).

Od czerwca do października 1918 r. wchodził w skład Rady Stanu Królestwa Polskiego. W końcu 1918 r. należał do grona współzałożycieli Komitetu Obrony Kreśców, z ramienia którego spędził kilka tygodni w Paryżu, aby bronić sprawy polskiej na Kongresie Pokojowym. Od lutego do kwietnia 1919 r. pracował w Ministerstwie

Spraw Zagranicznych jako naczelnik jednego z wydziałów. Z początkiem października 1919 r., uzyskawszy bezpłatny urlop na PW, Zawadzki przeniósł się do Wilna, gdzie objął wykłady ekonomii politycznej na Uniwersytecie Stefana Batorego; od lipca 1920 r. jako profesor zwyczajny. Odtąd związany był z tą uczelnią do 1932 r., sprawując w niej m.in. funkcję dziekana Wydziału Prawa i Nauk Społecznych (1922–1924). Był to w jego życiu okres wyjątkowej pracy naukowej, której owocem stało się kolejne dzieło *Teoria produkcji* (1923). W dziele tym jego autor dowiódł, że zapewnienie prawidłowego przebiegu procesu wytwarzania wymaga stworzenia określonych warunków życia gospodarczego.

Na łamach „Ruchu Prawniczego i Ekonomicznego”, „Rocznika Prawniczego Wileńskiego”, „Ekonomisty” oraz „Czasopisma Prawniczego i Ekonomicznego” opublikował kilka cennych artykułów dotyczących teorii ekonomii oraz polityki społecznej, tj. *Przedsiębiorstwa państwowe jako forma organizacyjna produkcji* (1922), *O pojęciu wartości zmiennej* (1925), *O „teorii produkcji”* (1925) oraz *Postulaty ochrony robotnika a konkretne warunki gospodarcze* (1926). Ponadto redagował oraz opatrzył przedmową polskie tłumaczenie książki *Kapitał i zysk z kapitału* (1924) E. von Böhm-Bawerk.

Przez kilka lat kierował biurem studiów naukowych przy Ministerstwie Skarbu, w którym przeprowadzał badania nad metodami szacowania majątku i dochodu narodowego. W 1931 r. został powołany do służby państwowej, początkowo jako wiceminister skarbu i minister bez teki, a od września 1932 r. do października 1935 r. jako minister skarbu w kolejnych gabinetach: A. Prystora, J. Jędrzejewicza, L. Kozłowskiego i W. Sławka. Funkcję tę wypadło mu sprawować w okresie głębokiego kryzysu gospodarczego. Jako ministrowi skarbu nie udało mu się wypracować antykryzysowej strategii finansowej, natomiast jego niewątpliwą zasługą pozostaje uporządkowanie ustawodawstwa skarbowego oraz przygotowanie przepisów dotyczących pieniądza i przepisów dewizowych (Płaczek 2000, 106–107).

Z chwilą przejścia na emeryturę (październik 1935 r.) powrócił do pracy naukowej i dydaktycznej w warszawskiej SGH, w której od kwietnia 1937 r. kierował Katedrą Ekonomii II. Pomimo pogarszającego się stanu zdrowia Zawadzkiego na ten okres jego życia przypadają największe osiągnięcia dydaktyczne. Skupił wówczas wokół siebie grono studentów i młodych naukowców, dla których był wzorem uczonego i od którego uczyli się umiejętności badawczych. Był to jednocześnie okres jego najdojrzalszych prac naukowych. Głównymi tematami prowadzonych wówczas badań były zagadnienia pieniężne oraz równowaga ogólna. Znalazły one odzwierciedlenie w następujących publikacjach: *Zmiany poziomu cen pod wpływem naruszenia równowagi podaży i popytu* (1936), *Nowa teoria pieniądza Keynesa* (1936), *Manipulowanie pieniądzem jako narzędzie polityki gospodarczej* (1938), *Dwie koncepcje równowagi ekonomicznej* (1938) oraz *Rozwój teorii pieniężnych w ostatnich czasach* (1939). W *Encyklopedii nauk politycznych* zamieścił trzy hasła: *Rola banków w gospodarstwie społecznym* (1936), *Deflacja* (1936) oraz *Matematyczna szkoła*

w *ekonomii* (1938). Nasz uczony realizował również projekty translatorskie. W 1938 r. ukazało się polskie wydanie książki osiemnastowiecznego angielskiego merkantylisty Ryszarda Cantillona *Ogólne rozważania nad naturalnymi prawami handlu*, z przedmową i w tłumaczeniu wileńskiego ekonomisty. Pełna bibliografia prac prof. W. Zawadzkiego zawiera 33 pozycje, w tym 4 książki. Jego znane i cenione w świecie prace stawiają go wśród twórców współczesnej myśli ekonomicznej. Miarą jego autorytetu naukowego było wybranie w 1931 r. na członka zarządu Econometric Society – międzynarodowego towarzystwa ekonometrycznego, którego był także członkiem założycielem.

Zawadzki zmarł 8 marca 1939 r. w Warszawie, a pochowany został na cmentarzu św.św. Piotra i Pawła na Antokolu w Wilnie. Był odznaczony m.in. Krzyżem Komandorskim Orderu Polonia Restituta i Krzyżem Niepodległości.

1. Ekonomia matematyczna i jej wpływ na rozwój myśli ekonomicznej

Ekonomią matematyczną Zawadzki zainteresował się podczas samodzielnych studiów prowadzonych po ukończeniu paryskiej Ecole Libre des Sciences Politiques. Tematowi temu poświęcił swoją pierwszą książkę teoretyczną o charakterze metodologicznym i historycznym pt. *Les mathématiques appliquées à l'économie politique (Zastosowanie matematyki do ekonomii politycznej)*. Chociaż późniejsze badania wileńskiego uczonego obejmowały wiele odmiennych tematów, to jednak z tą książką i z tym tematem był i jest najczęściej utożsamiany przez polskich ekonomistów oraz dzięki niej został przypisany do szkoły matematycznej.

Według zamysłu Zawadzkiego rozprawa ta nie miała być ani systematycznym wykładem ekonomii matematycznej, ani jej podręcznikiem, ani prezentacją nowych badań. Wileński ekonomista zamierzał zrealizować skromniejszy cel, a mianowicie wskazać warunki oraz korzyści ze stosowania matematyki w rozważaniach ekonomicznych (Zawadzki 1914, 7). Realizując powyższy cel, Zawadzki stworzył – co należy wyraźnie podkreślić – dzieło na wskroś oryginalne. W sposób samodzielny i z wielkim znawstwem przedstawił w nim ważniejsze koncepcje twórców ekonomii matematycznej. Dobór prezentowanych wytworów został podporządkowany celowi głównemu, tj. ukazaniu korzyści z matematyzacji ekonomii. W wielu przypadkach koncepcje omawiane w tym dziele wileński profesor zaprezentował bardziej przejrzysto i przystępnie aniżeli ujęcia oryginalne, udostępniając je szerszym kręgom czytelników. Dzięki temu praca ta została przychylnie przyjęta w kręgach akademickich oraz przyniosła jej autorowi międzynarodowe uznanie. Propagując idee oraz metody badań stosowane przez ekonomistów matematycznych, profesor z Wilna przyczynił się do rozwoju nie tylko ekonomii matematycznej, lecz także stawiającej pierwsze kroki ekonometrii. Był więc uczonym nowoczesnym, dotrzymującym

kroku twórcom z przodujących ośrodków europejskich, które na początku XX w. wciąż dominowały w ekonomii światowej.

W rozprawie wydanej w 1914 r. pt. *Zastosowanie matematyki do ekonomii politycznej*, Zawadzki zauważył, że nie wszyscy przedstawiciele ekonomii teoretycznej byli zwolennikami stosowania matematyki. Nieufność, a nawet sprzeciw zgłaszali m.in. John Elliot Cairnes, Carl Menger i Eugen von Böhm-Bawerk. Jednym z zarzutów kierowanym pod adresem ekonomii matematycznej była jej sztywność i nadmiernie abstrakcyjny charakter, a nawet podważano jej przydatność w ogóle. Dlatego też ekonomia matematyczna musi – podkreślał Zawadzki – ciągle potwierdzać użyteczność formułowanych twierdzeń oraz wyników badań uzyskanych z zastosowaniem matematyki. Ponieważ gros uogólnień ekonomicznych ma ilościowy charakter, dlatego też opisujące je prawa można wyrazić językiem matematyki. Matematyka świadczy badaniom ekonomicznym nieocenione wręcz usługi. Za pomocą układu równań przedstawiany jest stan równowagi ekonomicznej. Wileński uczony pisał:

Użyteczność jego wypływa przede wszystkim z wielkiej ilości warunków, którym musi zadośćuczynić stan równowagi ekonomicznej, ilości tak znacznej, że zwyczajne (słowne) rozumowanie nie jest w stanie objąć ich nawet w części: tylko zastosowanie matematyki może nam pozwolić badać współzależność zjawisk ekonomicznych w całej jej pełni i ogólności (ibidem, 35).

Formuły matematyczne stosowane w ekonomii różnią się ich użytecznością; jedne opisują ogólne zjawiska lub poszczególne przypadki, inne precyzyjniej ujmują znane prawa ekonomiczne albo pozwalają odkryć nowe, względnie pełnią funkcję wskazówki metodologicznej. Zdaniem Zawadzkiego, użyteczność ekonomii matematycznej rośnie wraz ze wzrostem umiejętności konstruowania zarówno najogólniejszych formuł, jak i ujęć poszczególnych zjawisk. Niestety, dotychczasowe konstrukcje nie odzwierciedlały istniejącej rzeczywistości.

Zmatematyzowana teoria równowagi ogólnej daje możliwość uchwycenia zaawiliych stosunków ekonomicznych z wielką prostotą i elegancją. Tylko za pomocą rozumowania matematycznego można wziąć pod uwagę ogromną ilość warunków, jakie są niezbędne do zaistnienia równowagi ekonomicznej. Matematyka pozwala odkryć zupełnie nieznane prawa rządzące życiem gospodarczym, a także odkryć najważniejsze i najbardziej ogólne tendencje występujące w rzeczywistej gospodarce. Wynika z tego wniosek, że jedynie ekonomia matematyczna – podtrzymywał autor *Zastosowania matematyki do ekonomii politycznej* – ma możliwość precyzyjnego określenia warunków i granic twierdzeń ekonomicznych oraz ich uzasadnienia. Ściśle sformułowane wnioski ekonomii matematycznej mają również większą wartość niż wnioski z rozważań opisowych. Niestety, odbywa się to kosztem popularności ekonomii matematycznej, która rodzi opory, niechęć, a nawet ostrą krytykę. Tymczasem potrzeba ścisłości określeń i dowodów powinna być wystarczającym

argumentem na rzecz jej szerszego stosowania, konstatował ekonomista z Wilna (Bochenek 2010, 40 i n.).

Jednocześnie Zawadzki przestrzegał przed przesadą oraz wizją stworzenia takiej nauki, która pozwoli przewidzieć ilościowe zjawiska ekonomiczne. Z uwagi na abstrakcyjny charakter twierdzenia ekonomii matematycznej nie są wiernym odbiciem rzeczywistości gospodarczej. Dlatego też ma ona ograniczone zastosowanie praktyczne; pozwala najwyżej przewidzieć skutki określonego sposobu postępowania. Twierdzenia ekonomii matematycznej są prawdziwe tylko w uproszczonych warunkach, wyabstrahowanych od rzeczywistości, czyli sprawdzają się na wysokim szczeblu abstrakcji. Ważniejszą jednak rolę ekonomii matematycznej dla praktyki jest weryfikacja teorii fałszywych. Ponadto twierdził wileński uczony, że dostarcza ona argumentów dla krytyki nieścisłych twierdzeń.

2. Opieka i polityka socjalna

Kolejnym tematem dociekań, świadczącym o rozległości obszarów badawczych naszego ekonomisty, były zagadnienia socjalne. Zostały one zaprezentowane w artykule *Postulaty ochrony robotnika a konkretne warunki gospodarcze* (1926), opublikowanym na łamach wileńskiego „Czasopisma Prawniczego i Ekonomicznego” oraz w broszurze pt. *Polska polityka socjalna a gospodarstwo społeczne* (1927), wydanej przez Towarzystwo Ekonomiczne w Krakowie.

2.1. Rozwój postulatów robotniczych i socjalnych

Artykuł *Postulaty ochrony robotnika a konkretne warunki gospodarcze* traktuje o rozwoju idei ochrony robotników na przestrzeni kilku wieków. W okresie merkantylizmu robotnicy nie zajmowali wprawdzie uprzywilejowanej pozycji, jednak w zamian za swój wysiłek mieli zagwarantowane zatrudnienie i zarobek, a ten ostatni uwzględniał ich sytuację rodzinną. Niestety, epoce tej obcy był ideał wzrostu stopy życiowej robotnika. W istniejących wówczas warunkach, czyli niskiej wydajności pracy i produktywności, surowe traktowanie robotników gwarantowało im byt (Zawadzki 1926, 1–2).

Zdaniem Zawadzkiego, w pierwszej połowie XIX w. wyzysk robotników doprowadzono do ostatecznych granic, czego przejawem było wydłużanie czasu pracy, wykonywanej w niehigienicznych warunkach. W połowie tego stulecia, na tle wzrostu bogactwa i rozwoju sił wytwórczych, pojawiła się koncepcja redukowania wysiłku oraz zwiększania udziału robotników w wytwarzanym produkcie. Robotnicy mieli więc skorzystać z dobrodziejstw wzrostu produkcji przez: zmniejszenie obciążenia pracy i likwidację zagrożeń, usunięcie ryzyka wypadku, a także zwiększenie udziału w dochodzie społecznym i kulturze. Wdrożeniu tej koncepcji służyły liczne postulaty wchodzące do różnych ustawodawstw krajowych oraz porozumień

międzynarodowych. Stały się one również wytycznymi polityki gospodarczej oraz normami etycznymi. Według traktatu wersalskiego, pracy nie należy traktować jako przedmiotu handlu, natomiast płaca powinna zapewniać fizyczny, umysłowy i moralny dobrobyt. Stworzony wówczas ideał warunków pracy wypływał z naturalnego prawa robotnika do jego ochrony. Jednakże spełnienie tych dezyderatów pociąga za sobą pewne ciężary. Ich urzeczywistnienie wpływa na bogactwo narodowe, podkreślał wileński uczony (ibidem, 4–7).

Koncepcje „prawa do pracy”, „organizacji robót publicznych” oraz wspierania spółdzielczości wytwórczej zostały ogłoszone we Francji w 1848 r., szybko zostały jednak zapomniane. Inny los – twierdził Zawadzki – spotkał propozycje reform społecznych sformułowanych w Anglii w połowie XIX w., które obejmowały m.in. skrócenie dnia roboczego, zakaz pracy nieletnich oraz ubezpieczenia pracowników. Przypadły one na okres dynamicznego rozwoju gospodarki angielskiej. Nastąpiło zwolnienie tempa rozwoju całej gospodarki, ale zwiększyła się równomierność wzrostu produkcji, co zmniejszyło marnotrawstwo sił wytwórczych w okresie wahań produkcji. Stopniowe skracanie czasu pracy ulżyło niedoli życia robotników, którzy na skutek zmniejszenia podaży pracy uzyskali dodatkowo wyższe zarobki. Zwiększył się ład produkcji oraz poprawiły się stosunki między pracodawcami i pracownikami. Jak pokazała historia w przypadku większości postulatów, zostały one wprowadzone w celu usunięcia istniejących niedomagań, a nie wdrażania jakiegoś ideału. Były więc niezbędne, aby ograniczyć marnotrawstwo sił wytwórczych danego kraju, a więc nie naruszały jego rozwoju. Oznacza to, że postulaty te odpowiadały potrzebom życia społeczno-gospodarczego, były elastyczne, łatwe do wprowadzenia początkowo w krajach rozwiniętych, przynosząc w konsekwencji dalszy postęp gospodarczy. Nie wywołały one szkodliwych następstw dla gospodarki, ale większy ład i pokój (ibidem, 8 i n.).

Autor artykułu *Postulaty ochrony robotnika a konkretne warunki gospodarcze* zwracał uwagę, że uznane za etyczny wymóg postępu oraz przejaw sprawiedliwości postulaty są przenoszone do krajów słabo rozwiniętych gospodarczo. Na ogół w krajach tych nie istnieją warunki ich przyjęcia, dlatego też stają się idealną konstrukcją, są narzucane, realizowane w przypadkowej kolejności, bez względu na intensywność potrzeb społecznych. Wdrażane w życie postulaty napotykają na trudności, mogą hamować rozwój, a nawet wywołać regres, a w konsekwencji pogorszyć położenie środowisk robotniczych. Dlatego też niektóre postulaty socjalne – twierdził z przekonaniem wileński ekonomista – budzą sprzeciw lub obojętność robotników (ibidem, 14 i n.).

W polskiej gospodarce, bardzo zniszczonej w czasie pierwszej wojny światowej, nie istniały warunki do wdrożenia w pierwszych latach powojennych postulatów reform socjalnych. Zdaniem autora cytowanej pracy, postulaty te przedstawiają koncepcję ideału społecznego, a nie żądanie i potrzebę klasy robotniczej. Tworzenie odpowiedniego ustawodawstwa należało raczej odłożyć do czasu wykształcenia się

takiej potrzeby na skutek rozwoju gospodarczego. Wprowadzeniu ośmiodzinnego dnia pracy nie towarzyszyła obfitość kapitału, wyższa technika czy wydajna praca, bowiem polska gospodarka odczuwała ich brak. W związku z tym wzrosły koszty rodzimej produkcji, przez co stała się ona mniej konkurencyjna oraz wzrosło bezrobocie. Utworzenie przymusowych i powszechnych kas chorych zapewniło wprawdzie opiekę lekarską ludności, było jednak bardzo kosztowne oraz nie znajdowało powszechnego zrozumienia. Zasiłki dla bezrobotnych okazały się również niekorzystne dla polskiej gospodarki. Środki należało raczej przekazać przedsiębiorcom w zamian za zwiększenie zatrudnienia. Zasiłki te powinny raczej rozwiązywać problem bezrobocia, a nie finansować skutki prawa do pracy. Powyższe postulaty zamiast chronić robotnika przed rabunkową eksploatacją jego siły roboczej oraz podnieść poziom jego życia, nierzadko wmawiają mu prawa, które przypominają utopijne koncepcje. Jeśli odpowiadają realnym potrzebom gospodarki, utrwalają ład i praworządność, jeśli natomiast zostają narzucone – ich ciężaru nie jest w stanie udźwignąć żadne rozwijające się społeczeństwo, podsumował wileński badacz (ibidem, 17 i n.).

W broszurze *Polska polityka socjalna a gospodarstwo społeczne* W. M. Zawadzki zawarł teoretycznie pogłębione rozważania na temat polityki socjalnej. Autor opracowania uważał, że polityka socjalna wywiera przemożny wpływ na stosunki gospodarcze. Jeśli służy ona podniesieniu bogactwa i dobrobytu, wówczas wywiera dodatni wpływ na gospodarkę. Przejawem tej polityki mogą być zapewnienie lub wzmocnienie porządku społecznego i likwidacja napięć wywołujących marnotrawstwo sił wytwórczych, uniemożliwienie rabunkowej eksploatacji słabszych klas społecznych, wreszcie uprzywilejowanie klas czynnych gospodarczo, które przyczyniają się do wzrostu produkcji i dochodu oraz rozwoju sił wytwórczych. Z kolei o ujemnym wpływie polityki socjalnej świadczą obciążenia produkcji nieuzasadnionymi kosztami, utrudnienia wymiany dóbr, usług i kapitału, tworzenie uprzywilejowanych warunków dla klasy biernej ekonomicznie kosztem klasy czynnej, twierdził nasz uczony (Zawadzki 1927, 3).

2.2. Charakter realizowanej w Polsce polityki socjalnej

Powyższe rozważania teoretyczne i historyczne W. M. Zawadzki odniósł do polityki socjalnej uprawianej w Polsce po odzyskaniu niepodległości w celu określenia jej charakteru oraz dokonania oceny. Ponieważ polskie rządy dążyły do wdrożenia określonego ideału społeczno-gospodarczego, nazywanego ideałem demokratycznym, polityka ta stała się polityką apriorystyczną. Chociaż ideał ten zakładał utrzymanie prywatnej własności i inicjatywy, to równocześnie zapewniał pracującym prawo do uzyskiwania minimalnego dochodu oraz udziału w produkcie społecznym, bez ponoszenia dodatkowych ciężarów związanych z ryzykiem, wypadkami itp. Przyznając jedynie korzyści, państwo – w sposób arbitralny – zwolniło robotników z odpowiedzialności wynikającej z prawa własności i prowadzenia działalności

gospodarczej. Zbyt wierne przeniesienie zagranicznych rozwiązań do naszego kraju, bez praktycznego uzasadnienia, świadczyło o ich aprioryczności. Polska polityka socjalna obejmowała nie tylko ochronę robotników i lokatorów, lecz także politykę żywnościową, agrarną i podatkową, w większym stopniu dbała o interesy konsumentów aniżeli właścicieli środków produkcji. Demokratyczny charakter tej polityki ukształtował się pod wpływem nacisków politycznych oraz obaw sfer rządzących przed rewolucyjnymi wystąpieniami. Ponieważ była ona sprzeczna z możliwościami naszej gospodarki, a także chaotyczna i biurokratyczna, wiele przedsięwzięć nie zostało doprowadzonych do końca, podkreślał wileński uczony (ibidem, 6 i n.).

W latach dwudziestych XX w. wielkopolscy politycy – zdaniem autora broszury *Polska polityka socjalna a gospodarstwo społeczne* – koncentrowali się na czterech problemach, tj. skróceniu czasu pracy do ośmiu godzin i zagwarantowania płatnego urlopu, ubezpieczeniach społecznych z kasami chorych, ubezpieczeniem wypadkowym i funduszem bezrobocia, poparciu dla robotniczych walk płacowych, wreszcie obniżeniu kosztów utrzymania robotników, obejmujących politykę niskich cen, ograniczanie eksportu i ochronę lokatorów. Główne rozstrzygnięcia w tych sprawach podjęto w okresie minimalnego wykorzystania zdolności produkcyjnych oraz inflacji. Doktrynerskie wdrażanie tak ambitnych postulatów w zacofanym gospodarczo kraju wypacza – twierdził wileński uczony – sens polityki socjalnej. Skrócenie czasu pracy wywołało wzrost kosztów produkcji, obniżenie lub utrzymanie na niskim poziomie płacy realnej oraz zwiększenie bezrobocia. Z kolei postulat objęcia pełną opieką lekarską wszystkich chorych pochłania większe koszty, które znacznie przewyższają uzyskane korzyści. Poparcie udzielane robotnikom przez Ministerstwo Pracy podczas konfliktów płacowych i strajków odbiło się zmniejszeniem dyscypliny oraz wydajności pracy, a także utrudniało wdrażanie postępu w dziedzinie organizacji pracy. Zjawiska te podrażały produkcję oraz obniżały płacę realną robotników. Podobne skutki wywołało wprowadzenie płac minimalnych oraz stawek czynszów mieszkalnych (ibidem, 10 i n.).

Wdrożenie sprzecznych z warunkami polskiej gospodarki postulatów socjalnych doprowadziło do niszczenia, względnie utrudniania, tworzenia nowego kapitału produkcyjnego oraz nieruchomości, zmniejszenia stopnia wykorzystania zdolności produkcyjnych, wzrostu kosztów produkcji oraz zmniejszenia produkcji, osłabiło zdolności konkurencyjne naszej gospodarki, a ponadto zwiększyło obciążenia budżetów centralnego i samorządowych. Bez wątpienia realizacja tych postulatów złagodziła konflikty społeczne, które zawsze zagrażają procesom produkcji. Jednakże spokój społeczny został okupiony – konstatował W. M. Zawadzki – zbyt wysokimi kosztami ekonomicznymi. Wbrew oczekiwaniom promotorów polskiej polityki socjalnej, wspomniane postulaty nie tylko nie zwiększyły dobrobytu robotników, ale zahamowały rozwój gospodarki, a w konsekwencji wywołały – podkreślał autor broszury *Polska polityka socjalna a gospodarstwo społeczne* – odwrotne skutki społeczne i gospodarcze (ibidem, 12 i n.).

3. Teoria produkcji

Produkcja, chociaż stanowi najważniejsze zagadnienie w nauce ekonomii i decydowała oraz decyduje o pomyślności wszystkich jednostek i całych społeczeństw, została – zdaniem Zawadzkiego – nieco zaniedbana przez jej teoretyków. Lukę tę miała wypełnić, opublikowana w 1923 r., najobszerniejsza, licząca niemal sześćset stron, rozprawa pt. *Teoria produkcji. Próba zbadania społecznych warunków produkcji*. Skróconą wersję tej rozprawy wileński uczony wydał w 1927 r. w języku francuskim jako *Esquisse d'une theorie de la production*.

3.1. Podstawowe warunki produkcji

Głównym wątkiem teorii produkcji Zawadzkiego były warunki prawidłowej produkcji, stanowiącej stałą i materialną podstawę bytu społecznego, a także sposób ilościowego i jakościowego ukształtowania produkcji, tj. stosunki między producentami, stosowana technika, zaangażowane siły wytwórcze do danej produkcji, jej rozmiary itp. Według wileńskiego uczonego, brakowało właśnie systematycznego opracowania podstawowych warunków produkcji. Wyjątek stanowiły prace Wernera Sombarta i Georgesa Sorela, którzy widzieli potrzebę pogłębienia wiedzy na temat zjawiska produkcji, mającą uchwycić całokształt życia gospodarczego (Zawadzki 1923, 9–11).

Niezbędnymi warunkami produkcji są, zgodnie z powszechnie akceptowanymi twierdzeniami ekonomii, istnienie potrzeb oraz posiadanie sił wytwórczych. Ten ostatni warunek decyduje również o rozmiarach produkcji. Niestety, twierdzenia te – z teoretycznego punktu widzenia – nie wyjaśniają samego zjawiska produkcji. Świadczą o tym niezaspokojone potrzeby oraz wolne moce produkcyjne. Zdaniem Zawadzkiego, należy raczej odkrywać warunki społeczne, decydujące o wielkości sił wytwórczych oraz czynniki wpływające na stopień ich wykorzystania (ibidem, 13 i n.).

Działalność produkcyjna ludzi podlega takim samym zasadom, jakie obowiązują przy wymianie, stąd też relacje ilościowe produkcji najlepiej wyjaśnić za pomocą właściwej teorii wymiany, twierdził autor *Teorii produkcji*. Kryteria te najlepiej spełnia matematyczna teoria równowagi. Istnieją jednak zasadnicze różnice między aktami wymiany i produkcji, bowiem wymiana dotyczy istniejących kategorii (rzeczy), natomiast w produkcji wymienia się nieistniejące obiektywnie usługi (praca i inne usługi produkcyjne) za przyszłe produkty i usługi. Innym warunkiem porównania produkcji i wymiany jest przyjęcie założenia niezmienności warunków gospodarowania, czyli abstrahowanie od zjawiska rozwoju gospodarczego. Do stałych i koniecznych warunków produkcji Zawadzki włączył nowy czynnik, jakim jest wola pracy. Kategoria ta oznacza moralną zdolność zmuszania się do ciągłego wykonywania pracy, która została uznana za korzystną. Staje się ona gwarantem permanentnego i prawidłowego wykonywania czynności dostarczających zadowolenie. Nie jest ona tożsama z zamiłowaniem do pracy, które stanowi pociąg

do pracy, dający zadowolenie bez względu na rezultat czy wynagrodzenie. Natomiast wola pracy dotyczy wykonywania jej mimo odczuwania przykrości, twierdził wileński uczony (ibidem, 20 i n.).

3.2. Typy produkcji

Typ produkcji nie jest powszechnie stosowanym pojęciem w ekonomii. Bazując na wcześniejszych rozważaniach o warunkach produkcji, autor *Teorii produkcji* sformułował definicję typu produkcji. W cytowanej pracy Zawadzki pisał:

Jakościowo odrębne ukształtowanie produkcji, odpowiadające pewnemu całokształtowi harmonijnie do siebie dostosowanych warunków, mogących współistnieć na podstawie określonego układu zjawisk społecznych, nazywam typem produkcji.

Wynika z niej, że w każdym typie produkcji i odpowiednim układzie warunków możliwe jest zapewnienie prawidłowej produkcji (ibidem, 72 i n.).

Teorią badającą możliwe typy produkcji i odpowiadające im układy zjawisk społecznych jest teoria produkcji. Innymi słowy jej zadaniem jest badanie okoliczności urzeczywistnienia określonych typów produkcji. Zawadzki uważał jednak, że tak jak inne kategorie, również typy produkcji oraz prawidłowa produkcja należą do przypadkowych zjawisk (ibidem, 74 i n.).

Produkcja oznacza działalność ludzi przystosowującą świat zewnętrzny do ich potrzeb. Wszelka pozostała działalność nie może być uznana za produkcję. Ponadto Zawadzki wyodrębnił czynności produkcyjne obejmujące wytwarzanie dóbr i usług obiektywnych, czyli społecznych usług, które tworzą produkt społeczny. Wynika z tego, że produkcja ma charakter społeczny, tzn. odbywa się w gospodarce społecznej. Niezbędnymi pierwiastkami produkcji o charakterze materialnym są siły wytwórcze. Obejmują one właściwości ludzi i rzeczy, pozwalające uzyskać efekt produkcyjny. Natomiast czynniki produkcji obejmują ludzi i przedmioty mające dane właściwości. Siły wytwórcze wykorzystane w procesie produkcji stanowią usługi produkcyjne tych czynników. Wśród sił wytwórczych wyróżnia się siły naturalne i siły ludzkie. Różnica między siłami wytwórczymi i czynnikiem produkcji ma charakter metodologiczny; siły wytwórcze są ważnym elementem produkcji, ale tylko czynniki produkcji mają cenę i mogą być przedmiotem wymiany (ibidem, 81 i n.).

Gotowość do podejmowania inicjatywy w sferze działalności produkcyjnej, która gwarantuje określone korzyści Zawadzki nazwał przedsiębiorczością. Natomiast praca została zdefiniowana jako wykonywanie celowych czynności ludzkich. Z jej wykonywaniem najczęściej związany jest opór, wywołuje ona przykrość lub trudność. Obok sporadycznej woli pracy autor wyodrębnił istotną, trwałą wolę pracy. W przypadku istotnej woli pracy osoba posiada zdolność zmuszania się do wykonywania ciągłej pracy, w przypadku sporadycznej – zdolność do zmuszania się w niektórych tylko sytuacjach (ibidem, 97 i n.).

Z kolei wzajemne relacje między podstawowymi warunkami procesu produkcji, tj. między siłami wytwórczymi i ich społeczną formą, a zjawiskami określającymi chęć wytwarzania, czynności produkcyjne oraz formację gospodarczą wileński twórca nazwał formą organizacyjną produkcji. Pojęcie to wyraźnie różni się od pojęcia typu produkcji. Ten ostatni wyraża całkowite ukształtowanie produkcji; istnieje tylko w sytuacji harmonijnie dostosowanych warunków. Tymczasem forma organizacyjna istnieje w każdej produkcji, nawet najbardziej nieprawidłowej. Autor *Teorii produkcji* wyróżnił pięć typów produkcji: 1) pierwotny typ produkcji; 2) typ produkcji opartej na przymusie; 3) patriarchalny typ produkcji; 4) towarowo-indywidualistyczny typ produkcji; 5) kolektywistyczny typ produkcji. Zdaniem Zawadzkiego, wszystkie typy występujące przed produkcją indywidualistyczną miały cechy specyficzne, właściwe wyłącznie tym ustrojom oraz cechy wspólne dla wszystkich ustrojów. W typach tych dążenie do maksimum zadowolenia zastępowały odpowiednio: bezpośredni popęd, przymus oraz zamiłowanie do pracy i pragnienie utrzymania stopy życiowej. Czynności wytwórcze w tych ustrojach wykonywane były bez jakichkolwiek wątpliwości, jako rzecz konieczna, wyznaczona przez zwyczaj, tradycję, wierzenia religijne, przesąd, naciski opinii publicznej czy zwykły przymus. Wytwórcy nie widzieli więc możliwości innego postępowania (ibidem, 114 i n.).

3.3. Przedsiębiorstwo jako forma organizacyjna produkcji

W *Teorii produkcji* Zawadzki zaznaczył, że typem produkcji istniejącym na początku XX w. jest towarowo-indywidualistyczny typ produkcji. Jednym z warunków niezbędnych do zapewnienia prawidłowości tego typu produkcji jest przedsiębiorstwo, będące powszechną formą organizacyjną produkcji. Co więcej, przedsiębiorstwo prywatne stanowi formę organizacyjną, która pozwala najpełniej przejawiać się towarowemu stosunkowi do działalności gospodarczej. Łączy ono siły wytwórcze, należące do różnych osób, aby osiągnąć największy efekt. Powstanie przedsiębiorstw jest możliwe tylko w warunkach istnienia nagromadzonego kapitału oraz szerokich mas pozbawionych środków produkcji. Nadwyżka podaży pracy nad popytem zapewnia wprawdzie dopływ siły roboczej, ale jednostki muszą kierować się wolą pracy oraz traktować swoją pracę jako towar. Siła robocza stanowi bowiem dla robotnika źródło dochodu potrzebnego do utrzymania. Upowszechnienie się przedsiębiorstw w największym stopniu przyczyniło się do towarowego traktowania działalności gospodarczej przez jednostki. Przedsiębiorstwa są bardziej efektywną formą organizacji produkcji niż niezależni wytwórcy. Ponadto stają one do konkurencji, zapewniają większe korzyści posiadaczom materialnego bogactwa oraz dają możliwość stosowania przez kapitalistów przymusu gospodarczego w stosunku do proletariatu pozbawionego środków produkcji. Przedsiębiorczość stanowi kombinację towarowego stosunku do działalności gospodarczej i popędu twórczego. Rozpowszechnienie

tego usposobienia wpływa na współzawodnictwo oraz prawidłowość produkcji. Najbardziej sprzyjające warunki dla rozwoju ducha przedsiębiorczości panują w rodzinach przedsiębiorcy (ibidem, 236 i n.).

4. Krytyka przedsiębiorstw państwowych

Jednym z zagadnień poruszanych przez W. M. Zawadzkiego na początku lat dwudziestych XX stulecia była analiza i ocena własności państwowej. Swoimi rozważaniami na ten temat wyprzedził grupę wybitnych ekonomistów polskich, którzy w okresie międzywojennym poddali rewizji etatyzm, obejmujący oddziaływanie państwa w gospodarce poprzez zakładanie przedsiębiorstw państwowych oraz przejmowanie udziałów w firmach prywatnych, a także stosowanie środków administracyjnych. Rozważania dotyczące przedsiębiorstw państwowych Zawadzki zamieścił w *Teorii produkcji* oraz w artykule opublikowanym w 1922 r. w poznańskim „Ruchu Prawniczym i Ekonomicznym”, opatrzonym tytułem *Przedsiębiorstwo państwowe jako forma organizacyjna produkcji*. Wileński uczony stał na stanowisku, że indywidualistyczny typ produkcji nie wyklucza ingerencji państwa w życie gospodarcze. Państwo powinno przede wszystkim tworzyć sprzyjające warunki dla swobodnej działalności jednostek, a ponadto może samodzielnie zakładać przedsiębiorstwa państwowe wytwarzające zarezerwowane dla siebie dobra i usługi (ibidem, 321 i n.).

4.1. Różnice między przedsiębiorstwami prywatnymi i państwowymi

Zdaniem Zawadzkiego między przedsiębiorstwami prywatnymi i państwowymi istnieją różnice, które mają istotny wpływ na skuteczność ich działania. W artykule *Przedsiębiorstwo państwowe jako forma organizacyjna produkcji* wileński ekonomista zaznaczył, że przedsiębiorstwo będące własnością państwa realizuje identyczne z przedsiębiorstwem prywatnym cele produkcyjne, łącząc ze sobą dostępne siły wytwórcze, które są własnością różnych podmiotów. W zamian za wykorzystane zasoby właściciele uzyskują od przedsiębiorstw stosowne wynagrodzenia. Cel produkcyjny jest jedyną cechą wspólną przedsiębiorstw prywatnych i państwowych. Podstawowym celem przedsiębiorstwa prywatnego jest zysk, natomiast w przypadku przedsiębiorstwa państwowego zysk nie może być celem głównym. Przedsiębiorstwo prywatne traktuje całe otoczenie, czyli wszystkie inne jednostki gospodarujące, pod kątem własnej korzyści i jako źródło własnego zysku. Przedsiębiorstwo państwowe przeciwnie, źródła własnego zarobku nie może szukać w obywatelach, a jednocześnie musi zabezpieczyć się przed takim traktowaniem ze strony innych podmiotów. Podstawę stosunków między pracownikami w przedsiębiorstwie państwowym stanowią przepisy, mniejszą rolę odgrywają umowy i decyzje kierowników. Organizacja przedsiębiorstwa prywatnego opiera się na odmiennych podstawach.

Powyższe różnice sprawiają, że przedsiębiorstwa państwowe w odmienny sposób funkcjonują oraz realizują swoje funkcje niż firmy prywatne. Realizując określone funkcje, przedsiębiorstwo dąży do uzyskania pewnych dóbr i usług w drodze najkorzystniejszego połączenia posiadanych środków (sił wytwórczych). Będące w posiadaniu społeczeństwa czynniki produkcji mają służyć zaspokojeniu jego potrzeb (Zawadzki 1922, 470–471).

4.2. Przyczyny niższej sprawności przedsiębiorstw państwowych

Według rozpowszechnionej opinii przedsiębiorstwa państwowe w każdym przypadku wykazują się znacznie mniejszą sprawnością wytwarzania dóbr i usług w porównaniu z przedsiębiorstwami prywatnymi. Zasadność tego poglądu Zawadzki poddał pod rozważenie, zastanawiając się, czy przedsiębiorstwo państwowe musi koniecznie ustępować odpowiednikowi prywatnemu pod względem sprawności działania. Wnikliwe badania wykazują, że jeśli przedsiębiorstwo prywatne źle spełnia funkcję produkcji, to przedsiębiorstwo państwowe – twierdził wileński ekonomista – pełni ją znacznie gorzej. W wyjątkowych przypadkach przedsiębiorstwo państwowe może osiągnąć wyższą sprawność, jednakże okoliczność tę zawdzięcza nie cechom własnej formy organizacyjnej, ale sprzyjającym warunkom zewnętrznym. Jeśli zaś istnieją normalne warunki, zdolność przedsiębiorstwa państwowego do wykorzystania czynników produkcji oraz dostosowania jej do potrzeb ludności jest niższa niż firmy prywatnej (ibidem, 471 i n.).

Autor artykułu *Przedsiębiorstwo państwowe jako forma organizacyjna produkcji* zwrócił uwagę, że nie mniej ważne jest – co było dotychczas pomijane w rozważaniach teoretycznych – oddziaływanie przedsiębiorstw na psychikę wytwórców, stanowiącą element społecznego podłoża produkcji. Zadanie to prawidłowo realizuje przedsiębiorstwo prywatne poprzez pobudzanie i utrzymywanie u ludzi zdolności do wykonywania pracy oraz wzmocnienie dążenia do produkcyjnego wykorzystania sił wytwórczych przez ich właścicieli, traktujących wynajmowane zasoby jako źródło dochodu. Przedsiębiorstwo państwowe kierujące się innymi celami nie ma możliwości ani oddziaływania na właścicieli sił wytwórczych pod kątem zwiększenia ich produkcyjnego wykorzystania, ani zwiększenia gotowości do świadczenia pracy przez pracowników. Przeciwnie, przedsiębiorstwo państwowe generuje negatywne tendencje w sferze psychologii produkcji (ibidem, 472 i n.).

Wspomniane okoliczności skazują – zdaniem Zawadzkiego – przedsiębiorstwa państwowe na niższą sprawność w porównaniu z przedsiębiorstwem prywatnym. Sprawność ta jest tym niższa, im bardziej rozpowszechniona jest forma przedsiębiorstw państwowych w danej gospodarce. Niższa sprawność stanowi wynik istnienia sprzeczności między ideą państwa a ideą zysku (którym kierują się podmioty gospodarcze) występującą wewnątrz przedsiębiorstw państwowych. Eliminując zysk,

pozbawia się przedsiębiorstwo państwowe podstawowego sensu, czyli odbiera się możliwość skutecznego działania, stwierdził cytowany twórca.

W *Teorii produkcji* Zawadzki wymienił trzy okoliczności (wileński uczo-ny nazwał je słabymi punktami przedsiębiorstw państwowych), które sprawiają, że przedsiębiorstwa państwowe ustępują przedsiębiorstwom prywatnym. Po pierwsze, kierownicy tych przedsiębiorstw posiadają słabszą motywację do angażowania swoich sił w celu uzyskania najkorzystniejszego efektu, czyli w mniejszym stopniu niż przedsiębiorcy prywatni są zainteresowani sukcesem gospodarczym. Jednocześnie kierownik przedsiębiorstwa państwowego wie, że jego byt jest zabezpieczony, bez względu na osiągnięty wynik.

Po drugie, kierownik przedsiębiorstwa państwowego nie posiada pełnej władzy, podlega wyższym instancjom, które krępują i opóźniają podejmowanie decyzji. Oddalenie od ośrodka decyzyjnego, podleganie jego kontroli oraz komunikowanie się z ośrodkiem drogą biurokratyczną sprawiają, że decyzje są nieelastyczne i niedostosowane do permanentnych zmian koniunkturalnych. W ten sposób przedsiębiorstwo traci korzystne „okazje” oraz odnotowuje słabsze tempo swojej działalności. Możliwości takie istnieją w przedsiębiorstwie prywatnym, którego kierownik jest ostateczną instytucją decyzyjną.

Po trzecie, przedsiębiorstwo państwowe w swojej działalności i w kontaktach z kontrahentami kieruje się innymi kryteriami niż zysk i efekt produkcyjny. Pomijanie tych kryteriów jako wytycznych działalności gospodarczej naraża przedsiębiorstwo państwowe na błędy oraz nieprzemysłane eksperymenty. Nierzadko kryteria ekonomiczne zastępuje fantazja. Skutkuje to demoralizacją pracowników, dowolnością podejmowanych decyzji, a nawet możliwością nadużyć. Co więcej, wynagrodzenia pracowników przedsiębiorstw państwowych nie są uzależnione od efektu produkcyjnego, ale od moralnych zasług czy stanowiska w hierarchii, co negatywnie wpływa na wolę pracy oraz towarowy stosunek do działalności gospodarczej. Uniezależnienie wysokości wynagrodzenia od wielkości produkcji i wysiłku rodzi wśród pracowników przedsiębiorstw państwowych wymagania do beztróskiego życia. W ten sposób triumf odnosi psychologia spożywców. Oznacza to, że wpływ przedsiębiorstw państwowych na rozwój woli pracy jest słabszy niż prywatnych. Za niesumienność pracy państwo może stosować system kar, tymczasem prywatny przedsiębiorca zwalnia robotnika z pracy, bowiem jego zatrudnianie jest nieopłacalne. Okazuje się więc, że rezerwując wyłącznie dla siebie produkcję pewnych dóbr i usług we własnych przedsiębiorstwach, państwo czyni to mniej wydajnie, czyli znacznie drożej – konstatował Zawadzki (1923, 420).

Podsumowanie

Podstawy szkoły matematycznej w ekonomii, która określana jest teorią równowagi ekonomicznej, zostały stworzone w drugiej połowie XIX w. i na początku XX w. Związane one są z nazwiskami m.in. takich wybitnych ekonomistów jak L. Walras oraz V. Pareto. Początkowo przedmiotem analizy były problemy równowagi makroekonomicznej. Później pojawiła się rozbudowana analiza mikroekonomiczna zajmująca się warunkami równowagi przedsiębiorstwa i konsumenta, a następnie równowagą całego systemu gospodarczego. W tej fazie rozwoju pojawiło się zainteresowanie jej osiągnięciami w polskiej ekonomii. Koncepcje szkoły matematycznej były rozwijane m.in. przez E. Taylora, A. Wakara, T. Brzeskiego oraz częściowo przez ekonomistów reprezentujących inne szkoły teoretyczne – O. Langego i M. Kaleckiego. Najwybitniejszym przedstawicielem tego kierunku w polskiej ekonomii był jednak W. Zawadzki, którego należy uznać za prekursora nowoczesnej teorii produkcji, podziału i równowagi ogólnej (również w literaturze światowej). Potrafił on w sposób twórczy łączyć zmatematyzowaną ekonomię z aspektami ekonomiczno-społecznymi oraz ekonomiczno-technicznymi, nadając procesom produkcji aspekt socjologiczny i prakseologiczny.

Władysław Zawadzki nie był jedynym ekonomistą związanym w okresie międzywojennym z Wilnem i Uniwersytetem Stefana Batorego w Wilnie, jakkolwiek wyróżnia się dorobkiem i pozycją naukową. Warto w tym miejscu wymienić nazwisko Witolda Staniewicza (ekonomia społeczna, ekonomika rolnictwa), dwukrotnego rektora tego uniwersytetu (1921–1922; 1933–1936) oraz ministra reform rolnych (1926–1930) w rządach Kazimierza Bartla. Napisał on m.in. pracę *Kolektywizacja rolnictwa Rosji Sowieckiej* (1934). Bezpośrednimi uczniami W. Zawadzkiego byli dwaj znani (również za granicą) ekonomiści i sowietolodzy, po II wojnie światowej emigranci polityczni: Stanisław Swianiewicz – autor m.in. prac: *Lenin jako ekonomista* (1930; rozprawa doktorska promowana właśnie przez Zawadzkiego), *Polityka gospodarcza Niemiec hitlerowskich* (1938), wydanej w Londynie *Forced Labour and Economic Development* (1965) oraz będącej wspomnieniami naocznego świadka *W cieniu Katynia* (1976) oraz Jan Drewnowski – autor m.in. *Przyczynek do teorii przedsiębiorstwa* (1937), *Próba ogólnej teorii gospodarki planowej* (1947) *On Measuring and Planning the Quality of Life* (1974), *Władza i opozycja. Próba interpretacji historii politycznej Polski Ludowej* (1979), *Rozkład i upadek sowietyzmu w Polsce* (1991). Umierając w marcu 1939 r., Zawadzki uniknął losu wybitnych ekonomistów wileńskich, którym nie było dane przeżyć trzech w sumie okupacji sowieckich i niemieckich. Na uwagę zasługuje postać Mieczysława Gutowskiego, profesora nauki skarbowości i prawa skarbowego, autora m.in. pracy *Zarys prawodawstwa z dziedziny skarbowości i gospodarki państwowej* (1927). W latach 1931–1939 redagował i wydał on na Wydziale Prawa i Nauk Społecznych USB trzy tomy *Prac seminarium ze skarbowości i prawa*

skarbowego oraz ze statystyki. Wojny nie przeżył również Michał Król, autor m.in. prac: Stabilizacja koniunktury gospodarczej a polityka bankowa (1931), Pieniądz i kredyt w ZSRR (1934) oraz Zagadnienie agresji w prawie międzynarodowym (1939), a także Jan Rutski, który napisał Zależności statystyczne: próba analizy logicznej (1930) i O pewnym problemie prawidłowości statystycznych (1934). Po II wojnie światowej ożywioną działalność naukową i organizacyjną prowadził w Warszawie Leon Kurowski związany w okresie międzywojennym z Uniwersytetem Stefana Batorego najpierw jako student, a następnie jako wykładowca, autor m.in. prac Podział wydatków administracji państwowej w zwyczajnym budżecie polskim (1938) oraz Wstęp do nauki prawa finansowego (1976).

Bibliografia

- BOCHENEK, M. (2008), Prekursorzy ekonomii matematycznej w Polsce. Uniwersytet Mikołaja Kopernika [rozprawa habilitacyjna]. Toruń.
- BOCHENEK, M. (2010), Korzyści z matematyzacji ekonomii. Uniwersytet Mikołaja Kopernika w Toruniu. W: Zeszyty Naukowe. 8, 35–54.
- LANDAU, Z. (1980), Władysław Zawadzki (1885–1939). Ekonomista – polityk – minister skarbu. W: Przegląd Historyczny. 4, 753–772.
- PŁACZEK, J. (2000), Poczet wybitnych polskich ekonomistów polskich XVIII–XX stulecia. Warszawa.
- ZAWADZKI, W. (1914), Zastosowanie matematyki do ekonomii politycznej. Wilno.
- ZAWADZKI, W. (1922), Przedsiębiorstwo państwowe jako forma organizacyjna produkcji. W: Ruch Prawniczy i Ekonomiczny. 3, 470–472.
- ZAWADZKI, W. (1923), Teoria Produkcji. Próba zbadania społecznych warunków produkcji. Warszawa / Kraków / Lublin etc.
- ZAWADZKI, W. (1926), Postulaty ochrony robotnika, a konkretne warunki gospodarcze. Kraków.
- ZAWADZKI, W. (1927), Polska polityka socjalna a gospodarstwo społeczne. Kraków.
- ZAWADZKI, W. (1936a), Nowa teoria pieniądza Keynesa. W: Ekonomista. 3, 68–85.
- ZAWADZKI, W. (1936b), Zmiany poziomu cen pod wpływem naruszenia równowagi podaży i popytu. W: Ekonomista. 3, 3–17.
- ZAWADZKI, W. (1938a), Dwie koncepcje równowagi ekonomicznej. W: Ekonomista. 3, 3–20.
- ZAWADZKI, W. (1938b), Manipulowanie pieniądzem jako narzędzie polityki gospodarczej. Kraków.
- ZAWADZKI, W. (1939), Rozwój teorii pieniężnych w ostatnich czasach. W: Ekonomista. 1, 9–29.
- ZAWADZKI, W. (1965), Polityka finansowa w okresie 1931–1935. W: Kwartalnik Historyczny. 1, 130–151.

SPOŁECZEŃSTWO, KOMUNIKACJA

ЭЛИНА АСРИЯН

Ереванский государственный университет

ЭТНИЧЕСКИЙ И ПОЛИТИЧЕСКИЙ МИФ КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ

Ethnic and political myths as a factor of forming the public opinion

Ключевые слова: этнический миф, политический миф, герой, общественное мнение, имидж

KEYWORDS: ethnic myth, political myth, hero, public opinion, image

ABSTRACT: The word 'myth' means tradition, legend. Myth-making is seen as the most important event in the cultural history of mankind. In primitive society mythology presents the basic way of understanding the world. The history of the people needs to be told of his mythology, and not vice versa. In our view when creating the image of a political leader should come from the heroic myths. The main characteristics of political myth are relying on the archetype and some technological artifice. We can say that the political myth is an adaptation of a cultural myth for political purposes. Political myth thus becomes a necessary form of communication between people and the government. Political myths are widely used in election campaigns, because from a psychological point of view the mythologizing the political leader allows differentiate him from competitors.

1

Глобальная демократизация общественного порядка, где первостепенными ценностями объявлены свобода слова и свобода выбора, с одной стороны, породила возможность свободы действий, мировоззрения, однако, с другой стороны, способствовала разработке разнообразных технологий для формирования общественного мнения. Общественные трансформации последних лет можно интерпретировать как кризис социальной и политической системы, наиболее существенным признаком которого является кризис идентичности. Чаще всего этот кризис связан с кризисом национального мировоззрения, которое без мифов теряет свою жизнеспособность. Уход этнического традиционного мировоззрения из общественной жизни оставил социальное пространство свободным, что привело к тому, что сегодня выдумываются новые символы и ритуалы, определяя хотя бы в самой формальной форме

связи общественного сознания с национальными архетипами. Роль мифологической реальности велика, так как она обладает психологической комфортностью: в ней меньше разочарований и она гармоничней. Такая реальность освобождает от «мук выбора и ответственности», т.е. происходит своего рода бегство от свободы. Информация возникает там и тогда, где и когда появляется выбор из множества альтернатив (Kiklewicz 2015) и миф как информация помогает сделать выбор из множества альтернатив.

В мифологическом словаре Е. М. Мелетинского слово «миф» определено как предание, сказание. Обычно подразумеваются сказания о богах, духах, обожествленных или связанных с богами своим происхождением героях, о первопредках, действовавших в начале времени и участвовавших в создании самого мира. В обыденном представлении миф – это вымысел, поэтому человек, считающий себя рациональным существом, не признает, что его поступки и образ мыслей могут быть определены мифами. А. Цуладзе (2003, 17) считает, что наши представления об окружающем мире носят мифологический характер и добавляет: «мифология и есть единственно возможная реальность». По Э. Кассиреру (1998, 471) человеку необходим посредник, который помог бы ему воспринять реальность в той или иной форме, выработать отношение к ней. Таким посредником и является миф. По словам М. Элиаде, «мифологическое мышление может оставить позади свои прежние формы, может адаптироваться к новым культурным модам, но оно не может исчезнуть окончательно» (1996, 28).

Феномен мифа интересовал мыслителей, философов, культурологов, психологов и представителей других дисциплин на протяжении многих лет, начиная с античной философии, где доминировало аллегорическое толкование мифов. Платон предлагал философско-символическую интерпретацию мифа, рассматривая данный феномен как возможность образно иллюстрировать философские построения, а несовершенный миф – как обман. Интересен подход Шеллинга, который рассматривал миф как «мир первообразов», как парадигму науки и поэзии и, более того, средство объяснения и интерпретации истории народа. М. Элиаде также выделил в мифе актуальность прасобытия, которое может повторяться в настоящем, что детерминировано таким феноменом коллективного бессознательного, как архетип. В рамках данной позиции рассматривал миф и К. Г. Юнг, говоря о том, что архетип и мифы образуют парадигмы всех человеческих действий. Если следовать логике Юнга, которому и принадлежит открытие феномена архетипа и который утверждал, что миф является проекцией идентичных у всех людей архетипов коллективного бессознательного, то становится очевидной возможность использования новых социальных и политических мифов

в процессе формирования общественного мнения. О социальной функции мифа говорил также Э. Дюркгейм, который показал, что тотемическая мифология моделирует и поддерживает родовую организацию, утверждая таким образом социальную группу. Б. Малиновский, который считал оправданным изучение мифа в живом культурном контексте «примитивных» экзотических племен, а не в сравнительно-эволюционном плане, считал, что миф в общественном порядке рационализирует и оправдывает социальные установления.

Природа человеческой психики такова, что в неопределенных условиях у него повышается тревожность, больше всего личность устрашает то, смысл чего ей неизвестен. Поэтому человек ищет в мифе рационализацию и интерпретацию актуальных для него событий. Любая подлинная мифологема обладает своим смыслом, который подчас невозможно объяснить на языке науки. Данное положение можно иллюстрировать строками из стихотворения А. С. Пушкина: «Ах, обмануть меня не трудно, я сам обманываться рад». Именно данная функция мифа используется сегодня, для манипуляции общественным мнением в процессе моделирования образа мира.

В контексте исследования национальных и этнических мифов необходимо рассмотреть такую функцию мифа, как формирование и структурирование пространства. Пространственное структурирование достаточно часто проявляется в идеологических и геополитических мировоззрениях разных этносов. В основе этнических мифов лежит дихотомия «мы – они». Противопоставление не может обойтись символическим уровнем и материализуется в вопросе о принадлежности земли, что в свою очередь порождает другие мифы. Так, после геноцида в 1915 году, армяне до сегодняшнего дня воспринимают земли, находящиеся на данном историческом этапе в Турции, как Западную Армению, и библейская гора Арарат воспринимается ими как священная христианская гора и является армянским этническим символом (Асриян 2015).

Политическая идеология, порождающая этнические мифы, содержит эсхатологическую картину действительности, указание на заблуждения народа и врага-соблазнителя, объявление причин заблуждений и тайных замыслов врага (Савельев 2003). Так при формировании национального украинского мифа действительность строится на образе врага – России, которая «покушается» на «центральный» элемент идентичности – территориальную целостность. В Азербайджане сформирован похожий миф, где в образе врага представлена Армения, которая так же, как в первом случае «покушается» на территориальную целостность, хотя земли Нагорного Карабаха исторически являются армянскими и на них всегда проживали армяне. В этническом мифе можно выделить следующие этапы развития: 1) картина мира (точка во времени,

связанная с истоком национальной истории и культуры); 2) момент высшего прославления нации или тяжелого увечья (избранная слава или этнотравма); 3) образ будущего (понимаемый как возвращение к истокам Золотого Века) и глубокой оппозицией «мы – они» (цель этнического мифа – противопоставление другому этносу).

Нужно понимать, что данная мифологическая конструкция заполняется реальными историческими событиями. Рассмотрение данных этапов на примере армян показывает, что армянский этнос представляется одним из древнейших в мире, что лежит в основе социально-психологического образа армян и имиджа Армении (этногенез армян начался в период с конца второго тысячелетия до н. э. и завершился к VI веку до н. э.). В армянском миропонимании моментом высшего прославления нации является Армения во времена Тиграна Великого (95–55 гг. до н. э.). В те времена Армения занимала территорию от Каспийского моря до Средиземного. Можно сделать вывод, что момент высшего прославления армянский народ связывает с территориальной целостностью. Элемент этнотравмы в «картине мира» армянского народа представлен образом геноцида армян в 1915 году. Этнотравма от событий 1915 года переживается армянами уже сто лет и представлена как в массовом сознании, так и в коллективном бессознательном, закрепляя сформированный образ врага (после турок это — азербайджанцы, которых армяне тоже называют турками) (Асриян 2015).

Третий этап несет в себе мифологему Золотого века – признание геноцида, возврат исторических земель (земля как ключевой элемент этнической идентичности), укрепление безопасности и защита независимости Армении.

На наш взгляд, одна из важнейших функций мифа – создание модели, примера, образца наиболее полно отражается в политическом мифе, что используют как фактор воздействия. Если в рамках идеологической пропаганды чаще всего используются эсхатологические мифы, то при создании имиджа политического лидера, следует исходить из героических мифов. Можно сказать, что политический миф представляется как адаптация некоторого культурного мифа к актуальному политическому контексту. В данном разделе статьи нами рассмотрена возможность построения политического имиджа по законам и логике героического мифа. Юнг писал о том, что у героического мифа и волшебных сказок имеется идентичная структура, несмотря на то, что миф – история сакральная, а сказка определяется как история художественная. Далее мы представляем сюжетную линию сказочного мифа о герое, отражающую идеи Т. Д. Зинкевич-Евстигнеевой (2001) и В. Проппа (1986).

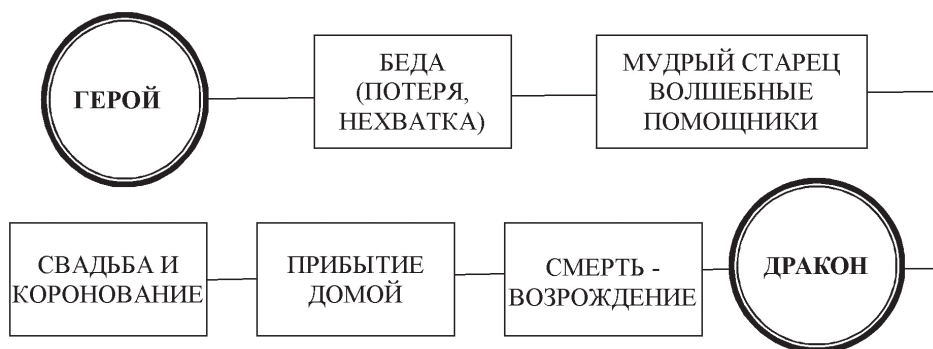

Рис. 1. Структура сюжета сказочного мифа о герое

Сюжет героического мифа создается из беды и противодействия. Герой не может состояться без странствий, преодоления, долгих поисков своей цели. В реальной жизни в качестве такой нехватки или беды могут рассматриваться плохие социально-экономические условия, война или любые другие кризисные для страны и народа ситуации. Именно в этот период, может произойти мифологизация политика. Что касается образа мудрого старца и волшебных помощников, которые существуют во множестве мифов, можно сказать следующее. Мудрый старец, по Юнгу, является частью архетипа духа и появляется он в тот момент, когда человеку нужен совет, помощь. Мудрый старец не единственная персонификация архетипа духа, который также может проявляться в образе женщины или других помощников. Архетип духа можно рассматривать в качестве общественного сознания, с одной стороны, это мудрость, познание, ум, а с другой – моральные качества, такие как, например, помощь другим (Юнг 2004).

В качестве мудрого старца и волшебных помощников в политической коммуникации часто выступают референтные для народа личности и лидеры мнений, воздействие которых может рассматриваться в качестве психологического суггестивного воздействия на формирование общественного мнения. Как пример мудрого старца, покровительствующего Герою, можно рассмотреть, например, фигуру первого президента РФ Б. Ельцина, который в кризисное для страны время «привел» в политику В. Путина, который впоследствии воспринимался народом как Герой, победивший «зло» – чеченских террористов. Сегодня президент РФ воспринимается народом как лидер-герой, который борется с международным злом – терроризмом, в частности с «ИГИЛ». Кульминация героического мифа наступает тогда, когда герой вступает в борьбу со злом, которое он побеждает. С психологической точки зрения «образ врага» в политике является наиболее универсальным и часто воспроизводимым символом страха. Вытеснение страха в область бессознательного, с точки

зрения психоанализа, ведет к символизации страха. История показывает, что именно те лидеры, которые боролись с врагами, получали наибольшую поддержку у своего народа. Реальные или созданные враги, заставляли народ сплотиться вокруг своего вождя, укрепляли политические чувства, патриотизм, групповой фаворитизм. Если нет возможности сразиться с реальными врагами, то политический миф позволяет бороться с врагами мифическими. В роли злодея могут выступать как конкретные личности, такие как, например, Осама бен Ладен, президент Сирии – Башар Асад, так и отвлеченные понятия: империя зла, исланизм, коммунизм.

По сюжетной линии мифа, как только герой, победивший явное зло, расслабляется, завистливые братья предают и убивают его. На этом этапе герой сталкивается с задачами, которые он должен решать уже с позиции приобретенного опыта, с использованием возможностей «волшебных предметов». Можно предположить, что миф показывает нам ритуал «смерть-возрождение», который, как мы уже указали, является «обрядом перехода» от одной стадии жизни к другой, т.е. герою просто необходимо «умереть», чтобы возродиться в новом статусе. В. С. Полосин считает, что «политический ритуал направлен на то, чтобы обычный человек, которого все знают как Ивана Петровича, отрекся бы от себя и как бы умер. В религии это должно символизироваться ритуальной смертью, в политической мифологии это символическая смерть и воскресение в образе того мифического прототипа, которого политик изображает» (Полосин 1997).

В конце Герой прибывает домой в качественно новом статусе и новом образе. Обычно героический миф заканчивается свадьбой, что символизирует окончательную победу Героя. Становясь мужем или монархом – герой приобретает качественно новый социальный статус, что предполагает большую ответственность. Многие примеры из различных цивилизаций и различных эпох говорят об универсальном Великом человеке. Обозначая идеал цельности и завершенности, этот символ часто представляется как бисексуальное существо. В сказке свадьба символизирует слияние мужского и женского, что символизирует целостность героя. Придя к власти, политик на символическом уровне вступает в брак с Родиной, страной. В этом случае может быть использован архетип Родины (Цуладзе 1999, 149).

В современной политике конечной целью победившего зло героя становится высокий рейтинг или приход к власти. Все сказанное дает основание представить вышеописанную модель следующим образом:

Данный мифологический сюжет показывает политику достойный образ действия, позволяющий ему одновременно оставаться самим собой.

Рис. 2. Мифологизация политического лидера

Главной особенностью психологического воздействия имиджа на психику избирателя основывается на такой его особенности, как целостность. Психологическое воздействие данной модели на сознание и подсознание электората также обусловлено ее целостностью. В психологии целостный образ обозначается понятием гештальт. Это – специфическая организация частей, составляющих определенное целое, которую нельзя изменить без ее разрушения. Если в предложенной модели отсутствуют некоторые обязательные элементы, то гештальт будет незавершенным, и его психологическое воздействие не будет столь эффективным. По принципу Вертхаймера – Мюррея сознанию человека и его мышлению свойственно сомнение, вызванное незавершенностью возникающих образов. Именно поэтому при формировании стратегического образа политика необходимо использовать все описанные элементы модели мифа следующим образом.

2

Миф – это персонифицированное желание группы, исходя из этого мифологическим героем массы признают того, кто в наибольшей степени соответствует актуальному на данном этапе мифологическому прототипу. В условиях военной нестабильности таким прототипом может стать Герой-защитник, в условиях экономической нестабильности – Царь-кормилец. Первый шаг планирования состоит в выборе того мифического прототипа, которому политический лидер будет соответствовать, исходя из ожиданий и потребностей масс. Нами был проведен опрос, в котором приняло участие 500 человек, целью которого было определение актуальных характеристик героя на конкретном историческом этапе в Армении. Источником формирования прототипов национального лидера являются деятельность действующего президента, наиболее важных политических лидеров прошлого, социальные и экономические ценности, традиции, деятельность СМИ и т.д. В результате

этого стандарты оценки политиков могут быть универсальными, локальными, культурно обусловленными.

Указанное исследование и анализ его результатов дал возможность вывести следующие характеристики Героя: 1) смелый, бесстрашный; 2) человек с большой силой воли; 3) борец за справедливость; 4) спаситель, борец с врагами; 5) защитник родины и народа; 6) мудрец.

Результаты, полученные путем опроса подверглись количественному и качественному анализу. Качественный анализ был реализован путем сопоставления полученных в результате экспертного опроса качеств идеального политика, представленных в таблице с героическими качествами.

Таблица 1

Ранговый номер		Свойство	Количество баллов
1	1	Защита родины и народа	80
2	2.5	Уравновешенность	76
3	2.5	Сильная воля	76
4	4.5	Способность правильно и красиво говорить	74
5	4.5	Гибкость	74
6	6	Борьба с врагами народа и государства	72
7	7.5	Способность скрывать собственные эмоции	70
8	7.5	Способность принимать правильные решения	70
9	9.5	Мудрость	66
10	9.5	Обладание харизмой	66
11	12	Прохождение трудного жизненного пути	64
12	12	Преданность семье	64
13	12	Справедливость	64
14	14.5	Высокий интеллект	62
15	14.5	Общительность	62
16	16.5	Физическое здоровье	60
17	16.5	Готовность жертвовать своими интересами ради интересов общества	60
18	18	Добропорядочный христианин	56
19	19.5	Обладание приятной внешностью	54
20	19.5	Олицетворение национального героя	54
21	21	Честность	40

В процессе анализа результатов каждому из приведенных свойств присваивался ранг, в зависимости от полученных баллов. В случае, если несколько свойств были оценены одинаковым количеством баллов, для данных свойств был высчитан средний ранг с помощью приведенной формулы «проверки одинаковых рангов».

Как видно из приведенной таблицы, экспертные оценки на первое место поставили мифологическую характеристику имиджа политического лидера, а именно, «Защита родины и народа». Как уже было показано выше, в образе Героя опрошенные также выделяли это качество как одно из основных. Помимо этого, на одной из высших ступеней оказалась еще одна героическая характеристика – «Противостояние (борьба) врагам народа и государства», что также было выведено как неотъемлемая часть героического образа. С другой стороны, на предпоследнее место было поставлено качество «Олицетворение национального героя», что дало основание утверждать, что мифологические черты, которые выделяются в имидже политика, предполагают эмоционально-психологическое воздействие, и имеют скорее бессознательную основу. Идеальный политик в представлениях экспертов также должен обладать большой силой воли, что опрошенные нами также приписывали образу героя. На последнее место эксперты поставили качество «честность», объясняя это тем фактом, что честность только вредит политикам и «Идеальный политик, не будучи честным, должен восприниматься таковым избирателями» (участник фокус группы, депутат Н.С., 55 лет). Высказывание эксперта различает свойство личности и имиджевую характеристику. О том же говорил Н. Макиавелли в своем труде «Государь»: «Государю нет необходимости обладать всеми названными добродетелями, но есть прямая необходимость выглядеть обладающим ими. Дерзну добавить, что обладать этими добродетелями вредно» (Макиавелли 2007, 121).

Восприятие национального лидера почти тождественно мифическому. Таким образом, условием легитимизации политического лидера в качестве национального вождя является соответствие его личности мифологическому прототипу.

3

Через СМИ навязывается массам видимость проблемы, тем самым интенсифицируется негативное эмоциональное состояние тревожности, фрустрации, и затем рассказывается о лидере, который благодаря своим личностным качествам и способностям сможет ее решить. В данном случае используется сценарий «проблема-решение» – один из основных способов соединения положительной и отрицательной стимуляции. Особенность его состоит в том, что он не исходит из готовых потребностей избирателя, а включает в себя формирование данных потребностей. Сначала формируется проблема, которая может поставить под угрозу благополучие, мир, потребность безопасности человека и т.д. Желание разрешить проблему и избавиться от угрозы образует негативный стимул, под влиянием которого у избирателя возникает потребность в разрешении проблемы. Таким образом у личности

актуализируется потребность, которая до этого не была актуальной. Удовлетворенные потребности воображения не рождают, а если человеку чего-то недостает, в его сознании возникают образы как недостающего предмета, так и путей к обладанию им. Гештальт-терапия демонстрирует, что для поддержания гомеостаза, личности необходимо осознание и удовлетворение своих потребностей, в данном процессе все остальные, не связанные с удовлетворением объекты или события, становятся второстепенными. Гештальт-образования возникают только на каком-то фоне. Мы выбираем из фона то, что важно или значимо для нас. В случае политического мифа из созданного фона множества политиков мы выбираем того, кто, по нашему мнению, способен предложить пути удовлетворения значимых на данный этап потребностей. Обозначив проблему, нужно тут же предложить способ ее решения – избрать данного кандидата. Этим создается позитивный стимул, который предопределяет «правильный» выбор избирателя. Именно возможностью создания новой потребности и обусловлено психологическое воздействие данного этапа.

1. Желательно, чтоб политический лидер заручился поддержкой авторитетной в данном обществе личности или партии, т.е. на данном этапе планирования стратегии задействованы символы-персоны, референтные для конкретной целевой аудитории личности. Кандидата может выдвигать популярный в народе лидер или партия. Свидетельство (*testimonial*) рассматривается в качестве одного из самых популярных методов придания объекту дополнительной ценности. Используя этот метод, политическая пропаганда «обогащает» социальную значимость имиджа объекта и использует при этом психологический прием прямого совета, играющего первостепенную роль в процессе внушения. В качестве таких людей могут выступать: эксперты в области политики; знаменитости – популярные, пользующиеся авторитетом и любовью публики люди; рядовые избиратели, случайно опрошенные люди из толпы. Все три категории людей могут в ракурсе исследуемой нами проблемы применения мифа рассматриваться в качестве волшебных помощников.

Четвертый этап планирования демонстрирует образ врага, который повинен в возникновении данной проблемы и которого кандидат-герой должен победить. Согласно гештальттеории мы организуем свое восприятие окружающего мира через противоположности. Именно противоположности могут формировать и завершать гештальт. Т.е., если в имиджевой стратегии кандидата нет указания на Врага, гештальт не будет завершенным, что еще раз подтверждает мысль о целостном психологическом воздействии предложенной модели (Рудестам 1990). Через созданный образ врага манипулятор может воздействовать и на мышление, и на эмоции. В зависимости от того, какие конкретные цели преследуют политики, преднамеренно формируется либо образ внешнего, либо внутреннего врага. Создание негативного образа

врага должно учитывать основные законы восприятия образов. Одним из важнейших психологических механизмов манипуляции политическим восприятием является апелляция к эмоциональной сфере личности. Во-первых, обращение к эмоциям не требует никакого рационального обоснования своих аргументов, к тому же любые образы, связанные с сильными эмоциями, надолго задерживаются в памяти людей. При создании образа врага должны быть использованы такие эмоции, как страх, ненависть, презрение, смятение. «Более чем любое другое чувство, ненависть деперсонализирует личность реципиента, снижает цензуру ранее усвоенных индивидом социальных норм и ценностей» (Кошелюк 2004, 153). В типологии потребностей, разработанной А. Маслоу, который различал пять основных типов потребностей, потребность в безопасности стоит на втором месте. Именно через манипуляцию данной потребности и строится образ врага, который воспринимается как угроза личностной и общественной безопасности. Линия противопоставления Герой-Враг, однако, не станет мифом, если в ней не заложен образ будущего.

2. На данном этапе наиболее эффективным манипулятивным средством является употребление биографических политических реклам, а именно с помощью СМИ рассказывается, как нелегко политику дается выбор данного пути и как многим он пожертвовал ради идеи привести народ к светлому будущему. Т.е. на бессознательном уровне идет своего рода указание на обряд инициации, которая завершается символической смертью и возрождением в новом статусе.

3. После того, как указана проблема, враг и остальные описанные нами элементы мифа, изменившийся политик, который вызвался устранить проблему, победить врага и привести народ к светлому будущему, может восприниматься в образе героя, т.е. избиратель узнает в нем того, кто ему необходим. Этот этап требует конкретных действий имиджмейкеров лишь с точки зрения работы над габитарным имиджем, изменение которого должно так же служить для опознания героя. Психологическое влияние данного этапа планирования имиджевой стратегии основано на следующей психологической закономерности: одной из характеристик человека, определяющих положительное отношение к нему другого человека, является его привлекательный габитарный имидж.

4. Последний этап, который на рис. 1 представлен как свадьба, на рис. 2 – как приход к власти, не требует конкретных действий со стороны мифотворца и указан лишь как своего рода цель политической кампании. И так, обобщение результатов позволяет утверждать, что образ идеального политика несет в себе характеристики образа Героя, и следовательно наиболее эффективным окажется имидж того политика, который на подсознательном уровне будет восприниматься избирателями именно в данном образе. Однако внедрение образа политического лидера в мифологический контекст имеет свои

специфические особенности, в основе которых лежат этнопсихологические закономерности, так как у каждого народа существует свой набор героических образов.

Библиография

- Асриян, Э. В. (2015), Этнический миф как составляющая имиджа страны. В: Брендинг малых и средних городов России: опыт, проблемы, перспективы. Екатеринбург, 8–11.
- Зинкевич-Евстигнеева, Т. Д./Грабенко, Т. М. (2001), Практикум по креативной терапии. Санкт-Петербург.
- Кассирер, Э. (1998), Избранное. Опыт о человеке. Москва.
- Киклевич, А. К. (2015), Политическая пропаганда в современных российских СМИ: эпистемологический аспект. В: *Przegląd Wschodnioeuropejski*. VI/2, 179–200.
- Кошелюк, М. Е. (2004), Технологии политических выборов. Санкт-Петербург.
- Лебон, Г. (2011), Психология народов и масс. Москва.
- Макиавелли, Н. (2007), Государь. Харьков.
- Мелетинский, Е. М. (1990), Мифологический словарь. Москва.
- Полосин, В. С. (1999), Миф. Религия. Государство: Исследование политической мифологии. – 2 изд. – Москва.
- Пропп, В. (1986), Исторические корни волшебной сказки. Ленинград.
- Рудестам, К. (1990), Групповая психотерапия, психокоррекционные группы: теория и практика. Москва.
- Савельев, А. (2003), Политическая мифология. В: <<http://savelev.ru/books/content/?b=4>>.
- Цуладзе, А. (2003), Политическая мифология. Москва.
- Элиаде, М. (1996), Аспекты мифа. Москва.
- Юнг, К. (2004), Душа и миф. Шесть архетипов. Минск.

LIUDMILA BAEVA

Astrakhan State University & Saint-Petersburg State University

VALUES OF MEDIASPHERE AND E-CULTURE¹

KEYWORDS: values, existential axiology, media-culture, e-culture, freedom, personality

ABSTRACT: The article focuses on the axiological aspects of consciousness under conditions of the development of contemporary media culture and e-culture. Relying on theories of media-philosophy the author considers the media as a main factor of the determination of human value in the information society.

The research is aimed at eliciting the peculiarities of modern media culture in the context of an existential and axiological approach that enables the determination of the effect the development of the mediasphere in modern culture has on the world of human values. In this case, media (mediasphere) is understood in its broad sense as a sphere of electronic communication with diverse forms of appearance and electronic mass media, generating the global information space. The author suggests the analysis of the penetration of communication e-culture (and its forms) and media-culture. The author argues that the values of media-culture (freedom, personality orientation, pragmatism, and other) developed under the conditions of information and ethic pluralism, which give a person more responsibility of spiritual choice.

1. Introduction

Currently, we take the formation of the modern media-culture as a given and an established fact, but it is, at the same time, a continuous process in which new cultural phenomena and forms, coming within this general definition, are arising. The mediasphere comprises diverse phenomena, such as real and electronic mass media, the Internet, social networking web-sites, forums, etc. that mediate the information transfer between individuals. Modern media are found to be the sphere influenced by such factors as the development of information technology, electronic culture, the peculiarities of the society of consumers and services, the strengthening and expansion of human rights, etc. Media culture as a dynamic phenomenon in the dynamic environment is influenced by the epoch and becomes in turn a source of new opportunities and challenges for individuals. In this context, there is a need to study the interaction of such important phenomena in the information world as electronic culture and media culture and identifying the forms in their interaction.

¹ This study was supported by the Russian Scientific Foundation under Grant Project No. 16-18-10162, Saint-Petersburg State University.

Understanding the place and peculiarities of media culture will enable researchers to demonstrate what effect it has on the formation of contemporary world views and value systems now.

The paper is aimed at conducting axiological analysis of media culture and describing the general characteristics of human values that are developing under its conditions. I would like to specify that I am referring to the philosophical analysis of values rather than the sociological one that makes it possible to bring to light their essence and forms of manifestation, meanings and their importance for culture in general.

Applying existential and axiological analysis, I am providing the analysis of human values related to the influence of information and media technologies on a person. It makes it possible to show to what extent modern individuals are free or depend on the information media reality and how their world views and rationality change.

2. Literature Review and Methodology Approach

In the methodological aspect, two considerable groups of sources should be noted which affect this research, namely, the theories on the problems of the information age, electronic culture and the theory in philosophy of media culture. The understanding of values which represent the subject of the paper is methodologically based on the author's theory of existential axiology provided in my previous papers.

To start with, I wish to point out that the studies of the issues of the development of information culture have become a principal megatrend in socio-humanistic sphere and in the contemporary science. The researchers of the information age, D. Bell, A. Toffler, P. Drucker, M. Castells, J. Naisbitt and others, have already engaged in the issues of studying the influence of information technology on culture, society and human beings. The development of society and individuals in the age of high technologies has been analyzed by J. Habermas, N. Luhmann, U. Beck, R. Barthes, J. Baudrillard, P. Bourdieu and M. Epstein in terms of a socio-cultural approach. Within recent decades scientific centers were organized that study the general issues of the development of the information society as well as several specific aspects of this subject, e.g. the development of e-culture, Internet-communication, the ethics of the information society, etc. Thus, the scientists of the University of Milan headed by A. M. Ronchi (2009), Virtual Maastricht McLuhan Institute (Netherlands), study the problems of the development of electronic culture. These studies have greatly influenced the author's research, representing the theoretical basis for further development of the ideas.

The analysis of the specific character of e-culture should be started with a definition of this concept, as it is polysemantic and its content requires specification. 'Electronic' means the representation in a digital form. E-culture first was mentioned at the end of the 1990s. According to the European tradition, e-culture was originally understood as a form of cultural heritage preservation (Ronchi 2009) and also as some opposition to e-commerce. Later, the term was used for the notion of different objects having electronic or other digital form. Currently, 'e-culture' is an interdisciplinary concept having connotations in philosophy, cultural studies, sociology, political science, economics and, of course, in the field of information technology. Its subjects and creators are scientists, programmers, artists, representatives of mass media and average users of information systems, creating electronic forms of self-representation and self-manifestation in the global network of the Internet by the means of technological facilities.

A great amount of research over the past 50 years has been devoted to the study of the media problem that has caused the formation of new branches of knowledge, theories, concepts and categories. M. McLuhan, M. Castells, C. Wulf, D. de Kerkhof, M. S. Contrer, Z. Kramer, R. Margreiter, D. Mersch, S. Münker, M. B. N. Hansen, L. Engell, V. V. Savchuk should be mentioned as major researchers, studying the problems of media culture and working out socio-cultural, philosophic, humanistic, ethical, esthetic and interdisciplinary aspects of studying the mediasphere.

Contemporary researchers have the same opinion that under the conditions of the electronic culture development, information technology has become a major factor in the development of the social environment and the vital world of a person. Furthermore, the means of communication or media become moderators of thought and world view. According to M. McLuhan, the media is now a background and habitat of individuals where they themselves become media, passing through themselves the flow of messages, data and various information and facts. He considers that media environment covers all artifacts, excluding, perhaps, only natural objects (McLuhan 1992). In the information age, the media background is getting more and more obvious and is declaring its presence and influence. M. McLuhan emphasized the three most important properties of the media environment: emergence, inconspicuousness and permanent variability. Media produce energy of an unprecedented scale, creating meanings and images, structures and patterns, ideas and values. Under modern technological conditions, the media culture is constantly changing and takes new forms (blogs, networks, chats, forums and other). In the view of V. Savchuk, as a researcher of media philosophy problems, media becomes not only a background but also us, changing our consciousness and rationality (Savchuk 2013). Following these researchers, it is possible to state that media develop into a source of cultural coding and modeling of consciousness and play a key role in forming a special type of rationality and valuable reference points of a person.

The term 'values' is of importance for this research and also needs to be made more precise as it is polysemantic and is differently interpreted. In terms of an existential and axiology approach, I understand *values* as significant dominants of life and consciousness of human beings, contributing to the solving of human existential problems (Baeva 2012). The theories by M. Heidegger, J.-P. Sartre, V. Frankl and N. Abbagnano influenced the formation of my conception of existential and phenomenological axiology in different ways. According to the existential-axiology approach, a value is a meaningfully-significant purpose of existence while the appraisal is a phenomenon of the individual's attitude to subjects in the context of the revelation of positive or negative qualities and characteristics. Values, being the base of the person's world view, have creative functions: they are able to bear influence on the external world, and become a response to the life challenge and the absurdity of existence without appraisal, estranging one from a subject like the pieces of spiritual work. In this context value is a dominant of the consciousness and existence, directed at the achievement of the ideal objective reality, creatively influencing the person's inner development and visual environment by filling them with meaningfulness and sense.

Therefore, this study is based on the methods and theoretical positions of media-philosophy, the theory of E-culture and existential axiology.

3. E-Culture and Media-Culture

First of all, it is essential to focus on studying the general background of the conditions in which media culture has been developing. The rapid growth of information technology started in the late twentieth century and resulted in the formation of the information technology conditions in which communication and information transfer started to play a paramount role. This process was accompanied by the development of post-modernism that appeared as a sort of philosophy of the epoch of the boosted personalism and pluralism. In his work "Postmodern Media Culture", Jonathan Bignell demonstrated in detail the interplay and relationship between the theories of the postmodern and contemporary media institutions, products and consumers (Bignell 2007).

The post-nonclassical type of thinking and cognition, associated with the plurality of options to achieve the truth, plurality of forms and methods of cognition, attitude to uncertainty and openness of the difficult systems as objects of cognition, the creation of nonlinear determinations of their dynamics, the refusal of a dialectic development model and the transition to the model of stage transition from the chaos genetics to a structure genesis, etc., acquires the characteristics of paradigm. At the same time, the post-modernist interpretation of knowledge was established in Western culture allowing each subject to have their own truth as a point of view,

interpret the laws of the universe as a game, refuse to look for sense and enjoy feelings, and consider one's own ego above all scientific theories and political ideologies. Within the last three decades of last century, those projects and that mentality had ups and downs. During that period, the world entered the information age which has since made its own modifications to cognition and everyday practices, however, the reference point on pluralism and personalism has remained principle in the value system of the age.

Under the conditions of the information age, a new type of culture, involving the creation of digital objects, i.e. e-culture, has actively been forming since the beginning of the twenty-first century. The first steps of the e-culture studies were taken in understanding e-culture as a form of cultural heritage preservation (Ronchi 2009); in the modern treatment, its area has considerably extended.

Nowadays, I am studying e-culture or digital culture as a new sphere of human activity, associated with the creation of the electronic copies of real cultural objects as well as the creative work of the virtual objects of science, communication and art. E-culture includes the results of the activity and communication of a human under the conditions of information technology implementation, characterized with creating free information space, a virtual form, a distant technology, and content liberality. E-culture comprises the following phenomena: first of all, electronic forms of modern communication (Internet, cellular communication and smartphone applications, social networking sites, virtual communities, chats, blogs, web-forums, and web-sites), electronic cultural heritage (on-line museums, galleries and exhibitions), on-line education, electronic reconstruction of cities and objects of cultural heritage in their historical and spacial perspective, computer games including network games, electronic mass media (on-line magazines and newspapers), digital modern art (animation, photography, cinema, music and advertising, created by means of advanced information technology), electronic reference systems (archives, encyclopedias, dictionaries and libraries), and information programs (security, forms of data security, etc.).

There are two main types of e-culture phenomena: firstly, the electronic form of real cultural objects like their digital analogues (e.g., online museums, e-libraries, e-exhibitions, e-education, etc.); secondly, electronic cultural objects in a form and essence (computer games, social networking sites, Internet, digital art pieces, etc.). The manifestations of these forms are mostly similar and interconvert. The culture that is electronic in a form and essence is the extension and development of a 'real' culture that has become electronic in a technological form (to keep its importance and competitiveness).

Under the conditions of the information age, media culture is the extension of the electronic culture development and exists in diverse forms of communication and information transfer; primarily, this is e-mass media, the Internet, and social networking web-sites (see figure 1).

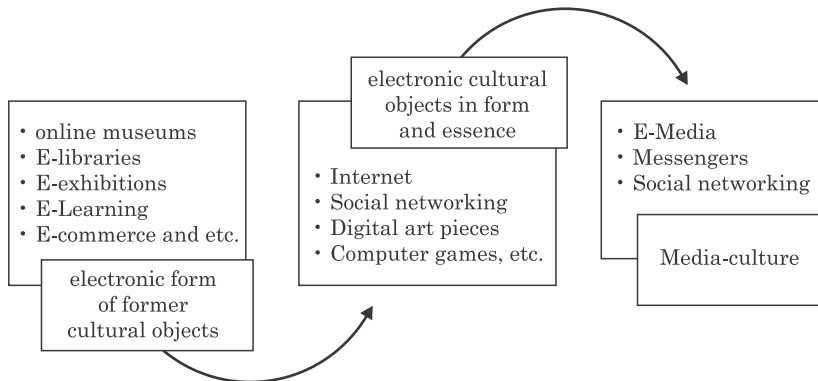

Figure 1. E-culture and media-culture

When information technologies are public and of a global scale, media culture turns into the greatest source of influence on individuals, coding and modeling their world views, valuable reference points, aspirations, ideals and behavioral stereotypes. Media culture proves to be the sphere of the electronic communication which has a real effect on individuals from the first years of their lives despite its virtual form. As even children are currently dipped into the information culture, both their families and real people surrounding them, as well as media characters, the heroes eliciting a strong emotional reaction and having a bright visual effect, are found to be the most important moderators of their first images and value systems. The visual media culture in which a modern person develops is the manifestation of electronic culture in a technological form. As for its meanings and reference points, they are mostly linked with the modern post-nonclassical age in which the cult of freedom, personality, pluralism, consumption, etc. resides.

What are the values of a person and the society in the world of the media culture?

4. Axiology Aspects of Media-Culture

To a large extent, Freedom remains a key ontological value of individuals under the information age which becomes “freedom from” manipulations and control, grounded on the unavailability of access to reliable information and “freedom for” getting opportunities to produce information, to be its source on a global scale and to choose significant things for themselves in a flow of the arriving information. The electronic and media sphere provides a modern person with the information sources that were not available earlier and new tools for creative work. Therefore, the implementation of creative ideas and research projects becomes available and effective as never before. In the context of media culture, freedom is primarily

the freedom of access to reliable and full information which frees a person from external manipulations and self mistakes. The value of an open access to this information is supported by the strategies and recommendations for the development of the information society, adopted at international (Recommendation 2003) and national levels, e.g. the 'Strategy of the information society development till 2020' is in effect in the Russian Federation now; thus, "Recommendation Concerning the Promotion and Use of Multilingualism and Universal Access to Cyberspace" of UNESCO, that decelerated 'the development of new information and communication technologies' (ICTs) provides opportunities to improve the free flow of ideas by word and image but also presents challenges for ensuring the participation of all in the global information society' (Recommendation 2003). Currently, these rates are approaching 100 per cent in the developed countries whilst the African countries are considerably lagging behind. The elimination of this gap is a priority of social and information development. In this regard, a value had both existential and socio-political context in the individualistic cultures (according to the classification by G. Hofstede), in new conditions it is supplemented with the freedom of information (Hofstede 1991). In collectivistic cultures, the value of freedom has a high position in the existential and ethical context but it is not expressed in the social and political contexts. The value of the freedom of access to information or its creation is a topical problem in this case as a government censors and controls the information. For example, in China and other countries censorship is imposed on the content of web-sites, social networking web-sites and messengers; in Iran, Cuba and North Korea, all the messengers, social networking web-sites and the content of web-sites are blocked; Facebook is banned in Vietnam; Pakistan, Tajikistan, Sudan, Syria, etc. have banned some web-sites and networking services (Strany 2014). In Russia, the access to web-sites is not limited now, although legal censorship and a certain control over the Internet information do take place. In the countries where socio-political and legal freedom was not the value of the culture or a person, the value of information freedom has not been implemented in full so far, however, its relevance as an aspiration and ideal are rapidly developing.

The value of personality, personalism, and the priority of the individual over the social acts is the most important anthropological value of the modern media culture. (The most important anthropological value of the modern media culture is the value of personality, personalism, and the priority of the individual over the social.) Personal feelings, experiences, significant and insignificant events and thoughts are presented owing to the social networking web-sites and Internet communication on an equal basis with global events. On the one hand, individuals assert their rights – the right to freedom of expression and freedom of press (including the electronic one) and on the other hand, they become extremely isolated, even autonomous, despite virtual communication all round. A person is brought up by the media culture as privileged, special, unique and worthy of special attention.

In the most extreme forms of expression, personalism passes into egocentrism and narcissism when the super-value of “I” can become deviant and pathological.

The own experience associated with the confidence in the possibility to acquire knowledge independently develops into an important cognitive value of a person. “Point of view” is getting more valuable than truth; private opinion is more valuable than accumulated book knowledge and facts. However, the pluralism of opinions and attitudes does not mean that they are the result of rational reflection. More likely, this is a cognitive paradox, a person strives for their own originality in views which are in fact the sum of the compilations received from different sources. In the age of media culture, a special type of thinking and cognition, based on the dominating role of information mediators, is forming; in this case the created images and ideas are not the product of own cognition or appropriation of knowledge produced by another person but the result of obtaining the information, accepted without reflection and created by an abstract (over-individual) subject or an anonymous programmer. If the information is absorbed by a subject without the reflection and critical processing or checked for logic and reasoning, is it a rational practice? At first sight, it is not; more likely it is similar to an irrational style of thinking, having its origins in the belief and trust in an authority, citing a source, reasoning by a precedent, etc. In this case, it is relevant to discuss the pseudo-religiousness or mythologiness of modern culture and thinking, formed by media and e-culture. Nevertheless, the information, taken as read, is super-significant and acquires value for religious and mythological consciousness owing to its highest transcendental origin. In the information media background, a person receives flows of the information which does not acquire the status of valuable information as it is constantly changing, on the one hand, and its source does not possess the sacral status. In this regard, subjects have to decide by themselves whether the information is important or insignificant, proceeding from the capabilities and needs of their personalities, identities and offered options. Jean-Paul Sartre believed that ‘man is condemned to be free’ and I have to add today: ... including the opportunity to choose the information. The choice can consist in denial of the reflection and sponge-like absorption of the acquired information. It is the way described in existentialism as *objectivation*, which shows itself in the conditions of the modern world in the form of a virtual, networking and collective way of life and reality perception. The rationality of the subject as an element of networking and objectified society shifts towards standardization and argumentation simplification, restricting all models of thinking to standard Challenges and Responses.

The most important feature of the information transferred by the modern media, in contrast to the mainly printed and verbal media of the “classical” period, is its visual form. The dominance of a visual form over sense and content has turned into one of the specific values, generated by the age of the media and electronic culture. The transfer of both scientific and private information does not go without

esthetic and visual expression, modeling, and simulation. The forms of visualizing meanings are popular among all social and professional groups. Verbal communication is replaced with an exchange of images and pictures imitating feelings and emotions but simplifying them to an elementary level. The luxury and complexity of the technological format of visual forms does not make their sense and content more complicated. On the contrary, the modeling of virtual images aims at evoking the strongest emotional experience of a recipient and simplifying memorization and perception. The visualization is closely connected with the aestheticization of the routine. To apply S. Kierkegaard's concepts, 'aesthete' has finally defeated 'ethicist'. The cult of pleasure, including the pleasure from beauty and sensibility, reached this unprecedented scale thanks to information technology. In the media sphere, it is expressed by the aspiration to evoke strong emotions of individuals, to draw their attention by feelings of pleasure or fear. The emotional and moral feelings are excluded as they lead a person to stress and complicate the life that is already hard. Hedonism distinguishes a modern subject from a "classical" one, oriented around service, work or fulfillment of duty. Modern individuals are convinced that they live to rest and enjoy and if they do not experience this, it is necessary to improve things immediately. The life of modern individuals cannot be imagined without various goods and pleasures anymore; it is some kind of 'festival' culture, oriented on an everlasting holiday. The media culture sends a person the central message – to be successful and enjoy life. Under these new conditions, visualization and hedonism complement each other. F. Nietzsche would more likely be pleased that the Apollonian type of culture is exhausted, and has given way to the Dionysian type, liberating sensibility and giving pleasure from life in exchange strictly to know its truths.

At the same time, there is one more essential feature of the modern media culture – pragmatism and utilitarianism. The modern media technologies, from entertaining to training and scientific, are subordinated to practical or commercial purposes. Media culture is typical for the age of consumerism, consumption and overconsumption. The society serves the paradigm of selling various services and goods which are often excessive for people and "high technologies" of controlling consciousness and behavior of human beings are required to convince people that there is a need to buy them. André Jansson stated the interrelation between the media culture and the development of a consumer society, having specified the visual nature of media as an important factor of their proximity. He pointed out that image culture is a socio-cultural state in which media images and media-influenced commodity-signs are to an increasing extent used as sources for, and expressions of, cultural identity (Jansson 2002). Media plays a crucial part in this case, performing commercial purposes among others.

Electronic communication, permanent transfer of emotions, ideas, and images filling the vital world of a person, becomes the key value of the age of media. It is brightly proven by the development of such a mass phenomenon as social networks

which have supplemented real human communication with remote facilities. The rate of social network users is growing annually. The 2016 survey of the foundation “Public Opinion” shows 87 per cent of Russians are users of various social networking web-sites (Fond 2016). At the same time 37 per cent of the users log into the social networking web-sites several times a day to communicate or acquire information. It demonstrates that a need for the acquiring and transferring of information and permanent virtual communication is developing in the society. In this regard, the progressive replacement of the real communication with the virtual interaction, which is modelled by human beings and requires less responsibility and empathy from them, is a trend of the information age. The system of human values under media culture can be shown as a scheme (see figure 2).

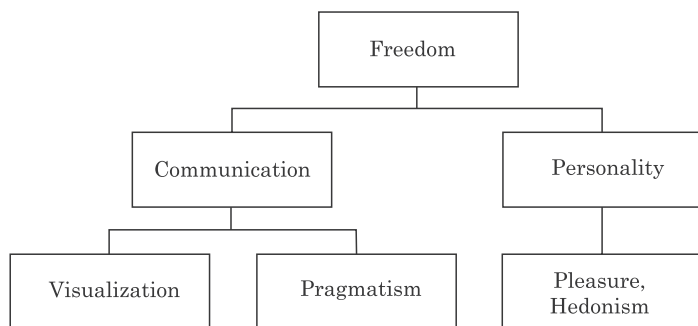

Figure 2. The system of human values under the conditions of media culture

Globality and blurring of status, spatial and language borders are becoming the features of virtual communication. At the same time, it differs in monolog, one sidedness and the aspiration to ‘speak’ but not to listen. For individuals media is the main method of manifestation in the world. Such communication is used for the manifestation of oneself and a form of enjoying the subsequent attention and the growth of own public assessment rather than transcendence, the way to “Another”. Virtual communication is also distinguished by narcissism, special attention to oneself, own needs and interests, which are known by everybody at once, and a need to have a mass audience for transmitting thoughts and feelings to. The style of communication as an end in itself is characteristic for the virtual communication: the vast part of information does not comprise qualitatively new content; communication turns into a form of pleasure, entertainment or search for new friends, clients and buyers. In the course of virtual communication, the media are not simply mediators but also full participants in the communication; they find their way to present the information, the nature of interpretation, a visualization form, etc. By means of electronic media, the communication represents a mass exchange of information, assimilating a person to a transmission device, who then turns into a mediator of a uniform Network.

5. Conclusion

I can draw the following conclusions from my above presented ideas. Under the information age, media develop into a form of individuals' existence (they become media), the moderators of their perception and thinking. Along with this, media act as a form of transcendence of individuals to the world and manifestation of their own Ego for Another.

The modern media culture contributes to the assertion of one of the most important human values – freedom. This freedom takes new shapes, primarily, associated with an unlimited access to information. Acquiring information becomes a relative value while the opportunity to receive it by means of media – an absolute one.

The modern epoch is closely linked with the value of personality and personalism which become transmittable from individualistic cultures to collectivistic ones owing to the media sphere.

The values of the age of media culture shift in the direction of such reference points as visualization, hedonization, and pragmatization. However, the rationality crisis of critical and creative activities of mind is not all-round.

The transition from verbal perception of the information to symbolic and visual promotes, on the one hand, the simplification of its values and meanings, and on the other hand, strengthens emotionality and expands the range of feelings. The role of an intellectual and critical factor weakens and the role of emotional and sensitive amplifies in a worldview.

By means of electronic media, the virtual communication turns into the major value and factor of the modern individuals' socialization and their adaptation to the information space. It gradually acquires the status of a need and dependence. At the same time, its considerable part is not spontaneous; it is controlled and linked with economic purposes.

The study of media still has a significant amount of uncovered issues and the constant variability of this sphere requires a regular situational analysis. Studying the rational and irrational, individual and over-individual, verbal and symbolic aspects of this type of thinking which fits into the modern information and media epoch is the most perspective.

References

- BAEVA, L. V. (2012), Existential Axiology. In: *Culture. International Journal of Philosophy of Culture and Axiology*. 1 (9), 73–85.
- BAIER, K. (1973), *Concept of Value. Value Theory in Philosophy and Social Science*. New York.
- BIGNELL, J. (2000), *Postmodern Media Culture*. Edinburgh.
- BRUMBAUGH, R. S. (1972), Changes of Value Order and Choices in Time. In: *Value and Valuation. Axiological Studies in Honor of Robert S. Hartman*. Knoxville.

- CAPURRO, R. (2006), Towards an Ontological Foundation of Information Ethics. *Ethics and Information Technology*. 7 (4), 175–186.
- CASTELLS, M. (1997), *The End of the Millennium, the Information Age: Economy, Society and Culture*. Vol. 3. Cambridge.
- Diagnostic and Statistical Manual of Mental Disorders (DSM-5). In: <<http://www.dsm5.org/Documents/Internet%20Gaming%20Disorder%20Fact%20Sheet.pdf>> [Accessed on April 20, 2016].
- FRONDIZI, R. (1971), *What is Value? An Introduction to Axiology* by Risiery Frondizi. Illinois.
- GIDDENS, A. (1995), *The Consequences of Modernity*. Cambridge.
- GILBERT, R. L./MURPHY, N. A./ÁVALOS, C. M. (2011), Communication Patterns and Satisfaction Levels in Three-Dimensional Versus Real-Life Intimate Relationships. In: *Cyberpsychology, Behavior, and Social Networking*. 14 (10), 585–589.
- HADDON, L. (2004), *Information and Communication Technologies in Everyday Life: A Concise Introduction and Research Guide*. Oxford.
- HANSSON, S. O. (2001), *The Structure of Value and Norms*. New York.
- HARTMAN, R. S. (1973), Formal Axiology and the Measurement of Values. In: *Value Theory in Philosophy and Social Science*. New York: Gordon and Breach.
- HELLER, P. B. (2012), Technoethics: The Dilemma of Doing the Right Moral Thing in Technology Applications. In: *International Journal of Technoethics*. 3 (1), 14–27.
- HOFSTEDE, G. H. (1991), *Cultures and Organizations: Software of the Mind*. London.
- JANSSON, A. (2002), The Mediatization of Consumption: Towards an Analytical Framework of Image Culture. In: *Journal of Consumer Culture* 2. I, 5–31, DOI: 10.1177/146954050200200101.
- KALLENBERG, B. J. (2001), *Ethics and Grammar: Changing the Postmodern Subject*. Notre Dame.
- LEVINAS, E. (1979), The Contemporary Criticism of the Idea of Value and the Prospects for Humanism. In: *Value and Values in Evolution*. New York.
- MASLOW, A. (2002), *The Psychology of Science: A Reconnaissance*. New York.
- MASUDA, Y. (1983), *The Information Society as Post-Industrial Society*. Washington.
- MCLEAN, A. (2011), Ethical frontiers of ICT and older users: cultural, pragmatic and ethical issues. In: *Ethics and Information Technology*. 13 (4), 313–326.
- MCLUHAN, H. M./MCLUHAN, E. (1992), *Laws of Media: The New Science*. Toronto.
- RABAN, D. R. (2009), Self-Presentation and the Value of Information in Q&A Websites. In: *Journal of the American society for information science and technology*. 60 (12), 2465–2473.
- Recommendation Concerning the Promotion and Use of Multilingualism and Universal Access to Cyberspace., (2003) In: <http://portal.unesco.org/en/ev.php-URL_ID=17717&URL_DO=DO_TOPIC&URL_SECTION=201.html> [Accessed on February 2, 2016].
- ROCCI, L. (2012), *International Journal of Technoethics (IJT): An Official Publication of the Information Resources Management Association*. Ottawa.
- ROGERSON, S. (1998), Social Values in the Information Society. In: *FTI Annual Report, Forum of Information Technology*, Milan.
- RONCHI, A. M. (2009), *E-Culture*. New York.
- WHYBROW, P. (2012), Manic Nation. In: <<http://www.psmag.com/health/manic-nation-dr-peter-whybrow-says-were-addicted-stress-42695>> [Accessed on November 23, 2012].
- САВЧУК, В. В. (2013), *Медиафилософия. Приступ реальности*. Санкт-Петербург.
- Страны, в которых существует Интернет-цензура (2014) В: <<http://www.lookatme.ru/mag/live/inspiration-lists/204275-karta-zapretov>> [доступ 2 мая 2016].
- Фонд общественного мнения. Онлайн-практики россия: социальные сети, январь 2016 г. (2016) В: <<http://fom.ru/SMI-i-internet/12495>> [доступ 12 марта 2016].

ALEKSANDER KIKLEWICZ

Uniwersytet Warmińsko-Mazurski w Olsztynie

ФРАГМЕНТАЦИЯ ТЕКСТА КАК СРЕДСТВО ПЕРСУАЗИВНОСТИ В ИНФОРМАЦИОННЫХ ИНТЕРНЕТ-СЕРВИСАХ¹

Text fragmentation as a measure of persuasivity in the information services in Internet

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: коммуникация в интернете, информационные сервисы в интернете, медиалингвистика, интернет-стилистика, фрагментация публицистического текста, политическая лингвистика, манипуляция, rambler.ru

KEYWORDS: communication in Internet, information services in Internet, medialogistics, stylistics of Internet, fragmenting of the journalistic text, political linguistics, manipulation, rambler.ru

ABSTRACT: The article deals with the examples of communicative manipulation in the news services of the Russian Internet by means of fragmentation of the journalistic text. News presentation has a multi-stage, modular nature, and the individual modules (a kind of genre clones) differ in their content: the most generalized, axiologically and pragmatically labeled at the level of header, lid and announcement, more concrete filled with factual information at the level of the summary and the full text. Text fragmentation implements several functions: 1) perceptual and mnemonic; 2) prolongation of the communicative contact; 3) locating (opening space for accompanying, usually commerce information); 4) ideological programming/design.

*Я окончил курсы скоротения и прочел «Войну и мир»
за двадцать минут. Там что-то про Россию.*

Вуди Аллен

1. Три уровня информации

В 40-е годы прошлого столетия – благодаря публикации: Lazarsfeld/Berelson/Gaudet 1948 – появилась концепция двухступенчатого потока коммуникации (англ. *two-step flow of communication*), согласно которой

¹ Статья представляет собой расширенный вариант доклада, прочитанного на научной конференции „Mowa – człowiek – świat. Perswazja językowa w różnych dyskursach” в Гданьском университете (19 V 2016).

коммуникативное воздействие СМИ на аудиторию не является непосредственным – в этом процессе, кроме медийных институтов, обычно участвуют также так называемые лидеры мнений, которые интерпретируют и в определенном степени препарируют информацию в рамках межличностных отношений, а также с учетом релевантных интересов и программ поведения социальных групп (см. также: Mrozowski 2001, 347ссл.; Dobek-Ostrowska 2007, 36ссл.; Espracia/Smolak-Lozano 2012, 189; Абанкина 2016). Кроме социального и коммуникативного (интерактивного) аспектов в явлении двухступенчатого потока информации необходимо обратить внимание также на семантический аспект: ступени представления информации различаются не только ее средой и специфической «перформанцией», но также форматом и содержанием. Статусный репрезентант социальной группы обычно подходит к медийной информации с прагматической и в значительной степени феноменологической точки зрения, обращая внимание на «жизненный» смысл журналистских сообщений. Вторая (межличностная) фаза потребления информации характеризуется определенным доминированием прагматики над семантикой (шире об этом явлении в социальной коммуникации см.: Kiklewicz 2012, 51ссл.).

В связи с такой спецификой коммуникации в публичной сфере необходимо ввести разграничение трех уровней информации. Закодированная в форме и структуре сообщения/текста информация перерабатывается 1) на уровне экстенциональной (фактивной) информации; 2) на уровне интенциональной (интерпретативной) информации и 3) на уровне прагматической информации². Прежде всего получатель информации отдает себе отчет в том, что она касается того или иного (как правило, действительного) положения вещей. На основании этой информации человек делает вывод о том, какое значение данное положение вещей имеет для него и его ближайшего окружения³. Такого рода сигнификативная, а иногда и аксиологическая интерпретация может содержаться уже в самом сообщении, автор которого подсказывает адресату направление его интерпретации. Наконец, на третьем этапе интерпретируется прагматическая функция текста, в частности, та реакция, которая должна последовать за его семантической обработкой.

На каждом уровне переработки информации используются разные ресурсы интеллектуальной компетенции человека: на первом этапе требуется

² Разумеется, это деление не исключает более подробной категоризации, которую можно найти в работах по семантике высказывания и прагмалингвистике, см. в частности: Звегинцев 1976; Кобозева 2000; Никитин 1988; Grzegorzcykowska 1995; Kiklewicz 2004; Levinson 1990; Lyons 1984; 1989 и др.

³ И. В. Силантьев (2006, 87) в связи с этим пишет, что описываемое в тексте «событие предполагает вовлеченность человека в отмеченный им факт или совокупность фактов. При этом вовлеченность может быть не только социально-ситуативного плана, [...] но и плана личностного, и поэтому событие не просто ментально, но и отчетливо аксиологично».

знание языка и в некоторой степени и так называемые энциклопедические знания о мире; на втором этапе требуется более или менее развитая культурная компетенция, владение когнитивным тезаурусом, культивируемым данной социальной группой. На третьем этапе информация обрабатывается с учетом социального опыта человека, его знаний о функциях и формах процессов социальной интеракции (хотя, разумеется, и энциклопедическая информация оказывается здесь весьма пригодной).

Для иллюстрации рассмотрим пример бытового диалога:

- (1) – У вас уж, поди, и чай остыл, – сказала хозяйка. – Позвольте свежего налью.
– Не откажусь, Екатерина Павловна, благодарствуйте (Борис Васильев).

Во-первых, в предложении *Чай остыл* передается семантическая информация об определенном положении дел (касающемся чая). Во-вторых, в этой реплике заключена (непосредственно не связанная с языковой компетенцией) аксиологическая импликация: 'плохо, что чай остыл, потому что холодный чай теряет вкус и становится непригодным для питья'. В-третьих, передавая эту информацию, *хозяйка* определенным образом влияет на поведение своего коммуникативного партнера: декларативную реплику следует рассматривать как предложение, выражение заботливости, заинтересованности, в целом – как сигнализацию того, что ситуация требует вмешательства со стороны одного из ее участников.

Три уровня переработки информации особенно четко выделяются в медийных сообщениях, которым, как известно, свойственна релевантность, актуальность, т.е. непосредственная связь с целями и потребностями жизнедеятельности пользователей СМИ. Рассмотрим один из примеров:

- (2) Co setny dorosły obywatel USA przebywa w areszcie bądź więzieniu („Przegląd”. 2005/37) [Каждый сотый взрослый гражданин США является арестованным или находится в тюрьме].

С одной стороны, читатель популярного польского журнала узнает о некотором фрагменте социальной действительности США, но, с другой стороны, эта информация не является нейтральной: даже если мы не владем статистикой относительно числа заключенных в разных странах, указание на *каждого* *со- того* *гражданина* кажется нам симптоматичной, поскольку возникает контраст между вытекающим из журнального текста карательным характером судебной системы США, с одной стороны, и образом Америки как страны господствующей демократии, с другой стороны. Процесс переработки информации, заложенной в предложении (2), можно представить следующим образом:

- <а) Большое число граждан США находится в заключении;
- б) В США большая преступность;
- в) Решения американских судов имеют карательный характер;
- г) Америка не является идеальным государством;
- д) Американская демократия противоречива;
- е) Не следует верить стереотипам на тему американской мечты>

Разумеется, разного рода (в частности, идеологические) импликации в социальной коммуникации предусмотрены в большей или меньшей степени. Например, в следующем анекдоте высмеивается чрезмерная серьезность и поиск глобального смысла там, где его – в силу конкретности коммуникативной интеракции – нет:

- (3) Психолог, выходя на работу, встречает утром на лестничной клетке соседа. – Доброе утро! – говорит сосед. Психолог задумывается: «Что он хотел этим сказать?»

Тем не менее следует признать, что в большинстве случаев люди не ограничиваются только представленными в сообщении фактами – важно знать или понимать, какой смысл скрывается за фактами и как в связи с этим следует поступать. Языковые средства, как правило, служат выражению информации первого уровня – способ семантической и прагматической интерпретации сообщения не всегда вербализован, однако существующий в культурном сообществе консенсус обеспечивает понимание на втором и третьем уровнях. Рассмотрим пример:

- (4) Polacy zajmują [...] trzecie miejsce wśród narodów, które najczęściej pracują na dwóch etatach („Angora”. 2004/42) [Поляки занимают третье место среди народов, которые чаще всего имеют два места работы].

Фактическая информация подвергается дальнейшей обработке: читатель, видимо, сделает вывод о том, что число поляков, работающих в двух местах, превышает среднюю величину, значит (можно сделать новый вывод), поляки много работают. Если так, то возможно, потому, что поляки работающие – такая интерпретация может вызывать удовлетворение и чувство гордости за свой народ. С другой стороны, возможна другая интерпретация: уровень заработной платы в Польше низок, поэтому люди вынуждены брать дополнительную работу. Такое направление интерпретации может использоваться (например, в избирательной кампании) с целью дискредитации действующего правительства, которое не обеспечивает необходимого уровня жизни.

В другом журналистском тексте:

- (5) W piątek rano w związku z podmyciem jezdnii ulic Świętokrzyskiej i Szkolnej, spowodowanym wyciekami z rury wodociągowej, ewakuowano mieszkańców okolicznych budynków; zamknięty dla ruchu został odcinek ul. Marszałkowskiej, kierowcy korzystają z objazdów (www.pap.pl) [В пятницу утром из-за вызванного аварией канализационной трубы подмыва двух улиц: Свентокшыской и Школьной, были эвакуированы жители близлежащих домов, был закрыт участок улицы Маршалковской; водители пользуются объездом].

Следует обратить внимание на глагол *korzystają* ‘пользуются’ в последней части фрагмента: с его помощью журналист подсказывает читателю направление аксиологической интерпретации описываемого события. Поскольку *kierowcy korzystają* ‘водители пользуются’, следовательно, имеют некоторую свободу действия. Таким образом, результаты аварии как бы смягчаются, читателям внушается, что ничего страшного не произошло. Совсем по-другому воздействовал бы этот текст, если бы информация об объезде звучала, например, так:

- (6) Na skutek awarii kierowcy są zmuszeni objechać ten odcinek ulicy [Из-за аварии водители вынуждены объезжать этот участок].

2. Фрагментация как форма презентации медийного текста

Медийная коммуникация (в силу большого объема и изменчивости информации) характеризуется значительной динамикой, что требует и от журналиста, и от пользователя функциональной мобильности. Такому типу поведения способствует специфическая организация текста – такое его форматирование, которое позволило бы обрабатывать информацию наиболее быстрым и оптимальным образом. В связи с этим В. Писарек (Pisarek 2002, 157ссл.) пишет о *политонии* – психической, в частности, перцептивной мобилизации читателя, активность которого поддерживается необходимостью переключать внимание на разные фрагменты макросообщения. Именно эти, перцептивные и мнемонические, соображения лежат в основе форматирования газетной полосы, которая должна включать разноформатные сегменты (шапку, главную новость, анонсы, последние новости и др.) (см.: Ван Хао 2008, 98). Тому же служит форматирование текста в виде колонок, выделение ключевых утверждений, использование нумерации, оформительские приемы (рамки, увеличенный кегль, цветовая подложка), иллюстрации и др.

Газетный текст, а также информационный текст в интернете часто предстает в виде нескольких фрагментов (анонс, заголовок, лид/зачин, основной

текст и др.), каждый из которых передает некоторую часть содержания (см.: Wojtak 2004, 21ссл.)⁴. Фрагментация текста (англ. *text chunking/breaking*) не только улучшает его визуальность и читабельность (за счет того, что читатель имеет дело с более короткими частями, которые обрабатываются с более высокой интенсивностью), но и способствует более эффективному воздействию содержания на адресата.

Структура газетной публикации, как известно, подчиняется принципу перевернутой пирамиды или же блочному принципу: в обоих случаях в тексте выделяется инициальный фрагмент (зачин или анонс), который передает глобальную, наиболее актуальную информацию – дальнейшее изложение служит, скорее, ее комментированию и конкретизации (Pisarek 2002, 162). Эту же структуру сохраняют информационные сервисы в интернете, хотя интернет располагает и более богатыми ресурсами так называемых гиперссылок (предлагая пользователям, например, мультимедийные видеоматериалы). Примером может послужить витрина новостного портала <http://lenta.ru/articles/2009/06/12/milk/>, на которой помещена статья Александра Поливанова с названием «Малако будет». Заголовок, с одной стороны, звучит оптимистично — означает завершение конфликта между Белоруссией и Россией по поводу экспорта в Россию белорусских молочных продуктов. С другой стороны, существительное *малако*, записанное в соответствии с белорусской орфографической нормой, звучит не только экзотически, но и несколько иронически. Подзаголовок

(7) «Молочная война» с Белоруссией близка к завершению

также оставляет двоякое впечатление: с одной стороны, хорошо, что конфликт *близок к завершению*, но, с другой стороны, несколько зловеще звучит словосочетание *молочная война*.

Следующим фрагментом является лид/зачин:

(8) «Молочная война» между Россией и Белоруссией закончилась так же стремительно, как и началась. «Малако» (так зовется этот продукт по-белорусски) все-таки на российских прилавках будет. Для этого, правда, белорусам придется пожертвовать частью производства сухого молока, зато экспорт сыра и творога увеличится.

Здесь журналист опять ссылается на *молочную войну* и *малако*, передавая глобальный (в целом позитивный) смысл: конфликт между странами по поводу экспорта белорусского молока завершен, а стороны в результате конфликта не

⁴ Фрагментация (или сегментация) является проявлением нелинейности структуры газетного текста (см.: Лазаренко 2014, 71).

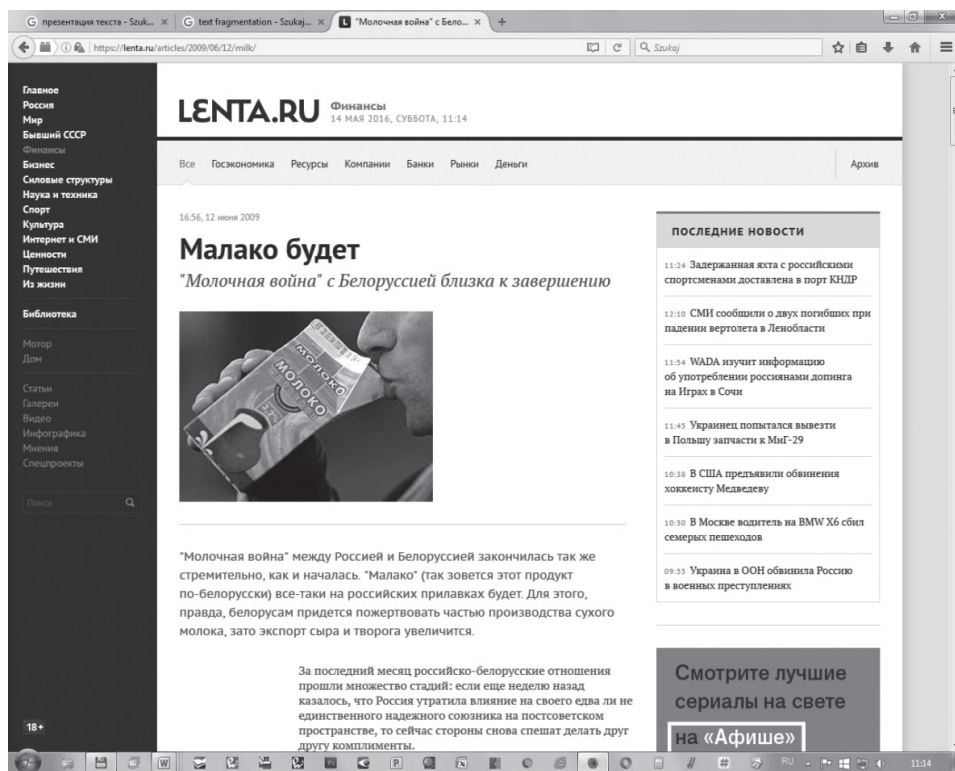

Рис. 1. Фрагментация информации в окне Lenta.ru

понесут потерь. Эта относительно общая информация может быть, в принципе, достаточной для читателей; те же из них, кого интересуют подробности, например, что касается истории конфликта, действующих лиц, статистических данных и т.д., могут обратиться к полному тексту, объем которого составляет более 700 слов.

3. Фрагментация и спекуляция

В данном пункте я проанализирую анонсы в сетевых СМИ как одну из форм фрагментации публицистического текста. При этом внимание будет сосредоточено на таких анонсах, которые подчинены требованию воздействия на адресата, а именно – формированию у него определенного отношения к описываемому событию или положению дел, общей идеологической установке, а в перспективе – формирования соответствующих программ поведения (прежде всего – реакций).

Анонсы в сетевых СМИ являются одним из предметов современной медиалингвистики (см. публикации: Ковальчукова 2008; 2009; Малыгина 2015; Ван Хао 2008 и др.). Данный жанр текста интернет унаследовал от газеты, где размещаемые на первой странице вступления играют важную информативную и креативную роль: с одной стороны – в сжатом виде представляют содержание наиболее важных материалов, с другой стороны – благодаря своей наглядности и фасциативности (часто вместе с иллюстрирующей сюжетной фотографией) привлекают внимание читателей, склоняют их к прочтению текста. Своеобразным вариантом анонса является публикуемое на первой странице начало главного текста, продолжение которого следует на одной из следующих страниц. В качестве примера можно привести вид первой страницы «Новой газеты», которая полностью заполнена анонсами.

Рис. 2. Анонсы на первой странице «Новой газеты»

Благодаря технологии интернета функциональность анонсов меняется: главное окно новостной витрины представлено, преимущественно, анонсами (заголовками и/или зачинами), которые имеют статус гиперссылок – через них можно легко получить доступ к соответствующему тексту (в полной или сжатой форме)⁵. Н. Смирнова (2016, 215) отмечает, что новостные заголовки-анонсы

⁵ Возможно, в этом проявляется общая особенность текстов постмодернизма: З. М. Чехомурова (2016) о намеренной повествовательной фрагментации в произведениях данного направления (см. также: Lodge 1979, 232). При этом исследовательница пишет: «Разнообразный репертуар графических, композиционных приемов по созданию фрагментарности повествования

в интернет-изданиях, преимущественно, имеют форму простого предложения, включая глагол-сказуемое в личной форме (чем отличаются от типичных газетных заголовков – в форме назывных предложений).

М. А. Ковальчукова (2008; 2009) относит анонс к малым речевым жанрам, отмечая их активное употребление в журналистике – благодаря возможности передавать большое количество информации в течение небольшого количества времени. По мнению исследовательницы, отбор и организация языковых средств в новостном анонсе обусловлены, преимущественно, функцией речевого воздействия, а специфика его содержательной стороны «определяется тем, что при значительном тематическом разнообразии все сообщения подчиняются принципу актуальности» (2009, 11). Ковальчукова обращает внимание на факт, что в новостных анонсах доминирует информация о негативных (с точки зрения журналиста) событиях, что проявляется в экспансии эмоционально-экспрессивной лексики, ср. некоторые примеры (заимствованные из работы данной исследовательницы):

- (9) Новая бойня в университете в США: пятеро погибших (В Фокусе.ру от 16 IV 2007).
- (10) Черные технологии на церковной службе (Фонтанка.ру от 27 I 2009).
- (11) Воровать не дадут («Взгляд» от 16 I 09).
- (12) Заложники Европы («Советская Белоруссия» от 9 I 2009).

По мнению Ковальчуковой (2009, 14), это связано с психологическим фактором: негативная информация воспринимается с бóльшим интересом (см. также: Castells 2013, 253). Из этого следует, что сенсационные и критические анонсы используются как средство фокусирования внимания, что дает основание отнести их к сфере э м ф а т и ч е с к и х р е ч е в ы х д е й с т в и й (Малыгина 2015, 53).

В меньшей степени исследователи обращают внимание на то, что сетевые анонсы используются как средство манипуляции. Один из широко культивируемых приемов состоит в с е м а н т и ч е с к о й п р о в о к а ц и и⁶: вниманию пользователей интернета предлагается анонс, в котором упоминается сенсационное (в частности, трагическое) событие с участием известного публичного лица: политика, спортсмена, артиста. Когда же пользователь по ссылке переходит к главному тексту, оказывается, что в виду имеется совсем другой человек – с тем же именем и той же фамилией. Такой прием позволяет создать

неминуемо затрагивает не только структурно-композиционный уровень многих постмодернистских текстов, но и способствует усилению временной и пространственной неопределенности создаваемых фикциональных миров, приобретающих ярко выраженный условный, игровой характер» (там же).

⁶ З. М. Чемодурова (2016) пишет об эффекте обманутого ожидания.

эффект фасцинации (своего рода языковой игры), хотя, главным образом, он служит коммерческим целям – размещению рекламы в окне, которое открывается по гиперссылке. Например, в феврале 2005 года на сайте <http://www.regions.ru> появилась сенсационная информация:

(13) В аварии под Владимиром погибла Наталья Королева.

В первую очередь у читателя возникает мысль об известной эстрадной певице Наташе Королевой. Автор анонса рассчитывает на то, что популярность певицы склонит читателя к тому, чтобы узнать подробности трагического события. Когда от стартовой страницы мы переходим к содержанию информации, то узнаем, что в виду имеется совсем другое лицо:

(14) Зампред Законодательного собрания Владимирской области погибла в аварии [заголовок]. В ДТП на автодороге Владимир – Юрьев-Польский разбилась зампредседателя Законодательного собрания Владимирской области Наталья Королева, передает Газета.Ru со ссылкой на ИТАР-ТАСС. Машину, в которой она ехала, вынесло на полосу встречного движения, где произошло столкновение с грузовиком.

Подобным же образом к октябрю 2004 года на сайте http://www.federalpost.ru/crime/issue_17311.html появился анонс:

(15) В завалах сгоревшего дома пожарные нашли мертвую Аллу Пугачеву.

Перейдя к тексту информации, можно было прочитать:

(16) Вечером 8 октября в деревне Кустово Зиминского района Иркутской области в результате пожара, произошедшего в частном доме, погибла Алла Пугачева. Двадцатитрехлетняя безработная тезка известной эстрадной певицы в этот день выпивала со своим знакомым Владимиром Перетолчиным 1975 года рождения. Около 5 часов вечера из под крыши дома повалил густой дым. Более часа 3 экипажа службы 01 боролись с огнем, но спасти строение не удалось. Тело Аллы Пугачевой было найдено пожарными под рухнувшими конструкциями здания, сообщает «Байкальская служба новостей».

Такого рода (основанная на лексической омонимии) семантическая провокация носит, в общем, «невинный» характер – ее эффект, с психологической точки зрения, касается возбуждения интереса и, главное, пролонгации коммуникативного контакта, которая позволит создателям интернет-витрины поместить в новых окнах рекламные блоки, позиционированные по тому же принципу, что и придорожная реклама («по дороге» к полной версии новости пользователь заметит рекламную информацию).

Однако встречаются и более радикальные примеры психологической манипуляции, инструментом которой является фрагментация текста. В этом втором случае новостные анонсы выполняют девиативную функцию – препарирования и искажения действительного положения дел. Таким анонсам свойственна специфическая контрфактивность.

Девиативная функция в особенности характерна для текстов политической журналистики⁷, а именно – тех, которые предназначены для реализации речевой агрессии и дискредитации (лица, организации, события и т.д.). О массовом характере речевой агрессии и политики скандала в текстах СМИ (особенно электронных) можно прочесть в специальной литературе (Vereščagin 2002; Басовская 2004; Егорова 2015; Гудков 2004, 552ссл.; Castells 2013, 249ссл.; Karwat 2007 и др.). Г. В. Кусов (2004, 24) различает несколько видов речевой агрессии: диффамацию (публичное распространение сведений, порочащих кого-либо), дискриминацию, дискредитацию и инсинуацию. Именно инсинуация, т.е. (по Кусову) «создание предпосылок негативного восприятия социального имиджа кого-либо»), как представляется, является одной из наиболее культивируемых стратегий в новостном дискурсе интернета: с одной стороны, журналист уклоняется от прямого конфликта со своим идеологическим противником, но, с другой стороны, благодаря специфическому форматированию текста и созданию негативного ассоциативного поля не оставляет читателю сомнений относительно того, как следует «правильно» (т.е. отрицательно) интерпретировать описываемое событие. Благодаря технологии интернета сфабрикованные «обвинения» распространяются с большой скоростью и в массовом порядке (Castells 2013, 253), что делает сетевые информационные сервисы мощным инструментом идеологического программирования.

Роль фрагментации состоит в том, что порционное представление текста (фактически в интернет-сервисах мы имеем дело с несколькими текстами-клонами, включая микротексты: заголовок, зачин, анонс, основное сообщение) позволяет фокусировать внимание читателей на определенном типе информации: фактовом (объективном), интерпретативном (субъективном) или прагматическом⁸. В большом по объему тексте информация реализуется синкретически: в одной форме концентрируются значения разных функций. Сокращая форму сообщая, отправитель стремится создать одно-однозначное отношение между планом формы и планом содержания – в этом и состоит сущность семантического фокусирования.

⁷ И. В. Силантьев (2006, 35) пишет о том, что журналистский дискурс вступает «в наиболее тесные отношения [...] с политическим и рекламным дискурсами».

⁸ Ван Хао (2008, 100) в связи с этим пишет о репрезентативном типе вступлений, когда выделяется только один аспект представленного материала.

Поскольку интернет-сервисы во многих поисковых системах широко пользуются несобственными средствами, представляя новостные анонсы различных информагентств, презентация информации обычно осуществляется в несколько шагов: 1-й шаг – анонс, часто вместе с фотоиллюстрацией; 2-й шаг – более развернутое резюме с соседствующей иллюстрацией и гиперссылкой на источник; 3-й шаг – полный текст информации на витрине информационного агентства. В связи с таким характером презентации текста осуществляется двойное препарирование информации – на уровне анонса и уровне резюме (при том, что и полная версия новости может содержать неточное или намеренно искаженное представление фактов).

Одним из примеров может послужить информация, опубликованная 5 декабря 2015 года на сайте российской поисковой системы <http://www.rambler.ru/>. В левой верхней части стартовой страницы помещена (в виде анонса) главная новость:

(17) Турцию могут исключить из НАТО.

Рядом помещена сюжетная фотоиллюстрация – изображение выступающего президента Турции Реджепа Тайипа Эрдогана.

Форма анонса, с одной стороны, носит гипотетический характер, на что указывает модальное слово *могут*. Поскольку таким образом выражается алетическая (а не, например, деонтическая) возможность, сообщение обладает определенной риторической силой: адресат убеждается в том, что существует объективная возможность исключения Турции из НАТО. В подтексте содержится информация о том, что в структурах НАТО обсуждается такая перспектива, т.е. выражается точка зрения НАТО.

Информация носит преднамеренно негативный, дискредитирующий характер – на фоне разгоревшегося в конце 2015 года политического конфликта между Россией и Турцией в связи со сбитым турками российским самолетом СУ-24. НАТО представляется здесь как своего рода третейский судья, который должен наказать виновную в конфликте Турцию. Воздействующая функция анонса сводится, таким образом, к формированию у читателя отрицательной оценки (или ее усилению), а также к осуждению Турции как политического противника. Эту же функциональную нагрузку несет фотоиллюстрация: Эрдоган сфотографирован во время выступления, выражение его лица, скорее, соответствует ситуации оправдания, а поднятые вверх руки как бы означают капитуляцию⁹.

⁹ Следует отметить, что одним широко применяемых в российских СМИ приемов идеологического программирования является визуальная фальсификация фактов – подтасовка сюжетных

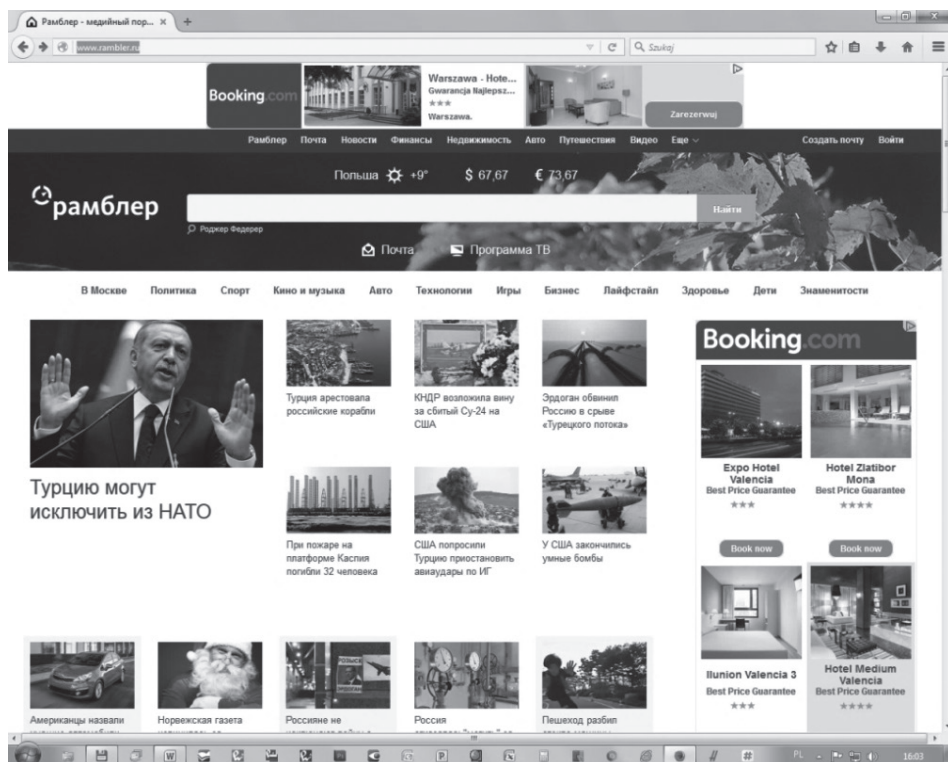

Рис. 3. Стартовая страница rambler.ru – информация об исключении Турции из НАТО

По гиперссылке можно перейти к новому окну: <http://news.rambler.ru/world/32141505>. Здесь повторяется заголовок и фотоиллюстрация. Обратим, однако, внимание, что заголовок звучит несколько иначе:

(18) СМИ: Турцию могут исключить из НАТО.

Как видим, в начале предложения появляется аббревиатура *СМИ*. Теперь оказывается, что первая интерпретация – об объективном характере возможности исключения Турции из НАТО, ошибочна: мы, в действительности, имеем дело с высказанным публично мнением частного лица – американского политолога и публициста Теда Галена Карпентера. На это указывает текст резюме:

(19) НАТО имеет все основания задуматься о том, чтобы исключить Турцию из НАТО. А все из-за агрессивного и ненадежного поведения Анкары, полагает обозреватель The National Interest Тед Гален Карпентер. Как пишет

фотоснимков (см.: Kiklewicz 2015, 191ссл.). Большое количество примеров такого рода мы найдем в материале «Фальшивки российской пропаганды» на сайте Радио Свобода: <http://www.svoboda.org/media/photogallery/25411127.html>.

журналист, атака на российский бомбардировщик Су-24 в небе над Сирией – не единственный случай, когда власти стран-членов НАТО должны были задуматься о будущем Турции в Североатлантическом альянсе.

Текст резюме развивает уже обозначенный в стартовой странице мотив – осуждение Турции. Этому служит оценочно маркированная лексика: *агрессивное и ненадежное поведение Анкары*, а также ссылка на то, что нарушение Турцией международного права носит регулярный характер. Прямо не сообщается о том, что НАТО обсуждает проблему членства Турции в этой организации, но из выражения

- (20) Власти стран-членов НАТО должны были задуматься о будущем Турции в Североатлантическом альянсе

вытекает, что если *власти НАТО должны были задуматься*, то скорее всего *задумались* – трудно ожидать другой реакции от такой солидной организации.

Витрина <http://ren.tv/novosti/2015-12-05/smi-turciyu-mogut-isklyuchit-iz-nato> содержит полный текст новости. Здесь к заголовку добавляется подзаголовок:

- (21) Североатлантический альянс имеет все основания исключить ненадежного союзника из НАТО.

В полном тексте статьи (объемом 170 слов) можно прочитать мнение американского политолога и публициста, который, в частности, напоминает, что в 2014 году самолеты ВВС Турции более двух тысяч раз нарушили воздушное пространство Греции. Сообщается, что

- (22) Пока Москва ответила на произошедшее с Су-24 только экономическими санкциями.

т.е. позиция России оценивается положительно – как сдержанная, неагрессивная. Напротив, о безответственной международной политике Турции свидетельствуют приводимые в статье факты:

- (23) Обозреватель отмечает, что от безответственной Турции можно ожидать чего угодно. Например, в 1974 году она вторглась на Кипр, оккупировала 37% территории острова и выслала оттуда греков. А последней каплей терпения для стран НАТО должна стать двойственная политика в отношении «мировой угрозы», когда власти страны сотрудничают с террористами запрещенной в РФ экстремистской организации «Исламское государство».

В статье не приводятся какие-либо доказательства сотрудничества Турции с «Исламским государством» – напротив, широко известно, что в июле 2015 года по решению правительства турецкие самолеты предприняли воздушные атаки на силы «Исламского государства». Что касается вторжения Турции на Кипр, автор статьи не упоминает исторического контекста этого события: поводом для вторжения послужила попытка организации на Кипре, при поддержке греческой хунты, государственного переворота, целью которого было присоединение страны (в которой проживает большое число турок) к Греции.

Проанализированный пример показывает, что фрагментация новостной информации подчинена принципу идеологического воздействия на адресатов: стартовая информация имеет общий инсинуативный и аксиологически маркированный характер. Тем самым адресат побуждается к осудительной реакции по отношению к предмету сообщения. Фактовая информация отодвигается на третий план – она не столь суггестивна и, более того, с точки зрения последствий небезопасна: верификация отдельных констатаций может убедить читателя в тенденциозном и не соответствующим действительности представлении событий.

Эта коммуникативная стратегия регулярно культивируется в информационном сервисе поисковой системы rambler.ru. Например, в декабре 2015 года на стартовой странице появился анонс:

(24) Теракты против россиян.

На следующей странице сообщается резюме новости:

(25) В Турции готовят расправы над туристами из России [заголовок]. Центральное разведывательное управление США (ЦРУ) поделилось с Турцией данными спецслужб, согласно которым на территории страны могут готовиться теракты против туристов из России, сообщает [Haberturk](http://haberturk.com).

Как и в предыдущем случае, мы видим, что информация, содержащаяся на стартовой и на второй странице, существенно различается: первое сообщение имеет радикальный и, в принципе, контрфактивный характер: выражение (24) указывает на факт, что имеют/имели место теракты против россиян (в силу суппозиции, лежащей в основе номината *теракты*; о суппозициях лексической номинации см.: Kiklewicz 2014, 131ссл.). В действительности – на это указывает информация в резюме – существует возможность таких терактов.

Из формы заголовка следует, что поскольку субъект действия не назван, то он так или иначе должен ассоциироваться с Турцией, т.е. с турками. Текст резюме также не исключает такой интерпретации. Всё это служит формированию (доминантного) отрицательного отношения к предмету сообщения

– Турции и туркам. Восприятию информации могут сопутствовать такие эмоциональные реакции читателей, как разочарование, напряжение, страх, беспокойство и т.п.

В третьем окне читатель получает доступ к полной информации (<https://rns.online/news/2015/12/10/TSRU-predupredilo-Turtsiyu-o-vozmozhnyh-teraktah-protiv-rossiiyan>). Заголовок представляет ситуацию кардинально иным способом:

(26) ЦРУ предупредило Турцию о возможных терактах против россиян.

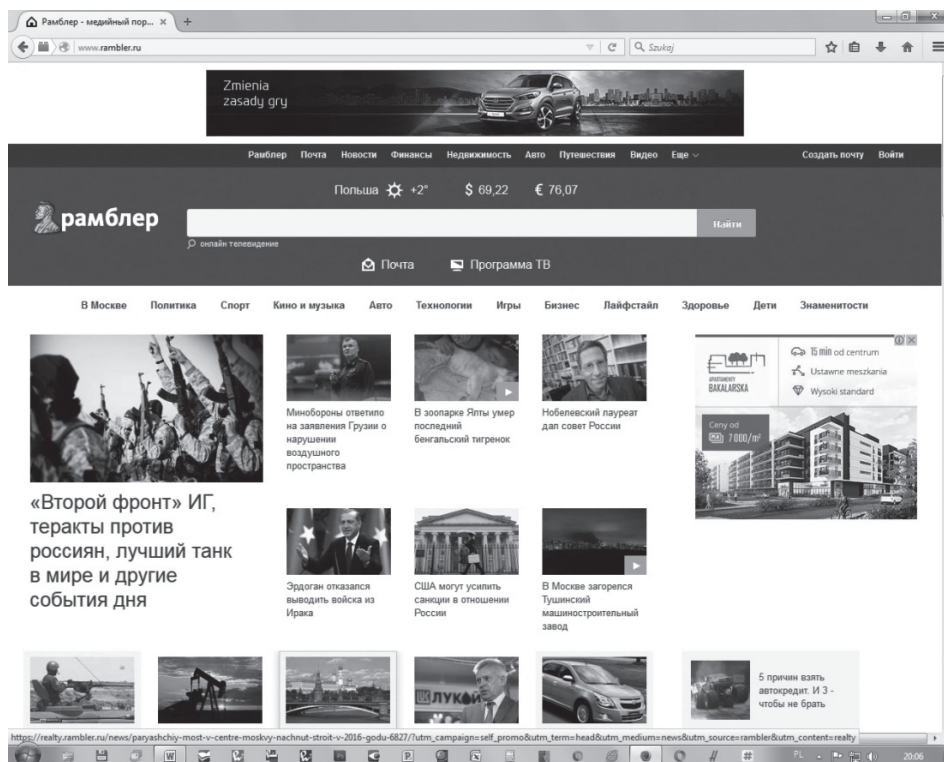

Рис. 4. Стартовая страница rambler.ru – информация о терактах против россиян

Во-первых, теракты против россиян представляются как возможные. Во-вторых, на сцене появляется ЦРУ, играя при этом явно положительную роль: сообщается, что действия ЦРУ преследуют цель предотвращения возможных терактов против граждан России. Из текста следует, что нападения могут быть связаны с крушением российского самолета в Египте (к чему Турция не имела отношения), а атаки на российских туристов в Турции планируют три палестинца и один террорист-смертник из ИГ. Информация о том, что МВД Турции разослало предупреждения по 81 провинции страны, указывает, что власти страны стараются контролировать ситуацию, заботясь о безопасности

иностранных граждан, однако эта информация появляется слишком поздно: у читателя уже сформировалось представление о том, что «в Турции (т.е. турки) готовят расправы над туристами из России».

Суггестивная сила информации, содержащейся в анонсе, такова, что читатель или удовлетворяется стартовой страницей, считая, что общий формат сообщения достаточен для формирования социально адекватного мнения по поводу того или иного события¹⁰, или открывает второе и третье окно, но воспринимает фактовую информацию в свете уже сформировавшейся аксиологической установки. Таким образом новостной дискурс в интернете функционирует как инструмент идеологического конструирования.

Несколько иная версия той же коммуникативной стратегии наблюдается в случае информации об экономических отношениях между Беларуссией и Украиной. На витрине <http://news.rambler.ru/business/32363579> размещено сообщение:

- (28) Торгпред Украины: Белоруссия не будет выходить из зоны свободной торговли с Украиной [заголовок]. Белоруссия не намерена покидать зону свободной торговли с Украиной, сообщает торговый представитель Украины Наталья Микольская в своем Twitter. «На встречах обсудили все наболевшие вопросы. Главное – Республика Беларусь не будет выходить из ЗСТ с Украиной», – пишет Микольская. Ранее агентство УНИАН сообщило, что украинская делегация 28 декабря отправилась в Беларусь для урегулирования торговых проблем, возникающих в связи с вступлением в силу зоны свободной торговли с Евросоюзом 1 января 2016 года.

Интернет-окно представлено на рис. 5.

Следующее окно (см. рис. 6) представляет витрину информагентства Rambler News Service (<https://rns.online/economy/Torgpred-Ukraini-Belorusiya-ne-budet-vihodit-iz-zoni-svobodnoi-torgovli-s-Ukrainoi-2015-12-28>). Заголовок остается прежним, а в полном тексте появляется, по сравнению с резюме в предыдущем окне, мало новой информации. Но, что существенно, изменяется ее визуальная презентация.

Как видим, полный текст новости не сопровождается фотоснимком президента Белоруссии Александра Лукашенко. Это значит, что фотоснимок был специально вмонтирован редактором rambler.ru, при этом выбор фотоснимка нельзя признать случайным. Хотя президент Белоруссии в тексте новости вообще не упоминается – информация представлена со слов торгпреда Украины, фотоснимок Лукашенко призван выполнять инсинуативную

¹⁰ Н. Смирнова (2016, 216) пишет, что заголовки-анонсы в онлайн-сообщениях характеризуются специфической автосемантической: «они могут функционировать как самостоятельные сообщения в новостном пространстве интернета, поскольку в их содержании представлены ведущие семантические категории события».

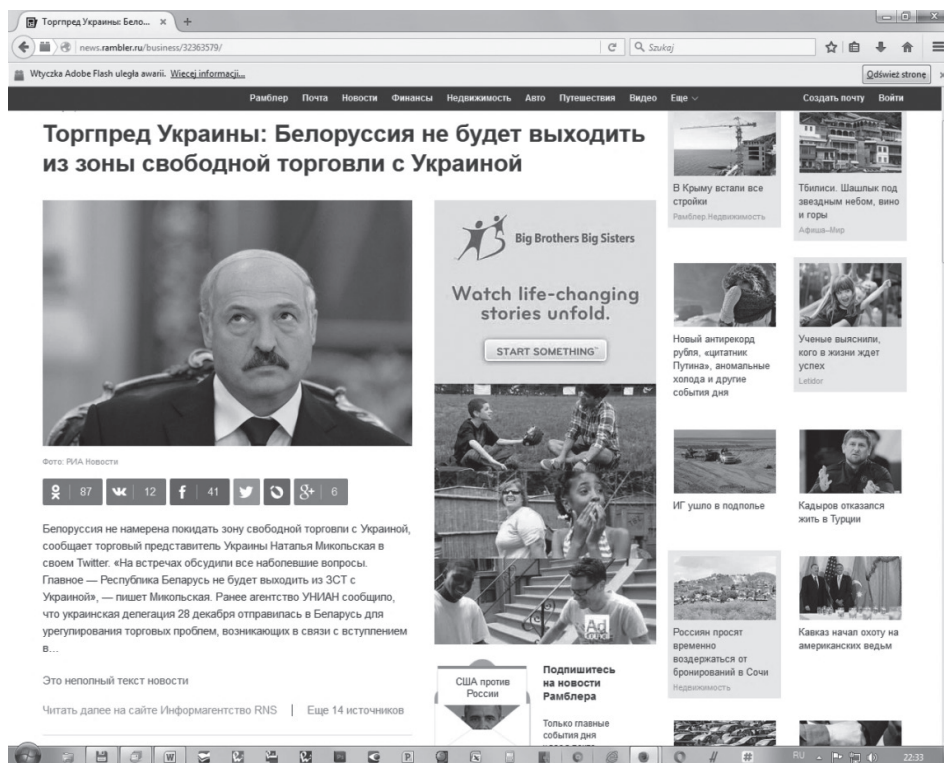

Рис. 5. Витрина news.rambler.ru – информация о торговых отношениях между Белоруссией и Украиной

функцию: во-вторых, на фотоснимке был выбран специфический ракурс: инфантильное и несколько отрешенное выражение лица с характерным для Лукашенко хаотичным движением глаз при неподвижном положении головы. Не исключено, что журналист знает: в психиатрии это считается признаком кататонии – симптома шизофренического заболевания. Тем самым журналист рассчитывает на негативную реакцию пользователей интернета на новость о торговых отношениях между Белоруссией и Украиной.

В статье были рассмотрены примеры коммуникативной манипуляции в новостных сервисах российского интернета, инструментом которой служит фрагментация журналистского текста. Презентация новости имеет многоступенчатый, модульный характер, при этом отдельные модули (своего рода жанровые клоны) различаются своим содержанием: максимально обобщенным, аксиологически и прагматически маркированным на уровне

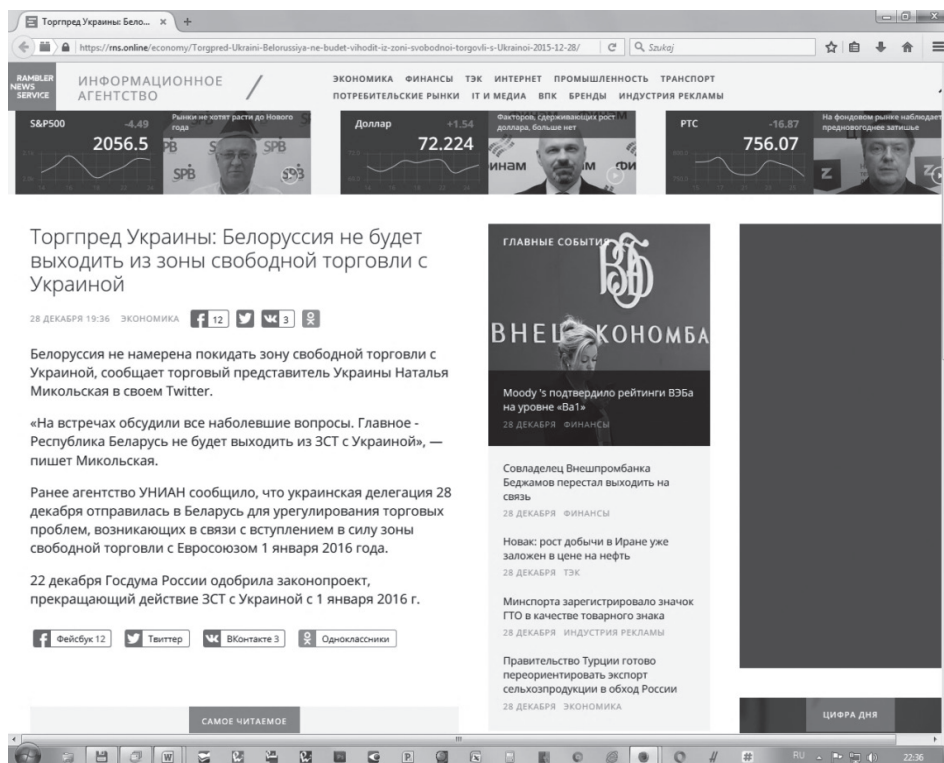

Рис. 6. Витрина Rambler News Service – информация о торговых отношениях Белоруссии и Украины

заголовка, зачина и анонса, более конкретизированным, наполненным фактовой информацией на уровне резюме и полного текста. Фрагментация текста реализует несколько функций: 1) перцептивную и мнемоническую; 2) функцию пролонгации коммуникативного контакта; 3) локационную (открывая место для сопутствующей, обычно рекламной информации); 4) идеологического программирования/конструирования. К сожалению, в политической журналистике данный риторический прием используется в целях семантической провокации и инсинуации, нередко – прямой фальсификации, причем данное явление не касается только рассмотренной в статье российской медийной действительности. Культура коммуникации в политической сфере по-прежнему актуальна для критического анализа медийных дискурсов.

Библиография

- АБАНКИНА, Т. В. (2016), PR некоммерческой организации: теоретические основы современных PR-технологий и моделей коммуникации. В: <<http://www.ict.edu.ru/ft/003571/Section4.pdf>> [доступ 13 мая 2016].
- БАСОВСКАЯ, Е. Н. (2004), Творцы черно-белой реальности: о вербальной агрессии в средствах массовой информации. В: Критика и семиотика. 7, 257–263.
- ВАН ХАО (2008), Особенности структуры русских газетных текстов. В: Известия Российского государственного педагогического университета имени А. И. Герцена. 74/1, 97–103.
- ГУДКОВ, Л. (2004), Негативная идентичность. Москва.
- ЕГОРОВА, Э. Н. (2015), Речевая агрессия и стратегия дискредитации (на примере анализа газетных публикаций) [Электронный ресурс]. В: Язык и текст. 2/3, 69–75.
- ЗВЕГИНЦЕВ, В. А. (1976), Предложение и его отношение к языку и речи. Москва.
- КОБОЗЕВА, И. М. (2000), Лингвистическая семантика. Москва.
- КОВАЛЬЧУКОВА, М. А. (2008), Анонс как речевой жанр (на материале интернет-дискурса). В: Вестник Челябинского государственного университета. 30, 54–57.
- КОВАЛЬЧУКОВА, М. А. (2009), Новостной анонс в сети Интернет как речевой жанр дискурса СМИ, Ижевск. [диссертация].
- КУСОВ, Г. В. (2004), Оскорбление как иллокутивный лингвокультурный концепт. Волгоград.
- ЛАЗАРЕНКО, С. В. (2014), Виды связности газетного текста и приемы работы с ними на уроках РКИ. В: Русская филология: Вестник Харьковского национального педагогического университета имени Г. С. Сковороды. 3/52, 69–74.
- МАЛЫГИНА, Л. Е. (2015), Высокая «плотность текста». В: Русская речь. 6, 52–57.
- НИКИТИН, М. В. (1988), Основы лингвистической теории значения. Москва.
- СИЛАНТЬЕВ, И. В. (2006), Газета и роман. Риторика дискурсных смещений. Москва.
- СМИРНОВА, Н. (2016), Гипертекстовое представление события (на материале российских интернет-изданий). В: Tošović, B./Wonisch, A. (Hrsg.), Interaktion von Internet und Stilistik, Internet und Stil. Graz, 213–220.
- ЧЕМОДУРОВА, З. М. (2016), Игровая стратегия «приостановки» сюжетного времени в произведениях постмодернизма. В: <http://lib.herzen.spb.ru/media/magazines/contents/1/151/chemodurova_151_96_105.pdf> [доступ 13 мая 2016].
- ESPRACIA, A. C./SMOLAK-LOZANO, E. (2012), Historyczny rozwój koncepcji teoretycznych na temat roli środków masowego przekazu w społeczeństwie. In: Lingua ac Communitas. 22, 181–203.
- CASTELLS, M. (2013), Władza komunikacji. Warszawa.
- DOBEK-OSTROWSKA, B. (2007), Komunikowanie polityczne i publiczne. Warszawa.
- GRZEGORCZYKOWA, R. (1995), Wprowadzenie do semantyki językoznawczej. Warszawa.
- KARWAT, M. (2007), O złośliwej dyskredytacji. Manipulowanie wizerunkiem przeciwnika. Warszawa.
- KIKLEWICZ, A. (2012), Czwarte królestwo. Język a kontekst w dyskursach współczesności. Warszawa.
- KIKLEWICZ, A. (2014), Koncert wiolonczelowy Beethovena... Prawda a nominacja leksykalna. W: Kiklewicz, A./Starzyńska-Kościszko, E. (red.), Oblicza prawdy w filozofii, kulturze, języku. Olsztyn, 125–148.
- KIKLEWICZ, A. (2015), Политическая пропаганда в современных российских СМИ: эпистемологический аспект. В: Przegląd Wschodnioeuropejski. VI/2, 179–200.
- LAZARSFELD, H./BERELSON, B./Gaudet, H. (1948), The People's Choice. New York.
- LEVINSON, S. C. (1990), Pragmatik. Tübingen.
- LYONS, J. (1984), Semantyka. T. 1. Warszawa.
- LYONS, J. (1989), Semantyka. T. 2. Warszawa.
- MROZOWSKI, M. (2001), Media masowe. Władza, rozrywka i biznes. Warszawa.
- LODGE, D. (1979), The Modes of Modern Writing. London.

PISAREK, W. (2002), *Nowa retoryka dziennikarska*. Kraków.

VEREŠČAGIN, J. M. (2002), Poskommunistisches „Newspeak“: Ein Erbe des Totalitarismus (Betrachtungen zum Zeitraum zwischen 19./21. August 1991 und 3./4. Oktober 1993. In: Steinke, K. (Hrsg.). *Die Sprache der Diktaturen und Diktatoren* (S. 202–228). Heidelberg.

WOJТАК, M. (2004), *Gatunki dziennikarskie*. Lublin.

JĘZYK

ТАТЬЯНА ЩУКЛИНА

Казанский федеральный университет

ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ ФЕНОМЕНЫ КАК ИСТОЧНИК НЕУЗУАЛЬНОГО СЛОВООБРАЗОВАНИЯ В СОВРЕМЕННЫХ РОССИЙСКИХ СМИ

Precedent phenomena as the source of non-usual word-formation in the contemporary Russian mass media

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: неузвальное словообразование, окказиональное слово, прецедентный феномен, прецедентная единица, лингвокультурология, язык СМИ

KEYWORDS: non-usual word-formation, nonce word, precedent phenomenon, precedent unit, cultural linguistics, mass media language

ABSTRACT: The article deals with word-formation in the language of mass media as one of the phenomena in cultural linguistics. Studies basing on the cultural linguistics approach, which stipulates the language study in close conjunction with the culture of its native speakers, serve the theoretical foundation for the research work. Nonce words collected in the Russian mass media texts and formed by non-usual methods basing on the precedent phenomena have served the actual material of the research. Study of innovations interaction with the basic precedent units has indicated the cultural linguistic marking of derivation processes taking place in the language of mass media caused by economic, political, social and cultural situation in the country. Social attitudes and evaluativity of nonce words reflect the specific features of the linguistic world picture in the contemporary Russian social community. The derived words formed on the basis of the precedent phenomena enable to focus the readers' attention to the urgent public issues, as well as to foreground their cultural knowledge.

1. Вводные замечания

Постановка проблемы взаимосвязи языка и культуры была четко сформулирована В. фон Гумбольдтом, который первый выдвинул идею о связи народа и характера языка, его обслуживающего. Данный тезис не теряет своей актуальности и сейчас: он стал базовым для многих разделов языкознания. В современной лингвистике, как в зарубежной (Danesi 2008; Gao 2006; Jourdan 2006; Kovacs 2006), так и российской (Колесов 2006; Огнева 2011; Erofeeva 2014, Karabulatova 2013) значительное внимание

уделяется рассмотрению языка как одного из национально-специфических феноменов, аккумулирующего и транслирующего из поколения в поколение культурный опыт, традиции, мировидение народа-носителя языка, систему его морально-этических ценностей. Многие ученые обращают внимание прежде всего на такие культурно маркированные единицы, как: фразеологические единицы (Зыкова 2015; Ковшова 2012; Fattakhova 2014; Schuklina 2014), метафоры (Карасик 2009), символы (Schuklina 2015), стереотипы (Алефиренко 2010; Бочина 2014; Киклевич 2011). Однако не менее значимым является лингвокультурологическое исследование словообразовательных процессов, о чем свидетельствуют имеющиеся работы, в которых словообразование рассматривается с точки зрения национально-культурной обусловленности (Вендина 1998; Земская 2009; Fatkhutdinova 2014; Schuklina 2016). Производное слово – это своего рода модель знаний о мире. Сохраняя свою внутреннюю форму, дериват дает возможность представить, о чем и как думает тот или иной народ, отсылая его к концептуализации мира. Немалый интерес в этом плане представляет словотворчество в современных средствах массовой информации (СМИ), характерной чертой которого стало активное вовлечение в деривационные процессы разного рода прецедентных феноменов. Как известно, прецедентный феномен – это феномен первичного образца, поставленного для оценки или сопоставления, чтобы какое-либо явление было вторично создано благодаря опоре на тот образец, который уже был; это то, что имеет общеизвестный и временной характер, легко узнаваемо большим количеством реципиентов и соответствует главным целям создания того или иного текста; основным отличием прецедентных феноменов является то, что они оказываются связанными с коллективными инвариантными представлениями конкретных «культурных предметов», национально детерминированными минимизированными представлениями последних (Гудков 2003; Ковалев 2004). Поэтому производные слова, мотивирующей базой которых являются прецедентные единицы, в еще большей степени отражают специфичность культуры, мышления и восприятия действительности народа, систему его мировоззренческих установок, ценностных приоритетов. Именно на этом основывается общность для всего народа картины мира и возможность взаимопонимания.

Цель настоящей статьи состоит в выявлении лингвокультурологической обусловленности деривационных процессов в российских газетных текстах на основе изучения взаимодействия окказиональных новообразований с базовыми прецедентными единицами.

В качестве объекта исследования избрана созданная неузуальными способами окказиональная лексика, источником образования которой являются такие прецедентные феномены, как устойчивые словосочетания, аббревиатуры, пословицы и поговорки, прецедентные имена.

Материалом исследования послужила картотека окказиональных слов, извлеченных из российских периодических изданий: «Время новостей», «Итоги», «Коммерсант», «Комсомольская правда», «Московский комсомолец», «Советский спорт», «Новая газета», «Новое время», «Огонек», «Российская газета» и др.

2. Контаминационное словообразование на базе прецедентных феноменов

Исследование языкового материала показало, что наиболее продуктивным неузальным способом образования индивидуально-авторских слов на базе прецедентных феноменов является контаминация (гибридизация, междусловное наложение), когда происходит соединение структурных элементов узальных слов, нередко сопровождающееся совмещением их формально тождественных частей. Прием создания окказионализмов путем контаминации превращается в активно действующий в языке российских СМИ способ компрессивного словообразования. Гибридные слова, семантика которых вбирает в себя и значения объединяемых слов, и присущие им аллюзивные смыслы, и семантику противопоставления или сравнения, развивающуюся уже в самом процессе словопроизводства, позволяют актуализировать те или иные общественные проблемы, злободневные вопросы, представляя жизненные реалии в определенном социальном контексте и в нужном авторе ракурсе. Семантика инноваций подобного типа содержит помимо денотата, коннотативный компонент. Они характеризуются экспрессивностью, оценочностью, способствуют проявлению личностного начала в языке газет. Будучи словами яркими, нестандартными, реализующими творческую компетенцию их создателей, инновации деавтоматизируют процесс восприятия, способствуют привлечению к себе внимания и усилению воздействия речи на подсознание реципиента, побуждая тем самым адресата к более внимательному прочтению материала.

В текстах СМИ представлены различные случаи взаимодействия новообразований с базовыми прецедентными единицами.

Зачастую в качестве источника для производных слов-гибридов выступают антропонимы. Так, прецедентное узальное имя собственное *Мамут* и имя прилагательное в составе устойчивого словосочетания *мутное дело* стали основой для окказионализма *мамутный*: *мамутное дело* («Новая газета». 14.03.2014). Возникновение новообразования связано с увольнением сотрудника портала Lenta.ru Александра Мамута, поэтому отрицательная коннотация всего выражения получает конкретную мотивированность.

Имя спортсмена *Хурадо* и известное восклицание *радость-то какая!* явились основой для заголовка статьи *Хурадость-то какая!* (о забитом голе Хосе-Мануэля Хурадо, который помог красно-белым обыграть «Краснодар») («Советский спорт». 26.09.2013) Гибрид *хурадость* образовался в результате контаминации антропонима *Хурадо* и узуального *радость* с формальным видоизменением.

Или: *Насобчачился* (насобачился + Собчак) («Новая газета». 3.11.2010); *Подмосковный Миллергоф* (Миллер + Петергоф) («Собеседник». 2009. № 28) и др.

В качестве производящей базы для контаминационных новообразований могут выступать различные устойчивые словосочетания или высказывания. Результатом переосмысления слов *непосильный* и *посильный* в устойчивом высказывании *непосильное бремя* стал экспрессивно-окрашенный окказиональный гибрид в названии *непосильное бремя* («Новая газета». 31.01.2014). Экспрессивность и оценочность неузуального деривата *непосильный* усиливается благодаря использованию производящей базы, уже имеющей коннотацию и вызывающей негативные эмоции.

На базе прецедентного высказывания *на веки вечные* и узуального глагола *увековечить* образован окказионализм *увековечные: на веки увековечные* (при открытии памятника павшим в борьбе против фашизма) («Коммерсантъ». 22.12.2010).

Экономическое положение страны послужило стимулятором для гибрида *сюрплас*, источником которого явился фразеологизм *пуститься в пляс: пуститься в сюрплас* («Новая газета». 9.09.2013). Неологизм, наполненный некоторым саркастическим содержанием, возник в результате скрещивания слов *сюрприз* и *пляс*.

Актуальные политические события, связанные со сменой мэра в Москве, породили целый ряд новообразований. Многие из этих неолексем образованы путем совмещения слова *мэр* и созвучного ему элемента в одном из компонентов фразеологизированного выражения, осложненного графической деформацией. Включаемые в словообразовательную игру производные слова, возникшие на основе трансформации устойчивого сочетания, пословицы, поговорки, приносят в источник ироническую окраску: *благие намэрения* («Московский комсомолец». 21.10.2010) (о тех задачах, которые поставил перед собой новый глава столицы); *МЭРовой масштаб* («Итоги». 9.09.2013) (о размахе мероприятий, проводимых мэром); *вторая мэровая* («Московский комсомолец». 15.06.2012) (о борьбе нового мэра с беспорядками, пробками на дорогах, коррупцией и т.д.); *семь раз отмэрь* («Московский комсомолец». 8.10.2010) (об ответственности принятия решения по поводу выбора мэра г. Москвы).

Отношение к российскому законопроекту в достаточной степени репрезентирует словосочетание *просто возместительно* («Огонек». 15.04.2013),

говорящее о катастрофичности законопроекта, которая заключается в том, что парламентарии предлагают узаконить ревизию решений иностранных судов и выплату «пострадавшим» от этих решений российским гражданам компенсаций из госказны и за счет отчуждения собственности «провинившихся» государств. Окказиональный гибрид *возместительно* образован на базе слов *возмутительно* (из устойчивого словосочетания *просто возмутительно*) и *возместить*.

Нередко источником возникновения контаминационных образований становится аббревиатура. При существующей тенденции к языковой экономии в быстром темпе современной жизни – передать максимум информации, прикладывая минимум усилий, места, времени – аббревиатуры просто созданы для такой функции. В качестве дополнительного средства при гибридизации может выступать графическое выделение одного из базовых слов. Так, в результате гибридизации аббревиатуры *РЖД* и узального *рожденные* в названии советского кинофильма *Рожденные революцией* возникло новообразование в газетном заголовке *РЖДенные революцией* («Московский комсомолец». 3.02.2010), смысл которого раскрывается в тексте статьи: крайне возмущенные десять тысяч человек выступили против бесконечного повышения ввозных пошлин, транспортного налога.

Гибрид в составе словосочетания *МММаразм крепчал* («Московский комсомолец». 6.03.2012) создан на базе узального *маразм* и аббревиатуры *МММ* в крылатом выражении *маразм крепчал*. Болезненные для народа проблемы, связанные с мошеннической деятельностью Мавроди по созданию пирамиды *МММ*, нашли выражение в виде целого словообразовательного куста производных слов: *запоМММниться*, *авитаМММиноз*, *бизнесМММен*, *доМММ*, *МММмиллион*, *МММовский*, *МММосквичи*, *МММост*, *МММыльный*, *поиМММенно*, *министраМММи* и др.

Включение аббревиатуры в словообразовательный процесс порождает двуплановость, что делает ее активным участником языковой игры: создает подтекст, рождает загадку, придает ироническое, саркастическое, трагическое или же иное звучание, способствует иерархизации смысла – придает бытовой фразе смысл иносказания – политического, поэтического, философского или какого-либо иного, иногда просто рождает непритязательную шутку.

Окказиональная расшифровка общепринятых аббревиатур рождает семантический окказионализм. Такой прием распространен в разговорном языке, жаргонах, профессиональных языках, но сегодня активно используется и в СМИ: *НЭП* растолковывается как «Наши Экономические Полюсы» («Комсомольская правда». 11.07.2012). По форме или звучанию аббревиатуры могут быть омонимичны обычному слову, что создает каламбур: *ЯБЛоко* – блок Явлинский, Болдырев, Лукин; *МИФ* – Московский инвестиционный фонд; *БиДе* – Белый дом («Комсомольская правда». 28.03.2010).

3. Заместительная деривация на базе прецедентных феноменов

Яркой приметой современной российской публицистики являются новообразования, созданные путем такого неузального способа словопроизводства, как заместительная деривация, которая предполагает замену как морфемных, так и неморфемных сегментов узального слова в составе исходного словосочетания.

Подобного рода производные характеризуют актуальные реалии современной действительности, связанные с изменениями общественного сознания, идеологической переориентацией общества, сменой системы общественных ценностей, концептуально-мировоззренческих парадигм и т.д. Инновации этого типа также обладают повышенной выразительностью и яркой оценочностью. Создавая такие окказионализмы, творец, как правило, отчетливо осознает связь с прообразом и эксплицирует ее.

В большинстве случаев базой для заместительной деривации служат устойчивые словосочетания. Окказионализм *убирательный* в словосочетании *убирательная кампания* («Коммерсантъ». 9.10.2013) возник в результате замены префикса в узальном прилагательном *избирательный* в устойчивом словосочетании *избирательная кампания*. Трансформированный источник репрезентирует новую позицию власти: внесистемная оппозиция должна превратиться в системную, уйти с улиц и участвовать в выборах.

На основе прилагательного в составе прецедентной единицы *бракоразводный процесс* путем замены элемената *раз-* во второй части слова на антонимичный *с-* возникло окказиональное *бракосводный*, содержащее некоторую долю иронии: *бракосводный процесс* («Время новостей». 13.01.2010) (о дискуссии по поводу разрешения однополым парам регистрировать свой брак).

Замена основы произошла и в образовании *трубопожатие крепкое* («Коммерсантъ». 27.04.2010) из устойчивого словосочетания *крепкое рукопожатие*. Трансформированное словосочетание выражает твердое намерение Москвы вкладывать деньги в строительство газопровода South Stream.

Результатом заместительной деривации стало новообразование, созданное на базе прецедентной единицы, известной с советских времен, *киоск Союзпечать*. Так появился окказионализм в составе словосочетания *киоск Союзпечаль* («Коммерсантъ». 28.10.2013), реанимирующего у читателя культурологические знания. По мнению автора статьи, судьба газетных киосков печальна и вызывает жалость, они становятся постепенно приметой прошлого, так как рынок печатных СМИ постепенно умирает.

На базе узального существительного *файлообменник* путем замены основной части образовалось окказиональное слово *файлоизменник* («Коммерсантъ». 5.06.2013), прецедентным источником которого является кинолента *Изменник родины*.

Окказиональный неологизм *займ-аут* («Московский комсомолец». 18.05.2012) возник в результате замены первой основы в узальном *тайм-аут*, что в переводе с английского означает перерыв в спортивных играх по просьбе команды, ее тренера или спортсмена. Семантика новообразования отражает финансовое положение людей: даже кредиты на льготных условиях не позволяют москвичам полностью решить жилищные проблемы.

Окказионализм *законоругатели* («Коммерсантъ». 14.12.2012) появилось в результате замены корневой морфемы в узальном слове *законодатели*.

Экспрессивное новообразование *Дур-Дон*, произведенное путем замены одной из исходных частей слова в устойчивом выражении *дурдом на выезде*, отражает ситуацию коллапса на первой платной федеральной трассе М-4 Дон: *Дур-Дон на выезде* («Московский комсомолец». 19.12. 2012).

Аналогичная замена префикса наблюдается в ироническом новообразовании *сеть-совет* («Российская газета». 6.11.2013), созданном на базе узального *сельсовет*. Речь идет о проекте Фонда развития интернет-инициатив, которых было решено поддержать «рублем» и советом.

Оценочностью характеризуется окказиональное образование *Монстр-нефтегаз* («Новое время». 4.06.2012), обозначающее масштабность и мощь создаваемой энергетической компании. Производное слово возникло на базе прецедентной единицы *Роснефтегаз* путем заменительной деривации первой части лексемы на *монстр*-.

Выводы

Проведенное исследование позволило прийти к следующим выводам. Наиболее продуктивными способами неузального словообразования с использованием прецедентных феноменов в качестве производящей базы в современных российских газетных текстах являются контаминация и заместительная деривация.

Использование прецедентных феноменов как источника словотворчества представляет собой проявление одной из основных тенденций современных российских СМИ – тенденции к экспрессивизации текста. Как правило, исследованные инновации, обладая повышенной выразительностью и яркой оценочностью, используются в газетных текстах, поднимающих актуальные экономические, политические, социальные вопросы. Причем большая часть индивидуально-авторских неологизмов характеризуется эмоционально-оценочной однополярностью, имеет отрицательную коннотацию, которая сопровождается зачастую ироническим, порой саркастическим звучанием.

Активное словотворчество на базе прецедентных феноменов свидетельствует об усилении личностного начала в СМИ начала XXI века. Посредством создания инноваций автор стремится выразить свое отношение к явлениям окружающего мира, дать им ту или иную индивидуальную оценку, которая диктуется его эмотивным состоянием, эмоциональным намерением, выражая при этом определенную общественную, гражданскую позицию. Использование оценочных номинаций, какими являются исследованные окказиональные производные, представляет собой один из множества параметров человеческого фактора в языке газет.

Деривационные процессы, протекающие в языке СМИ, имеют лингвокультурную маркированность, обусловленную экономической, политической, социокультурной ситуацией в стране. Социальная ориентированность и оценочность окказионализмов отражают специфику языковой картины мира современного российского социума. Производные слова, созданные на базе прецедентных феноменов, позволяют акцентировать внимание читателей на актуальных общественных проблемах, актуализировать имеющиеся у них культурологические знания.

Библиография

- АЛЕФИРЕНКО, Н. (2010), Языковые стереотипы русского этнокультурного пространства. В: *Przegląd Wschodnioeuropejski*. I, 405–424.
- БОЧИНА, Т. Г./МИФТАХОВА, А. Н. (2014), Гендерная интерпретация образа мужчины в Рунете. В: *XLinguae Journal*. VII/1, 2–14.
- ВЕНДИНА, Т. И. (1998), Русская языковая картина мира сквозь призму словообразования. Москва.
- ГУДКОВ, Д. Б. (2003), Теория и практика межкультурной коммуникации. Москва.
- ЗЕМСКАЯ, Е. А. (2009), Словообразование как деятельность. Москва.
- ЗЫКОВА, И. (2015), Теория и методы лингвокультурологического изучения фразеологии. В: *Przegląd Wschodnioeuropejski*. VI/1, 181–195.
- КАРАСИК, В. И. (2009), Языковые ключи. Москва.
- КИКЛЕВИЧ, А. (2011), Роль стереотипов в межкультурной коммуникации. В: *Przegląd Wschodnioeuropejski*. II, 259–283.
- КОВАЛЕВ, Г. Ф. (2004), Прецедентное имя собственное в тексте рекламы. Феномен прецедентности и преемственность культур. Серия «Монографии». VIII. Воронеж.
- КОВШОВА, М. Л. (2012), Лингвокультурологический метод в фразеологии: культурные коды. Москва.
- КОЛЕСОВ, В. В. (2006), Русская ментальность в языке и тексте. Санкт-Петербург.
- ОГНЕВА, Е. (2011), Культурно маркированные тексты: проблемы перевода. В: *Przegląd Wschodnioeuropejski*. II, 415–426.
- DANESI, D. (2008), *Language, Society, and Culture*. Toronto.
- ЕРОФЕЕВА, И. В. (2014), Nominalization in linguocultural paradigm of chronicles. In: *Life Science Journal*. XI/11, 438–442.
- FATKHUTDINOVA, V. G. (2014), Nominative derivation specificity in the typologically distant languages. In: *Life Science Journal*. XI/10, 728–731.

- FATTAKHOVA, N./KULKOVA, M. (2014), The Formation of Paroemiology in Russia and Germany. In: World Applied Sciences Journal. XXXI/5, 935–939.
- GAO, F. (2006), Language is Culture – On Intercultural Communication. In: Journal of Language and Linguistics. V/1, 58–67.
- JOURDAN, C./TUIITE, K. (2006), Language, Culture, and Society. Cambridge.
- KARABULATOVA, I. S./POLIVARA, Z. V./ZAMALETDINOV, R. R. (2013), Ethno-Linguistic Peculiarities of Semantic Perception of Language Competence of Tatar Bilingual Children. In: World Applied Sciences Journal. XXVII, 141–145.
- KOVECSES, Z. (2006), Language, Mind, and Culture: A Practical Introduction. Oxford.
- SCHUKLINA, T. Y. (2014), Binary oppositions as a way of representing the Slavic culture (in the context of the Russian proverbs). In: Life Science Journal. XI/10, 638–641.
- SCHUKLINA, T. Y. (2015), Development of images-symbols in the Russian language (linguoculturological aspect). In: Asian Social Science. XI/9, 341–345.
- SCHUKLINA, T. Y. (2016), Expressive word formation as lingo-cultural phenomenon. In: XLinguae Journal. 9/3, 44–50.

KOSTIANTYN MIZIN / OLEXANDR PETROV

Pereiaslav-Khmelnytskyi Hryhorii Skovoroda State Pedagogical University

Vinnitsia Mykhailo Kotsiubinsky State Pedagogical University

METAPHORICAL MODELLING OF COGNITIVE STRUCTURE OF THE CONCEPT *STINGINESS* IN BRITISH, GERMAN, UKRAINIAN AND RUSSIAN LINGUOCULTURES

KEYWORDS: contrastive linguoculturology, concept of stinginess, metaphoric models, cognitive structure

ABSTRACT: This article deals with determining peculiarities of metaphorical modelling of cognitive structure of the concept *STINGINESS* in British, German, Ukrainian and Russian linguocultures by the way of analysing phraseological objectivation of the concept in the light of the relevant contrastive-linguoculturological approach. The authors establish that mainly common metaphoric models lie at the basis of the metaphors representing the concept *STINGINESS*. It is determined that despite the prevalence of metaphors containing common meaning of stinginess in the researched linguocultures distinct prevalence of common cognitive features over the specific ones within the metaphors themselves (metaphoric models), the concept *STINGINESS* is largely filled with ethnically and linguoculturally specific meanings in the contrasted language communities, that is proved by the metaphors *STINGINESS IS ILLUSION* by British and Germans, *STINGINESS IS MEANNESS* by British, *STINGINESS IS SHAME* by Ukrainians, *STINGINESS IS NOT A FULLISH THING* by Ukrainians and Russians. It is noteworthy that most of the conceptual metaphors representing the concept *STINGINESS* are commonly found in all the four linguocultures.

1. Introduction

One of the main fundamentals of the cognitive linguistics is an assumption that language is an instrument for organising and categorising environment and the bearer of information used by representatives of the certain cultural community for receiving, accumulating and actualising knowledge and new experience about the world. It means that words and phraseological units (further – PU) must not be viewed as isolated phenomena but in the light of tight interaction of language, cognition and collective knowledge of the cultural community (Palmer 1996). In spite of the dispute, often even severe, the supporters (e.g., Зыкова 2015; Мізін 2015) and critics (e.g., Киклевич 2010; Павлова 2015) of the (ethnic)culturological

approach to the analysis of language signs, contemporary linguistics is characterized by intensification of anthropological studies the settling of the linguoculturology is connected herewith.

Entrance of anthropological research onto the intercultural space at the beginning of the 21st century has favoured to singling out a new area – contrastive linguoculturology. Extraction of the culture-bearing information from language signs is a prior task for contrastive linguoculturology since the subject of the last one is representation and interpretation of the embodiment of certain culture in the language system on the background of comparison with other cultures and languages for determining common and divergent features of these linguocultures in synchronism (Мізін 2012, 43–44). In our opinion, contrastive linguoculturology in comparison to linguoculturology can give the methodological apparatus which would meet the requirement of modern linguistics the most adequately.

Taking into account this fact we continue the series of articles dealing with complex analysis of the forming cognitive features of the binary concepts GENEROSITY – STINGINESS on the basis of their phraseological objectivation in English, German, Ukrainian and Russian languages in the light of contrastive-linguoculturological approach. Methodological openness of linguoculturological concepts offers a variety of methods to research them, that is why the previous articles determine philosophic-religious and moral-ethical parameters of the concepts GENEROSITY – STINGINESS, establish their inner form, determine nominative fields of the contrasted concepts, etc. (e.g., Мізін 2014; Петров 2014).

However, the completeness of the methods of linguoculturological description of concepts provides minimum two more moments: 1) modelling cognitive structure of the concept (figurative component of the concept fixes cognitive (conceptual) metaphors supporting the concept in the consciousness); 2) uncovering value dominant of a certain linguoculture accumulated in one or another culturally significant concept. Thus, the topic of this article is to determine cognitive features of the main metaphors representing the concept STINGINESS in British, German, Ukrainian and Russian language communities with the help of phraseological objectivation of this concept.

2. Main cognitive metaphors representing the concept STINGINESS

The practical material-based analysis confirms that the most frequent and the most ramified metaphor representing the concept STINGINESS is the anthropomorphic metaphor STINGINESS IS A SICK PERSON, represented by the following cognitive features (e.g., Mizin 2016):

1) “pathological unwillingness to let somebody to the depository of their resources”, e.g.: Eng. *dog in the manger* – “dog in the hay”; Germ. *Der Geizhals*

liegt auf seinem Geld wie der Hund auf dem Heu; Ukr. *Сидить, як пес на сіні: і сам не їсть, і другому не дає*; Russ. *Как собака на сене: и сама не ест, и другим не дает*;

2) “unhealthy disability of the stingy person to spend resources on the necessary or share the most needed”, e.g.: Eng. *Big bellies were never generous*; Germ. *die Hand auf der Tasche halten* – “to be very stingy”; Ukr. *У стайні є хвіст, але в хаті – постійний ніст*; Russ. *Щедрый дает, а у скупого сердце болит*;

3) “uncontrolled longing for profit (pathological insatiability)”, e.g.: Eng. *Love is blind and greed is insatiable*; Germ. *Dem Geiz ist nichts zu viel*; Ukr. *Убогому мало що бракує, а захланному всього*; Russ. *Стоит по горло в воде, а пить просит*;

4) “constant worry of the stingy person (spiritual illness and mental disorder), excessive suspiciousness”, e.g.: Eng. *He looks twice at every penny*; Ukr. *За копійку аж труситься*; Russ. *Жадный сам себе покою не дает; Над каждой копейкой дрожит*;

5) “pathological envy of the niggard”, e.g.: Eng. *Greed and envy are good neighbors*; Ukr. *За очей завидющих і руки загребущі*; Russ. *Не столько смущает свой убыток, сколько чужой прибыток*. Interlacement of the semantics of envy and stinginess can be traced both in the German idiom *Je mehr man hat, je mehr man will* and Ukrainian PU (*придавила*) *давить кого-н. жаба* – “1) very stingy; 2) very envious”;

6) “excessive amorality of the stingy person”, e.g.: Eng. *A greedy father has thieves for children*; Germ. *Der Geizige trägt seine Seele feil*; Ukr. *Скупому душа дешевше гроша*; Russ. *Скупому душа дешевле гроша*. In the imagination of the representatives of English-, Ukrainian- and Russian-speaking communities, stinginess incites the niggard to the most unpredictable behaviour, often even to paradoxes, e.g.: Eng. *to shave an egg* – “about stingy behaviour”; *smb. cannot spare the reek off his own shit* – “to be extremely stingy”; Ukr. *хто-н. за копійку плигне в колодязь* – “very stingy”; Russ. *Из песку верёвки вьёт*.

Stinginess is perceived by representatives of the contrasted language communities both as spiritual (mental) and physical illness destroying the person from inside. This is the motive for the basis of cognitive feature “stinginess is a deathly disease” which also represents the conceptual metaphor STINGINESS IS A SICK PERSON, e.g.: Germ. *Geiz zerstört die Seele und den Körper*; Ukr. *Скупі, – що бджоли: завжди мед збирають, а після й самі пропадають*; Russ. *Скупые, равно пчелы: мёд собирают, а сами умирают*. Singling out one more illness as a cognitive feature of stinginess – rheumatism – by British and Germans is linguoculturally contrastive, e.g.: Eng. *smb. born with a cramp in his fist* – “niggard”; Germ. *Er hat Rheumatismus zwischen Daumen und Zeigefinger*. As we can see, in the imagination of representatives of the English-speaking community the niggard cannot unbend the fist / hand (the motives “reticence” / “keeping” are clearly traced) and for the German-speaking people the thumbs and the forefingers used for taking money

from wallets are relevant in this case. When fingers suffer from rheumatism, it is impossible to take money.

The conceptual metaphor STINGINESS IS A POOR PERSON is also actual, e.g.: Eng. *A greedy man is always poor*; Germ. *Geiz ist die größte Armut*; Ukr. *Скнупий багач бідніший за жебрака*; Russ. *Скупой богач беднее нищего*. It is known that nobody, including the stingy person, has any profit from his / her belongings. While the economical person does not want to waste anything, the stingy person does not want to spend anything. Every penny is so important to the niggard that he / she is ready to wear rags and eat only dried bread to keep his / her savings. It is noted that illogicality of contrasting the concepts STINGINESS – POVERTY is levelled by existence of the integral motive “constant need”, because in the first and in the second cases the person lives in constant need (poverty); however the poor one – in the physical one, and the niggard – in the psychological one, e.g.: Russ. *Убогого одна нужда гнетет, скупого две (убожество и скупость)*. This illogicality creates paradox and the above given PU expression where stingy and poor people are identified. Although a rich person is in constant need, i.e. they permanently search for bigger profit that is why rich people are considered to be stingy, e.g.: Eng. *A rich man is always narrow with his money*; Germ. *Ein Reicher und Geiziger ist Salomons Esel*; Ukr. *Хто багатий, той не любить дати*; Russ. *Вкуне богат и убог; Не проси у богатого, проси у тороватого (тороватый – «generous»)*.

In the consciousness of representatives of the contracted linguocultures stinginess is associated with grief (bad luck) that is proved by the metaphor STINGINESS IS GRIEF, e.g.: Eng. *There is no greater calamity than being consumed by greed*; Germ. *Man kann einem Geizigen nicht mehr Unglück wünschen, denn daß er lange lebe*; Ukr. *Від користи серце кам'яніє*; Russ. *У скупого, что больше денег, то больше и горя*. However the German-speaking people associate stinginess not so much with grief but with evil, e.g.: *Der Geiz ist die Wurzel alles Übels*. Here should be mentioned the idiom *Der Geiz ist seine eigene Stiefmutter*, where we can find semantics of evil, since in the naive world picture the step-mother is perceived as a negatively marked member of opposition “mother – good, step-mother – evil”.

Analysis of the practical material shows that the conceptual metaphor STINGINESS IS LOSS is common for British, German, Ukrainian and Russian linguocultures, e.g.: Eng. *If you buy cheaply, you pay dearly*; Germ. *Der Geizige verstört sein eigen Haus*; Ukr. *Лінивий двічі ходить, скупий двічі платить*; Russ. *Скупой платит дважды (compare also the neologism: Скупой платит дважды, тупой платит трижды, а лох платит постоянно)*. Existence of this conceptual metaphor objects to some extent the shallow logics of the cause and effect chain “stingy → wealth / / profit”, since the analysis of the conceptual world pictures (further – CWP) of the contrasted linguocultures proves the opposite dependency: stinginess as a motivator of irrational behaviour often leads to the loss but not to the wealth. That is why the conceptual metaphor STINGINESS IS USELESSNESS OF ACCUMULATION

is actual especially for the Russian CWP, e.g.: Eng. *Every man goes to his death bearing in his hands only that which he has given away*; Germ. *Den Geizhals und ein fettes Schwein sieht man im Tod erst nützlich sein*; Ukr. *Скупий дбає не про себе*; Russ. *Всех денег не заработаешь; Помрёшь – ничего с собой не возьмёшь*.

Since stinginess is one of the main sins and stinginess covers significant, much more negatively marked notional volume of greediness, stinginess is considered to be a bigger sin that is realized on the level of CWP in the contrasted language communities in the conceptual metaphor STINGINESS IS SIN, e.g.: Eng. *When all other sins are old, greed stays young; A greedy man God hates*; Germ. *Wenn alle Sünden alt werden, wird der Geiz jung; Geizhalses Gut, des Teufels Opferherd*; Ukr. *Скупий збирає, а чорт калитку шие; скупий як чорт* – “very stingy”; Russ. *Скупому человеку убавит Бог веку; скупой как черт* – “very stingy”. The practical material proves that stinginess as a sin is directly connected to the evil spirit – devil – in German, Ukrainian and Russian CWP. The fairy “evil spirit” *Кощей* (бессмертный) and the biblical idiom *Иуда* are specific for the Russian language consciousness, e.g.: *скупой как Кощей* (бессмертный) – “very stingy”; *как Иуда* – “very stingy”, and the biblical idiom *Cain* for the Ukrainian one: *дрижить як Кайн за алтин* – “very stingy”. Linguoculturological contrast is created by Ukrainian and Russian proverbs with semantics of stinginess where figurative-motional basis is formed with folksy determination of the vergers – priests which are considered the biggest sinners in the naive world picture of Ukrainians and Russian since they are supercilious, greedy, envious, insatiable, etc., e.g.: Ukr. *У попа очі завидючі, а руки загребучі*; Russ. *У попа и среди зимы снега не выпросишь; У попа глаза завидующие, а руки загребущие*.

The statement that stinginess finds its paradise in the shit is a linguocultural characteristic of the German imagination, e.g.: *Geiz sucht seinen Himmel im Kot*, because the hell obviously waits for stingy people, e.g.: *Der Geiz macht sich seine Höllenfahrt sauer*, they have sold their souls, e.g.: *Der Geizige trägt seine Seele feil*. It is obvious that the hell darkness comes from the secretiveness in the German CWP, e.g.: *Der Geiz will nicht leiden, daß man das Licht bei ihm anzünde*. It is worth stating that German-speakers use specific metaphors *Knausrigkeit*, *Knickerigkeit*, *Pfennigfucherei*, and say *Geizkragen* or *Geizhals* about a person. In the imagination of the German-speaking linguoculture the stingy person has a long neck or a high collar (long neck and sharp nose of the niggard affirm his / her special skill to go through every clink seeking for profit and the high collar is used by a stingy person to cover him- / herself from the outer world since he / she is reversed, secretive).

The conceptual metaphor STINGINESS IS ILLUSION is specific for British and German CWP, e.g.: Eng. *Deceit sleeps with Greed*; Germ. *Alle Laster nehmen mit der Zeit ab, nur Geiz und Lüge nehmen zu*. Some linguoculturological specifics, especially for English-speakers, have the conceptual metaphor STINGINESS IS MEANNESS. Here we can even find contaminated composites where semantics

of meanness and stinginess are combined, e.g.: *mingy* (mean + stingy) – “very stingy” (Lavrova 2010, 148). In the previous articles (Петров 2014) we have already written about the tight intersection of the CWP of the ancient Anglo-Saxons MEAN (mean) and STINGY (stingy), that is connected with contrasting the motive “mean – noble”: the noble (the king, the aristocracy, etc.) cannot be mean so they cannot be stingy. That is why the concept MEAN represents the meanings of not only meanness, baseness but also stinginess.

Our analysis has established that the conceptual metaphor STINGINESS IS SHAME is actual only for Ukrainian CWP, e.g.: *Грубе поліно вогонь гасить, скупа хазяйка дім соромить* and the metaphor STINGINESS IS NOT A FOOLISH THING for Ukrainian and Russian CWPs, e.g.: Ukr. *Скупий не глупий, а щедрий не мудрий*; Russ. *Скупость – не глупость; Скуп не глуп, себе добра хочет; Лучшие поскупиться, чем промотаться*. This conceptual metaphor levels to some extent the stereotype about extreme intolerance to stinginess in the Russian linguoculture. Even the Russian language consciousness can percept stinginess as the highest degree of economy and such human trait is not so much negative because in this case the stingy person just does not want to lose what he / she has, saving and increasing his / her holdings at the same time (compare also the irony: *Скупой жадному сказал: скупость – не глупость, а та же добыча*).

The conceptual metaphor STINGINESS IS A STRANGER is actual for the contrasted linguocultures, e.g.: Ukr. *скупий як грек* – “very stingy”; *скупий як жид* – “very stingy”; Russ. *скупой как жид* – “very stingy”. According to psychologists only few people acknowledge themselves to be stingy and the rest impart this feature with the others – from neighbour to representative of the foreign linguoculture. This is the basis for numerous stereotypes. So, Australians ascribe stinginess to Chinese, e.g.: *meaner than the goldfield Chinaman* – “a very stingy person” (Baker 1966, 89).

Heterostereotypes can be found with the help of psycho-linguistic experiments. The results of such experiments prove, for example, that the Russian respondents believe greediness to be a national characteristic of the English people (Кочетков 2002, 22–49). It is obvious that this fact is connected to the polar perception of axis autostereotype – heterostereotype by the representatives of one or another linguoculture that is based on the deep archetype “own (positive) – strange (negative)”. That is why Russians, contrasting themselves, ascribe generosity and openness to themselves as traditional traits of their character, although contrastive research of the concept GENEROSITY certifies some falsity of this autostereotype (Петров 2014).

The table exemplifies common and specific cognitive metaphors that represent the concept STINGINESS.

Conceptual metaphor STINGINESS IS...	Linguoculture			
	British	German	Ukrainian	Russian
a sick person	+	+	+	+
a poor person	+	+	+	+
grief	+	+	+	+
loss	+	+	+	+
uselessness of accumulation	+	+	+	+
sin	+	+	+	+
illusion	+	+	–	–
meanness	+	–	–	–
shame	–	–	+	–
not a foolish thing	–	–	+	+
a strangeR	+	+	+	+

3. Conclusion

Analysis of the phraseological objectivation of cognitive features of the metaphors representing the concept STINGINESS in British, German, Ukrainian and Russian language communities allows us to determine that common metaphorical models constitute a basis for the metaphors in the contrasted languages. The authors have established that stinginess is perceived by representatives of the contrasted language communities both as spiritual (mental) and physical illness destroying the person from inside. It explains the fact that the anthropomorphic metaphor STINGINESS IS A SICK PERSON represented by the most numerous cognitive features formed in the contrasted language communities chiefly on the common perceptive-imaginative ground is the most quantitatively ramified. Singling out such diseases as rheumatism caused by stinginess as a cognitive feature of stinginess by British and German is linguoculturally contrastive.

Research of the practical material allows us to state that despite the prevalence of metaphors containing common senses of stinginess in the researched linguocultures and the distinct prevalence of the common cognitive features over the specific ones within the metaphors themselves (metaphoric models), the concept STINGINESS is largely filled with ethnically and linguoculturally specific meanings in the contrasted language communities, that is proved by the metaphors STINGINESS IS ILLUSION by British and Germans, STINGINESS IS MEANNESS by British, STINGINESS IS SHAME by Ukrainians, STINGINESS IS NOT A FOOLISH THING by Ukrainians and Russians.

References

- BAKER, S. (1966), *The Australian language*. Melbourne.
- LAVROVA, N. (2010), Contamination: An Apt Linguistic Term or a Misnomer? In: *International Journal of Arts and Sciences*. 3 (16), 148–153.
- MIZIN, K./PETROV, O. (2016), Concept metaphor “STINGINESS IS A SICK PERSON” in British, German, Ukrainian and Russian linguocultures: contrastive-linguoculturological analysis. In: *Science and Education a New Dimension. Philology*. IV (17)/78, 51–53.
- PALMER, G. (1996), *Towards a Theory of Cultural Linguistics*. Austin TX.
- ЗЫКОВА, И. (2015), Теория и методы лингвокультурологического изучения фразеологии. В: *Przegląd Wschodnioeuropejski*. VI/1, 181–195.
- Киклевич, А. (2010), Концепт! Концепт... Концепт? К критике современной лингвистической концептологии. В: Киклевич, А./Камалова, А. (ред.), *Концепты культуры в языке и тексте: теория и анализ*. Олштын, 175–219.
- Кочетков, В. (2002), *Психология межкультурных различий*. Москва.
- МІЗІН, К. (2012), Нові напрями в українському мовознавстві: зіставна лінгвокультурологія. У: *Мовознавство*. 6 (268), 38–52.
- МІЗІН, К. (2015), Методологічна валідність лінгвокультурології vs зіставної лінгвокультурології: аргументи та контраргументи. У: *Вісник Дніпропетровського університету ім. А. Нобеля*. 2 (10), 104–110.
- Мізин, К./Петров, О. (2014), Морально-етичний параметр концепту «ЩЕДРИСТЬ» у британській, німецькій, українській і російській лінгвокультурах. У: *Мовознавство*. 5 (278), 71–80.
- Павлова, А. (2015), Лингвокультурология в России: «за» и «против». В: *Przegląd Wschodnioeuropejski*. VI/2, 201–221.
- ПЕТРОВ, О. (2014), Філософсько-релігійний, психологічний і морально-етичний параметри концепту СКУПІСТЬ у британській, німецькій, українській і російській лінгвокультурах. У: *Наукові записки Вінницького державного педагогічного університету ім. М. Коцюбинського*. Вінниця. 20, 269–277.

GULNARA SUYUNOVA / OLGA ANDRYUCHSHENKO
Pavlodar State Pedagogical Institute

REGIONAL URBAN STUDIES AS A PROMISING TREND IN KAZAKHSTAN LINGUISTICS

KEYWORDS: linguistic urban studies, system, comprehensive, urbonym, onomastic in Kazakhstan

ABSTRACT: The discipline of Modern Russian Studies in Kazakhstan develops in line with global linguistic trends, including the use of urbonymic systems from the point of view of their communicative existence. Urbonyms, their typology, linguistic analysis of functioning of systems of Kazakhstan cities-related onomastic terms are promising issues of Kazakhstan's Russian studies. The authors emphasize the close relation of onomastic processes to the society life. The formation of onomastic space of independent Kazakhstan and the definition of its national expression are considered by the researchers as one of the most important problems of the modern Kazakhstan linguistics. Language planning and language policy should become an integral part of a general policy aimed at improving the social, economic and cultural situation in the city. This provision is significant for the nomination process in Pavlodar, the onomastic system of which, like of a similar system of any Kazakhstan city, reflects the socio-cultural changes taking and having already taken place. The article specifically shows promising new approaches to the study of the city, in particular, from the standpoint of study of general cultural landscape of the city.

The phenomenon of the city has long been in the focus of attention of scholars in various areas of knowledge. Presently, of considerable scientific value are the linguistic, social, economic, environmental, demographic, philosophical, political, historical and cultural aspects of the city.

Urban phenomenon is a very relevant issue to study, as the cities have always been social and cultural centers with their unique administrative practices, organization of social life and specific composition of the population and, consequently, distinctive linguistic processes.

Alongside modernization processes seen Kazakhstan over the past years there has been a significant growth of cities and the share of the urban population, with three quarters of the country's population living in the cities nowadays. The cities experience rapid ongoing concentration and integration of new economic activities, high-tech industry, financial, commercial and educational services, material, cultural and spiritual values, as well as the foreign trade infrastructure. New types of cities and varying classifications thereof have emerged. At the same time, very few studies on purely linguistic and communicative city-related issues, the description

of external and internal linguistic factors influencing the linguistic image of the city are available in the scope of the modern Kazakhstan linguistics. Scattered scientific papers available in the national science today fail to provide a systematic and complete glimpse of the modern linguo-cultural issues of the city.

The city as an object of research is attracting increasing attention of experts of various areas of scientific knowledge: philologists, historians, sociologists, political scientists, philosophers, economists, geographers etc.

One of the most important aspects of studying the history of cities are everyday life surveys. The history of everyday life is both an independent scientific value and an important tool used in the context of a more general agenda: drawing up of regional models of the culture and language of the city, studying the specificity and mechanism of their functioning on various social and intellectual levels. Daily life spans the entire human-inhabited environment, the environment of direct consumption, satisfaction of material and spiritual requirements, the associated customs, rituals, behaviors, ideas, habits. The related analysis of the reflection of such processes in the language is highly promising.

It is from this perspective that the philological study of cities, enabling a more comprehensive characterization of the whole phenomenon of the city and city life, is a productive trend in the world and domestic urban studies.

If we consider the emergence of the global urban studies, it should be pointed out that in a linguistic way the agenda of this subject area was initially formed based on the sociological approach. This particular approach to the analysis of the spatial structure of the city, the system of social relations and relations therein was paid attention to in the works of R. Park and E. Birgess (Birgess 1925), the prominent representatives of the Chicago school.

Urban studies also sourced fruitful ideas from the French school known to spread knowledge of new urban history and English school of comprehensive local studies.

However, in general, the problem of the city language has not been studied to a sufficient extent, and there are considerable spatial “gaps” related to the study of specific cities. The discipline of Urban Studies is relatively young subject area in the modern Kazakhstan linguistics. Relevant studies available today relate mainly to the problem of formation of the linguistic landscape of the city. Here we can single out the work by T. T. Kotlyarova (2008) dedicated to certain issues of formation of onomastic space of Astana, the issues of semantics of onymes are considered in article by V. I. Suprun (2012).

The study of general cultural landscape of the city as an existential and scientific phenomenon is among new trends in Kazakhstan urban studies.

N. Zh. Shaimerdenova at the international congress noted:

Russian Studies is presented by national schools in Kazakhstan as an area of philology studying the Russian Language, Russian Literature and folklore. Of primary importance

for the Russian Studies experts in Kazakhstan is the study of ancient Turkic-Slavic contacts, comparative description of the Russian and Kazakh, Russian and Tatar, Russian and English and other languages, studying of cultural-ethnographic and sociolinguistic features of the Russian language functioning etc. Fundamental works in the field of linguistic hermeneutics, linguistic source study should be considered the great achievement of Kazakhstan's Russian Studies along with the history of the Russian language, comparative-historical linguistics, the Russian language in a foreign nationality audience and many other disciplines (Shaimerdenova 2007, 235).

This substantial list lacks Linguistic Urban Studies, probably for the simple reason that it was not paid due attention to in Kazakhstan science during the period in question.

It is necessary to make it clear that traditional Linguistic Urban Studies in Kazakhstan is included in onomastics and, in our colleagues' opinion, should not be considered as a standalone subject area. In particular, this was discussed at the presentation of a new Kazakhstan textbook on linguistics theory for undergraduates, when in response to my comment on the absence of references to *linguo-urbanistic* studies in the country one of the most respected authors – A. K. Zhumabekova said that it is inappropriate to consider Linguistic Urban Studies as a separate subject area of linguistics but rather leave it as a part of onomastics.

Indeed, the city-related onymes are traditionally referred to microtoponyms, which, in turn, are part of an extensive list of proper names comprising, as is known, the object of onomastic research. At that, proper names are considered from different points of view: history of emergence of names and nomination drivers, typology of proper names, their establishment and continued functioning in a class of onymes, issues of proper names classification, territorial and linguistic distribution thereof, functioning of onymes in speech etc. In addition to these issues onomastics examines the phonetic, morphological, word-formation, semantic, etymological and other aspects of proper names. This explains the wide aspectology of onomastics.

Onomastic processes and phenomena are closely linked to the historical and cultural life of society. You could even say that no area of the language functioning features such direct and immediate links to the social life as onomastics and its unit, proper name (onyme). Back in 2008, Russian researcher A. K. Matveyev, analyzing trends and practices in the Russian Onomastics and, in particular, in the Linguistic Urban Studies, concluded that “the consequences of voluntarism in urbonomination have been difficult for the country to cope with” (Matveyev 2008, 102). He stresses the need to respect the proper name, because it “is or will be a monument to our history and culture” (Matveyev 2008, 103).

The urbonymic phenomena specificity is primarily regional in nature, as the selection of urbanonyms is virtually the same for any city, the difference being in their combination, layout density, features of nomination. All these features are studied in Regional Onomastics and Urban Studies as a part of it.

Regional Onomastics aims to identify onomastic systems, which combine the names of certain territories. The system in a known manner affects both the perception of names already existing, and the creation of new ones. In each historical period, the system has an internal balance and interdependent 'value' of its constituent components. At the same time, the system undergoes constant changing and conversion. These processes are enhanced to a greater extent as affected by changes in the ethnic and linguistic composition of the territory's population, changes in the ideological and political influence, etc. (Madiyeva 2013, 135). This provision is fully applicable to the functioning of urbyonymic systems, in our case those of the city of Pavlodar.

The proper name is always in the scientists' focus of attention, although considered to be vocabulary periphery. The intensity of processes the proper name is involved in generates certain tendencies in the area of its functioning, i.e. in onomasticon, including in the city onomasticon.

T. V. Shmelyova (1997, 146–147), a known onomastics expert, specifies the following trends in the modern city onomasticon:

1. expansion of the range of onym-based named urban facilities (banks, insurance companies, legal organizations, various businesses, schools, pharmacies, medical institutions, etc.);

2. sequential ("house-to-house") onym-based nomination of urban facilities already covered by onomastic approach of naming (particularly as refers to the names of various types of commercial establishments);

3. extension of the scope and update of lexemic composition, discovery of new ways of involving appellatives in the city onomasticon, active inclusion therein of everyday life and archaic vocabulary;

4. restoration, manifested in more or less massive return of old pre-Soviet period names, the coexistence of which in the speech of citizens (residents/inhabitants) with still relevant former names in various cities develops differently and requires special attention of linguists;

5. a return to the city area of anthroponyms which pre-revolutionary cities were rich with, other forms of existence of anthroponyms in the modern city – home name, "home-made" acronyms, etc.;

6. rehabilitation (admission to be used on signboards) of informal proper names that existed previously in oral speech only;

7. overcoming of barriers of the Russian lexicon, including of foreign language units in onomasticon (from the "international fund", the English and even oriental languages); in which case onyms of foreign origin prefer "natural" written form, which opens the way for the Latin alphabet and hieroglyphs to the Russian-speaking urban environment.

We can witness similar phenomena and processes in onomastic processes in Kazakhstan. Scientists report "the dramatic changes in the life of modern Kazakhstan

induced by social processes” that “have also influenced the content of onomastic environment” (Shmelyova 1997, 147).

According to scientists, “cases of renaming are related to the intention of nominators due to the desire for reflection. This desire reflects the need to recognize the cultural and historical context and express it in proper names” (Madiyeva 2013, 134).

Thus, linguo-urbanistic processes in the modern city are complex in nature, a deep scientific insight into which involves addressing a broad range of socio-cultural factors.

It is noteworthy to single out the connection of onomastic processes with city the language planning among the above factors. In the opinion of researcher B. Ya. Sharifullin, which we admit to share, the issues of onomastic development of the city are directly related to the language policy in matters of naming and renaming of both the cities and facilities located therein. The researcher writes: “The issue of nomination, renomination and counter-nomination, is indeed considered one of the most urgent problems of the Russian onomastics (the whole lexicology in a wider context) of the twentieth century, especially its ending” (Sharifullin 2000, 172).

Analyzing trends in this area, the researcher identifies innovations in the Russian urban onomasticon, some of which are related to the legal issues of language, language policy and language planning:

1. 1. Personalization and intimization of urban names. Many of them are restoring (and possibly for tactical reasons) the types of names traditional for Russian businesses and merchants, i.e. containing the owner’s name.

In this sense, the nomination process is directly linked to the internal form of the word. As A. Kiklewicz rightfully noted,

the motivation of a linguistic sign is always socially and culturally conditioned: each individual nomination is connected with the situation in the course of human activity, with practical and intellectual experience of language subjects, with specific tasks that need to be resolved with the use of sign-oriented means (Kiklewicz 2013, 208).

The Soviet time-tested type of naming by personal name is also used, but “unlike the former involving purely “taste-based” motivation (“Ruslan” store, “Lyudmila” store, “Svetlana” atelier), the new names are primarily based on the name of the owner or his/her nearest relations” (Sharifullin 2000, 174).

The above trends are typical for the urbonymic system of Pavlodar, with the anthroponymical principle of nominating new sites adhered to in the first instance. For example, we have registered the names of 153 cafes of Pavlodar, of which 20 nominations (12%) are as follows: *Adil, Alia, Gulsum-ai, Natalie, Lusine, Amir* et al.

The process of personalization and intimization is to a greater extent reflected in the names of Pavlodar shops. By now a total of 528 names of commercial establishments of various types and sizes have been recorded, from mega shopping

mall to the smallest built-in shops. Of these, 149 nominations are anthroponymic names (35%). Name intimization can be seen in such names of our stores as *Botam* (literally, My Little Camel), *Dan'ka* (diminutive-hypocoristic of Danila) *Lyubasha*, *MirasiK* (also a word play), *Sudarushka*, *Sudar'*, and many others.

2. The author refers to another interesting trend in the onomasticon of cities in Russia: legalization of informal (everyday-colloquial, slang, underground) names of stores, social support facilities etc., established back in the Soviet time. According to the author, most often such names reflect "healthy" onomastic reflection of citizens, their rejection of faceless and indirect titles, especially if the "numbers" were used as "names" (Sharifullin 2000, 174-175). In Pavlodar onomasticon we found no such phenomena.

3. "Retrospection" of onomasticon, restoration of and return to the old types and ways of naming, as well as names themselves. This phenomenon is also observed in Pavlodar urbonyms: *Kupets*, *Uspenskaya store* (containing a lexical item-historicism), *Pishcheprom* (a model of the Soviet trade nomination), (shops), *Traktir* (cafe). However, it should be noted that the tendency to retrospection is not generally inherent in Pavlodar urbonyms, with a rather poor influence thereof and clear predominance of the tendency to increase the number of foreign-language nominations, especially in the area of use of emporonyms.

4. "Pigeonization" and "barbarization" ("westernization") of city names. The author believes that this phenomenon is "a reflection in the new names of westernization and barbarization of the linguistic consciousness of their authors" (Sharifullin 2000, 176).

This phenomenon is widely spread in ergonomics of Pavlodar in general and, in particular, in the area of use of emporonyms (*Best Body* (lingerie shop), *Monarch* (European clothing store), *Second Hand Planet*, *Happy Mother* et al.).

Sharifullin links all of the above-mentioned phenomenon with the general principle of spontaneity of onomastic nomination, in contrast to the formality and regulation of similar processes in the Soviet period. He believes that the nominator's intention "to stand out" against the background of similar titles is quite evident as well as a desire to rely on own ("private") aesthetic tastes, needs, own linguistic intuition (ibidem, 177).

It is hard to disagree with the scientist's opinion "that spontaneity of onomastic nomination and its results are undesirable for the communicative environment of the city, although reflecting, in general, natural language and speech processes" (ibidem). In this regard, the author speaks about the necessity in optimum language planning and conducting of "smart" language policy, and proposes to introduce the concept of "legal-linguistic, i.e. taking into account both the interests of the language (linguistic identity), and the needs of law" policy in the field of urban Onomastics (ibidem).

For Linguistic Urban Study of Kazakhstan issues of language policy development in the city are very relevant, scientifically and socially significant. G. B. Madiyeva, noting some results achieved in Onomastics in Kazakhstan, states as follows:

[...] It can be concluded that the current state of Onomastics in Kazakhstan is characterized by a lack of general coordination of research on both general theoretical and single problems of Onomastics, predominance of historical and linguistic, etymological, structural and semantic research of proper names, especially place-names (Madiyeva 2013, 132).

The analysis of theses on Onomastics published in Kazakhstan during the last 10–15 years shows its general theoretical framework strengthening, the scientists' aspiration to analyze the onomastic phenomena in line with new scientific principles of linguistics, using modern methodology and terminology. The current generation of Onomastics experts of Kazakhstan address in their works cognitive, linguistic-cultural, pragmatic, communicative and other aspects of the functioning of the Kazakh Onomastics.

The huge list of objects of Onomastics also contains nominations of inner-city facilities. According to the researchers, both the Russian and Kazakhstan Onomastics today have a deeper insight in such types of onymes as place names and anthroponymes. The nominations of urban facilities have become a target of research relatively recently, the intensification of such studies can be traced back by 15–20 years in the past, that for any science is, of course, a short period.

Are there any factors counting in favor of Linguistic Urban Studies as, at least, a distinct field of Onomastics, let alone an independent branch of linguistics?

First, in the country there is an intensive process of urbanization, with city dwellers currently accounting for a total of 60% of Kazakhstan's population. This provides linguists with an access to many promising areas of science. For example, a study of the urban environment texts – nominations of urban facilities, commercial signage, billboards, advertising texts, advertisements, graffiti, etc. Today scientists speak of the semiotics of the urban area, represented by such aspects as: 1) stylistic diversity of the city in synchrony and diachrony, 2) dialogue of the city and the city dweller, the city as a space of communication, 3) socio-cultural study of urban epigraphy.

Secondly, the language of the city has always been and will continue to be a target of special scientific study by linguists and – separately – sociolinguists (language of the city, urban speech, language and sociology of the city, etc.). In other words, Linguistic Urban Studies has an access to a well-developed theoretical basis of purely linguistic nature;

Third, the city onomasticon (especially that of large cities) is constantly expanding due to the appearance of new objects of the urban environment, process of nomination of which that will require linguistic research

The active development of Linguistic Urban Studies is evidenced by the appearance of new approaches to the analysis of urbanonymic systems. In particular, today scientists write about the necessity in scientific development of urbanonymic design, at the same time trying to find answers to a number of major scientific questions:

To what extent they consistently embody the nature and function of the city? How clearly they convey the meaning of the city's historical perspective and features of socio-cultural uniqueness, value and importance of diverse experiences in the life of the country and the region, vectors of the dynamics and prospects of development? (Golomidova 2015, 189).

What this means is a reach to another "scale" level, implying, as M. V. Golomidova notes, "another, broader view of urbanonymes" (2015, 190). The researcher writes about the necessity in "establishing and conveying properties of urban identity in the course of the urbanonyms study program" (ibidem, 189).

Golomidova writes about large-format approach to urbanonymia under which urban studies should be included in a large-scale, strategic process described by the term "strategic development program", "positioning", "city image" and "branding". Without it (and we tend to agree with the author) "it is impossible to build a comprehensive nominative concept for future use without understanding the overall positioning and location development strategy" (ibidem, 187). Golomidova identifies and interprets the most important principles of work with the city toponymicon: balance and proportionality, functionality and guiding ability, shaped harmony and clarity.

The balance is understood by the author to mean the harmonious combination of various models of signification and the absence of significant imbalances in favor of one of them. As an example of violation of this principle, the scientist provides memorial nominations, which had very high productivity in the Soviet time and have preserved it up to now. Here we can recall the data from our study of Pavlodar place names, 82% of which have been created based on this principle.

The use of the principle of proportionality is necessitated by the need to assess the social and functional status of the object of nomination. This, in turn, determines the need to take into account its location, which, as Golomidova writes, influence specific communication prospects of functioning of the place name.

The following principles of functionality and guiding ability, named by Golomidova, are related to the important function of urban place names, which

like other members of the class of names serve to, above all, provide orientation in space. This is their main and specific symbolic load, implemented regardless of clarity or darkness of motivational content (Golomidova 2015, 191).

The author places a specific accent upon the principles of descriptive harmony and clarity, as “image-bearing connoted names are capable of conveying a unique color of the place” (Golomidova 2015, 191). Not doubting the attraction of connotations in the content of the urban nominations, the author raises a number of questions related to this problem, namely:

[...] How extensive can be the imagery presented in the city names? What images are appropriate in toponymic versions, to what extent they are embedded in ideas about the specifics of urban culture and modern urban life with its speed, rhythm and dynamics of change? (Golomidova 2015, 189).

Our special interest in this question was aroused by Golomidova’s considerations about the contradiction between the growing need for new names and objective constraints of urbanonymic models. In support of the above the scientist shows the situation with ergonymes, the functioning of which uncovers various ambiguous phenomenon. This position is confirmed by our practical development of some types of Pavlodar urbonymes, the first experiment of the analysis is shown in this study. Here, Golomidova’s quote seems to be very suitable:

In urbanonymia innovations take root with a greater effort: the state-dictated “antique” cannot get the support of speech practice, and at the same time the desire for nominative extravagance and radical changes is at risk of social disapproval and deserved reproaches in aesthetic and/or logical inconsistencies (2015, 188).

Quite important for further research are Golomidova’s considerations with respect to the feasibility of using, in the course of new place names development, the practice of

naming, which involves not only the study of the linguistic and extralinguistic factors of a nominative situation, but also testing of new names using sociological and psychological methods at the stages of designing notation options, selection and final testing thereof (ibidem, 186–187).

It is actually about the direction of research work in the course of conduct of proper language policy in the field of urban names of various types, as discussed above.

The close relationship between onomastic processes and the life of society should be emphasized. Scholars consider “the formation of onomastic space of independent Kazakhstan and defining of its national expression” as one of the most

important issues of modern Kazakhstan linguistics (Abduali 2015, 7). That being said, they consider it necessary to work on the modern state onomastics “on the basis of regulatory documentation”, which should be improved together with the development of society (Abduali 2015, 4–5). The point at issue is about “a proper toponymic policy, and to achieve this, the country should not only strengthen its material resources, but also grow spiritually” (Kamzabekuly 2012, 129).

Language planning and language policy should become an integral part of a general policy aimed at improving the social, economic and cultural situation in the city. This provision is significant for the nomination processes in Pavlodar, the onomastic system of which, similar to systems of any Kazakhstan city, reflects the socio-cultural changes having taken place previously and occurring now.

Today, Kazakhstan’s scientists say about the need to link research in onomastics to important socio-political processes in the country. Onomastics for Kazakhstan is a spiritual means to overcome the consequences of the past. It is necessary for the independent Kazakhstan not as an instrument of violence, coercion, but for establishing historical justice.

References

- ABDUALI, K. [= Абдуали, К.] (2015), Нормативно-правовые основы казахской ономастики. В: Вестник КазНУ им. Аль-Фараби. V, 4–9.
- BURGESS, E. (1925), *The growth of the city: an introduction to a research project*. Chicago.
- GOLOMIDOVA, M. V. [= Голомидова, М. В.] (2015), Урбанонимический дизайн: к вопросу о названиях внутригородских объектов. В: Вопросы ономастики. I /18, 186–196.
- KAMZABEKULY, D. [= Камзабекулы, Д.] (2012), Астана ономастикасы. Astana.
- KIKLEWICZ, A. K. [= Киклевич, А. К.] (2013), Ветка вишни. Статьи по лингвистике. Олыштын.
- KOTLYAROVA, T. T. [= Котлярова, Т. Т.] (2008), Ономастическое пространство новой столицы Казахстана. В: Психология. Социология. Политология. VIII, 8–13.
- MADIYEVA, G. B./SUPRUN, V. I. [= Мадиева, Г. Б., Супрун, В. И.] (2013), Общество и личность в ономастической номинации. В: Вестник Кокшетауского госуниверситета им. Ш. Уалиханова. Серия филологическая. IV, 132–136.
- MATVEYEV, A. K. [= Матвеев, А. К.] (2008), Тенденции и практики в современной урбономинации. В: Вопросы ономастики. VI, 100–112.
- PODBEREZKINA, L./TRAPEZNIKOVA, A. [= Подберезкина, Л., Трапезникова, А.] (2012), Лингвистическое градоведение как предмет региональных исследований (на материале Красноярска). В: Терентий, Л. М./Красных, В. В./Кирилина, А. В. (ред.), Полифония большого города. Москва, 100–115.
- SHARIFULLIN, V. [= Шарифуллин, В.] (2000), Языковая политика в городе: право языка vs. языковые права человека (право на имя). В: Голкв, Н. Д. (ред.), Юрислингвистика: русский язык в его естественном и юридическом бытии. Барнаул, 172–181.
- SHAYMERDENOVA, N. [= Шаймерденова, Н.] (2001), Русистика в Казахстане: тенденции и перспективы. В: I Международный конгресс «Русский язык и литература в XXI веке: теоретические проблемы и прикладные аспекты». Astana, 235–238.
- SHMELEVA, T. V. [= Шмелева, Т. В.] (1997), Ономастикон современного города. Красноярск.
- SUPRUN, V. I. [= Супрун, В. И.] (2012), Ононимическая семантика и ее специфика. В: Вестник КазНУ. II, 96–101.

Гульзира Куатова / Манат Мусатаева

Казахский национальный педагогический университет имени Абая

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКОГО ПОЛЯ ФУТУРАЛЬНОСТИ В РОМАНЕ ВИКТОРА ПЕЛЕВИНА «ОМОН РА»

Representation of the functional-semantic field of futurity in the Victor Pelevin's novel "Omon Ra"

Ключевые слова: функциональная грамматика, функционально-семантическое поле, категория времени, семантика футуральности, художественный текст, постмодернизм, Виктор Пелевин

KEY WORDS: functional grammar, functional-semantic field, category of tense, futural meaning, artistic text, postmodernism, Victor Pelevin

ABSTRACT: In this article the authors consider realization of futural meaning in the artistic text – in Victor Pelevin's novel "Omon Ra". The futurity is treated as a functional-semantic field according to functional grammar in version of A. V. Bondarko. The authors consider several expression forms of futurity which represent the different levels of language system: morphological, lexical, lexical-syntactic, syntactic, and contextually caused. These forms are described in terms of their frequency in the postmodern text.

Предметом данного исследования является реализационный аспект семантики будущего времени, или семантики футуральности, а именно – ее репрезентация в тексте художественной литературы. Выбор романа Виктора Пелевина «Омон Ра» в качестве материала исследования обусловлен его спецификой как факта литературы постмодернизма, одна из особенностей которой – в семантическом аспекте – состоит в том, что содержание текста соотносится с одним из возможных миров, то есть с так называемой виртуальной действительностью, существующей в воображении автора.

Теоретики постмодернизма утверждают, что для текстов этого типа характерна симуляция – культивирование виртуальных моделей действительности или так называемых симулякров (см.: Бодрийяр 2015). Симулякр определяется как «способ осуществления событийности, который реализуется в акте семиозиса и не имеет иной формы бытия, помимо перцептивно

-символической», а также как «средство фиксации трансгрессивного опыта» (Можейко 2001, 727). С коммуникативно-вербальной точки зрения симулякр, как пишет М. А. Можейко, «служит особым средством общения, основанном на реконструировании в ходе коммуникации вербальных партнеров сугубо коннотативных смыслов высказывания» (там же). Категория симулякра содержит в себе квинтэссенцию постмодернизма как философии и символической практики, которая отрицает референтную репрезентативность понятий и знаков (см.: Kiklewicz 2016, 22ссл.). За постмодернистским текстом, иными словами, не стоит протодействительность.

Каждое литературное произведение, как известно, в большей или меньшей степени (ср. лирическую поэзию и документальную прозу) включает в себе элемент фикции, однако литература постмодернизма отличается особым радикализмом такого рода трансценденции: в содержании текста – по воле автора – сталкиваются разноплановые события, участвуют герои из разных эпох, совершаются несовместимые с логической точки зрения, контрфактивные действия.

Будущее время также в определенном смысле (и в определенных границах) виртуально, потенциально: временная перспектива (то, что наступит после момента речи) не дана нам в непосредственном ощущении – является результатом/продуктом интенциональных состояний, в частности, таких как прогнозирование, планирование, предвидение, предсказание и др. Разумеется, можно встретить факты так называемого будущего сопоставительного – будущего с точки зрения события, которое совершено в прошлом. А. В. Бондарко (1990, 17) приводит в связи с этим следующие примеры:

- (1) Он был ужасно раздражен против Гоголя. Впоследствии до к а ж е т это его письмо к нему и ответ Гоголя.
- (2) В отроческие годы Булгаков становится страстным, увлеченным читателем. Он открывает для себя Гоголя, которого отныне б у д е т б о г о т в о р и т ь всю жизнь.

В приведенных примерах нельзя усматривать потенциальность – с точки зрения речевого субъекта, так как события, выраженные с помощью глаголов будущего времени, являются для него осуществившимся фактом. Но совершенно другая ситуация наблюдается, например, в предложении:

- (3) Смотри, я сейчас кину ему палку на другой конец парка, он стрелой побежит за ней и п о й м а е т н а л е т у (Дина Рубина).

Употребляя форму глагола будущего времени, говорящий представляет возможный мир, своего рода прогноз ситуации, основанный на собственных

знаниях и ранее полученном опыте. Естественно, говорящий может быть в большей или меньшей степени уверен в правильности такого прогноза.

Теоретико-методологическую базу данной статьи представляет теория функциональной грамматики в версии санкт-петербургской школы, основателем которой считается А.В. Бондарко. Синтетическое представление теории функционально-семантического поля можно найти в работах А. Киклевича (Kiklewicz 2004, 24ссл.; Киклевич 2008, 125ссл.).

Будущее время является наименее перцептивной, наименее «ощутимой», «осязаемой» категорией – по сравнению с настоящим и прошлым. Так, прошлое можно вспоминать или реконструировать посредством технических средств, таких, как фотография, фильм, магнитофонная запись и др. Настоящее переживается нами, отражается в перцептивных категориях. Современные русисты придерживаются точки зрения В. В. Виноградова, согласно которой значение будущего времени заключается в обозначении течения «действия в плане будущего, отрешенном от настоящего» (Виноградов 1972, 448). В. В. Виноградов подчеркивал, что семантика будущего времени определяется его оппозицией по отношению к настоящему времени. Считается, что ожиданию событий присуща модальность, а именно – модальные значения необходимости, долженствования, возможности, потенциальности и др. (Смирницкий 1965, 332), в связи с чем некоторые ученые относят будущее время к модально-темпоральной категории (Тимофеев 2016).

Обзор грамматик русского языка показывает, что будущее время рассматривается преимущественно с точки зрения форм выражения, тогда как содержание этой категории (в частности, в семасиологическом аспекте) изучено в меньшей степени. Из языкового материала следует, что понятие темпоральности не покрывается понятием грамматического времени, а футуральность проявляется в разных формах. Например, в предложении

- (4) Завтра я начну заниматься.

на будущее событие указывает грамматическая форма глагола *начну*. В другом предложении:

- (5) Завтра мы начинаем репетировать.

мы имеем дело с глаголом в форме настоящего времени, но на будущее событие указывает наречие *завтра*. Даже если устранить из предложения это наречие:

- (6) [Не мешайте –] мы начинаем репетировать.

семантика футуральности остается – ведь говорящий сообщает о ситуации (репетиции), которая должна наступить после акта речи. В данном случае

футуральное значение выражается или, скорее, имплицитруется лексическим значением глагольного предиката (в форме настоящего времени): начинание состоит в инициировании какого-либо действия, которое предполагает свое продолжение в будущем, после завершения речевого акта. В этом смысле семантическая оппозиция *начнем* // *начинаем* имеет отношение, видимо, не столько к категории времени, сколько к категории длительности действия: глагол настоящего времени обозначает более длительное действие.

При изучении футуральной семантики возникает вопрос о соотносительности категории будущего времени и таксиса. Обратимся к примеру из прозы Пелевина:

- (7) Теперь через день, сменя Митька, я в лифте поднимался наверх, выходил во двор, раздевался до трусов и майки, залезал в луноход и подолгу, чтобы укрепить мышцы на ногах, ездил кругами по двору, разгоняя кур и иногда даже давя их, – конечно, я делал это не нарочно, просто через оптику совершенно невозможно было отличить замешкавшуюся курицу от, например, газеты или сорванной ветром с бельевого веревки портянки, да и затормозить я все равно не успевал.

В данном отрывке имеется цепочка действий (*поднимался, выходил, раздевался, залезал, ездил, затормозить не успевал*), которые следуют одно за другим. В определенном смысле одно действие является будущим по отношению к другому. Например, герой раздевается до трусов и майки, чтобы залезть в луноход, т.е. в момент раздевания герой планирует залезание в луноход – мы имеем дело с разными временными планами. Однако важно, что в подобных предложениях мы имеем дело с таксисными отношениями, при которых обязательным является принадлежность цепочки действий к одному временному периоду (см.: Бондарко 1987, 253; 1990, 17). Время же, в том числе и будущее время, – категория *дейктическая*, так как при этом подразумевается присутствие некоторого субъекта как точки отсчета. С такой ситуацией мы имеем дело, например, в предложениях:

- (8) Я разделся до трусов и майки, и сейчас я залезу в луноход.
(9) Я разделся до трусов и майки, и думал: «Сейчас я залезу в луноход».

В связи с этим следует обратить внимание на лексико-синтаксические формы футуральности – глаголы типа *прогнозировать, планировать, хотеть, стараться* и др., которые называют ментальные действия и состояния, связанные с ситуациями и событиями в будущем – по отношению к субъекту действия (хотя не обязательно по отношению к субъекту речи). В синтаксическом аспекте они предполагают правые коллокаты в форме придаточных предложений, инфинитивных конструкций или именных групп, называющих

ожидаемые в будущем действия, состояния, положения дел. Рассмотрим пример из прозы В. Пелевина:

- (10) Я сказал, что хочу в отряд космонавтов, и полковник спросил меня, что такое советский космонавт = 'X в определенный момент времени хочет, чтобы произошло событие – зачисление его в отряд космонавтов; данное событие может относиться к более позднему моменту времени, чем данный момент времени (в котором X хочет, т.е. переживает желание).'

В приведенном выше предложении последующее событие рассматривается как ожидаемое, желаемое с точки зрения субъекта, локализованного относительно фиксированного момента времени. Поэтому несмотря на то, что мы имеем дело с формой глагола настоящего времени *хочу*, этой форме соответствует семантика будущего времени. Разумеется, такая трактовка футуральности возможна при функциональном подходе к языку – с точки зрения традиционной грамматики она была бы неправомерной.

Наше исследование, как уже было указано, опирается на грамматическую теорию А. В. Бондарко, в которой ФСП определяется как

базирующаяся на определенной семантической категории группировка грамматических и «строєвых» лексических единиц, а также различных комбинированных (лексико-синтаксических и т.п.) средств данного языка, взаимодействующих на основе общности их семантических функций (Бондарко 1987, 11).

В ФСП футуральности фактором, объединяющим языковые средства разных типов (явных и скрытых, прямых и косвенных) и разных уровней (морфологического, лексического, лексико-синтаксического и т.д.), выступает семантика (дейктического) будущего времени. Поле футуральности является частью поля темпоральности, поэтому большинство формальных типов реализует все темпоральные значения: прошлого, настоящего и будущего.

Как отмечает А. В. Бондарко, ФСП времени может пересекаться с другими полями:

Аспектуальность вместе с временной локализованностью, темпоральностью и таксисом образуют тот комплекс семантических категорий, которые представляют собой различные стороны более общего (максимально широкого) понятия времени (Бондарко 1987, 29).

Поле футуральности пересекается, в частности, с полем наклонения – гипотетичности и императивности (Храковский 1990, 24ссл.) и частично

с комплексом полей обусловленности, а именно – с полем цели и причины. Будущее время тесно связано с повелительным и условным наклонениями – для всех этих форм характерна потенциальность.

Повелительное наклонение выражает волю говорящего, побуждающую второе лицо совершить действие после момента речи. Поэтому в предложениях следующего типа содержится футуральность:

(11) Вспомните знаменитую историю легендарного персонажа, воспетого Борисом Полевым!

(12) Не забывайте этого и вы, никогда и нигде не забывайте!

Условное наклонение выражает предположительность, гипотетичность называемых действий и часто маркируется морфемой – частицей *бы*. Предложения в условном наклонении характеризуются разнообразием модальных оттенков: потенциальности, вероятности, определенности/неопределенности и др., что детально описано в лингвистической литературе. В предложении

(13) Я тоже мог бы тебе не отвечать, но, по-моему, лучше, чтобы ты был в курсе.

высказывается предположение относительно возможного хода событий, при этом имеются в виду события в будущем – с точки зрения актуальной временной координаты говорящего. Поэтому предложение можно перефразировать таким образом, чтобы в нем использовались формы будущего времени:

(14) Возможно, я не буду тебе отвечать, но, по-моему, будет лучше, если ты будешь в курсе.

Подобным же образом к футуральности имеет отношение синтаксическое выражение цели – в этой семантике заложен результат действия, который относится к периоду будущего:

(15) Наши в Японию уехали, насчет совместного полета договариваться.

Конструкция с инфинитивом (*улетели договариваться*) имеет целевое значение: 'улетели с целью, чтобы договариваться'. В момент времени, к которому относится *отлет наших в Японию*, заключение договора представляет собой событие, которое должно произойти позднее. При этом не важно, к какому времени относится целеполагающее действие: к настоящему, прошлому или будущему:

(16) Наши уезжают/уехали/уедут договариваться насчет совместного полета.

Из наших наблюдений следует, что по своей структуре поле футуральности обладает предикативным ядром, так как специализированными формами выражения этой семантики являются морфологические средства, а именно – грамматические формы будущего времени глаголов (простые или сложные). Как и другим ФСП, полю футуральности свойственно «отсутствие ограничений в отношении характера и типа охватываемых данным полем формальных средств» (Бондарко 1987, 38). Это связано с тем, что кроме морфологических форм будущего времени глаголов для выражения футуральности используются также морфологические, лексические, лексико-синтаксические, синтаксические и контекстные (импликативные) средства.

К морфологическому способу отнесены случаи выражения значения футуральности глаголами будущего времени, а также конструкции с условным и побудительным значением, так как в данном случае используются частицы *будто, бы, будто бы, дай/ дайте, давай/ давайте*. Ниже приводятся примеры употребления этих форм в прозе В. Пелевина:

- (17) А мы, летно-преподавательский состав, и лично я, летающий замполит училища, обещаем: мы из вас сделаем настоящих людей в самое короткое время!
- (18) – Давайте вспомним наших космонавтов и всех тех, чей земной труд делает возможной их небесную вахту.
- (19) Сейчас будь внимателен. Сбрось скорость и включи фары.

К лексическому способу (об этом способе подробнее см.: Бондарко 1990, 10) относятся лексемы с темпоральным значением типа *на следующей неделе, в следующем году, позже* и т.п., с учетом их дейктического употребления в речи. Рассмотрим в связи с этим предложение:

- (20) – Сейчас, – сказал я, вспоминая, как только что тянул на себя дверь, – сейчас... Нет. Ничего не помню.

Наречие *сейчас* употребляется здесь в значении 'в самом скором времени, скоро (о предстоящем действии, событии)'. Обычно оно употребляется с глаголом будущего времени (в конструкциях типа *сейчас приду*), однако в выражениях с эллипсисом данное наречие самостоятельно указывает на футуральность.

К лексико-синтаксическому способу относятся конструкции с каузативными глаголами, а также имеющими значение долженствования или планирования, прогнозирования существительными, наречиями, предикативами, краткими прилагательными: *требуется, надобность, нужно, надобен* и т.д. Такие маркеры соответствуют операционным формам в концепции функционального синтаксиса А. К. Киклевича (2008, 281). Например, в предложении

- (21) Пора было умирать.

Конструкция *пора было* предполагает заполнение правой позиции инфинитивов со значением действия, которое наступит позже временной координаты субъекта, на что указывает следующая трансформация:

- (22) = 'Х думал/ожидал/считал, что будет естественным, если с того момента времени, в котором он находился, начнется период (пора), в течение которого (которой) он умрет'

К синтаксическому способу выражения относится имплицитное присутствие футуральной семантики в синтаксических конструкциях, чаще всего в придаточных предложениях цели (здесь приходится констатировать совмещение относительного будущего времени и таксиса, см.: Бондарко 1990, 19сл.). О корреляции футуральности и цели была уже речь выше.

К контекстному способу выражения футуральности относятся те случаи, когда семантика будущего времени присутствует имплицитно, а именно – имплицитируется другими значениями. Бондарко писал, что время бывает специально не выражено – оно подразумевается, вытекает из эксплицитного содержания знаков или «из связанной с ним контекстуальной или ситуативной информации» (1987, 27). К примерам такого рода можно отнести предложение

- (23) Успех всей экспедиции зависел от точности его действий.

Сам по себе, глагол *зависеть* не имплицитирует футуральной семантики: контрагенты данного отношения могут относиться к настоящему или прошлому, ср. (примеры из электронного корпуса русского языка):

- (24) Цвет зависит от сорта.
(25) При этом система категорий не зависит от конкретного языка описания.
(26) Ее заработок зависел от ее настойчивости.

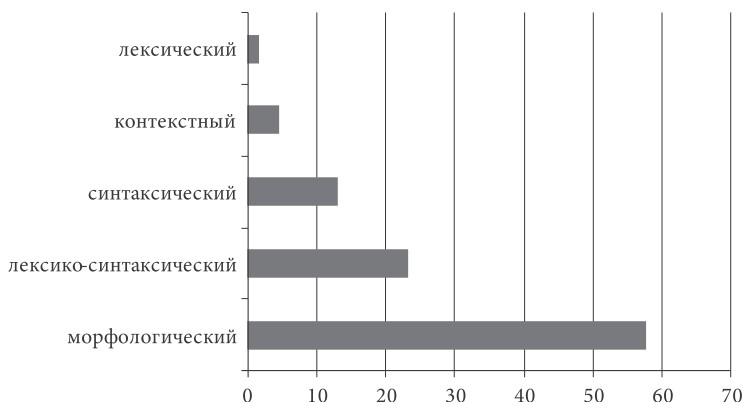
Вместе с тем в предложении (23) описывается событие, которое должно (с точки зрения дейктического центра) наступить в будущем – имеется в виду будущий *успех всей экспедиции*. Данное предложение имеет отношение к особому типу зависимости: одно положение дел (антецедент) обуславливает второе положение дел (консеквент), которое должно произойти в будущем. В связи с этим в конструкцию может быть инкорпорирован формальный показатель футуральности:

- (27) Их действия могли быть более или менее точными; от этого зависело то (они осознавали это в данный момент времени), что в б у д у щ е м всю экспедицию ожидал успех или поражение.

В романе Пелевина «Омон Ра» нами выделено 339 случаев репрезентации футуральной семантики – с учетом рассмотренных выше типов форм. Общая частота употребления отдельных типов форм приводится в нижеследующей таблице.

Способ репрезентации футуральной семантики	Общее число форм	Число форм в %
морфологический	196	57,8
лексический	5	1,5
лексико-синтаксический	79	23,3
синтаксический	44	13,0
контекстный	15	4,4
Итого	339	100

Как видим, процентное участие разных форм репрезентации футуральной семантики значительно варьируется – более отчетливо это показывает графическая форма представления количественных данных.

Количественные данные показывают, что наиболее регулярно в тексте романа реализуются морфологические формы будущего – на их долю приходится более 50%. Это тем более показательно, что текст романа представляет жизнеописание героя, включая его прошлое (с точки зрения времени повествования). Данный факт является подтверждением нашего тезиса о том, что футуральность принадлежит к ФСП с предикативным ядром.

Вторую позицию по частотности занимают лексико-синтаксические формы, почти в два раза более частые по сравнению с синтаксическими. В связи с этим можно констатировать, что участие двух ресурсов языка: лексического и синтаксического, – способствует большей регулярности языковой формы.

Что касается двух способов: контекстного и лексического, то их участие весьма скромно: суммарно на них приходится около 6% употреблений. На основании этого можно сделать вывод, что в постмодернистском тексте отдается предпочтение формам грамматического характера и транспарантным, материальным формам, которые наиболее непосредственно указывают на футуральную семантику.

Общая поэтика альтернативности, характерная для произведений постмодернизма, особенно что касается миметической сферы, т.е. отражения действительности (см.: упоминание о симуляции и симулякрах в начале статьи), не отражается в плане выражения текста, который построен в соответствии с конвенциональными нормами языка. Писатель-новатор, видимо, учитывает возможности (или границы) читательского восприятия, избегая чрезмерной энтропии текста.

Библиография

- Бодрийяр, Ж. (2015), Симулякры и симуляции. Москва.
- Бондарко, А. В. (1987), Теория функциональной грамматики. Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис. Ленинград.
- Бондарко, А. В. (1990), Теория функциональной грамматики. Темпоральность. Модальность. Ленинград.
- Виноградов, В. В. (1972), Русский язык (Грамматическое учение о слове). Москва.
- Киклевич, А. К. (2008), Притяжение языка. Том 2: Функциональная лингвистика. Olsztyn.
- KIKLEWICZ, A. (2016), Postmodernizm jako czynnik zmian we współczesnym językoznawstwie w aspekcie epistemicznym, społecznym i etycznym (przy uwzględnieniu innych nauk humanistycznych). W: LingVaria. XI/1, 21–34.
- Можейко, М. (2001), Симулякр. В: Грицанов, А. А./Можейко, М. А. (ред.), Постмодернизм. Энциклопедия. Минск, 727–729.
- Смирницкий, А. И. (1965), История английского языка (средний и новый период). Москва.
- Тимофеев, К. А. (2016), О транспозиции временных форм глагола в русском языке. В: <philology.ru/linguistics2/timofeyev-99.html> [доступ 4 декабря 2016].
- Храковский, В. С. (1990), Взаимодействие грамматических категорий глагола (опыт анализа). В: Вопросы языкознания. 5, 18–36.

KULTURA, LITERATURA

АЛЕКСАНДРА ПЛЕТНЕВА

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

УХОД ЗА МЛАДЕНЦАМИ: ПРАКТИКИ, ТЕКСТЫ И КУЛЬТУРНЫЕ КОНФЛИКТЫ

Baby care: practices, texts and cultural conflicts

Ключевые Слова: бытовая культура, социальное дисциплинирование, культурная идентичность, социальный престиж, повседневные практики, этнография, социальная стратификация, гендер, история медицины, бытовая медицина, деторождение, грудное вскармливание, уход за младенцем

KEYWORDS: common culture, social disciplining, cultural identity, social prestige, everyday practices, ethnography, social stratification, gender, history of medicine, household medicine, childbirth, breastfeeding, baby care

ABSTRACT: To create the social history of Russia and the history of everyday life, one needs a description of local everyday practices. This article focuses on the everyday practices associated with the birth of a baby and care for it. The author proceeds from the fact that the 18th and 19th centuries in Russia saw the coexistence of two cultures and two household traditions – the culture of the educated classes and the peasant culture. At the level of everyday practices, they made a certain influence on each other. On the one hand, ethnographic materials were used as sources, and on the other hand – popular medical literature of the 19th century. The article analyzes the practices themselves and the mechanisms of their influence on each other, while it appears that the effect of the practices of educated social groups on people's life was a conscious Kulturtraeger activity. The influence of peasant household traditions on the lifestyle of educated classes was carried out primarily through direct impact. The ubiquity of nurses who belonged to a different social group than the child's parents, led to the fact that, despite the parents' resistance, peasant childcare practices (baby-rocking, pacifier, sleeping together, etc.) were used quite actively.

1. Медицинские рекомендации и социальное дисциплинирование

Повседневные практики часто оказываются той сферой, где передающиеся из поколения в поколение традиции вступают в конфликт, с одной стороны, с постоянно меняющейся модой, а с другой – с государственными программами, направленными на «перевоспитание» представителей низших сословий и приобщение их к новейшим достижениям цивилизации. Поэтому анализ повседневных практик совершенно необходим для исследования тех процессов

модернизации российского общества, которые начались в XVIII веке, а окончательно завершились в результате большевистской культурной революции. Объектом таких исследований могут быть медицинские практики, организация обучения грамоте, эволюция кулинарных рецептов и т.д. В настоящей статье речь пойдет о медицинских практиках, вернее, об одном их аспекте – родах и выхаживании младенцев.

Медицинские теории, адресованные широкой аудитории, имеют не только собственно медицинский, но и гуманитарный аспект. Популярная медико-санитарная пропаганда XIX – первой трети XX века представлена огромным массивом текстов, в которых была разработана собственная система аргументации и в которых использовались свои риторические приемы. При этом рекомендации по грудному вскармливанию общество воспринимает как некую рациональную стратегию, в то время как позитивистская рациональность этих рекомендаций и рецептов весьма сомнительна. Характерно, что ученые, к трудам которых апеллируют авторы большинства медицинских пособий, являются философами (в первую очередь, это Руссо и Локк), а не представителями естественных наук. Выработанные ими социологические схемы со временем получили статус медицинских предписаний, опирающихся на якобы точное знание, а не на умозрительные размышления об устройстве общества. Приведу лишь один пример. Первым противником тугого пеленания был Жан-Жак Руссо. Причины его борьбы с пеленанием в первую очередь были связаны с идеей воспитания свободной личности, которой, по мнению мыслителя, препятствовало любое ограничение свободы.

Вся наша житейская мудрость, – сетовал Руссо, – заключается в рабелпных предрассудках; все наши обычаи не что иное, как повиновение, стеснение и насилование. Человек рождается, живет и умирает в рабстве: при рождении его затягивают свивальниками; после смерти заколачивают в гроб; до тех пор, пока он сохраняет человеческий образ, он скован нашими учреждениями (Руссо 1866, 7).

Эту мысль Руссо пособия для молодых матерей повторяют уже более 250 лет, однако философские понятия «свобода» и «рабство» заменяются на практически понятные положения о необходимости свободно двигаться для лучшего физического развития. И это при том, что в пеленках выросло не одно поколение людей, и доказать, что эти люди были физически менее развиты, невозможно¹.

¹ Просматривая популярную медицинскую литературу XIX века, мы обнаруживаем огромное количество ссылок на философские сочинения. Так, например, Мария Манассеина начинает описание практик поведения во время беременности и ухода за младенцами с высказываний античных философов: «Платон и Аристотель подробно описывали, как должна себя вести беременная женщина, и замечательно, что их правила относительно жизни беременных во всем главном и существенном сходятся с тем, чему учат и лучшие акушеры настоящего времени» (Манассеина

Анализируя популярные медицинские сочинения второй половины XVIII–XIX вв., следует помнить, что их предписания нормируют практику социальных верхов, в то время как крестьянский быт регламентировался традициями, а не медицинскими книгами, которые в эту среду не проникали. Ниже мы увидим, что уход за младенцами в крестьянской среде существеннейшим образом отличался от ухода, принятого в дворянских семьях. Это объясняется не различием материального положения и связанных с ним возможностей, а разными исходными установками. Такие различия традиций и социальных практик не ограничиваются сферой ухода за новорожденными и имеют универсальный характер. Дело в том, что русское общество было сословным, и бытовые традиции представителей различных сословий не были похожи друг на друга. Несколько упрощая ситуацию, можно говорить о двух Россиях: России традиционной, прежде всего крестьянской, и России европеизированной, дворянской и разночинской. Лишь к началу XX в. намечается движение к сближению разных страт российского общества, но успехи этого движения были достаточно скромными, поскольку крестьянство – численно наиболее значительная часть населения страны – очень плохо поддавалось попыткам перевоспитания.

Отбирая источники, содержащие информацию о крестьянской и о дворянской практиках ухода за новорожденными, мы сталкиваемся с двумя разнородными информационными массивами. С одной стороны, у нас есть огромное количество книг и брошюр прескриптивного характера. Они содержат информацию об идеале, а не о реальной практике. Некоторую корректировку в эти описания вносят полемические выпады, фиксирующие «неправильную» практику. С другой стороны, мы имеем многочисленные этнографические свидетельства, важнейшее место среди которых занимают материалы

1870, 53). Автор ссылается на Пифагора, который «учил, что злые люди существуют на свете только вследствие дурного воспитания» (Манассеина 1870 с.1), на законы Ликурга (там же, 8), на китайские философские трактаты (там же, 8–9). Для подтверждения идеи, что воспитание определяет характер человека, приводятся ссылки на Канта, Локка, Гете, Гумбольдта, а также на современные автору немецкие сочинения по педагогике и философии (там же, 19). Другой автор, практикующий в Москве французский врач Николай Массе, критикуя русскую традицию тугого пеленания с использованием свивальника, обращается, как и положено в таких случаях, к авторитету Руссо: «Новорожденным детям необходимо расширение и движение членов для освобождения их от той оцепенелости, в которой были они столь долгое время во чреве матери, сомкнутые в клубок. Их вытягивают, это правда, за то их лишают возможности движения: кажется, их боятся видеть в образе живых существ. Сдавление внешних частей тела служит непреодолимым препятствием движениям младенца, необходимым при стремлении его к росту. Тщетны старания его выйти из этого невольнического состояния: они только истощают его силы и замедляют его развитие. Ему было более свободы и простора во чреве матери, нежели в этих тесных пеленках. Какая же польза ему в том, что он родился?» (Массе 1858, 25–27; ср. Руссо 1866, 7–8). Медицинская аргументация приводится здесь лишь в качестве дополнительной (Массе 1858, 27–29).

Этнографического бюро князя Тенишева². На основании таких источников производить сравнительный анализ непросто, поскольку для одной культурной страты мы имеем дело с прескриптивными текстами, описывающими идеал, а не реальность, а для другой – с этнографическими описаниями, то есть с взглядом постороннего наблюдателя. Тем не менее, описание оказывается возможным, поскольку популярные медицинские брошюры содержат полемику с традиционной практикой, а составители этнографических описаний, в свою очередь, не могут удержаться от оценок народной практики с позиций европейской медицины.

2. Особенности повседневных практик

В этом разделе мы рассмотрим, какое место в «народной» и «европеизированной» практике ухода за младенцем занимали соска, укачивание, мытье ребенка и закаливание.

2.1. Соска

Для крестьянской традиции соска – необходимый предмет ухода за новорожденным. Соска – это тряпочка с прореженными нитями, в которую завертывали жеваный хлеб или пряник и давали сосать младенцу. Соску давали младенцу сразу после рождения, потому что считали, что молозиво, вырабатывающееся у женщины в первые дни после родов, бесполезно для ребенка, а сосать ему необходимо хотя бы для того, чтобы очистить кишечник от первородного кала (Русские крестьяне V.4, 193, 213; VII.1, 47, 209). Кроме того, соска использовалась, когда мать отлучалась из дома, например, на полевые работы, а если ребенок рождался в летнее время, то мать довольно скоро принималась за работу, оставляя младенца на попечение няньки. Соска успокаивала малыша в перерывах между кормлениями и была распространена повсеместно (Русские крестьяне I, 252; V.2, 46). Считалось, что соска служит не только питанием, но и излечивает от грыжи (Александров и др. 2003, 514).

С соской последовательно боролись представители официальной медицины. Их не устраивала негигиеничность этого предмета. Кроме того, врачи считали, что новорожденный с соской получает ту пищу, которая ему категорически противопоказана в столь раннем возрасте (Буховцева 1882, 29). Соску объявляли причиной многих недомоганий и болезней, таких как

² Этнографическое бюро князя В. Н. Тенишева активно действовало с 1897 по 1901 год. Задачей этого предприятия были организация и проведение массового сбора сведений о русском крестьянстве по специальной программе. Среди прочего в этой программе представлены вопросы медицинского и гигиенического характера.

молочница, колики, понос, плохой сон, худоба и т.д. Матерям, которые никак не могли обойтись без соски, авторы популярных книг советовали давать младенцу для сосания гуттаперчевый сосок от стеклянной бутылки (Михайлов 1888, 18–19). Эти не содержащие никакой пищи резиновые соски и стали называться «пустышками». Однако другие авторы считали, что нельзя давать и гуттаперчевый сосок.

Этот, по-видимому, невинный способ затыкать ребенку рот крайне вреден: ребенок производит им катар рта, постоянным сосанием и проглатыванием слюны и слизи вызывает рефлекторно ненормальное отделение желудочного сока и усиленный прилив крови к желудку, и, в конце концов, расстройство пищеварения (Буховцева 1882, 29).

В послереволюционный период аргументы, направленные против соски, отражают развитие микробиологии конца XIX в. Открытия Пастера и Коха добавляют в аргументную базу слово «микробы»³. Вот пример такой аргументации, построенный в вопросно-ответной форме (Свечарник 1929, 7):

Вопрос. Можно ли давать грудному ребенку жеваную соску с хлебом?

Ответ. Нельзя.

В. Почему?

О. Потому что желудок ребенка не может еще переварить хлеба и ребенок от жеваной соски только болеть будет. Кроме того, благодаря соске, ребенок часто заражается различными болезнями.

В. Откуда же зараза попадает в соску?

О. Зараза – это маленькие живые существа, которые называются микробами. Микробы очень маленькие, до того маленькие, что их даже просто глазом и не увидишь, а только с помощью увеличительных стекол. Микробы находятся повсюду – и на полу, и в воздухе, и на руках, особенно много их там, где грязно. Когда соска падает на пол или ее берут немытыми руками, к ней пристают микробы. Эту соску вместе с микробами суют в рот ребенку, а потом у него из-за этого ротик цветет, или живот болит, или другим чем-нибудь он заболит.

2.2. Детский сон (укачивание, колыбель, сон в одной кровати с матерью)

Крестьянский младенец спал в колыбели, по-другому она называлась «люлька» или «зыбка», «качалка». Конструкция колыбели могла быть различной. Это мог быть деревянный ящик, стенки которого расширялись кверху, это могла

³ Согласно данным национального корпуса русского языка слово «микроб» входит в употребление в 80-е годы XIX в. Одним из первых писателей это слово стал употреблять Глеб Успенский, причем в переносном значении («микроб ростовщичества»).

быть плетеная корзина или укрепленный на твердой раме холщовый мешок⁴. Колыбель подвешивалась к потолку на гибком шесте или просто на веревках и сверху, как пологом, накрывалась сарафаном матери. Основная конструктивная особенность колыбели заключалась в том, что она была предназначена для укачивания⁵. Характерно, что в словаре Даля это слово приведено в словарном гнезде при глаголе «колыбать» (Даль II, 144).

Крестьянская колыбель подвергалась осуждению дипломированных врачей прежде всего потому, что они считали, что укачивать ребенка крайне вредно.

Пусть у каждой матери не выходит из памяти, что закачиванием она приносит вред ребяческому мозгу в мягкой головке дитяти, а беспокоя ребяческий мозг качкой, можно сделать ребенка нездоровым, глупеньким. [...] Попробуйте сделать большую качалку, положите в нее взрослого человека и качайте его; и вы увидите, что некоторые и из взрослых не вынесут закачивания: у них закружится голова, их стошнит, а с некоторыми сделается дурнота и даже обморок. Так бывает со взрослыми людьми, которые гораздо сильнее и крепче ребенка. Как же не быть тому же с детьми? [...] Сильная качка одуряет ребенка и вгоняет его в беспамятство (Михайлов 1888, 21–22)⁶.

Кроме того, укачивание представлялось вредным еще и потому, что, укачивая младенца, невозможно было определить, отчего он на самом деле плачет.

Отчего бы ни кричал ребенок: от голода, жажды, от боли живота или неловкого положения – качаньем всегда можно, не устраняя причины крика, в полчаса-час привести ребенка в такое состояние, что он затихнет. Нормальный ли то будет сон или полуобморочное состояние, до этого нет никому дела (Буховцева 1882, 79).

Вместо подвешенной к потолку детской колыбельки врачи рекомендовали укладывать ребенка в стоящую на земле кровать (иногда ее также называли колыбелью)⁷. Предполагалось, что лучшая кровать – железная, поскольку

⁴ В некоторых случаях корреспонденты Тенишевского бюро отмечали, что колыбель из холстины предпочтительнее, так как в ней не заводятся клопы (Русские крестьяне VII.4, 112).

⁵ Об устройстве колыбели см. (Русские крестьяне I, 235, 252; V.2, 235, 362, 567; V.3, 506; V.4, 99, 158, 213; VII.1, 47, 165, 209; VII.4, 193).

⁶ О вреде укачивания писали не только русские врачи, но и их европейские коллеги. Так, в немецкой традиции тоже было распространено укачивание младенцев, с которым боролись прогрессивные врачи. Вред укачивания они объясняли тем, что к голове ребенка приливает кровь и это приводит к смертельным болезням мозга. К тому же опасным представлялось само устройство люльки, из которой ребенок мог выпасть (Маутнер 1856, 70).

⁷ Вот как, например, описывает детскую кровать врач, учившийся в Париже и имеющий практику в России: «Колыбель новорожденного младенца должна быть по преимуществу железная, если средства родителей позволяют это; во всяком же случае, из какого бы материала она ни была сделана, ее нужно обить внутри какою-либо плотной стеганой материей, чтобы предохранить младенца от толчков о стенки этой колыбели. Эта обивка имеет еще и ту выгоду, что защищает ребенка от холода. Она должна быть так прикреплена к стенкам, чтобы ее всегда было удобно снять, и из такой материи, которую бы можно было мыть, с тою целью, чтобы

это гигиенично (Лангштейн 1926, 53). Врачи также категорически отрицали возможность совместного сна матери и ребенка. Дело в том, что в крестьянской традиции ночью ребенок мог спать не в качающейся колыбели, а рядом с матерью (Русские крестьяне V.4, 213). Под боком у матери он проводил и первые часы жизни после того, как его приносили из бани в избу (Русские крестьяне V.3, 376, 506). В некоторых регионах считалось, что класть ребенка в колыбель возможно только после крещения и, соответственно, до крещения младенец все время проводил около матери на родительской кровати (Александров и др. 2003, 513). По ряду причин врачи осуждали такую практику. Во-первых, крайне вредным считалось дышать испарениями человеческого тела. Популярны брошюры предупреждают матерей: «Очень плохо спать между отцом и матерью, т.к. ребенок дышит испарениями взрослых и увядает от этого» (Маутнер 1856, 71). Дело в том, что до открытий микробиологии в конце XIX в. возникновение болезней и инфекций медики объясняли порчей воздуха, возникающей в результате гнилостных процессов. Согласно этой теории (она называется теорией миазмов) именно воздух был той субстанцией, посредством которой болезнь попадала в организм человека⁸. Этим объясняются настойчивые призывы врачей того времени не находиться в непроветриваемых помещениях, избегать мест скопления людей, не класть ребенка рядом с родителями и т.д. Удивительно, что идея вредности испарений человеческого тела по времени переживает теорию миазмов. Уже в советское время, когда ни у кого не оставалось сомнений в том, что возбудителями болезней являются микробы, утверждение, что нельзя дышать испарениями человеческого тела, продолжает кочевать из брошюры в брошюру.

Когда ребенок лежит вместе со взрослым, последний дышит на него, и ребенок вдыхает испорченный воздух, а также запах пота. И взрослым вредно спать вдвоем в одной постели, а ребенок слаб, ему еще вреднее (Свечарник 1929, 17)⁹.

Второй аргумент против совместного сна матери и ребенка связан с идеей о том, что мать во сне может нечаянно придавить младенца¹⁰.

по временам перемывать ее. На дне колыбели должен лежать тюфячок, набитый папоротником, а сверх него, один возле другого, три тюфячка меньших размеров, набитых овсяными отрубями. Вследствие такого расположения этих верхних тюфячков, средний из них почти один только обмачивается, а потому его один скорее можно высушить, чем бы большой, равный по величине всем трем вместе» (Массе 1858, 139) Предполагается, что ребенок спит на подушке, набитой овсяными отрубями, пух для подушки не годится, потому что он «причиняет жар и через то может способствовать приливу крови к голове» (Массе 1858, 140).

⁸ О теории миазмов и ее роли в бытовых практиках второй половине XIX в. см.: Пироговская 2015.

⁹ См. об этом также: Макаева 1931, 11.

¹⁰ О «заспанных» детях и социальной практике детоубийства в России см.: Живов 2009, 370–404.

Не следует класть спящего младенца рядом с собой, чтобы не «заспать» его, что, к сожалению, встречается среди нашего простого населения (Борисов 1902, 9). Не надо забывать, что мать во сне может навалиться на ребенка и придушить его (Свечарник 1929, 17).

Мы не будем обсуждать здесь вопрос о том, насколько реальной является опасность случайно задавить младенца во сне. Для нас важно, что брошюры по уходу за младенцами, запрещаая матери спать в одной постели с ребенком, указывали на эту опасность. Впрочем, далеко не все авторы считали необходимым аргументировать этот запрет. В некоторых случаях просто говорилось о том, что «это очень вредно» (Российский 1925, 2).

2.3. Баня или корыто

Еще одним моментом, относительно которого традиционная и европеизированная практики предлагают разные решения, является купание младенца. В крестьянской среде младенца обмывали после родов и парили в бане или печи. Потом ребенка крестили, а дальше его соприкосновение с водой могло носить эпизодический характер. В ряде местностей ребенка после крещения не мыли 6 недель. Считалось, что ребенок «цветет» и мыть его нельзя¹¹. А вообще младенец мылся так же, как и взрослый, один раз в неделю в бане. Конечно, по мере необходимости его ополаскивали, обливая водой, и дома (Русские крестьяне V.4, 213; VII.1, 47; VII.2, 356). Но иногда, судя по возмущению тех, кто фиксировал крестьянскую практику, не делали и этого, а наскоро вытирали запачкавшегося ребенка ветошью или сеном (Русские крестьяне V.4, 213). Корреспондент Тенишевского бюро приводит типичный ответ матери на вопрос о том, как она моет младенца: «Чего его мыть, ведь он не молотил, не запачкался» (Русские крестьяне VII.2, 356). Другой корреспондент следующим образом характеризует те гигиенические процедуры, которым подвергается ребенок, только что научившийся ходить:

Когда дитя «встанет на ноги», т.е. будет ходить, то уже он относительно питания «отстал от матери» и ест уже все, что и взрослые. В гигиеническом отношении уход за ним хуже, чем пока он был в люльке. Тут уже его моют один раз в неделю в бане и тогда же переменяют его рубашку. В течение же недели у него даже ни разу не умывают лица и рук, как делают взрослые. Благодаря постоянной грязи в избе на полу, грязному постельному «прибору», желанию дитяти «везде ползти и все брать», неумению быть аккуратным, уже за неделю у него бывает «лику не узнать», т.е. весь бывает покрыт слоем грязи, от которой тело, особенно лицо, становится «бурым», а рубашка серая (Русские крестьяне V.4, 213).

¹¹ Корреспондент Тенишевского бюро следующим образом комментирует глагол «цвести»: «появляется мелкая красноватая сыпь, вероятно, от грязи» (Русские крестьяне VII.4, 113).

Образованное общество воспринимало грязного ребенка как что-то ненормальное. Неудивительно, что в книгах и пособиях по воспитанию вопросу мытья, купания уделяется особое место. Европейская традиция не знала мытья в бане. А поскольку гигиенические рекомендации воспроизводили европейский опыт, упоминания о бане в них отсутствовали, но иногда говорилось о печи как об альтернативе бани¹². Мытье детей в печи упоминалось как варварская, подлежащая искоренению практика. Указывалось, что втаскивать маленького ребенка в горячую печь нельзя ни при каких обстоятельствах. (Михайлов 1888, 27). При этом обязательным считалось ежедневное мытье ребенка в корыте¹³.

Любопытно, что в традиционной русской культуре существовало представление, что купание ведет к простуде. В брошюре, автором которой является врач, читаем:

Чаще всего встречаешься с ложным, но очень упорным мнением, что 1) купать можно только совершенно здоровых детей и то только в хорошую погоду 2) что есть дети, которые купаться не переносят, т.е. захварывают всякий раз, как их выкупают (Буховцева 1882, 44).

Пособия для матерей борются с этим представлением, разъясняя, что купание никак не может повредить ребенку¹⁴.

Отдельно надо сказать о температуре воды при купании детей. Мысль о том, что детей следует приучать к холодной воде, встречается уже у Руссо. Эту идею достаточно последовательно проводят авторы переводных брошюр¹⁵, в то время как русские дореволюционные авторы не настаивают на пользе холодной воды для младенцев. Рассуждения о необходимости закаливания младенцев появляются лишь в брошюрах советского времени. Между тем

¹² В некоторых регионах России бани не были распространены. Функции бани принимала на себя печь. (Топорков 2009, 39).

¹³ С гигиенической точки зрения предпочтение корыта бане кажется весьма сомнительным. Крестьянское корыто изготовлялось из дерева. Отмыть деревянное корыто до стерильной чистоты сложно. Учитывая, с какой настойчивостью авторы популярных книг пишут, что в корыте, предназначенном для купания ребенка, нельзя ни стирать, ни хранить грязное белье, можно предположить, что эти рекомендации не соблюдались (Буховцева 1882, 46; Российский 1925, 19–22; Лангштейн 1926, 44; Свечарник 1929: 14; Макаева 1931, 13). Дореволюционные авторы специально проговаривают, что детей, больных опасными болезнями, такими как кровавый понос, оспа, венерические болезни, следует мыть в отдельном корыте. (Михайлов 1888, 26).

¹⁴ В вопросах того, как часто надо купать и как долго ребенок должен находиться в воде, авторы популярных пособий не проявляют никакого единодушия. Одни считали, что ребенка следует купать один раз в день (Михайлов 1888, 24; Лангштейн 1926, 44; Макаева 1931, 13), другие – что до полугода лучше купать два раза в день, а потом один (Буховцева 1882, 45). Некоторые не настаивали на ежедневном купании, но объясняли при этом, что для здоровых детей вреда никакого не будет (Массе 1858, 164). Такой же разнотой мнений обнаруживается и по вопросу, как долго длится купание (Российский 1925, 19–22; Лангштейн 1926, 44; Макаева 1931, 15).

¹⁵ См., например, Маутнер 1856, 65–67.

свидетельство о моде на закаливание взрослых людей мы обнаруживаем уже у Пушкина:

Прямым Онегин Чильд-Гарольдом
Вдался в задумчивую лень:
Со сна садится в ванну со льдом,
И после, дома целый день (глава 4, XIV).

Ю. М. Лотман указывал на то, что эти строки имеют автобиографический характер, т.к. имеются мемуарные свидетельства о том, что сам Пушкин по утрам купался в ванне со льдом (Лотман 1995, 643).

3. Поле столкновений культурных традиций

Различия в практиках ухода за младенцем, которые были описаны выше, далеко не единственные. Сюда можно добавить еще много других позиций: это вопросы, как одевать младенца, как кормить (по требованию или по часам), вопросы прикорма, прогулок с ребенком, проветривания помещения и т.д. Практика родов также существенно различалась в традиционной культуре и в том варианте культуры, который был ориентирован на европейскую норму. Однако не надо думать, что эти бытовые уклады существовали изолированно и не пересекались друг с другом. Культуртрегерская деятельность представителей образованных классов была очевидной и, в частности, она породила большое количество литературы для народа, посвященной вопросам медицины, гигиены и уходу за детьми. Однако не нужно думать, что влияние было однонаправленным. Институт кормилиц способствовал тому, что в домах состоятельных и ориентированных на европейские стандарты людей в детских царили порядки, далекие от тех, которые пропагандировали авторы медицинских брошюр.

Прежде, чем мы рассмотрим практику выбора кормилицы и проблемы взаимодействия с ней, нужно будет остановиться на естественном вопросе, почему женщины, принадлежащие к состоятельным классам, в XIX в. не кормили сами своего ребенка. Это вступает в противоречие с интенцией, выраженной в многочисленных пособиях для матерей. Авторы всех известных нам пособий рассматривают кормление ребенка его матерью как несомненное благо. Популярные книги призывают матерей отказаться от услуг кормилиц и самостоятельно кормить своих детей. Для доказательства этого используются как рациональные аргументы, так и эмоциональные. С одной стороны, необходимость грудного вскармливания доказывается апелляцией к физиологическому устройству человека и вообще млекопитающих.

Мы [...] должны будем прежде всего решить вопрос о том, чем именно должно кормить новорожденного ребенка. Впрочем, решение этого вопроса не представляет ни малейших трудностей, потому что в этом отношении природа не поскупилась на указания; так, например, ребенок рождается без зубов, в грудях матери появляется молоко, которое, если мать не дает ребенку отсосать его, начинает сильно беспокоить ее. С другой стороны, мы видим, что все млекопитающие кормят своих детенышей грудью, при этом не трудно уже предположить, что и женщине природа дала груди, полные молока, для того, чтобы она кормила этим молоком своих детей (Манассеина 1870, 101).

С другой стороны, врачи могут обращаться к чувствам матери и говорить о том, что кормление грудью – это выражение любви.

С какой бы стороны мы ни посмотрели на дело, мы видим одно, что всякая мать, если только она любит своего ребенка, должна кормить его сама. А между тем, это обязательное требование для всякой матери, к сожалению, настолько ненавидимо нашими матерями, что врачу приходится бесплодно тратить время на убеждение их, чтобы они само кормили своих детей (Ван-Путерен 1892, 14).

Очевидно, что женщины не всегда следовали этой рекомендации. Во-первых, если бы кормление грудью было повсеместной практикой, вопрос о долге матери в популярных пособиях просто бы не ставился. Во-вторых, сразу за разделом о том, как прекрасно, когда мать сама кормит свое дитя, в этих брошюрах следовал раздел, посвященный выбору кормилицы, в котором содержались не абстрактные рассуждения, а вполне конкретные советы.

Согласно исследованию А. В. Беловой (2014), в начале XIX в. некоторые дворянские женщины принимали решение самостоятельно кормить своего ребенка под влиянием художественной литературы. Так, большое впечатление на молодых дворянок производила повесть Бернардена де Сен-Пьера «Поль и Виргиния». В этой повести героини госпожа де-ла-Тур и Маргарита, подруги, вынужденные в силу обстоятельств самостоятельно заботиться о себе, кормят грудью своих маленьких детей и даже периодически меняются детьми: получается, что каждая кормит двоих (Бернарден де Сен-Пьер 1937, 23). Но идея, что жизнь отражает литературу, все же не была повсеместной и разделяли ее, прежде всего, женщины, стремящиеся к самореализации.

На определенном этапе жизненного цикла кормление грудью воспринималось некоторыми дворянками как своеобразная сфера самореализации, не менее значимая, чем, например, организация светского раута (Белова 2014, 420–421).

И все-таки преобладающее большинство, безусловно, пользовалось услугами кормилицы. Почему же дворянки, хотя и хотели быть похожими на героинь

сентиментальной повести и читали рассуждения «Рыцаря нашего времени» Карамзина, где содержалось описание идеальной матери, которая является для ребенка одновременно и кормилицей¹⁶, в массе своей не стремились самостоятельно кормить грудью своего младенца?

Обычно авторы пособий, адресованных молодым матерям, сначала рассуждают о пользе грудного вскармливания, а затем, оговорившись, что иногда женщина по слабости не может кормить, продолжают рекомендации, уже исходя из того, что именно эта слабость и является нормой (Маутнер 1856, 76–77; Мохначева 1903, 37). Трудно представить, что все крестьянки могут кормить своего ребенка, а почти все дворянки не имеют достаточного для этого здоровья. Очевидно, что здесь мы имеем дело с идеей, а не с физиологической реальностью: дворянка считает себя слабой и общество воспринимает ее таковой. Лотман отмечал, что в начале XIX в. физическое здоровье перестало восприниматься как ценность. «С приближением эпохи романтизма мода на здоровье кончается. Теперь кажется красивой и начинает нравиться бледность – знак глубины сердечных чувств. Здоровье же представляется чем-то вульгарным» (Лотман 1994, 51). Культурные стереотипы заставляли женщин видеть в естественной послеродовой слабости принципиальное нездоровье и неспособность кормить младенца¹⁷. Кормилица становилась единственно возможным выходом из сложившейся ситуации.

Кормилицы как массовое явление появились в России в процессе европеизации русской элиты. Они были такой же характерной чертой эпохи, как европейские платья, прически, бритье бород и интерьеры жилых помещений. (Лотман 1994, 51). При этом заимствуется не только институт кормилиц, но и тексты, критикующие этот институт. Уже Руссо критиковал практику, при которой младенца кормит не мать, а посторонняя женщина: «Женщина, которая кормит чужого ребенка вместо своего, дурная мать: как же может она быть хорошей кормилицей?» (Руссо 1866, 9). Среди популярных брошюр по уходу за ребенком, переводы с европейских языков составляли примерно половину. Их авторы, транслируя европейский взгляд на институт кормилиц,

¹⁶ «Тогда не было еще «Эмилия», в котором Жан-Жак Руссо так красноречиво, так убедительно говорит о священном долге матерей и читая которого прекрасная Эмилия, милая Лидия отказываются ныне от блестящих собраний и нежную грудь свою открывают не с намерением прельщать глаза молодых сластолюбцев, а для того, чтобы питать ею своего младенца; тогда не говорил еще Руссо, но говорила уже природа, и мать героя нашего сама была его кормилицей. Итак, не удивительно, что Леон на заре жизни своей плакал, кричал и немог реже других младенцев: молоко нежных родительниц есть для детей и лучшая пища, и лучшее лекарство» (Карамзин 1964, 758–759).

¹⁷ И даже в 20-х годах XX в. еще была распространена идея о том, что образованная женщина не имеет физической возможности кормить своего ребенка: «Почему же, однако, в настоящее время не все матери кормят своих детей грудью? [...] В качестве оправдания для матерей, не кормящих грудью своих детей, говорят о недостатке молока, а также приводят мнение о прогрессирующем физическом вырождении человеческой расы за счет все увеличивающегося духовного развития» (Лангштейн 1926, 15).

отзывались о нем весьма нелестно. Вот, например, размышления немецкого врача, опубликованные в русском переводе в 1870 г.:

Самый институт кормилиц – недостойный торг людьми, ограбление бедного ребенка богатым, который, так сказать, из уст бедного младенца выдергивает пищу, предназначенную ему самим Богом. [...] Известно, что у нас в Германии кормилицы большей частью принадлежат к сословию служанок и притом незамужних; известно также, что забота о насущном хлебе вынуждает этих матерей как можно скорее после разрешения от бремени искать приюта и заработков в чужих людях. И если такая женщина поступит в дом кормилицей, то будет выигрыш хоть для чужого младенца – выигрыш, которого во всяком случае собственный ребенок их всегда лишен¹⁸ (Вертэйбер 1870, 34–35).

К XX в. отношение к институту кормилиц становится еще более резким. В книге проф. Лангштейна, также переведенной с немецкого, но уже в 20-е годы XX в., находим жесткое осуждение этого общественного института:

Если врач находит, что мать не в состоянии кормить грудью своего ребенка, то является вопрос, не следует ли взять кормилицу. Это опять-таки должен решать врач. Но мать должна помнить, что она берет на себя тяжелую ответственность, если возьмет кормилицу в то время, когда сама в состоянии кормить грудью своего ребенка. Ведь таким образом нуждающаяся женщина-кормилица лишает своего ребенка из-за денег материнской груди, на которую он имеет законное право. Таким образом, благополучие богатого паразита часто стоит жизни другому ребенку. Только врач может решить, нужна ли кормилица, и он примет также меры, чтобы по возможности лучше охранить интересы ребенка кормилицы. Эта охрана лучше всего выражается в том, что мать принимает кормилицу вместе с ее ребенком, и та, таким образом, кормит обоих детей сразу¹⁹ (Лангштейн 1926, 22–23).

Пособия по уходу за младенцами много страниц посвящают проблеме выбора кормилицы. Какими же были критерии выбора? Большое внимание уделялось антропологическим особенностям будущей кормилицы:

¹⁸ Если говорить о русских реалиях, то положение собственного ребенка кормилицы было очень тяжелым. В сельском поместье она могла кормить дворянского дитя вместе со своим. В городе же не было принято брать в дом кормилицу с ребенком и, в лучшем случае, она отправляла младенца к родным в деревню, а в худшем – отдавала в Воспитательный дом. В последнем случае шансов выжить у младенца была немного. В XVIII в. младенческая смертность в воспитательных домах составляла 89%, и лишь к началу XX в. ее удалось значительно снизить (Ерошкина 1994).

¹⁹ Советские издатели добавили к этому пассажу следующее любопытное примечание: «В СССР труд кормилицы, как труд всякого трудящегося, находится под охраной закона; кормилица заключает с работодателем точный договор, регулирующий их взаимоотношения» (Лангштейн 1926, 23).

Женщина худощавая, высокого роста, которой грудь недостаточно развита, которой чрезвычайная белизна кожи совпадает с темным цветом волос, у которой широки челюсти и пр., не годится в кормилицы (Массе 1858, 79).

Также существовало мнение, что брюнетки как кормилицы лучше блондинок, а хуже всех – женщины с рыжими волосами²⁰. Другие авторы оспаривали эти заявления и утверждали, что цвет волос и телосложение на качество молока не влияют. (Мохначева 1903, 38). Но все сходились на том, что у кормилицы (как у лошади) следует проверять зубы, потому что зубы говорят о здоровье женщины и качестве молока. (Жиро 1794, 13–14; Массе 1858, 79; Аммон 1892, 22; Мохначева 1903, 37).

Институт кормилиц крайне затруднял внедрение европейских практик воспитания детей. Кормилица принадлежала к иному социальному слою, чем родители ребенка. Единственно возможными она считала традиционные крестьянские практики, а модные теории ухода за младенцами воспринимала с недоумением, а то и враждебно. При этом кормилица проводила с ребенком куда больше времени, чем мать, и ее влияние на быт детской часто оказывалось определяющим. Это превращало «перевоспитание» кормилицы в серьезную социальную проблему. В медицинских пособиях появился специальный раздел, где матерей учили правильному общению с кормилицами. Приведу два примера такого рода наставлений.

Нигде, быть может, нет такой массы нелепых и вредных предрассудков, как в детской, кормилица имеет полную возможность приведения их в жизнь, если за ней буквально день и ночь не следит подозрительное око матери. Делание соски, сование груди ребенку при малейшем крике, закачивание, укладывание с собой в постель, растирание половых органов ребенка с целью успокоения, употребление разных секретных успокоительных порошков и настоев (мак) и проч. – все это мы встречаем ежедневно, и мать употребляет все свое старание на отучение кормилицы от подобных приемов. Но это отучение нелегко дается, так как кормилица смотрит на эти запрещения, как на прихоть родителей, вредящую ребенку, и при удобном случае пустит свои приемы в ход (Ван-Путерен 1892, 7). Попробуйте, например, внушить кормилице, что ребенка здоровее кормить правильно, через известные промежутки времени, или что его вредно класть спать с собой на одну кровать. Скрепя сердце, она будет слушать вас, но как только вы отвернетесь, она сунет ребенку грудь при первом пiske; если она знает, что вы не входите ночью в детскую, она приучит ребенка спать с собой, и это не от нравственной испорченности, как думают матери, а от того, что кормилица глубоко убеждена, что все, что от нее требуют, не что иное, как барские выдумки, вредящие процветанию ребенка. В самом деле, ни она, ни ее близкие никогда ничего подобного со своими детьми не проделывали и дети, несмотря на то,

²⁰ См., например, Жиро 1794, 13–14; Аммон 1892, 20.

были живы (половину умерших не считают) и здоровы, и потому понятно, что большинство кормилиц при первой возможности будет поступать согласно своим убеждениям (Буховцева 1882, 9).

Приведенные фрагменты находятся в книжках, которые были составлены врачами, имеющими практику в России. Это не переводы, а тексты, учитывающие русские реалии. Любопытно, что в книгах, переведенных с европейских языков, вопрос о том, что кормилица все сделает по-своему и неправильно, не ставится (см.: Маутнер 1856, 76–134; Лангштейн 1926, 22–24).

4. Преодоление культурной разнородности.

Риторические стратегии борьбы с традиционной практикой

В истории России приобщение крестьян, составлявших подавляющее большинство населения страны, к практикам образованных сословий было важнейшей частью модернизации страны. Борьба за права податных сословий шла бок о бок с уничтожением традиционного уклада и внедрением в крестьянскую среду бытовых стандартов европеизированной дворянской культуры. В этом контексте следует рассматривать и конфликты «крестьянской» и «европейской» медицинских практик. Как медики, так и внимавшие им представители образованных классов весьма резко оценивали традиционный уклад, не знавший правил гигиены и основ позитивистской медицины. Поэтому описания крестьянских практик всегда имеют отрицательную окраску. Даже корреспонденты Тенишевского бюро (учителя, церковнослужители, мелкие провинциальные чиновники), которые были близки к тому крестьянскому быту, который они описывали, не свободны от этого распространенного взгляда. В качестве иллюстрации приведем лишь один пассаж, где корреспондент Тенишевского бюро, описывая жизнь деревенских детей, весьма эмоционально выражает свое удивление тем, что дети вообще выживают.

Понятно, что громадное большинство детей бывает «неспокойно», т.е. «ревут и день и ночь», много выходит золотушных, с предрасположением к разным болезням, нередки и физические уродства, благодаря подобному первоначальному воспитанию. Поистине нужно удивляться, что при таких условиях начальной жизни большинство остающихся в живых бывают здоровы, сильны, крепки (Русские крестьяне V.4, 213).

Общественные движения, возникшие после александровских реформ, ставили перед собой задачу переучивания крестьян и приближения их бытового уклада, мировоззрения и менталитета к дворянскому. И большевистскую культурную

революцию следует рассматривать как продолжение этого просветительского движения. Однако риторические стратегии, которые использовали дореволюционные пропагандисты «правильного» ухода за новорожденными, радикально отличались от послереволюционных. В этой связи интересно сравнить систему аргументации, используемую в дореволюционных книгах для народа и в послереволюционных.

4.1. Дореволюционная литература для народа

Дореволюционные авторы старались избегать огульного отрицания традиционного уклада. Поэтому они пытались говорить на языке крестьян и строить, исходя из собственного видения крестьянской жизни, такие доказательства, какие будут поняты и приняты. Моделировался гипотетический диалог, в котором просвещенный горожанин парировал высказывания крестьянина набором стандартных клише («но без труда не вынешь рыбку из пруда», «что посеешь, то и пожнешь» и т.п.). Вот пример подобного гипотетического диалога:

Многие говорят, что жизнь и смерть в руках Божиих, что если Богу угодно – дети будут живы и здоровы и без нашего мудрствования, и что если детям суждено Богом заболеть или умереть – то никакие хитрости не помогут. В таких словах правда смешана с неправдой. Спору нет, что на все воля Бога, но надо понимать ее хорошенько, а не думать о ней зря: на то Бог и разум нам дал. Если Бог повелел нам кормиться трудами рук своих от земли, то ведь никто не станет думать, что без нашего труда и земля вспашется, и зерно посеется, и сожнется, и смолится, и хлебы спекутся, а мы только глотать их будем (Михайлов 1888, 3–4).

Примерно таким же образом может строиться гипотетический диалог о верности традиции.

Многие и говорят также, что отцы и деды так не делали. А возрастили же, слава Богу, своих детей. Тут тоже правда смешана с неправдой. Правда тут та, что надо внимательно слушать, что говорили и делали наши отцы и деды, потому что недаром же они прожили на свете. А неправда в том, что нам не нужно говорить и делать без разбора все, что говорили и делали отцы и деды, а только то, что они делали разумно и по Божьи. [...] Кто знает, сколько детей заболело и умирало у отцов и дедов наших по их незаботливости или неумению и сколько детей перекалечилось из-за этого? И если мы знаем, отчего у них дети заболели и умирали, узнаем их ошибки, то сможем сами уберечься от этих ошибок (Михайлов 1888, 4–5).

Очевидно, что автор этой брошюры, в отличие от тех, кто писал книги для образованной аудитории, не обличал крестьянский быт и традиции. Он

пытался говорить с крестьянином на равных, строя доказательства своей правоты так, чтобы они не раздражали читателя.

4.2. Послереволюционная литература для народа

После революции, когда задачей новой культурной политики стало создание единого общества, лишённого сословных стереотипов, советы крестьянкам и работницам по уходу за младенцами перестали носить рекомендательный характер. Риторическая стратегия обращения к народу стала другой. Теперь господствовало не убеждение, а предписание: на смену советам и рассуждениям пришла обязательная к исполнению инструкция. Вот как, например, заканчивается одна из книжек по грудному вскармливанию, адресованная крестьянкам:

Если матери будут исполнять в точности все, что указано в этой книжке, то они вырастят здоровых и крепких детей, которые в будущем будут помогать им в их трудовой крестьянской жизни (Российский 1925, 31).

Принуждение к новым принципам ухода за младенцами шло в общей струе большевистской борьбы за новый быт.

Существенным отличием медицинского просвещения от других большевистских просветительских мероприятий (таких, как борьба за грамотность, организация политехб или атеистическая работа) было то, что людей с медицинским образованием в первые годы советской власти в деревне было крайне мало. Медиаторами, при помощи которых новая идеология и новый быт должны были прийти в деревню, считались учителя. Деликатность ситуации состояла в том, что учителя не были компетентны в вопросах родовспоможения и ухода за новорожденным, да и авторитет их в этих вопросах был существенно меньшим, чем у повивальных бабок. В связи с этим, с одной стороны, требовалось найти людей, способных донести до крестьян актуальную для власти медицинскую информацию, а с другой – изобрести методики, позволяющие людям, не имеющим того авторитета, которым обладали врачи, проповедовать от имени прогрессивной медицины. Авторы популярных брошюр предлагали вести такие занятия учителям, «красноугольцам» (т. е. лицам, отвечавшим за «красный уголок», место, отведенное для нужд политпросвещения и агитации) и «избачам» (лицам, возглавлявшим избучитальню). При этом предполагалось, что эти лица ни в коем случае не будут говорить от себя, а будут зачитывать соответствующие медицинские брошюры²¹.

²¹ В традиционной культуре текст, прочитанный по книге, обладает большим авторитетом, чем импровизированный текст. Имеются свидетельства, что крестьяне требовали от священника,

В случае возникновения вопросов их предлагалось записывать, передавать для ответа медикам и зачитывать ответы на следующем занятии. Для закрепления материала могли использоваться агитационные стихи (Свечарник 1929, 3–5). Вот, например, отрывок из драматургического произведения в стихах «Гигиена грудного ребенка», которое должно было служить агитационным целям:

Руководитель. Вот есть тут у нас две мамыши... Поют так, что слушать любо, что две пташки заливаются. Доставьте полное удовольствие товарищам.

1-я мать. Спи, младенец мой прекрасный,
Баюшки-баю
Грудь свою я ежечасно
В рот тебе сую.

Руководитель. От ежечасной еды, чай, и взрослому не поздоровится, а младенцу и подавно.

2-я мать. Спи, младенец мой приятный,
Спи, моя краса,
Грудь даю я аккуратно
Через три часа.

Руководитель. А эта, видать, сознательная, докторов слушает [...]

1-я мать. Туго, туго я свиваю
Деточку мою,
Целый день тебя качаю,
Баюшки-баю.

Руководитель. Ишь злодейка! По рукам и ногам свяжет младенца и трясет его, как утопленника. Нет, милая, этак и здорового ребенка не вырастишь, нет.

2-я мать. Весь наряд твой распашонка
Да пеленочка,
И не связана ручонка
У ребеночка.

Руководитель. Вот, это дело! И дышать ребенку свободно, и растет он правильно (Свечарник 1929, 27–29).

Интересно, что при обращении к крестьянкам и фабричным работницам использовалась разная аргументация. Если для крестьянки особенности ухода за младенцем объяснялись примерами из жизни поросят и телят, то для фабричных работниц использовалась метафора «человек-машина». Приведем пример из книги М. А. Арони, адресованной работницам заводов и фабрик:

Известно, что всякая машина требует за собой ухода для того, чтобы она не портилась, для того, чтобы она исправно работала. Всякий станок на заводе нуждается в хорошем присмотре, в смазке его частей и требует исправного

чтобы он не беседовал с ними, а читал «от Писания». И священнику приходилось проводить беседу, глядя в какую-то книгу, не имеющую отношения к делу (Кравецкий 2012, 129).

состояния всего механизма. Если вовремя не почистишь и не смажешь швейную машину, она также не сможет исправно работать, правильно шить. Человек – тот же механизм, но механизм живой, поэтому по отношению к нему тем более требуется выполнение различных правил, от которых зависит исправное состояние человеческого тела. Эти правила необходимо выполнять по отношению ко всем частям человеческого тела, или, как говорят, ко всем его органам. [...] Такие правила и даются наукой, которая называется гигиеной человека [...] Ребенок такой же сложный механизм, как и взрослый, его тело представляет собой как бы маленькую модель тела взрослого человека. Поэтому по отношению к ребенку тем более важно исполнять правила ухода за ним, для того чтобы сохранить маленького человечка в здоровье и вырастить из него полезного гражданина (Арони 1925, 3–4).

Сравнение человека с механизмом – характерный прием книг, адресованных работницам фабрик. Вот как женщинам объясняется процесс выработки молока в груди.

Как видите, грудь представляет собой вполне налаженную фабрику, в которой производительность труда растет с каждым днем (речь идет о том, что после родов у женщины каждый день становится все больше и больше молока. – А. П.). Познакомимся вкратце с устройством этой фабрики. Грудь женщины так же, как и вымя коровы, представляет собой железу, которая вырабатывает молоко. [...] Внутреннее устройство груди сложное: во всех ее частях вырабатывается молоко, которое стекается в малые ручейки – протоки; эти – в большие ручьи; большие ручьи стекаются в один большой проток, который имеет выход к соску. Ребенок сосет сосок и работает своими губами, как насосом; от этого из всех ручейков насыщается молоко, которое и стекает через общий поток струйками прямо в рот ребенку (Арони 1925, 13).

5. Выводы

Среди повседневных практик, которые должны быть проанализированы в ходе работы по написанию социальной истории России, практики, связанные с рождением ребенка и уходом за ним занимают важное место. Их анализ у представителей разных социальных страт российского общества дает возможность проследить, какие меры образованные сословия принимали для того, чтобы превратить свой бытовые стандарты в общенациональные. Внедрение идей европейской медицины в российскую повседневность органично входило в число мер, необходимых, по мнению российских прогрессистов, для европеизации народного быта.

Если влияние образованных социальных групп на народную жизнь происходило в результате сознательной культуртрегерской деятельности, то влияние крестьянских бытовых традиций на жизненный уклад образованных сословий носило непосредственный характер. Повсеместное распространение кормилиц, которые принадлежали к иной социальной группе, чем родители ребенка, приводило к тому, что, несмотря на сопротивление родителей, крестьянские практики ухода за детьми (укачивание, соска, совместный сон и т.д.) использовались достаточно активно.

Библиография

- АЛЕКСАНДРОВ, В. А./ВЛАСОВА, И. В./ПОЛИЩУК, Н. С. (ред.) (2003), Русские. Москва.
- АЛЬБРЕХТ, Г. (1894), Кормление детей первого года жизни. Санкт-Петербург.
- АММОН, Ф. (1892), Золотая книжка. Гиена беременности. Обязанности матери. Уход за маленьким ребенком. Сочинение д-ра Ф. Аммона, бывшего лейб-медика короля саксонского. Санкт-Петербург.
- АРОНИ, М. А. (1925), Уход за ребенком грудного возраста в рабочей семье с приложением практических советов матери работнице. Харьков.
- БЕЛОВА, А. В. (2014), Четыре возраста женщины. Повседневная жизнь русской провинциальной дворянки XVIII – середины XIX в. Санкт-Петербург.
- БЕРНАРДЕН ДЕ СЕН-ПЬЕР, Ж.-А. (1937), Польша и Виргиния. Индийская хижина. Москва / Ленинград.
- БОРИСОВ, М. (1902), Постель новорожденного. Санкт-Петербург.
- БУХОВЦЕВА, В. И. (1882), Уход за грудными детьми. Советы матерям женщины-врача В. И. Буховцевой. Саратов.
- ВАН-ПУТЕРЕН, М. Д. (1892), Значение и способы искусственного вскармливания детей. Публичная лекция, читанная в пользу пострадавших от неурожая 8 марта 1892 года. Санкт-Петербург.
- ВЕРТЭЙБЕР, А. (1870), Кормление новорожденных и грудных детей матерью, кормилицей и рожком. Болезни детей и уход за ними. Общепонятно изложено доктором А. Вертэйбером. Москва.
- ДАЛЬ, В. И. (1994), Толковый словарь живого великорусского языка. Т. I–IV. Москва.
- ЕРОШКИНА, А. Н. (1994), Воспитательные дома. В: Отечественная история. История России с древнейших времен до 1917 года. Т. 1. Москва, 464.
- ЖИВОВ, В. М. (2009), Заспанные младенцы и матери-детоубийцы: из истории слов и понятий. В: Живов В. М. (ред.), Очерки исторической семантики русского языка раннего нового времени. Москва.
- ЖИРО, Ж. (1794), Карманная книжка для чадолюбивых матерей, содержащая полезные советы и наставления, нужнейшие к исполнению при воспитании их детей, как то: о выборе кормилиц; о присмотре и хождении за новорожденным. Москва.
- КАРАМЗИН, Н. М. (1964), Избранные сочинения. Т. 1. Москва / Ленинград.
- КРАВЕЦКИЙ, А. Г. (2012), Церковная миссия в эпоху перемен (между проповедью и диалогом). Москва.
- ЛАНГШТЕЙН, Л. (1926), Мать и дитя. Руководство для матерей по вскармливанию и уходу за грудным ребенком. Москва.
- ЛОТМАН, Ю. М. (1994), Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX в.). Санкт-Петербург.

- Лотман, Ю. М. (1995), Пушкин. Биография писателя. Статьи и заметки. 1960–1990. «Евгений Онегин». Комментарий. Санкт-Петербург.
- Макаева, М. А. (1931), Грудной ребенок. Уход и вскармливание. Тифлис.
- Манасеина, М. М. (1870), О воспитании детей в первые годы жизни. Санкт-Петербург.
- Массе, Н. (1858), О физическом воспитании детей в период их первоначального развития или наставление матерям ходить за ними в это время, и вообще о наблюдении за ними во все продолжение их младенческого периода и отнятия их от груди. Николая Массе, доктора медицины Парижского факультета, кавалера ордена 1-го класса Св. Гроба Господня и практикующего врача в Москве. Москва.
- Маутнер, А. В. (1856), Руководство к правильному воспитанию детей в первом возрасте. Санкт-Петербург.
- Михайлов, Н. Ф. (1888), Советы матерям об уходе за грудными детьми примененные к крестьянской жизни. Владимир.
- Мохначева, М. Ф. (1903), Записки по уходу за здоровыми детьми. Санкт-Петербург.
- Пироговская, М. М. (2015), Запахи как миазмы, симптомы и улики: к проблеме сциентизации быта в России второй половины XIX века. В: Новое литературное обозрение. 135, 140–169.
- Русские крестьяне I–VII (2004–2008), Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы. Материалы «Этнографического бюро» князя Тенишева. Т. I–VII. Санкт-Петербург.
- Руссо, Ж. Ж. (1866), Собрание сочинений. Т. 1. Теория воспитания. Санкт-Петербург.
- Российский, Д. М. (1925), Советы крестьянским матерям по вскармливанию и уходу за грудными детьми. [Издание Г. Ф. Мириманова. Популярно-научная библиотека. Отдел медицины]. Москва.
- Свечарник, Б. (1929), Беседы с нянями-подростками в избах читальнях и красных уголках. Ленинград.
- Топорков, А. Л. (2006), Печь. Славянские древности. В: Толстой, Н. И. (ред.), Этнолингвистический словарь. Москва, 4, 39–44.

NATALIA TOMCZEWSKA-POPOWYCZ
Uniwersytet Śląski w Katowicach

ЕТНІЧНИЙ ТУРИЗМ ТА ІНШІ БЛИЗЬКІ ФОРМИ ТУРИЗМУ В СХІДНОЄВРОПЕЙСЬКІЙ ЛІТЕРАТУРІ

Ethnic tourism and other similar forms of tourism in literature of Eastern Europe

КЛЮЧОВІ СЛОВА: етнічний туризм, сентиментальний туризм, Східні Креси, типологія етнічного туризму

KEYWORDS: ethnic tourism, sentimental tourism, Eastern Borderlands, classification of ethnic tourism.

ABSTRACT: The purpose of the study is to explore the challenges of defining what is commonly known as “ethnic tourism”. Provided here a review, comparison, integration and systematization of the definitions of the phenomenon, its facets and characteristics. In particular, such variations as sentimental tourism, ethnic tourism, nostalgic tourism, diaspora tourism, genealogy tourism, are ancestral tourism subjected to a comparative analysis. The study is based on a systemic literature review and qualitative and frequency analysis of the definitions of the phenomenon. The literature search was not limited to publications by Ukrainian authors, but included Polish and Russian available relevant literature on the topic. Offered a new definition of ethnic tourism and other definition connected with ethnic aspects. The lack of clear definitions and differences in understanding significantly impeding the development of his area of tourism. This study gives rise to more function in operation of this type of tourism in theory and practice.

Вступ

Туризм є багатограним явищем та виконує різноманітні функції. Дослідженням поділу туризму за метою в Україні займаються такі вчені як М. Мальська, В. Худо, В. Цибух (2004), М. Й. Рутинський, Н. М. Паньків (2008) та інші. Поділом культурного туризму в Польщі займаються А. М. Rohrscheidt (2008), А. Kowalczyk (2008), К. Buczkowska (2011).

Етнічний туризм формується на основі історичної та культурної спадщини. Ці мотиви подорожей здійснюються за допомогою туризму, метою якого є відвідання країни свого народження або предків. Етнічний (сентиментальний) туризм є особливо важливий для мігрантів – дозволяє мати прямий контакт з країною, людям, які народилися за межами країни, дає внесок у національну

свідомість. Цей вид туризму дозволяє підтримувати національні традиції в чужій країні, за рахунок науки і спілкування рідною мовою, підтримання релігійних та культурних традицій чи відвідування пам'яток (Panasiuk 2006).

Етнічний (сентиментальний) туризм стає все більш популярним також у зв'язку з глобалізацією, що пов'язано зі спрощенням процедур перетину кордону, люди емігрують в заробітних, освітніх та інших цілях, та навпаки: людям, які емігрували давно, простіше відвідати країну походження. Збільшення тривалості життя сприяє активності старших людей, які також практикують цей вид туризму.

1. Мета і методологія досліджень

Метою дослідження є проведення аналізу понять, пов'язаних з етнічним туризмом. В цій статті представлені поняття, синтез та систематизація таких понять, як етнічний туризм, сентиментальний туризм, ностальгичний туризм, діаспори, «поклик предків» та генеалогічний туризм.

Проаналізовано ряд понять, пов'язаних з етнічним туризмом. В дослідження було включено не тільки визначення українських авторів, але також польських та російських авторів. Проаналізовано та запропоновано цілісну типологію понять.

Запропоновано нові визначення понять, пов'язаних з етнічним туризмом. Відсутність чітких визначень і відмінності в розумінні термінів значно перешкоджають у розвитку цієї галузі туризму. Це дослідження впорядковує термінологію етнічного та сентиментального туризму і дає підстави для більш ефективного функціонування цього виду туризму в теорії та на практиці.

2. Поняття етнічного, ностальгичного, сентиментального туризму в Східноєвропейській літературі

Перегляд літератури предмету досліджень виявив велику кількість термінів, які мають подібну мету туристичних подорожей. Це етнічний туризм, сентиментальний, ностальгичний, туризм діаспори, генеалогічний туризм та «поклик предків». Близько цих понять знаходиться також танатотуризм («цвинтарний»), етнографічний, а також культурної спадщини. Ці всі форми туризму об'єднує сентиментальна ціль, але в кожному понятті підкреслюється інший мотив подорожі. Щоб можна було окреслити індивідуально кожний мотив подорожі, потрібно приблизити їхні «емоційні відповідники» на прикладі словника (Словник української мови. Український тлумачний словник, доступ он-лайн):

- сентименти – вияв надмірної чутливості;
- ностальгія – болісна туга за Батьківщиною;
- самоідентифікація – ототожнення себе із певною соціальною групою, спільністю людей (етнічною, національною тощо);
- генеалогія – історія роду, родовід;
- утнічний – до якого-небудь народу, його культури;
- діаспора – розсіяння по різних країнах народу, вигнаного завойовниками за межі його батьківщини.

Аналізуючи поняття *сентименту* можна сказати, що сентиментальний туризм пов'язаний з місцями, до яких подорожуючий має почуття симпатії, тобто особисті тремтливі почуття. Це можуть бути місця, пов'язані з романтичною літературою (напр. Східні Креси для поляків) або подорожі до конкретної країни в зв'язку з тим, що подобається звучання мови чи стиль життя, який веде певна нація. Аналізуючи поняття *ностальгії*, до якої відноситься туга за рідною країною, але в якій немає можливості перебувати. Можливо, це туга за місцями, пов'язаними з дитинством, з селом, де проходили канікули в бабусі.

Наступним важливим поняттям є *самоідентифікація*, яка є пошуком відповіді на питання: «Хто я і що мене відрізняє від інших?». Одним зі способів пошуку самоідентифікації є відвідування важливих місць для свого народу, або пошук місць, пов'язаних з життям родини або предків з ціллю ідентифікації умов формування їх ідентичності. Генеалогія вимагає дослідження або знання на тему походження своїх предків або свого походження.

Етнічність та *діаспора* відносяться до етнічних груп, але діаспора знаходиться поза межами корінної етнічної групи. Діаспора утворюється двома способами: в зв'язку з еміграцією з Батьківщини або в результаті зміни державних кордонів (Gaworecki 1998). В нижче наведених таблицях (2.1, 2.2) представлені поняття, які зустрічаються в слов'яномовній літературі, пов'язані з етнічним туризмом.

2.1. Етнічний туризм

В таблиці 1 представлені визначення етнічного туризму. З порівняння визначень різних авторів помітно, що є культурні (національні) різниці у розумінні цього виду туризму.

Поняття етнічного туризму, як виникає з перегляду визначень, має кілька напрямків: метою першого є ознайомлення з певним етносом, який відрізняється від культури туриста, а другий напрям відноситься до подорожей до своєї етнічної групи.

Таблиця 1. Список визначень етнічного туризму в Східноєвропейській літературі

Автор	Визначення
W. Gaworecki (1997)	пов'язаний з місцем походження, народження і проживання в минулому туристів та їх предків
В. Кифяк (2003)	це поїздка з метою побачень з рідними та близькими й пов'язана з відвідуванням і виїздом у віддалені регіони країни або інші держави
A. M. Rohrscheidt (2008)	подорожі з туристичним характером, учасники яких проживають в іншій країні, їдуть до країн та місць свого походження або походження близьких осіб, або до місць культурно або історично пов'язаних з власною етнічною групою або групою своїх близьких
W. Siwiński/ R. Tauber (2008)	відноситься до соціальних груп, які знаходяться на чужині в зв'язку зі зміною кордонів або еміграцією. Такі групи шукають контакту з країною свого походження, Батьківщиною, країною народження предків. Цей вид туризму допомагає утримувати національну свідомість, а також розвиває контакти з державними культурними, соціальними, професійними або церковними/костельними організаціями за допомогою різних видів туризму
I. Волков (2009)	поїздки, що організовуються до регіонів проживання нечисленних народів, які не мають власної державності або національно-адміністративної автономії у складі інших держав
Л. Устименко (2009)	автор розглядає етнічний туризм як етнографічний, що є видом пізнавального туризму, основною метою якого є відвідування етнографічних об'єктів, які є історичною спадщиною народу, який проживав на цій території
М. Орлова (2009)	різновид пізнавального туризму, який передбачає організацію туристичних поїздок у регіони історичного проживання певного етносу для ознайомлення з його матеріальною та духовною культурою, збереженою в автентичному середовищі
Л. Черчик / Н. Коленда (2011)	вид туризму, який передбачає ознайомлення з історією та особливостями культури, побуту і життя певного народу
М. П. Кляп / Ф. Ф. Шандор (2011)	етнотуризм (ностальгічний, етнографічний) – вид туризму, який полягає в подорожах до місць свого історичного походження. Етнічний туризм може бути внутрішнім, він пов'язаний з відвіданням віддалених місць мешканцями міста для пізнання діалекту, фольклору, життя і культури. А також зовнішнім, який пов'язаний з історичною Батьківщиною або місцем народження родичів
А. Гаврилюк (2013)	вид спеціалізованого туризму, що сприяє задоволенню духовних, психологічних, фізіологічних, соціальних потреб осіб, які подорожують, створює умови для ознайомлення з історико-культурною, етнографічною, духовною спадщиною певного етносу

2.2. Сентиментальний туризм

В наступній таблиці представлений перелік понять сентиментального туризму.

Таблиця 2. Перелік понять сентиментального туризму

Автор	Визначення
М. Mika (2007)	етнічний туризм в сентиментальному характері – це подорожі, які характеризуються почуттям спільного походження і культури, осіб які постійно живуть поза межами своєї країни або регіону.
T. Jędrysiak (2008)	пошук ідентичності, коренів і цінностей, які були втрачені в сучасному світі, а також сентимент, пов'язаний з гордістю великих предків і необхідністю відвідування місць діяльності великих предків (поляків).
С. Кузик (2011)	охоплює ширші горизонти, ніж відвідування родинних сторін, основою яких є людські почуття, емоції і ностальгія.

Вищевказаний перелік представляє визначення, які пов'язані з емоціями, пошуком самоідентифікації і цінностей. Цікаво, що в англomовній літературі не зустрічається поняття сентиментального туризму, зустрічається тільки поняття «сентиментальні подорожі», які відносяться до хобі чи зацікавлень, напр. зацікавлення моделями сучасних потягів чи кораблів з воєнного періоду.

Чому в слов'янських країнах сентиментальний туризм використовується в етнічному сенсі? Можливо це пов'язано з відомими активістами польської культури з романтичної епохи. Тут йдеться про епоху романтизму про такі відомі літературні твори, як: «Вогнем і мечем», «На Німані» та інші, на основі яких були зняті фільми, а молодь і до сьогодні читає їх в школі. Є багато опублікованих згадок та оповідань авторів-переселенців часів вигнання в повоєнні роки зі Східних Кресів. Було переселено приблизно 1,8 млн. осіб (Hryciuk/Sienkiewicz 2008). На сьогоднішній день в цілій Польщі функціонують Об'єднання Українців і представників інших національностей, існують Товариства Любителів Львова і Кресів та інші асоціації, які активно працюють: проводять фотовиставки, видають газети та журнали, організовують свята, які проходять на Кресах, проводять дні культури і т. д.

2.3. Ностальгичний туризм

Приклади визначень ностальгичного туризму представлені в таблиці 3.

Таблиця 3. Перелік понять ностальгичного туризму.

Автор	Визначення
Д. Басюк (2005)	відвідання історичної батьківщини, місць, звідки походять предки або місць, звідки турист колись емігрував; залежно від мети подорожі виділяють 2 види ностальгичного туризму: 1) поїздки для побачення з рідними; 2) відвідання місць, з якими пов'язана історія народу або життя предків
О. Вуйцик (2009)	відвідання історичної Батьківщини, місць звідки походять предки або місць, звідки емігрував турист. В залежності від цілей подорожі можна виділити три види ностальгичного туризму: 1) подорожі для побачення з рідними; 2) відвідання місць, з якими пов'язані важливі події в приватному житті; 3) відвідання місць, з якими пов'язана історія етнічної громади, до якої належить особа або важливі події сімейного життя і предків
Р. В. Лозинський/ / І. В. Кучинська/ / Ю. С. Дорош (2013)	це вид туризму, який передбачає подорожі до місця свого історичного проживання, побачення з родичами й відвідання місць поховань своїх предків

В польській літературі поняття «ностальгичного туризму» майже не зустрічається, хіба що разом з сентиментальним туризмом, як заміна.

В таблиці 4 представлені інші поняття туризму, які зустрічаються в літературі, пов'язані з етнічним туризмом.

Таблиця 4. Інші поняття, пов'язані з етнічним туризмом

Поняття	Автор	Визначення
Поклик предків	М. Орлова (2009)	відвідання етнічної Батьківщини особою, яка народилася і виховувалася в іншому соціокультурному середовищі
Генеалогічний туризм	R. Prinke (2009)	генеалогічні туристи, які з одного боку подорожують до архівів і бібліотек, а з іншого боку до місць пов'язаних з предками
Туризм діаспори (відноситься до ностальгичного)	Р. В. Лозинський/ / І. В. Кучинська/ / Ю. С. Дорош (2013)	подорожі представників діаспори до історичної Батьківщини, діаспора – представники певної етнічної групи, які в зв'язку з різними обставинами живуть поза головним регіоном проживання свого етносу, але мають свідомість своєї єдності з ним на історичній Батьківщині

Представлені поняття у вищенаведеній таблиці пов'язані з відвідуванням етнічної чи історичної Батьківщини. На відміну від інших, генеалогічний туризм відноситься також до відвідування архівів та бібліотек з метою пошуку інформації про предків. В цьому переліку також треба згадати про ціль подорожі, яку виділяють серед поїздок, пов'язаних з відпочинком та службовими поїздками в статистиці ЮНВТО та Міністерства спорту та туризму, а саме

відвідання родичів та знайомих (*visit friends and relatives – VFR*). На основі представленого аналізу літератури та власного дослідницького досвіду автор пропонує упорядкувати поняття, а саме:

- поняття етнічного туризму: відносити поїздки, пов'язаним з ознайомленням конкретної етнічної групи або народу. Це може бути внутрішній туризм (напр. ознайомлення з культурою Лемків) та виїздний;
- поняття ностальгичного туризму: приділити поїздкам, пов'язаним з поверненням до місць особливої емоційної вартості та туги; тут можна відокремити ностальгичний туризм в етнічному характері, який пов'язаний з почуттям туги за Батьківщиною або місцем походження;
- під назвою сентиментального туризму потрібно розуміти поїздки, пов'язані з почуттям симпатії до конкретного місця, в зв'язку з походженням: території де відбулись важливі для конкретної етнічної групи (напр. місця відомих битв, місця народження і діяльності відомих поляків і тд.), місця і об'єкти особливого культурного, історичного і релігійного значення для певної групи осіб;
- під туризмом діаспори можна розуміти закордонні поїздки до країни походження; цей вид туризму відноситься до всіх подорожей, пов'язаних з поїздкою на Батьківщину, з ціллю відвідання родини та знайомих, а також в бізнесових, освітніх та інших цілях;
- корінний туризм – подорожі метою яких є знаходження місць пов'язаних з предками, відвідування місць пов'язаних з власними предками;
- генеалогічний туризм – це пошук коріння, а також предків, за допомогою відвідування архівів, бібліотек та музеїв, або бажання дослідити генеалогічне дерево, пошук місць, пов'язаних з предками: їхнім проживанням, пошук цвинтарів.

3. Типологія і поділ понять пов'язаних з сентиментальним туризмом

В польській літературі етнічний туризм є елементом культурного туризму, пізнавального туризму або туризму культурної спадщини. Rohrscheidt етнічний туризм зараховує до масового культурного туризму (2008).

Цей автор включає в етнічний туризм закордонні поїздки, коли туристи подорожують до місць свого походження (див. таблиця 1). В його класифікації етнічний туризм виступає на рівні з міським туризмом, сільським культурним туризмом, військовим, промисловим і технічним, туризмом живої історії, екзотичним, релігійним і паломницьким, кулінарним та регіональним туризмом. Автор відокремлює *масовий культурний туризм* як головну одиницю з огляду на найбільшу пропозицію і найбільшу кількість клієнтів.

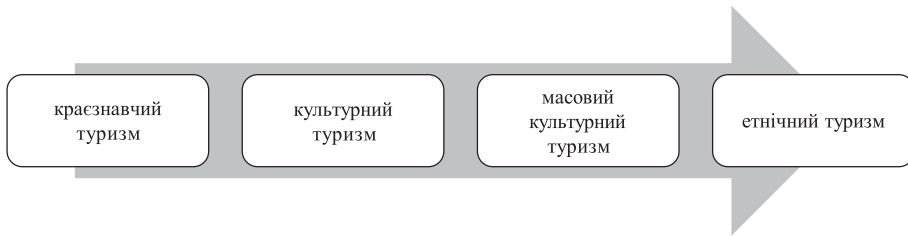

Рис. 1. Класифікація етнічного туризму (за: Rohrscheidt 2008)

В той час Міка (2008) зарахував етнічний туризм до пізнавального туризму, який пов'язаний з внутрішнім розвитком культурної одиниці. В своїй класифікації автор дає визначення поняттю етнічного туризму в двох напрямках: як подорожам з ціллю пізнання і контакту з населенням, яке культурно відрізняється, а також подорожам осіб тієї самої етнічної групи (в сентиментальному характері).

В поділі Buczkowskiej (2011) етнічний туризм подано як екзотичний/племінний/ первісний туризм і він зараховується до туризму культурної спадщини і сучасної культури.

Українські автори Д. Басюк (2005) і О. Вуйчик (2009) виокремили в ностальгічному туризмі такі види подорожей: 1) подорожі для зустрічі з родичами; 2) відвідання місць, з якими пов'язані важливі події в приватному житті; 3) відвідання місць, з якими пов'язана історія етнічної групи, до якої належить особа або до місць пов'язаних з важливими подіями з життя родини та предків. Сентиментальний туризм, генеалогічний туризм і туризм пошуку родини, як елемент сімейного туризму в широкому сенсі, представлені в типології J. Kowalczyk-Anioł oraz B. Włodarczyk (2011).

Рис. 2. Поділ сімейного туризму

Вищеописані типології класифікують описані в статті явища частково. В зв'язку з цим є потреба у впорядкуванні сентиментального та етнічного туризму в широкому розумінні як окремої одиниці культурного туризму. Автор запропонувала наступний поділ (рис. 3).

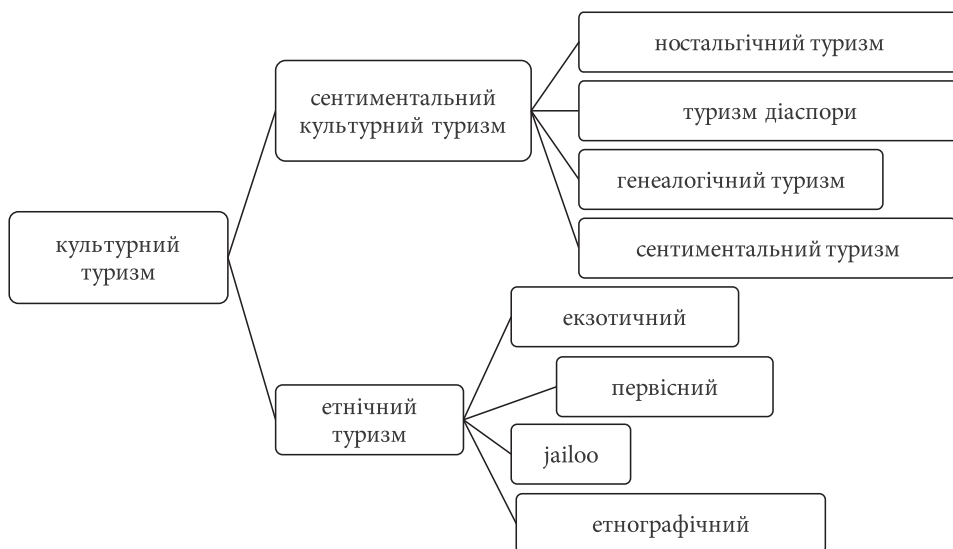

Рис. 3. Поділ туризму походження

4. Висновки

Проведений аналіз понять, пов'язаних з етнічним туризмом, показує, що існують великі розбіжності в розумінні цієї теми в Східноєвропейській літературі. Поняття *етнічного*, *сентиментального*, *ностальгичного туризму*, *туризму діаспори* та інших понять, які зустрічаються в літературі, часто відносяться до подібних мотивів поїздки, утворюючи плутанину в термінології. В представленому поділі автор пропонує прийняти як основні поняття: *сентиментальний культурний туризм* та *етнічний туризм*, які б містили по принципу підпорядкування вищерозглянуті види туризму.

Література

- BUCZKOWSKA, K. (2011), Cultural Tourism – Heritage, Arts and Creativity. Poznań.
 GAWORECKI, W. (1998), Turystyka. Warszawa.
 HRYCIUK, G./SIENKIEWICZ, W./HRYCIUK, G. iin. (2008), Wysielenia, wypędzenia i ucieczki 1939–1959. Atlas ziem Polski. Warszawa.
 JĘDRYSIAK, T. (2008), Turystyka kulturowa. Warszawa.
 KOWALCZYK, A. (red.), Turystyka kulturowa. Spojrzenie geograficzne. Warszawa, 9–59.
 KOWALCZYK-ANIOŁ, J./WŁODARCZYK, B. (2011), Turystyka rodzinna – istota i zakres pojęcia, W: Śledzińska, J., Włodarczyk, B. (red.), Turystyka rodzinna a zachowania prospołeczne. Wrocław, 9–25.
 KUREK, W. (red.) (2008), Turystyka. Warszawa.

- МІКА, М. (2008), Rodzaje i formy turystyki. W: Kurek, W. (red.), Turystyka. Warszawa, 196–339.
- MIKOS VON RONRSCHNEID, A. (2008), Turystyka kulturowa: fenomen, potencjał, perspektywy. Gniezno.
- PANASIUK, A. (red.) (2006), *Ekonomika turystyki*. Warszawa.
- PRINKE, R. (2009), Turystyka genealogiczna – niedostrzegana nisza. W: *Turystyka Kulturowa*. 6, 4–12.
- SIWIŃSKI, W./ TAUBER, R. (2008), *Leksykon turystyki i rekreacji*. Poznań.
- БАСЮК, Д. І. (2005), *Основи туризмології. Навчально-методичний посібник*. Кам'янець-Подільський.
- Волков, И. А. (2009), Этнокультурный туризм в Крыму: сущность и факторы развития. В: *Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Сер. «Экономика и управление»*. 22, 111–120.
- Вуйчик, О. І. (2009), Розвиток сентиментального (ностальгійного) туризму. В: *Смаля, І. (ред.), Географія. Економіка. Екологія. Туризм: регіональні студії*. 3. Ніжин, 40–48.
- Гаврилюк, А. М. (2013), Сучасний розвиток українського етнотуризму: зміна парадигми. В: *Науковий вісник Чернівецького Університету*. Чернівці, 56–62.
- Киляк, В. (2003), *Організація туристичної діяльності в Україні*. Чернівці.
- Кляп, М. П./Шандор, Ф. Ф. (2011), *Сучасні різновиди туризму*. Київ.
- Кузик, С. П. (2010), *Теоретичні проблеми туризму: суспільно-географічний підхід*. Львів.
- Лозинський, Р. М. (2005), *Етнічний склад населення Львова (у контексті сусільного розвитку Галичини)*. Львів.
- Лозинський, Р. М./Кучинська, І. В./Дорош, Ю. С. (2013), Географія ресурсів ностальгійного туризму Жовківського району Львівської області. В: *Карпатський край*. 1(3), 94–101.
- Мальська, М./Худо, В. В./Цибух, В. І. (ред.) (2004), *Основи туристичного бізнесу: навчальний посібник*. Київ.
- Мальська, М./Рутинський, М./Паньків, Н. (ред.) (2008), *Туризм у міжнародному та національному вимірах. Історія і сучасність*. Львів.
- Орлова, М. Л. (2009), Ресурси етнічного туризму регіону: суспільно-географічна оцінка (на матеріалах Одеської області). Одеса.
- Пуцентайло, П. Р. (2007), *Економіка і організація туристично-готельного підприємства*. Тернопіль.
- Устименко, Л. М. (2009), *Основи туризмознавства*. Київ.
- Черчик, Л. М./Коленда, Н. В. (2011), *Культурна спадщина як складова туристично-економічного співробітництва*. В: *Науковий вісник Ужгородського університету. Економіка*. 208–211.

ТАТЯНА СЕМАШКО

Київський національний університет імені Тараса Шевченка

СОМАТИЧНИЙ КУЛЬТУРНИЙ КОД УКРАЇНЦІВ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ПЕРЦЕПТИВНОЇ СТЕРЕОТИПІЗАЦІЇ

Somatic cultural code of Ukrainians through the prism of perceptive stereotyping

Ключові слова: когнітивна парадигма, антропологічний тип, соматичний код, фонові знання, стереотипізація, перцептивний стереотип

KEYWORDS: cognitive paradigm, anthropological type, somatic code, background knowledge, stereotyping, perceptive stereotype

ABSTRACT: Anthropocentric principle and cognitive and discursive paradigm, which today are leading in the linguistics, condition the study of complex cognitive processes, in which ethno-cultural perceptive stereotypes play special role as important components of linguocultural space, which are able to act as the translator of somatic cultural code of Ukrainians and to reveal the depths of sacral essence of archaic thinking of the ethnos through the system of natural ethnically deep-rooted codes. Against the background of significant variety of anthropological types of Ukrainian population modern Ukrainian language reproduces the sign of pigmentation (the thing is about the colour of eyes, hair coat and skin), which is exclusively significant as the test for the belonging to an ethnic group, and aspect in the generalization of popular ideal of physical beauty of the representatives of Ukrainian ethnos. Anthropological approach permits to determine intuitively realized originality of the appearance of the representative of ethnic group, as well as to substantiate ethnically relevant test for the sense of the beautiful.

1

Антропоцентричний принцип та когнітивно-дискурсивна парадигма, що є сьогодні провідними у мовознавстві, зумовлюють розширення кола мовознавчих досліджень до вивчення складних когнітивних процесів – складників сучасного комунікативного простору. У цьому процесі стереотипи із сенсорним компонентом, як узагальнені ментальні конструкти, що є результатом профілювання світу етнічною свідомістю, відіграють особливу роль. Структура фонових знань, яка існує на ментально-когнітивному рівні, дає підстави розглядати останні як важливий компонент лінгвокультурного простору, який може виступати транслятором соматичного культурного коду українців.

Проблеми уречевлення соматичного портрету людини, які виступають предметом антропології, у контексті освоєння сутності та ідентифікації української етноспільноти, є особливо вартісними. Останні пов'язані з надзвичайно широким колом питань етнокультурного і цивілізаційного рівня, як ідеал краси і досконалості, тест на відчуття прекрасного, і входять до ширшого кола проблем гуманітарного (як етноцентризм, аккультурація) і лінгвістичного (як категорія, прототип, стереотип) порядку.

Перцептивна стереотипізація у трансляції соматичного культурного коду відіграє історично помітну роль і складає осереддя проблем дослідження зовнішності людини в аспектах лінгвокультурології, лінгвопоетики, міфопоетики, етнолінгвістики і когнітивної лінгвістики, що зумовлює актуальність пропонованого дослідження.

3-посеред завдань, які ставить перед собою автор пропонованої розвідки, наступні: означити сучасні антропологічні типи українців і з'ясувати, як вони співвіднесені з стереотипізованим портретом представника українського етносу, зафіксованим у сучасній українській мові; вияснити, чи може стереотип транслювати етнічні культурні коди і, якщо так, які саме і яким чином.

2

З метою означення антропологічного типу українців, всесвітньо відомий український антрополог Хведір Вовк у своїх студіях спирався, з-поміж інших, на діалектологічний поділ українського населення, дослідницьку базу зібрав із вимірів 200 осіб «добірного військового люду», та на описі 10 антропологічних ознаках зробив висновки про існуванні єдиного антропологічного типу українського населення: «Українці є досить одноманітне плем'я, темноволосе, темнооке, вищого за середній чи високого зросту, брахіцефальне, порівнюючи високоголове, вузьколице, з рівним і досить вузьким носом, з порівнюючи короткими верхніми та довшими нижніми кінцевостями. Сукупність цих ознак ми вважаємо можливим визнати українським антропологічним типом» (Вовк 1995, 36). На встановлення вченим прадавнього предка українського етносу та ступеня спорідненості українців із сусідніми етносами вплинули соціополітичні чинники, тому означені твердження Хв. Вовка про єдиний антропологічний тип українців були критично осмислені науковцями і сьогодні кваліфікуються як факт історії науки.

Дані сучасної антропології свідчать про неоднорідність антропологічного складу українців. Зокрема, учасники експедиції під керівництвом Василя Дяченка в 1956–1963 р.р. на основі антропометричних і антропоскопічних обмірів 10000 українців 80-ти територіальних груп дійшли висновку про наявність семи різних антропологічних типів українського населення. Це типи, які складають наступний ряд: ц е н т р а л ь н о у к р а ї н с ь к и й (60%

населення, характеризується виразними європеїдними рисами: високим зростом, середніми показниками голови, обличчя, пігментації волосся та очей), *поліський* (10%, визначається дуже низьким і широким обличчям, дуже розвиненим надбрів'ям, масивним чолом, середнім зростом, порівняно темнішим кольором очей і світлішим кольором волосся), *дунайський*, або *норікський* (10%, характеризується максимально європеїдними ознаками: довгим, порівняно вузьким обличчям з довгим, прямим і тонким носом), *нижньодніпровсько-прутський* (7%, характеризується доліхоцефалією, незначним виступанням нижньої частини обличчя, незвичайним поєднанням різкопрофільованого обличчя з низьким показником носа, дуже темною пігментацією очей і волосся, значним розвитком волоссяного покриву, високорослістю), *карпатський*, або *карпато-альпійський*, (7–8%, характеризується однаковою кількістю світло- і темнооких, хоча за кольором волосся переважають темні), *динарський* (4–5%, за рисами нечітко відмежований від карпатського), *верхньодніпровський* тип (0,5%, характеризується дуже світлою пігментацією очей, найнижчим головним показником) (Дяченко 1965, 149–153).

Антропологія другої половини ХХ століття визначила кілька десятків етнічно релевантних антропологічних ознак українців – колір шкіри та волоссяного покриву; колір та форму очей, брів, вусів; розмір та форму соматизмів; особливості тілобудови, де центральне місце посідає ознака пігментації (об'єкт дослідження у пропонованій розвідці), яка стійко фіксується українськими антропологами (від Ф. Туманського, А. Шафонського у ХVІІІ ст., П. Чубинського у ХІХ ст., Хв. Вовка на початку і В. Дяченка в другій половині ХХ ст.) та підтверджена мовними об'єктиваціями портрету українця/українки, що демонструє тенденцію до перцептивної стереотипізації.

3

Пігментація (йдеться про колір волосся, очей і шкіри) представника етнічної спільноти є виключно значущою як тест на належність до етнічної групи через її надзвичайну чутливість до іноетнічних домішок. Пігментація zarazom узагальнює народний ідеал фізичної краси представників українського етносу, що зумовлена як індивідуальними критеріями краси, так і національними, класовими, історичними станами та ідеалами (Левчук 1997, 63–65). Словникові матеріали (пропоноване дослідження виконане на базі «Словника української мови в 11-ти томах (1970–1980)» (далі СУМ) дають змогу з'ясувати загальну спрямованість еталонних ознак, у результаті чого перцептивний образ фізичної краси українця/українки постає з чітко окресленим типовим комплексом характеристик.

Сема 'чорний' є визначальною ознакою пігментації з-поміж об'єктивацій, які відтворюють стереотипний образ волосяного покриву українців. Серед типових еталонних характеристик представника українського етносу: темні (чорні, карі) очі (*Виходила вона проти череди і вгляділа Василя, як він сидів на окопі; загляділа вона його карі очі* (СУМ, Т. 3, 80); *Чорноока, білолиця й молода, чом не чути, як дзвенить твоя хода?* (СУМ, Т. 1, 184), де у позиції об'єкта зіставлення до предмета дескрипції «очі» виступають: ніч (*Очі чорні, ще чорніші осінньої ночки ...* (СУМ, Т. 11, 504)); зорі (*Чароньки дівочі – / Горять чорні очі, / Як в чистому небі / Зорі опівночі* (СУМ, Т. 11, 273)); криниця (*Твої очі мов криниця Чиста на перловім дні* (СУМ, Т. 6, 329)); оксамит (*Очі оксамитові, чорні, – здається, сам вогонь говорив ними* (СУМ, 5, 683)); смородина (*Біленький хлопчик націлив на Оксена чорні, як смородина, очі* (СУМ, Т. 9, 417)); терен (*Очі чорні, як терночок, Брови рівні, як шнурочок* (СУМ, Т. 10, 93)).

Паралельно фіксуємо очі світлі – голубі (сиві, блакитні, зелені) очі (*Великі голубі очі його стали затягатись меланхолійною поволокою* (СУМ, Т. 3, 369); *Гриць піднісся з землі і витріщив на пана свої сиві очі* (СУМ, Т. 6, 473); *Капітан затримав свої ясні, блакитні очі на цьому юнакові* (СУМ, Т. 3, 359); *Скрізь, де він з'являвся, його зелені очі ворушили народ* (СУМ, Т. 1, 743)). На нашу думку, такі образи виступають опозитивом індивідуальних естетичних уподобань узагальненим колективним.

До типових еталонних характеристик представника українського етносу належать і чорні (смолисті) брови (*Михайло низько насува чорну шапку на чорні брови* (СУМ, Т. 1, 237); *Рум'яна, гарна на лиці, хороша, з чорними бровами* (СУМ, Т. 9, 874); *Смолисті брови похмуро спали на очі* (СУМ, Т. 9, 479)); чорні вуса (*За цей час він змужнів, чорні вуса густо засіяли верхню губу* (СУМ, Т. 9, 896)); чорна (смолиста) борода (*Густа смолиста щетина облямовувала його смагляве, горбоносе обличчя* (СУМ, Т. 9, 391); *3 яруги виїхав широкоплечий вершник з похмурим, дикуватим обличчям і чорною смолистою бородою* (СУМ, Т. 9, 413)); чорне (смолисте) волосся (*Алла Михайлівна лежала, розметавшись, чорне волосся густою сіткою вкривало білу подушку* (СУМ, Т. 8, 739); *Очі в неї були великі, дві чорні коси, перекинуті наперед, обрамляли лице* (СУМ, Т. 4, 304); *Чорноока Настя рвучко відкинула за плечі тузі, смолисті коси* (СУМ, Т. 9, 413); *Хвилястий, чорний чуб спадає на прямий лоб* (СУМ, Т. 8, 366)).

Означена сенсорна ознака при тому може градуватися. Особливо вартісним видається підсилення сенсорної ознаки за рахунок розширення ряду співвідношення її носіїв. Зокрема, значення 'дуже темний' продукують традиційні і нетрадиційні об'єкти порівняння: п'явка (*Дві чорні брови, мов дві чорні п'явки, повпивалися над очима* (СУМ, Т. 1, 237)); гадюка (*Чорні довгі вуса висіли, як дві гадюки* (СУМ, Т. 1, 485)); шнурки (*Чорні брови, як шовкові шнурки, стали ще ясніші, ще чорніші на білому лобі* (СУМ, Т. 11, 504)); грак (*Чорне волосся посивіло в його косах, од лівого виска він чорнявий як грак*

(СУМ, Т. 2, 155)); галка (*Полковник їхав не сам. З ним була дочка – чорна, як сім галок* (СУМ, Т. 9, 222) – уведений до контексту кількісний компонент *сім* виконує додаткову функцію: вказує на найвищий ступінь вияву колоративної ознаки; смола (смоль) (*На рундуці з непокритою, чорною, як смола, головою стояв Остап Тур* (СУМ, Т. 9, 415); *Коси у неї, як смоль, чорнії та довгі-довгі, аж за коліно* (СУМ, Т. 9, 416)); дьоготь (*Корж зупинився на паперті, заправив за ліве вухо чорний, як дьоготь, оселедець* (СУМ, Т. 5, 758)).

Базою творення образних стереотипів виступають і нетрадиційні об'єкти порівняння – пізніші надбання української етнокультури, як от: *гвоздика* (*В неділю пополудні приходили до баби всі невістки з внуками. Такі чорнобриві, як гвоздики, такі червоні, як калина* (СУМ, Т. 9, 417)). Мотивація внутрішнього змісту образу *чорнобриві, як гвоздика* не є прозорою, оскільки демонструє комбінацію логічно непоєднаних компонентів (гвоздика має різні відтінки червоного, але аж ніяк не чорного кольору). Проте можемо говорити про мотив – реверсоване значення (*як гвоздика* – мотив); тому сенсорна ознака тут наявна.

Спостережено, що об'єкти порівняння слугують базою творення як етнічних антропостереотипів (*чорні (карі) очі; чорні брови; чорні вуса; чорне волосся; чорні коси; чорний чуб*), актуалізованих монопрофільною перцептивною ознакою, так і ряду еталонних – *смолисті брови; смолиста щетина; смолиста борода; смолисті коси; чорна, як смола голова; коси, як смоль, чорнії; чорний, як дьоготь, оселедець*, які виступають національно-культурними уявленнями (образами) фрагментів навколишнього світу. Виростаючи з навколишньої дійсності, відштовхуючись від неї, еталонні стереотипи постають етнічно зумовленою суб'єктивною формою представлення реального світу. Причому вибір еталонних ознак, що на перший погляд є цілком випадковим, значною мірою глибоко детермінований «...рівнем пізнавальної діяльності народу, його психічними особливостями, ладом мислення, уподобаннями, що в свою чергу залежить від матеріальних умов його життя» (Воробьев 1993, 98).

Стереотипні образи волоссяного покриву українців, уможливлені за допомоги тропеїчних образів, які сходять до сакральнo-хтонічних феноменів: *ворона крил, галки, грака, змії, гадюки, п'явки, жука, смоли, дьогтю*, що уможливило думку про домінування у портретному описі предметної феноменології, пов'язаної з асоціативами 'небезпечний', 'сильний', 'потужний', які супроводжують колоративне означення 'дуже чорний' і надзвичайно чітко виражений маркер 'сакральнo-хтонічний'.

Словникові матеріали засвідчують, що українці в стереотипному образно-портретному описі можуть бути не тільки темнопігментованими, а й можуть мати *світле (русе, русеньке, русяве, пшеничне, попелясте, біляве, золоте, солом'яне) волосся* (*Повернувся він з армії після війни, – зовсім не впізнав свою колись веселу і світлокосу Маринку* (СУМ, Т. 9, 93); *Руса коса нижче пояса*

(СУМ, Т. 4, 304); *Високо над чолом бронзово просвічується попелясте волосся* (СУМ, Т. 8, 280); *Уявляю її собі маленькою, з білявою, як солома, голівкою, голубими оченятами* (СУМ, Т. 9, 448)). З огляду на текстові матеріали, аспектно говорити про зромантизовані стереотипні номінації, утворені у межах тропів осі суміжності (*пшенична коса, золоте волосся, солом'яна коса*), які відтворюють традиції народного світу та дещо ідеалізують його, результатом чого є додаткове позитивно-марковане сенсорно-ментальне значення наведених образів 'гарне', 'розкішне', 'принадне' (*В руці вона тримала спущену вниз, туго заплетену пшеничну косу* (СУМ, Т. 8, 415); *Софія Марківна, в картатому сарафані, з пишною короною золотого волосся на голові, переступила поріг* (СУМ, Т. 9, 58); *Перебирала (Ксеня) руками кінчик солом'яної коси* (СУМ, Т. 9, 450); *Її принадою було густе, буйне, золотаве волосся* (СУМ, Т. 3, 680)). Однак, раціональною видається думка, що оформлені тропами осі псевдототожності та осі суміжності етнічні антропостереотипи, що відтворюють темнопігментованість в образно-портретному описі українців, є більш високочастотними і якісно вартіснішими, оскільки відтворюють значну кількість етнічно закорінених реалій та набувають широкої валентності. Звичайно, українці у портретному описі можуть бути світловолоосими (білявими, руськими, рудими), але ця ознака не буде переосмислена у широкому діапазоні етнічно закорінених образів.

З-поміж об'єктивацій, які відтворюють стереотипні образи зовнішності українців сема 'білий' є визначальною ознакою пігментації шкіри – обличчя, рук, ніг, шиї, тіла тощо, що знайшло свій вияв у еталонних антропостереотипних образах *біле обличчя, білі руки, білі ноги, біла шия, біле чоло, біле тіло*, в основі яких – монопрофільна колоративна ознака (*Морські очі (жінки) встромилися в мене і біле обличчя привітно киває* (СУМ, Т. 4, 297); *Ті хороші білі руки знов кохано обіймають* (СУМ, Т. 9, 129); *Клонися милій в ноги білі, ... Щоб серед крокосів та лілій... Вона як щастя розцвіла!* (СУМ, Т. 4, 364); *Біла шия в разках намиста, наче шовк, шелестять слова. Де ти, зірко моя промениста, Українко моя степова?* (СУМ, Т. 11, 437); *Він приложився своїми гарячими устами до її білого чола* (СУМ, Т. 8, 392); *Біле пшине тіло так і просвічується крізь тонку шовкову сорочку* (СУМ, Т. 8, 280)). Принагідно зауважимо: в означених контекстах білий не є еталонний білий, а призвичаєний до опису тіла, що є внутрішньо антагоністичним до *чорношкірий*.

Підсилення сенсорної ознаки відбувається за рахунок розширення ряду співвідношення її носіїв. Зокрема, значення 'дуже світлий' продукують як усталені: *стіна, крейда, полотно, сорочка, хустка, сніг, шитво*, так і неусталені: *смерть, довбня, маска, имат габи, слонова кістка, стиглий кавун, яєчний жовток* об'єкти порівняння, що містять яскраво виражені й відомі українському етносу ознаки, які для нього є характерними в певних умовах або взагалі, і як наслідок використовуються для характеристики пізнаваного – суб'єкта порівняння, яким є колір шкіри, зокрема, обличчя.

За ступенем активності домінують об'єкти зіставлення, що сходять до етнічних еталонів *крейда*, *полотно*, *стіна*, *сніг*, де кожна домінанта демонструє високу варіативність (наприклад, *Обличчя в неї біле, як крейда* (СУМ, Т. 7, 73); *Анатолеве обличчя біле, майже крейдяне* (СУМ, Т. 4, 332); *В неї було лице біле, неначе обмазане крейдою* (СУМ, Т. 10, 399)) та виформовують регулярно повторювані етнічні стереотипні образи. Принагідно зауважимо, що парадигматичний ряд об'єктів порівняння об'єднує та уніфікує за ознакою 'білий колір' такі, які потенційно можуть бути забарвлені іншими кольорами (як *хустка*, *шитво*, *маска* тощо).

Не можна не погодитися з думкою О. Вольф, яка зазначає, що «у висловленнях природної мови можна завжди констатувати суб'єкт оцінки, навіть якщо він спеціально не позначений» (Вольф 1985, 67). Услід за Н. Арутюною вважаємо, що елементом структури категорії оцінки є аксіологічна шкала, яка може бути представленою у вигляді асиметричної опозиції «позитивної» і «негативної» оцінки. Її асиметричність впливає з того, що нормою є переважно позитивна оцінка (Арутюнова 1988, 8).

Спостережено, що атрибут *білий*, який за своєю природою асоціюється з денним світлом і традиційно символізує чистоту, чесноту та радість (пор. *Вона (Мотря) була ніби намальована на білій стіні* (СУМ, Т. 4, 333)), може у структурі стереотипів набувати негативної аксіології. Так, демонструючи синкретизм позначення сенсорної ознаки із значеннями, що передають стан людини, ад'єктив *білий* у структурі стереотипних образів набуває виразно негативних конотацій, мотивованих об'єктами порівняння як *шмат габи*, як *крейда*, як *чумацька сорочка*, що розвивають ментально-сенсорний значеннєвий ряд 'блідий', 'хворий', 'переляканий', 'схвилюваний', 'втомлений' тощо (*Брезкле обличчя його, вкрите рясним потом, біле, як шмат габи, знов піднялося вгору* (СУМ, Т. 2, 7); *Зробивсь старший брат білий, як крейда* (СУМ, Т. 7, 9); *Личком біленька (Домаха), як чумацька сорочка, та ще к тому мов граблями уся твар її подряпана* (СУМ, Т. 6, 759); *Настя сиділа непорушно на лаві біла-біла, як шитво на колінах* (СУМ, Т. 11, 463)); підсилений подвійним порівнянням (*Крізь причинену шибку глянуло її обличчя, ... біле, аж страшне, як маска* (СУМ, Т. 4, 637)) та залученням процесуальної ознаки, носієм якої виступають дієслова *побіліти*, *пополотніти* (*Як теперечки його бачу: побілів, як крейда* (СУМ, Т. 6, 616); *Вона то почервоніє, як мак, то побіліє, як полотно* (СУМ, Т. 6, 616); *Еней, пожар такий уздрівши, Злякався, побілів, як сніг* (СУМ, Т. 6, 616); *Катерина побіліла, як стіна* (СУМ, Т. 6, 616); *Лице пополотніло. Здорові сиві очі з жахом дивилися в жито* (СУМ, Т. 11, 38)). З огляду на пропоновані контексти правомірною видається думка, що *білий*, з одного боку, є кольором життя, а з іншого – його можна потрактувати як втрату кольору життя. Тому доречно говорити про явище конотативно протиставлених суб'єктів при єдиному об'єкті, як і «блукання навколо

денотату», показником чого виступають етнічні об'єкти зіставлення, як от: *як имат габи, як крейда, як чумацька сорочка, як полотно, як шитво на колінах.*

Суміщення в стереотипних образах елементу образності та символічної значущості продукує рух по перцептивній шкалі, результатом чого є ряд розвинутих сенсорно-ментальних значень. Текстові матеріали фіксують образні перенесення, зокрема, субстантивованій вираз *біле личко* набуває якісної характеристики з проекцією у ментальну сферу, як от: 'молодий', 'здоровий', що продукує опозицію 'щасливий/нещасний' (пор. *А без долі біле личко – Як квітка на полі: Пече сонце, гойда вітер, Рве всякий по волі* (СУМ, Т. 6, 111)); етнічні епітетні структури *білеє личенько, білії рученки, білії ніженьки, білеє тіло*, які за своєю сутністю є глибинними структурами як такими, що характеризують стереотипізовану групу (*Білі рученьки змиваються, А персики – постираються* (СУМ, Т. 7, 374); *Біле личенько змарніло, ...* (СУМ, Т. 3, 593); *Високії ті могили, Де лягло спочити Козацькеє біле тіло* (СУМ, Т. 4, 155)), відображають культурно-історичні традиції українського народу, зберігаючи у сучасній мові народнопісенний колорит.

4

На тлі значного розмаїття антропологічних типів українського населення сучасною українською мовою відтворюється ознака пігментації (йдеться про колір очей, волоссяного покриву та шкіри), що є виключно значущою як тест на належність до етнічної групи, та аспектною в узагальненні народного ідеалу фізичної краси представників українського етносу. Останній передається системою етнокультурних перцептивних стереотипів, що здатні виступити транслятором соматичного культурного коду і розкрити глибини сакральної сутності архаїчного мислення етносу через систему природних етнічно закорінених кодів. Разом із тим, висока варіативність портрета не дозволяє точно визначити домінанту соматичного культурного коду в описі зовнішності представника українського етносу.

Перспективи подальшого дослідження вбачаємо у вивченні шляхів менталізації сенсорних стереотипних образів.

Література

- Вовк, Хв. (1995), Студії з української етнографії та антропології. Київ.
Дяченко, В. Д. (1965), Антропологічний склад українського народу. Київ.
Вольф, Е. М. (1985), Функциональная семантика оценки. Москва.
Арутюнова, Н. Д. (1988), Типы языковых значений. Оценка. Событие. Факт. Москва.
Левчук, Л. Т. (1997), Естетика. Київ.
СУМ (1970–1980), Словник української мови: в 11 т. Київ.

ГУЗЕЛЬ ГОЛИКОВА / ИРИНА ХАИРОВА

Казанский (Приволжский) Федеральный университет (Казань)

«МАЛЕНЬКИЙ ЧЕЛОВЕК» В ПРОЗЕ ТАТЬЯНЫ ТОЛСТОЙ

The “little man” in Tatyana Tolstaya’s prose

Ключевые слова: «маленький человек», хронотоп, постмодернизм, игра, интертекст, мотив детства

KEYWORDS: “little person”, chronotope, postmodernism, play, intertext, the motif of childhood

ABSTRACT. The aim of the article is to reveal peculiarities of implementation of the theme and the image of the “little” person in the stories by Tatyana Tolstaya, show artistic form of interaction with Gogol and Gogol’s images according to the particular aesthetics of the writer. Playing with Gogol’s characters – Bashmachkin, old-world landowners, using Gogol’s chronotope, the composition, the writer translates the classic theme in ironic-parody plan. Neo-romantic orientation of Tolstaya’s texts leads to the existence of a particular philosophical component. Postmodern dominant determines the game with “word”: citations, intertextuality. Special aesthetic game with the classics allows the writer to convey the nature of the modern era, the cynicism and absurdity.

Цель статьи – раскрыть особенности реализации темы и образа «маленького» человека в рассказах Татьяны Толстой, показать художественные формы взаимодействия с гоголевской темой и гоголевскими образами сообразно особой эстетике писательницы. Играя с гоголевскими персонажами – Башмачкиным, старосветскими помещиками, используя гоголевские хронотоп, композицию, писательница переводит классическую тему в иронико-пародийный план. Неоромантическая направленность ее текстов приводит к наличию особой философской составляющей. А постмодернистская доминанта определяет причудливую игру с чужим и своим словом. Особая эстетическая игра с классикой позволяет писательнице передать характер современной эпохи, ее цинизм и абсурдность.

1

Татьяна Толстая (род. в 1951 г.) – одна из ярких представительниц современной российской прозы. Ее творчество привлекало и до сих пор привлекает многих литературоведов и критиков, как российских, так и западных (Е. Гоцило,

Н. Лейдерман, М. Липовецкий, Г. Нефагина, О. Славникова, Т. Прохорова, А. Немзер, П. Вайль, А. Генис, В. Чалмаев, Л. Вуколов и др.). Отношение к творчеству писательницы часто неоднозначное. Один из взглядов на Толстую связан с идеей прямого наследования великой русской литературе, «и прежде всего ее высочайшей морали и искренности, ее любви к своему народу, к каждому простому человеку» (Вуколов 2002, 163). Другой взгляд ярко выразил критик Б. Парамонов, который назвал Толстую «застойной» писательницей:

Не успела она расписаться, как застой кончился, а вскоре и сам коммунизм; цензурных трудностей, столь обычных для советского писателя, тем более начинающего, молодого, она, в сущности, не знала. В этом отношении ее можно назвать постсоветской писательницей; но глубинно, сущностно – по крайней мере до сегодня – она остается даже не советской, а именно застойной писательницей. Она в полном эстетическом ладу со своей эпохой, не считать же в самом деле Толстую бытописателем советского безвременья, вроде Трифонова (Парамонов 2002, 78).

Однако разные суждения не делают творчество Толстой менее значимым для современной русской литературы.

Наиболее существенным в творчестве Толстой является признак генетической взаимосвязи ее произведений с русской классикой (А. Пушкин, Н. Гоголь), что неизбежно влечет к возникновению классических тем и мотивов в ее произведениях: «маленького» человека, лишнего человека, одиночества, непонимания, крушения иллюзий, которые реализуются в новой художественно-эстетической плоскости. Нравственными ориентирами писательницы становятся «любовь к красоте, культуре, «эху прошедшего времени», любовь и сочувствие к униженным и оскорбленным», без которого немислим настоящий русский писатель (Лазарева 2009). В то же время темы и герои русской классики у Толстой «изображаются в зеркале иронически-пародийной авторской интерпретации» (Прохорова 2005, 28).

Характерно обращение писательницы к пушкинской теме, которая проявляется многопланово: на уровне скрытых и явных цитат, сквозных мотивов (метели, наводнения), на уровне сюжетно-композиционном и образном («Река Оккервиль», «Ночь», «Поэт и Муза», «Круг», «Сюжет», «Лимпопо»). Много Толстая наследует и от Гоголя: темы и эстетические доминанты. Таким образом, творчество Толстой связано с идеей прямого наследования великой русской литературе, «и прежде всего ее высочайшей морали и искренности, ее любви к своему народу, к каждому простому человеку» (Вуколов 2002, 163).

Однако Толстая – писатель новой волны, «новой прозы». Часто ее творчество соотносят с неореализмом, постреализмом, неоромантизмом, а иногда ставят ее в ряд писателей-постмодернистов и даже модернистов

(см.: Нефагина 1998). Соотношение реального и антиутопического, языковые и стилистические эксперименты, цитатность и реминисцентность текстов, их интертекстуальность в контексте диалога с культурной традицией русской классической прозы и поэзии дают нам возможность сказать о реализации постмодернистской доминанты (Прохорова 2005). Рассказы Толстой в то же время насыщены «знаками» культурных явлений, проза пронизана литературными «токами» – прошлого и нынешнего века. Она не заимствует, а как бы востребует из огромного литературного мира, в котором она чувствует себя совершенно своей, то, что ей нужно. Таким образом, еще одной из главных примет прозы Толстой является культуроцентричность. Культуроцентричность прозы писательницы часто проявляется в том, что создаваемый ею идеальный мир, противопоставленный миру пошлости и обыденности, «складывается из «кирпичиков» «старой» культуры». Уход героев в мир культуры – своеобразный способ вырваться из замкнутого круга обыденности («Лимпопо», «Круг», «Река Оккервиль»)» (Прохорова 2005, 28). Культурный контекст становится и средством создания хронотопа, «образной модели большого времени Культуры» (Прохорова 2005, 28).

Культуроцентричность Толстой определяет такие черты ее прозы, как цитатность, повторяемость, реминисцентность и ассоциативность. Толстая не столько пишет, сколько интертекстуально функционирует. Охота за интертекстами у нее представляет для исследователя занятие не очень трудное и обещающее богатую добычу. Язык в рассказах Толстой обладает метафорической силой, от которой в ее романе «Кысь» сохранились и музыкальность, и ладность постановки слова к слову. Стилизовое своеобразие рассказов писательницы связано с реализацией примет «необарокко»: мы видим причудливые, странные, нередко абсурдные формы выражения мечты, игру на стилистических контрастах. Немалую роль играют в художественной ткани писательницы детали. Всякая деталь у нее «точна и выразительна» (Михайлов 1987, 189). В изображении пошлого, грубого мира обыденности особую роль играют бытовая детализация, гротескно-натуралистические образы (Прохорова 2005, 27–28).

Важный прием, которым часто пользуется Толстая – перевод великой темы в пародийный, комический план – это новое, что приносит писательница в русский культурный канон. Частый у Толстой прием – повтор, нагромождение синонимов, но не однословесных, а распространенных, сложно организованных, так сказать, сложнораспространенных. Это позволяет развернуть аллегорию в сложную систему словесной игры, открывающую некую реальную истину о протухшей, затхлой, не проветренной, то есть застойной советской жизни.

Мотивная структура рассказов Толстой определяется, без сомнения, спецификой авторского мироощущения. И здесь не только ее привязанность к культуре прошлого, но и тонкое ощущение автором трагизма эпохи,

распадения ее на мелкие мозаичные кусочки. Вот почему так часто в своих рассказах Толстая обращается к теме прошлого, оказывающегося у нее цельным и единым, гармоничным в отличие от настоящего, развалившегося под натиском беспощадного Времени. Еще А. Михайлов в конце 80-х гг. XX века разглядел в произведениях писательницы «удивительное ощущение времени» как чего-то материального, осязаемого и густого. Т. Толстой удается «столь предметно показать ту самую «связь времен», о которой не всегда можем сказать, что это такое» (Михайлов 1987, 188). Тема памяти и времени особенно актуальны. Наверное, оттого писательница обращается и к теме, и мотиву детства, который особенно отчетливо реализован в одном из первых сборников ее рассказов «На золотом крыльце сидели...» (Голикова 2004, 5–6). В силу этого героями рассказов Толстой часто оказываются дети и старики (Михайлов 1987, 191). Тема детства логически определяется «демонстративной сказочностью ее поэтики» (Лейдерман/Липовецкий 2001, 42).

Сказочность прежде всего непрерывно эстетизирует детские впечатления, подчиняя все, даже страшное и непонятное, эстетической доминанте. [...] Именно сказочность придает стилю Толстой особого рода праздничность, выражающуюся прежде всего в неожиданных сравнениях и метафорах (Лейдерман/Липовецкий 2001, 42).

Мотивная структура рассказов писательницы в то же время подчинена принципу романтического двоемирия. Так, мотив детства и прошлого может контрастировать с мотивом настоящей жизни (юности и зрелости героев). Видимо, отсюда в самом обобщенном смысле Толстая особо пристрастна к изображению тоски, одиночества и старости. В целом, Толстая «относится именно к таким художникам, которые не поучают, не изрекают истин, а рассказывают о них все, что знают, что может быть интересным для других» (Вуколов 2002, 166).

Считается, что Толстая использует гоголевские приемы, гоголевские сюжетные схемы в своем тексте, который вдруг начинает жить собственной жизнью, самопорождается, он уже нацелен не на предмет, а на собственное автономное существование (интертекст). В целом Толстая, как отмечается критикой, использует композиционные схемы, культурные коды, мотивы русской классики. Происходит некая культурная игра не только с читателем и даже с самой собой, автором.

При всей изученности творчества автора с точки зрения взаимодействия с русской классикой стоит сказать, что такая проблема, как художественная реализация образа «маленького» человека, не достаточно исследована. Рассмотрим на примере отдельных – наиболее знаковых – рассказов («Ночь»,

«На золотом крыльце сидели...») специфику художественной трансформации образа гоголевского «маленького» человека в художественном мире Толстой.

2

В малой прозе писательницы ярко представлена тема и образ «маленького» человека. Рассказ «Ночь» является, на наш взгляд, образцом эстетического взаимодействия с гоголевской традицией. Перед нами зеркальное отражение гоголевской «Шинели», но это кривое зеркало, зеркало сегодняшнего времени, которое писательница определяет метафорой – НОЧЬ. Гоголевский «маленький» человек оказывается жителем коммунальной квартиры, где варят свой «яд» ее жильцы. Алексей Петрович – психически больной человек, но только он хранит в своем сознании Память о Прошлом, память о норме, которая утрачена. Прошлое предстает перед читателем в виде памятника Пушкину и через известные строчки поэта:

Буря мглою небо кроет,
Вихри снежные крутя...

Бытовое убогое существование маленького человека «подпитывается» идеей стать писателем, идеей быть как ОН – как Пушкин. В финале рассказа, когда Алексея Петровича избивают Мужчины, пахнущие Табаком, и идея писательства, наконец, воплощается в жизнь, «маленький» человек просит у Мамочки карандаш и бумагу: «Он все знает, он понял мир, понял Правила» (Толстая 2003, 144). Несколько раз подряд он пишет слово «Ночь». Модернистская концепция рассказа очевидна. Мир представлен как Хаос и в нем – затерявшийся, словно песчинка, маленький человек. Бунт маленького человека выражается через приобщение к Культуре и Творчеству. Алексей Петрович «велик» и одновременно смешон в своем начинании. И в то же время именно он становится носителем утраченной нормы.

Образ Алексея Петровича, главного героя рассказа, генетически связан с образом Акакия Акакиевича Башмачкина. Однако Толстая показывает иное положение вещей. Перед нами больной «маленький» человек, причем гоголевский мотив болезненности доведен Толстой до предела. Точно так же, как Николай Гоголь, говоря словами С. И. Машинского, Толстая пронзительно и беспощадно обличает действительность современной России. Это как бы вопль негодования против трагической неустроенности жизни, против всех, кто ее опошлил, обезчеловечил, сделал невыносимой (Машинский 1979, 182).

Рассказ выстраивается по принципу антитезы, что соответствует неоромантическому двоemiрию писательницы. И здесь особое место принадлежит пушкинской теме. Образ Пушкина становится воплощением

гармонии, свободы, последней надеждой на спасение. Этот образ противопоставлен Хаосу жизни. Пушкинская тема в рассказе – своеобразная «лакмусовая» бумажка, высвечивающая мрак жизни, Ночь (Прохорова 2005, 28).

Композиция произведения Толстой практически совпадает с композицией «Шинели» Гоголя: показывается низкое социальное положение героя, его убогость, «счастье» героя от полученного минимального материального удовольствия, а затем – унижение героя (его избиение) и далее бунт и моральное превосходство героя над персонажами, поправшими его человеческое достоинство. Мы обнаруживаем путь героя именно гоголевского плана. Если Башмачкин проходит путь «от канцелярской бумаги к бунту» (Лотман 1988), то путь Алексея Петровича практически такой же: от склеивания аптечных коробочек также к бунту через Творчество. Правда бунт проявляется у каждого из героев по-своему. Бунт Алексея Петровича – это реализация желания быть писателем, жажда творчества. Бунт Башмачкина – желание получить свою шинель обратно, столкновение с чиновничьей Россией.

Хронотоп рассказа также определяется гоголевской моделью. В «Шинели» Гоголя существует два пространства: дом и не-дом. «Пространство, в котором помещается герой, наделенный простотой и человечностью, — это некоторый неопределенный «дом» («добрался он домой», «возвратился домой» и т.д. – об Акакии Акакиевиче)...». «Ему противостоит не-дом, только притворяющийся домом, не-жилье: публичный дом и департамент. Это фантастическое не-пространство...» (Лотман 1988, 286–287). Шинель Башмачкина, считает литературовед, также становится неким домом: «Шинель – дом, но она же – и подруга». Ю. М. Лотман подчеркивает, что дом – это особое пространство любви, уюта, понимания. Точно такое же положение вещей мы обнаруживаем и в рассказе Толстой. Каморка Алексея Петровича и Мамочки в коммунальной квартире – это Дом, пространство, где царит любовь, уют. Остальное пространство – это не-дом. Не-домом оказывается вся остальная коммунальная квартира, а также ночной город, куда бежит «маленький» человек (здесь причудливо трансформируется и петербургский текст русской литературы). Не-дом становится псевдопространством, своеобразной пустотой. Пустота псевдопространства называется метафорично – ночью. Гоголевское двоемие реализуется и на уровне противопоставления мира Алексея Петровича и мира вовне: «У Алексея Петровича свой мир – в голове, настоящий. Там все можно. А этот, снаружи – дурной, неправильный» (Толстая 2003, 137). Мир «маленького» человека поэтичен, яростен, даже фантастичен, несмотря на то, что одновременно по-детски наивен. Потому и город днем воспринимается автором через образ ангела, таким его видит больной человек:

Заря упала за высокие дома. Золотые стекла горят под самой кровлей. Там живут особенные люди, не такие, как мы: белыми голубями летают они, перепархивая с балкона на балкон. Гладкая перистая грудка, человеческое лицо – если сядет такая птица на ваши перильца, забудешь человеческий язык, сам защелкаешь по-птичьи, запрыгаешь мохнатыми ножками по чугунной жердочке (Толстая 2003, 139).

Совершенно по-гоголевски реализуется и раздвоение героя через фантазмагорию: есть внешний Алексей Петрович – огромный, гигантский, и маленький, превратившийся в точку. Таким образом, мотив бегства героя в свой мир из мира Ночи-Хаоса один из ведущих в рассказе.

Характерно, что сам эпизод избияния героя практически идентичен с гоголевским, однако стилистически сокращен до минимума. Толстая использует короткие и часто назывные предложения. Сравним два отрывка.

У Гоголя:

[...] Увидел вдруг, что перед ним стоят почти перед носом какие-то люди с усами, какие именно, уж этого он не мог даже различить. У него затуманило в глазах и забило в груди.

– А ведь шинель-то моя! – сказал один из них громовым голосом, схвативши его за воротник.

Акакий Акакиевич хотел было уже закричать «караул», как другой приставил ему к самому рту кулак, величиною с чиновничью голову, примолвил: «А вот только крикни!» Акакий Акакиевич чувствовал только, как сняли с него шинель, дали ему пинка коленом, и он упал навзничь в снег и ничего уж больше не чувствовал. Чрез несколько минут он опомнился и поднялся на ноги, но уж никого не было. Он чувствовал, что в поле холодно и шинели нет, стал кричать, но голос, казалось, и не думал долетать до концов площади.

У Толстой:

Бросился. Крик. А-а-а-а! удар. Не бейте! Удар. Мужчины пахнут Табаком, бьют в живот, в зубы! Не надо!.. плюнь, брось его – видишь... Пошли.

Алексей Петрович привалился к водосточной трубе, плюет черным, скулит. Маленький, маленький, одинокий, заблудился на улице, по ошибке пришел ты в этот мир! Уходи отсюда, он не для тебя! Громким лаем плачет Алексей Петрович, подняв к звездам изуродованное лицо (Толстая 2003, 143).

Отличие не только в стиле. Толстая показывает свою позицию открыто: такие, как Алексей Петрович, не нужны этому миру.

Таким образом, в рассказе все соотносится с «Шинелью» Гоголя: Алексей Петрович «равен» Башмачкину, одинаковы их бунты, одинаково строится пространство и время в обоих произведениях (дом – не-дом, пространство – псевдопространство), даже сам образ шинели – подруги вполне соотносится

с образом Мамочки – жизненной подруги, опытного лощмана, не дающего исчезнуть Алексею Петровичу в этой «ночи». Гоголевской является и страсть к обрисовке вещно-предметного мира, к накоплению предметных деталей, ведь постмодернистские черты в прозе Толстой сопряжены с традициями реалистического искусства (Пань Чэнлун 2007).

В то же время очевидна трансформация гоголевского текста. Толстая в понимании образа «маленького» человека заостряет и выносит на первый план мотив бегства героя в свой мир, которым оказывается мир Культуры. Если у Гоголя – Башмачкин «убегает» в мир букв, то Алексей Петрович убегает в мир Творчества, знаком которого становится Пушкин.

3

По-особому воплощается образ «маленького» человека в другом известном произведении писательницы – рассказе «На золотом крыльце сидели...» через образ дяди Паши и реализованные темы Детства и Времени. Дядя Паша – муж «золотоволосой Царицы» – Вероники Викентьевны, работает бухгалтером и постоянно бежит куда-то и летом, и зимой. Утром – на работу, а вечером – с работы «в свой Сад, в свой Рай, где с озера веет вечерней тишиной, в Дом, где на огромной кровати о четырех стеклянных ногах колышется необъятная золотоволосая Царица». Прозаическое причудливо соединяется со сказочно-мифологическим, в чем можно уловить авторскую иронию.

Однако мир дяди Пашиного дома остается для маленьких героинь тайной и сказкой. Сказка и реальность сливаются в сознании детей в один небывалый мир. И вот уже это не просто дом, а пещера Алладина. И это – не просто дядя Паша, а царь Соломон! Толстая изобилует здесь сказочно-восточной лексикой, отсылающей к сказкам Шехерезады:

Рог Изобилия держишь ты в могучих руках! Караван верблюдов призрачными шагами прошествовал через твой дом и растерял в летних сумерках свою багдадскую поклажу! Водопад бархата, страусовые перья кружев, ливень фарфора, золотые столбы рам, драгоценные столики на гнутых ножках, запертые стеклянные колонны горок (Толстая 2003, 43).

«Бегство героев в детство – это выход без выхода, так как детство, хотя и является «лицом сказки», «лицом жизни», всегда сталкивается у Толстой с другой реальностью – со страшной действительностью – и «праздник жизни оказывается неотделим от пропасти небытия» (Люд Цзююн 2005). Мотив бегства «маленького» человека в детство исчерпывается при появлении мотива крушения иллюзий. Повзрослевшая героиня удивляется тому, что вся эта ветошь и рухлядь дяди пашиного дома могла когда-то казаться ей пленительной. Сакраментальная фраза: «Как глупо ты шутишь, жизнь!»

В художественном мире Толстой это неизбежно, вот почему появится в рассказе особый образ-символ, образ-знак часы:

Над циферблатом – стеклянная комнатка, а в ней, за золотым столиком – золотой Кавалер в кафтане, с золотым бутербродом в руке. А рядом золотая Дама с кубком – часы бьют, и она бьет кубком по столику – шесть, семь, восемь (Толстая 2003, 44).

Время – чуть ли не один из главных героев рассказа, господствующий над детством и взрослой жизнью. Неумолимость Времени и даже его жестокость, но одновременно и закономерность трагедии, трагичность жизни вообще – вот, что констатирует писательница. Исчерпанность мотива бегства в детство, невозможность его продолжения влечет за собой логический финал: дядя Паша умирает. «Маленького» человека не на что похоронить, и его прах ссыпают в жестяную банку. Тема «маленького» человека окрашивается мотивом безысходности, придавая рассказу трагический характер.

Выбор героев рассказа (дяди Паши, Вероники, Маргариты) – это прямая отсылка к Гоголю, повести «Старосветские помещики». Однако у Гоголя отсутствует мотив подмены, как у Толстой (Маргарита без труда заменила умершую Веронику, свою сестру). Толстая также причудливо использует мотив двойничества в своем рассказе, не только усиливая тему обреченности, но пытаясь искусственно продлить мотив бегства в детство.

Образ «маленького» человека, проецируемый через игру с образами старосветских помещиков, вписан в своеобразный хронотоп, опять же гоголевский, который наблюдаем в его «Миргороде». Пространство рассказа Толстой так же, как и в «Старосветских помещиках» Гоголя, разделено на две неравные части. Первое – это место пребывания автора, в данном случае – двух девочек, через призму сознания которых мы и наблюдаем все происходящее. Второе – это мир «старосветских помещиков», в данном рассказе – мир Вероники (Маргариты) и дяди Паши. Главное отличие мира двух героев, так похожих на старосветских помещиков, – его отгороженность (Лотман 1988). Их жилище – это особый мир с «кольцеобразной топографией». Это мир уюта и безопасности, в отличие от внешнего пространства. Вот почему он кажется девочкам волшебным-фантастическим. Дядя Паша – это сказочный принц, а Вероника – Царица. Мир дяди Паши и его дома – это мир поэтичный, а мир внешний, мир взрослой жизни – мир холодно-прозаический, циничный. Именно таким мы видим пространство и в «Старосветских помещиках» Гоголя (Лотман 1988). Первый мир с уходом дяди Паши потерян навсегда. Вот почему образ «маленького» человека воплощается через сквозной библейский символ потерянного рая, который обретается человеком с рождением (детство – Эдемский сад), а вновь теряется по мере взросления в греховности земной жизни. В художественной философии писательницы крайне важной становится

концептосфера выражения «райский сад», что предполагает такие антиномии, как «свет-тьма», «день-ночь», «духовное-материальное», «живое-мертвое», «вечное-сиюминутное», «доброе-злое», «воображаемое-реальное», «мечта-действительность» (Люй Цзюнь 2005).

Выводы

Несмотря на достаточную критическую и научную литературу, произведения Толстой все еще не осмыслены с точки зрения художественной реализации образа гоголевского «маленького» человека». Этот типичный для русской классики образ по-особому трансформируется в поле эстетики Толстой, причудливо сочетающей в себе черты реализма, неоромантизма, модернизма и постмодернизма. Толстая в малой прозе невероятно близка гоголевской традиции. Как и у Гоголя, «маленький» человек является социально незащищенным. В то же время мотив болезненности «маленького» человека и его незащищенности доводится до абсолютного абсурда. Толстая наследует саму классическую форму. Композиция, сюжет и хронотоп рассказов Толстой во многом отсылают читателя к произведениям Гоголя – повестям «Шинель» и «Старосветские помещики». Опираясь на гоголевские модели, Толстая в художественной реализации образа «маленького» человека выносит на первый план рассказов другие мотивы. Ключевым становится мотив бегства в детство или бегства в Творчество, Культуру. Призма детства, как и призма поэтического мира, превращает «маленького» человека в калифа, сказочного принца или поэта. Отсюда и выход на неоромантическую эстетику: противопоставление мечты и реальности.

Толстая, реализуя особый путь игры с классикой, в данном случае с гоголевской традицией, практически «жонглирует» традиционными героями, сюжетами, что позволяет перевести традицию в пародийный, комический план, создать трагифарсовое абсурдистское пространство Хаоса, из которого герои не в состоянии вырваться. Важным в реализации образа «маленького» человека становится концептосфера выражения «райский сад», где значимыми становятся антиномии «день-ночь», «духовное-материальное», «живое-мертвое», «вечное-сиюминутное», «доброе-злое». В то же время главной проблемой рассказов является характерная для русской классической литературы мысль о драматическом разрыве между мечтой и действительностью, о борьбе «маленького человека» со стихией жизни.

Библиография

- Богданова, Е. А. (2015), Мотивный комплекс прозы Татьяны Толстой. В: <<http://www.dslib.net/russkaja-literatura/motivnyj-kompleks-prozy-tatjany-tolstoj.html>> [доступ 24 февраля 2016].
- ВАЙЛЬ, П./ГЕНИС, А. (1990), Городок в табакерке. В: Звезда. 8, 15–26.
- Вуколов, Л. И. (2002), Современная проза в выпускном классе. Москва.
- ГЕНИС, А. (1997), Беседа восьмая: рисунок на полях. Татьяна Толстая. В: Звезда. 9, 228–230.
- Голикова, Г. А. (2005), Современная женская проза в школьном изучении (Т. Толстая, Л. Петрушевская). Казань.
- Гощилю, Е. (2000), Взрывоопасный мир Татьяны Толстой. Екатеринбург.
- Жолковский, А. (1995), В минус первом и в минус втором зеркале: Т. Толстая, В. Ерофеев, ахматовиана и архетипы. В: Литературное обозрение. 6, 85–94.
- Кременцов, Л. (2003), Русская литература 20 века: Обретения и утраты. Москва.
- Лазарева, Е. В. (2009), Иерархия ценностей в современной женской прозе: на материале произведений Т. Толстой, М. Арбатовой, Т. Москвиной. Краснодар.
- ЛЕЙДЕРМАН, Н. Л./ЛИПОВЕЦКИЙ, М. Н. (2001), Современная русская литература: В 3-х кн. Кн. 3: В конце века (1986–1990-е годы). Москва.
- Липовецкий, М. (2003), Контекст: мифологии творчества Татьяна Толстая. В: Русская литература 20-го века в зеркале критики. Москва.
- Лотман, Ю. М. (1988), В школе поэтического слова: Пушкин. Лермонтов. Гоголь. Москва.
- Люй Цзиюн, (2005), Поэтико-философское своеобразие рассказов Татьяны Толстой (На материале сборника «Ночь»). В: <<http://www.dslib.net/russkaja-literatura/pojetiko-filosofskoe-svoeobrazie-rasskazov-tatjany-tolstoj.html>> [доступ 23 февраля 2016].
- Машинский, С. И. (1979), Художественный мир Гоголя. Москва.
- МИХАЙЛОВ, А. (1987), О рассказах Т. Толстой. В: Толстая, Т. Н. «На золотом крыльце сидели...». Москва, 187–91.
- НЕМЗЕР, А. (1994), Современный диалог с Гоголем. В: Новый мир. 5, 208–225.
- НЕФАГИНА, Г. (1998), Русская проза второй половины 80 – начала 90-х годов. Минск.
- ПАНЬ ЧЭНЛУН, (2007), Творчество Т. Толстой в современной критике. В: <<http://www.dissertat.com/content/tvorchestvo-t-tolstoi-v-sovremennoi-kritike>> [доступ 23 февраля 2016].
- ПАРАМОНОВ, Б. (2000), Застой как культурная форма. В: Звезда. 4, 232–238.
- ПРОХОРОВА, Т.Г. (2005), Постмодернизм в русской литературе. Казань.
- ПРОХОРОВА, Т. Г. (1998), Пушкинские реминисценции в творчестве Т. Толстой. В: Ученые записки Казанского ун-та. 136 [н.с.].
- СКОРОПАНОВА, М.С. (1999), Русская постмодернистская литература. Москва.
- СЛАВНИКОВА, О. (2001), Пушкин с маленькой буквы. В: Новый мир. 3, 178–183.
- ТИМИНА, С. (2003), Современный литературный процесс (90-е годы). В: Русская литература в зеркале критики. Санкт-Петербург, 24–25.
- ТОЛСТАЯ, Т. (2002), Река Оккервиль. Москва.
- ТОЛСТАЯ, Т. (2003), Круг. Москва.
- ЧАЛМАЕВ, В. А. (2001), Художественный и духовный мир «другой прозы». В: Литература в школе. 2, 38–40.
- ЧЕРНЯК, М. (2004), Современная русская литература. Санкт-Петербург.

MARTA ZAMBRZYCKA
Uniwersytet Warszawski

STAROŚĆ KOBIECEGO CIAŁA JAKO METAFORA SPOŁECZNO-POLITYCZNA W ZAPISIE VIDEO *SŁOIK ZUPY* SERHIJA BRATKOWA

**Old age of the female body in the Ukrainian contemporary art
on the example of the film Serhiy Bratkov's film *Jar of soup***

SŁOWA KLUCZOWE: ciało, kobieta, starość, społeczeństwo, symbol

KEYWORDS: body, woman, old age, society, symbol

ABSTRACT: The subject of this article is the image of an old female body in the video called *Jar of soup* (2004), created by a contemporary Ukrainian artist Serhiy Bratkov. It is a short video showing an old, lonely woman eating a beetroot soup from the jar. In this work, old age was presented primarily in the bodily dimension. Using the image of an old body, which is marginalized in official visuality, the artist raises a number of issues important both for Ukrainian society and for the overall reflection on the problem of old age and women aging. I see the work of Bratkov primarily in the Ukrainian context: as a bitter reflection on the attitude to old age in the post-Soviet society and as a comment to the symbols of femininity established in the Ukrainian culture, closely related to national ideas.

Tematem tekstu jest obraz starości w pracy ukraińskiego artysty współczesnego Serhija Bratkowa¹ pt. *Słoik zupy* z 2004 roku. Jest to krótki zapis video przedstawiający samotną, starą kobietę, jedzącą barszcz ze słoika. Starość została w tej pracy ukazana przede wszystkim w wymiarze cielesnym. Posługując się obrazem zniszczonego, starego ciała, czyli obrazem spychanym na margines oficjalnej wizualności, artysta porusza szereg zagadnień, ważnych zarówno dla ukraińskiego społeczeństwa, jak i dla ogólnej refleksji nad problemem starości i starzenia się kobiet. Pracę Bratkowa odczytuję przede wszystkim w kontekście ukraińskim: jako gorzką refleksję

¹ Serhij Bratkov urodził się w Charkowie w 1960 r., mieszka i pracuje w Moskwie. Ogromny wpływ na jego twórczość wywarła tradycja charkowskiej fotografii, sięgająca lat 60. i 70. i kontynuowana w latach 90. przez tzw. Grupę Szybkiego Reagowania (Fast Reacting Group). Akcje artystyczne tej grupy (do której poza Bratkowem należał światowej sławy fotograf Borys Mychajłow) miały wymiar społeczny i polityczny. Ich cechą charakterystyczną była zaangażowana dokumentacja procesów zachodzących po rozpadzie ZSRR, a także prowokacyjne, często bulwersujące wykorzystanie ludzkiego ciała jako materiału twórczego.

nad stosunkiem do starości w poradzieckim społeczeństwie oraz jako komentarz do utrwalonych w ukraińskiej kulturze i ściśle związanych z symboliką narodową wyobrażeń związanych ze starością kobiety.

Problematyka ciała w ukraińskiej sztuce zaangażowanej

Dominacja problematyki ciała w twórczości Serhija Braktowa (a także innych przedstawicieli ukraińskiej sztuki zaangażowanej) jest reakcją na gwałtowne zmiany zachodzące w państwach rozpadającego się bloku radzieckiego od przełomu lat 80. i 90. XX wieku. Przemiany polityczne i ustrojowe szły w parze z prawdziwą rewolucją w sztuce, kulturze, życiu społecznym. Ukrainę załąły też wzory kultury konsumpcyjnej, wcześniej praktycznie nieobecne, i tym większą popularność zyskujące po zmianie ustroju. Wraz z napływem zachodnich nurtów humanistycznych oraz treści kultury masowej wzrosła rola cielesności, obecnej we wszystkich właściwie rodzajach przekazów kulturowych, od literatury i sztuki poczynając, na reklamie i pornografii kończąc. Jednak lansowana w mediach cielesność odbiega od rzeczywistości, gdyż wyklucza wszystko, co wiąże się z brzydotą, bólem, starością, chorobą (Majchrowska/Nowakowska 2015, 163).

Ukraińscy artyści, którzy w latach 80. i 90. ub. stulecia tworzyli platformę dyskusji dla sztuki zaangażowanej, wykorzystywali ogromne znaczenie cielesności w kulturze wizualnej, analizowali za jej pośrednictwem mechanizmy władzy, strategie wykluczenia i deprecjacji. Ludzkie ciało, często brzydkie, chore lub stare, służyło im jako punkt wyjścia do szerszej – społecznej i politycznej refleksji. Sposoby posługiwania się ciałem w twórczości ukraińskich artystów bywały szokujące dla odbiorców, nieprzystawiających do epatowania seksualnością i fizjologią w sztuce. Wywołanie szoku stanowiło jednak, jak można przypuszczać, efekt zamierzony, gdyż celem artystów było między innymi ukazanie mentalnego i kulturalnego stanu, w jakim znalazło się ukraińskie społeczeństwo doby transformacji. Turpizm w ukazywaniu cielesności stanowił komentarz do procesów społecznej degradacji. Ciało było więc narzędziem ukazywania przemian zachodzących w społeczeństwie. Drugim, równie ważnym zagadnieniem, jakie artyści łączyli z cielesnością, była kwestia tożsamości, poszukiwanie nowej definicji Ukraińca, obywatela, człowieka. Redefinicja autoidentyfikacji narodowej i kulturowej to problem, który w latach 90. pozostawał obiektem burzliwych dyskusji intelektualistów, w tym też twórców sztuk wizualnych.

Bratkov jest jednym z tych, których prace stanowiły żywy komentarz do zmian społecznych i politycznych. Jednocześnie, poprzez wykorzystanie silnie zakorzenionych w ukraińskiej kulturze symboli, artysta stawiał trudne pytania o fundament, na którym rekonstruuje się współczesna ukraińska tożsamość. Prace Bratkowa kilkakrotnie stawały się przyczyną skandalu. W prowokacyjnej serii *Dzieciaki*, wykonanej w latach 90., artysta ukazał dziecięce ciała, przyozdobione w zmysłowy

strój i „dorosły” makijaż. Zarzuty dotyczące dwuznaczności tych fotografii Bratkow tłumaczył, odwołując się do praktyki „urabiania” ciała zgodnie z dominującym wzorem estetycznym. *Dzieciaki* to cykl fotografii sygnalizujących problem kultury masowej zalewającej poradziecką przestrzeń wizualną i narzucającej prymitywny kult cielesności. Twórca podkreśla również istotne kwestie społeczne, takie jak rozprzestrzenianie się pornografii i przemilczany wcześniej temat przemocy wobec dzieci (Десятерик 2014). W serii *Dzieciaki* istotny jest kontrast między utrwalonym w kulturze ukraińskiej obrazem dzieciństwa jako czasu niewinności i czystości a prymitywnymi wzorami, narzucanymi przez kulturę masową, zalewającą przestrzeń wizualną w okresie transformacji.

W wielkoformatowej fotografii *Chortycza* z 2009 roku Bratkow przedstawił kolejny bulwersujący obraz – ojczyznę-Ukrainę, wcielając ją w postać młodej dziewczyny w stroju ludowym, która obnaża intymne części ciała. Fotografia, zaprezentowana w 2010 roku na wystawie w kijowskim Pinchuk Art Centre, stała się przyczyną skandalu i wywołała protesty, z których najgłośniejszym była manifestacja *Femenu*. Przedstawicielki tej grupy protestowały pod *Chortyczą* z hasłami: „Ukraina nie wagina” oraz określając twórczość Bratkowa jako „vaginart”. Tymczasem artysta za pośrednictwem wizerunku ciała młodej kobiety prowokował do dyskusji obejmującej refleksję nad realnym statusem kobiety na Ukrainie, postkolonialną kondycją ukraińskiej kultury oraz jej wizerunkiem w krajach Europy Zachodniej. To szokujące zderzenie sfery symbolicznej ze społeczną praktyką nieuchronnie rodzi pytania o tożsamość: „Kim jesteśmy jako ludzie, obywatele, Ukraińcy?” oraz „Czy nasza kultura to sfera ideałów i norm deklarowanych, czy zawstydzająca rzeczywistość poradzieckiej codzienności?” Nieskrępowane operowanie wizerunkami ciała ludzkiego wywołuje też pytania o kategorie wolności i szacunku do własnej cielesności, która tak wiele przecież wycierpiała w poprzednim ustroju, a która również współcześnie spotyka się z opresyjnym traktowaniem. W kontekst tych zagadnień wpisuje się również problem starości oraz stosunku poradzieckiego społeczeństwa do ludzi starych. W zapisie video *Słoik zupy* Bratkow po raz kolejny podejmuje gorzką refleksję nad nieprzystawalnością sfery norm i symboli kulturowych do rzeczywistości życia społecznego.

Starość ciała i refleksja nad przeszłością

Problematykę starości można połączyć z tematem funkcjonowania obrazów ciała w kulturze, gdyż refleksja nad tym etapem życia najczęściej ogranicza się właśnie do jego cielesnych oznak. Kultura współczesna w ogromnej większości swoich produkcji utożsamia starość przede wszystkim z chorobą, cierpieniem, a w wymiarze społecznym – z osamotnieniem i wzrastającą zależnością od innych. Charakterystyczne jest

również wykluczenie obrazów starzenia się i późnej starości z przekazów medialnych. I. Stachowska w związku z tym zauważa:

Fenomen starzenia się nadal pozostaje swoistym kulturowym tabu. Przemilczane są zarówno kwestie dotyczące ograniczeń wynikających ze zmian zachodzących w cielesności i seksualności ludzi starszych, jak również problemy związane z chorobą, cierpieniem, a zwłaszcza z umieraniem. Zagadnienia dotyczące przemijania lub tematy związane ze śmiercią zostały wyparte zarówno ze sfery medialnej, jak i społecznej (2009, 116–117).

Starość, rozumiana wyłącznie w wymiarze cielesnym, jest zjawiskiem niepokojącym – współczesny człowiek broni się przed nią i walczy z jej fizycznymi oznakami (Guzewicz/Studen/Brudko 2015, 9). Starość kojarzy się też z osamotnieniem, niepełnością, brzydotą i ostatecznie ze śmiercią. Te skojarzenia stają się być może nieadekwatne w krajach Europy Zachodniej, gdzie stosunek do ludzi starych zmienia się stopniowo, a poziom ich życia oraz możliwości uczestniczenia w ofercie kulturalnej ulegają poprawie. Redefinicja poglądów na ten etap życia jest jednym z ważniejszych problemów współczesnych – starzejących się przecież – społeczeństw europejskich (Kijak/Szarota 2013, 5). Na Ukrainie negatywna konotacja starości, ujęta w przysłowie „starość nie radość”, pozostaje jednak aktualna – składają się na nią zarówno socjalne warunki, w jakich żyją ludzie starsi, jak i opinia społeczna, sytuująca starość na marginesie życia:

Mizerne emerytury, niewydolny system pomocy społecznej, brak infrastruktury dostosowanej do potrzeb ludzi starszych oraz propagowany w większości mediów styl życia [...] wszystko to tworzy kontekst, w którym ostatnich dni dożywają ci, którym udało się przetrwać II wojnę światową (Portnow/Portnowa 2010, 119).

Właśnie ów kontekst historycznych doświadczeń, takich jak II wojna światowa, komunistyczny terror i dziesięciolecia totalitaryzmu, nadają refleksji o starości na Ukrainie wyjątkowo gorzkiego, a zarazem upolitycznionego wydźwięku. Większość emerytów ma status weteranów wojennych, nie wpływa to jednak na podniesienie poziomu ich życia czy na okazywanie im szacunku na co dzień.

W pracy video pt. *Słoik zupy* Bratkov ukazuje wstrząsający obraz starości. Artysta zmusza nas, abyśmy przez kilka minut przyglądali się biednie ubranej, niepełnej staruszce, która, siedząc samotnie w jadłodajni, powolnie spożywa barszcz ze słoika, zagryzając okruchami chleba z plastikowej torebki. Film skadrowany jest w taki sposób, iż odbiorca przez większość czasu trwania zapisu widzi wyłącznie postać kobiety, stolik, przy którym staruszka siedzi, oraz kawałek ściany. Stwarza to poczucie klaustrofobicznego ograniczenia przestrzeni, chociaż bohaterka znajduje się w miejscu publicznym, w którym ludzie najczęściej jedzą wspólnie. Artysta szczegółowo i realistycznie rejestruje proces spożywania posiłku. Bezzębna stara kobieta długo przeżuwa okruchy chleba zapijając je barszczem, podnoszony do ust

słoik lekko drży w niepewnej, pokrzywionej reumatyzmem dłoni. Film poraża odczuciem pustki, osamotnienia, fizycznej degradacji oraz rzucającej się w oczy biedę.

Na pierwszym poziomie odczytania pracy Bratkowa mamy do czynienia z sytuacją starych ludzi w warunkach poradzieckiej rzeczywistości, gdy starość oznacza najczęściej zamknięcie w przestrzeni domowej, brak dostępu do dóbr, skazuje na wykluczenie i ubóstwo. Przedstawiona w filmie kobieta przebywa, co prawda, w przestrzeni publicznej, pozostaje w niej jednak samotna. Zupa jedzona ze słoika i okruszki chleba w plastikowej torebce jednoznacznie wskazują na upokarzającą biedę. Ze słów samego artysty dowiadujemy się, że miejscem akcji filmu jest Krymska Białka, a filmowana kobieta to najprawdopodobniej osoba, która nie ma z kim dzielić czasu przeznaczonego na posiłek. W jednym z wywiadów Bratkov podkreślił iż, tematem *Słoika zupy* jest przede wszystkim samotność.

W obrazie sfilmowanej przez Bratkowa starej kobiety można odnaleźć również szerszą refleksję nad stanem, w jakim znalazło się całe poradzieckie społeczeństwo. Obojętność, z jaką kobieta eksponuje swoją biedę, może być odczytywana jako oznaka swoistego syndromu posttraumatycznego, przejawiającego się w bezwolnej zgodzie na bylejakie otaczającej rzeczywistości, a także w obojętności w odniesieniu do własnej cielesności. Hanna Gosk stwierdza:

Dziedzictwo zależności kumuluje się w długim trwaniu, ewoluuje, wchodząc w związki z nową teraźniejszością, i utrwała się w różnych konfiguracjach. Czyni to na rozmaite sposoby, odciskając swój ślad na zachowaniach społecznych, stosunku do władzy, rozumieniu narodu i społeczeństwa [...] poczuciu tożsamości jednostkowej i zbiorowej (2013, 302).

Dziedzictwo zależności przejawia się również w stosunku do ciała i w zaburzeniach poczucia własnej godności, co przejawia się między innymi brakiem szacunku do samego siebie, obojętnością na własną cielesność, a także deprecjacją własnej przeszłości, kultury i negacją tradycji. Dotyczy to zarówno jednostek, jak i szerszych formacji kulturowych, doświadczonych traumatycznymi wydarzeniami. W postaci starej kobiety Bratkov zawiera skondensowany obraz wspomnianych wyżej objawów syndromu posttraumatycznego. Bohaterka filmu pozostaje doskonale obojętna, jej twarz nie zmienia wyrazu, ruchy ograniczają się do systematycznego przeżuwania oraz podnoszenia ręki ze słoikiem. Kobieta nie rozgląda się wokół siebie, nie jest zainteresowana przestrzenią, w której się znajduje, nie próbuje z nikim nawiązać kontaktu. W jej zachowaniu widoczny jest głęboki smutek, a jednocześnie bierna zgoda na nędzę własnego życia, fakt, iż jest to osoba starsza dodaje poczucia braku wyjścia z sytuacji i niemożność jakiegokolwiek zmiany. Starość w połączeniu z porażającą biedą i samotnością stwarza odczucie, iż bohaterka pracy Bratkowa jest osobą zbędną, „niepotrzebną” i właściwie nie istniejącą w wymiarze społecznym. To osoba, która „jeszcze żyje”, pozostałość poprzedniej epoki. Ukraińska historyk

sztuki W. Burłaka pisze, że twarz bohaterki filmu Bratkowa pozostaje „przeźroczysta”, „nieobecna”, jest to twarz człowieka, którego – pomimo cielesnej obecności – nie ma już na tym świecie (Burłaka 2005, 25).

Obraz ciała starej kobiety zmusza również nieuchronnie do refleksji nad przeszłością, jest ściśle związany z historią, co w kontekście ukraińskim staje się tożsame z doświadczeniem totalitaryzmu i wojny. Wszyscy dzisiejsi emeryci to osoby głęboko doświadczone traumatyczną pamięcią komunizmu, która pozostawia swoje ślady zarówno w psychice, życiu społecznym, jak i w ciele oraz stosunku do fizyczności. Doświadczenie historycznej traumy najsilniej dotyka starsze pokolenie, jednak – jak pisze T. Hondurowa (2011, 56) – wywiera również destrukcyjny wpływ na ludzi młodych. Apatia bohaterki filmu dotyczy w tym kontekście nie tylko starszego pokolenia, lecz także charakteryzuje stan emocjonalny społeczeństwa jako całości. Wyrzucenie osoby starej na margines życia, skazanie jej na nędzę i samotność jest w filmie Bratkowa równoznaczne z odrzuceniem i deprecjacją przeszłości, z przekreśleniem części własnego dziedzictwa, które zamiast zostać poddane uzdrawiającej refleksji przeradza się we wstydlivy balast. Ukazując postać kobiecą, artysta uruchamia szereg skojarzeń związanych z negatywnym wizerunkiem starego kobiecego ciała w kulturze współczesnej, posługując się kontrastem między tradycyjnym wyobrażeniem starej kobiety w ukraińskiej kulturze a przygnębiającym obrazem samotnej starości, podkreśla rażący rozdzźwięk między codzienną praktyką społeczną i sferą norm deklarowanych.

Starość kobiecego ciała i tradycyjne wyobrażenie kobiety starej w ukraińskiej kulturze

Jak zauważają A. i T. Portnow (2010, 119), starość na Ukrainie „ma przede wszystkim twarz kobiety. Jest to spowodowane różnicą średniej długości życia mężczyzn i kobiet, dodatkowo spotęgowaną przez tradycyjną przewagę małżeństw, w których mąż jest starszy od żony”. Jest to – jak można przypuszczać – jeden z powodów, dla których Bratkow ukazuje właśnie postać kobiecą. Warto w tym miejscu dodać, iż starość na Ukrainie ma najczęściej twarz kobiety samotnej, co wzmacnia przygnębiającą wymowę pracy ukraińskiego artysty. Pesymistyczną wymowę filmu podkreśla jednak nie tylko odniesienie do specyficznej dla ukraińskiego społeczeństwa sytuacji starzejących się i starych kobiet, lecz także charakterystyczna dla współczesnej kultury różnica w wartościowaniu okresu starości w zależności od płci. O negatywnym wizerunku starości kobiet w kulturze pisała już Simone de Beauvoir w *Drugiej płci*. W tej klasycznej dziś książce czytamy:

Mężczyzna starzeje się stopniowo, kobieta zostaje nagle odarta z kobiecości; traci urok erotyczny i płodność, które były jedynym usprawiedliwieniem jej istnienia w oczach społeczeństwa i w jej własnych oraz jedyną szansą szczęścia (de Beauvoir 2007, 634).

Współcześni autorzy oceniają społeczny odbiór starzenia się kobiet mniej pesymistycznie, podkreślają jednak istniejące nadal negatywne przekonania i wzorce. Małgorzata Dziura zauważa, że: „normy kulturowe, dotyczące starzenia się, są inne dla kobiet i inne dla mężczyzn. Mężczyzna z wiekiem nabiera dostojeństwa, kobieta starzeje się i brzydnie” (Dziura 2015, 85). Również Adam Buczkowski podkreśla odmienną „doświadczenia starości ze względu na płeć” (Buczkowski 2015, 138). Autor zauważa, że starość kobiety jest zdecydowanie negatywnie oceniana w naszej kulturze. Starość kobiety, w stopniu o wiele większym niż w przypadku mężczyzn, jest rozpatrywana na poziomie cielesnym. W związku z tym, że w młodości kobiety silniej podlegają terrorowi wyglądu zewnętrznego i zmuszone są dostosować swoje ciało do rygorystycznego kanonu piękna, utrata walorów fizycznych przebiega w ich przypadku bardziej dotkliwie. Co więcej, jak zauważa Buczkowski (2015, 148), kobieca cielesność stanowi oś budowania tożsamości, w związku z tym starzenie się dotyka najgłębszych warstw samooceny oraz oceny przez społeczeństwo. Strata urody staje się równoznaczna z utratą jakiejś części siebie, ciało starej kobiety zawstydza, gdyż stanowi proste odwrócenie obowiązującego ideału (piękna, młoda, aktywna). Wspomina o tym również K. Zdanowicz-Cyganiak (2013, 196), pisząc, iż kulturowy obraz starej kobiety opiera się na eksponowaniu „ciała poddanego destrukcji, bezużytecznego w sensie reprodukcyjnym, erotycznym, jak również w dużej mierze społecznym”.

W *Słoiu zupy* Bratkov odwołuje się do kontrastu między zdecydowanie kobiecą, wręcz dziewczęcą kolorystyką filmu a pomarszczonym, niedołężnym ciałem staruszki. W filmie dominują kolory różowy i biały. Kobieta ma na sobie białą chusteczkę i różowy sweterek. Te nieco infantylne kolory stanowią symbol płci żeńskiej, charakterystyczny jednak dla wieku dziecięcego. Wykorzystanie palety różu i bieli może więc sygnalizować antyseksualny status bohaterki. Staruszka otoczona niewinnym, „dziecinnym różem” staje się w jakimś stopniu bezpłciowa, pozbawiona seksualności. W tym miejscu warto zauważyć, że problematyka seksualności ludzi starych to jedno z silniejszych tabu kultury popularnej. Erotyka jest zarezerwowana dla ciał młodych i odpowiadających standardom estetycznym. Ludzie starzy automatycznie stają się wykluczeni ze sfery dotyczącej seksu, co jest jedną z form deprecjonującej ich infantylizacji. Wspomina o tym A. Kotowska:

Starość [...] wiązana jest przede wszystkim z deprecjacją, metaforycznie i dosłownie rozumianą inwolucją, utratą prestiżu, życiowych szans. Starego człowieka przedstawia się jako zniedołężniałego, bezradnego, zinfantyлизованego (2015, 194).

Wykluczenie starych ciał z medialnych przekazów dotyczących seksualności wskazuje jednoznacznie, iż uważane są one za brzydkie, nieatrakcyjne. Co więcej, według opinii A. Długołęckiej (2014, 92), dominujący w przekazach medialny kult młodości jest często przyczyną frustracji osób starszych, które same wycofują się z życia seksualnego. Bohaterka filmu *Słoić zupy* została przedstawiona jako postać, która nie jest już kobietą. Jej antykobiecy status jest tym wyraźniejszy, im wyższe są standardy oczekiwania wizualnych wobec młodych kobiet na Ukrainie. Dziecinna kolorystyka, zestawiona ze starczym pomarszczonym ciałem podkreśla zaś swego rodzaju „nieadekwatność” bohaterki, która staje się osobą zbędną, znajdującą się niejako nie na swoim miejscu. Jest to obraz wstrząsający i wywołujący u widza poczucie wielkiej niesprawiedliwości i krzywdy. Starość jest tu ukazana jako etap życia, dla którego nie ma właściwie miejsca w strukturze poradzieckiego społeczeństwa. Niesprawiedliwość tego stanu rzeczy jest większa, gdy uruchomimy ciąg skojarzeń historycznych i przedstawimy sobie wymaginowane, aczkolwiek wielce prawdopodobne, życie przedstawionej staruszki – osoby doświadczonej wydarzeniami wojny i totalitaryzmu, a w nowej rzeczywistości skazanej na samotną vegetację.

W filmie Bratkowa można również dostrzec odniesienia do głęboko zakorzenionych w kulturze ukraińskiej wizerunków kobiecości, związanych z problematyką narodową. Z powodu wielowiekowej zależności od obcych organizmów politycznych i braku własnej państwowości, w ukraińskiej kulturze idea narodowa przeważała nad innymi wymiarami życia (Stefanowska 2013, 12). Obraz kobiety jako symbolu ojczyzny dominował w ukraińskiej kulturze i literaturze XIX i XX wieku, przedstawiając ją najczęściej jako matkę, płaczącą nad losem swych dzieci. A. Nowacki pisze:

Mit kobiety-Ukrainy [...] na długie lata zadomowił się w tamtejszej literaturze, głównie za sprawą twórczości Tarasa Szewczenki. Romantyczna matka-Ukraina, cierpiénica, nieszczęsna kobieta płaczącą nad losem swoich dzieci – synów narodu ukraińskiego. [...] Tak zarysowany obraz kobiety przetrwał do momentu, gdy w literaturze ukraińskiej zagościł realizm, gdzie także funkcjonował archetyp matki, niemniej jednak w nieco odmiennym kształcie [...] – teraz to oddana strażniczka ogniska domowego (2013, 45).

Charakterystyczną cechą ukraińskiej przestrzeni symbolicznej jest więc przedstawianie kobiety jako obrazu ojczyzny, strażniczki dziedzictwa kulturowego lub wyrazicielki najważniejszych idei narodowych. Szczególnie ważny jest w tym kontekście obraz kobiety starej, wspomnianej matki, skarbnicy prawdziwych wartości i obiektu szacunku oraz miłości. Bratkov gra z tym obrazem matki-ojczyzny-Ukrainy. Przedstawiając swoją bohaterkę jako jednostkę zawstydzająco biedną, apatyczną i odartą z godności, stawia szereg gorzkich pytań o kondycję postsowieckiej Ukrainy, o poczucie tożsamości i godności jej mieszkańców, o stosunek do dziedzictwa kulturowego. Niepodległa już matka-Ukraina okazuje się wzbudzać litość, samotną emerytką, a dziedzictwo i tradycja ograniczają się do typowo ukraińskich potraw

(barszczu i chleba), spożywanych jednak nie we wnętrzu wiejskiej chaty, w otoczeniu ikon i wyszywanek, lecz w brzydkiej jadłodajni, ze słoika i plastikowej reklamówki. W *Słoiku zupy*, podobnie jak we wspomnianej na początku tekstu *Chortycy* artysta łączy refleksję nad współczesnymi problemami społecznymi z głęboko zakorzenionymi w mentalności ukraińskiej obrazami, konstytuującymi wyobrażenia o wartościach kulturowych. Gloryfikowany w przestrzeni symbolicznej wizerunek kobiety zderza się brutalnie z realnym jej statusem i sytuacją życiową. Charakterystyczne, że zdobywająca na Ukrainie coraz większą popularność refleksja feministyczna jest łączona z badaniami postzależnościowymi, co widać wyraźnie choćby w eseistyce znakomitej pisarki i filozofa Oksany Zabużko. Dziedzictwo politycznej zależności znajduje w tej refleksji przełożenie na sytuację kobiety jako podmiotu opresjonowanego. Jest to refleksja tym bardziej aktualna, że sytuacja społeczna kobiety wciąż odbiega na Ukrainie od standardów równouprawnienia.

W *Słoiku zupy* Bratkowa refleksja nad problemem starości w poradzieckim społeczeństwie została przedstawiona za pomocą obrazu, budującego pole semantyczne tradycyjnej ukraińskiej kultury. Obecna od czasów romantyzmu figura starej kobiety matki-Ukrainy, ojczyzny przestaje być tu obiektem czci i skarbnicą wartości, a staje się niedołączną, apatyczną emerytką, która zмага się z codziennym ubóstwem, a jej dziedzictwem jest traumatyczna pamięć komunizmu. W obrazie samotnej staruszki Bratkov zawiera więc refleksję nad stanem mentalności współczesnego ukraińskiego społeczeństwa.

Bibliografia

- BUCZKOWSKI, A. (2015), Zjawisko starości kobiet w perspektywie płci kulturowej. W: Siwiec-Piłat, M./Kwiatkowska, B./Boryśławski, K. (red.), *Inkluzja czy ekskluzja. Człowiek stary w społeczeństwie*. Wrocław, 137–156.
- de BEAUVOIR, S. (2007), *Druga płeć*. Warszawa.
- DŁUGOŁĘCKA, A. (2014), Seksualność seniorów. W: Zych, A. (red.), *Starość darem, zadaniem i wyzwaniem*, Sosnowiec / Dąbrowa Górnicza, 91–203.
- DZIURA, M. (2015), Starość w kulturze współczesnej. W: Siwiec-Piłat, M./Kwiatkowska, B./Boryśławski, K. (red.), *Inkluzja czy ekskluzja. Człowiek stary w społeczeństwie*. Wrocław, 71–87.
- GUZEWICZ, M./STUDEN, S./BRUDKO, P. (2015), *Oblicza starości we współczesnym świecie. Perspektywa społeczno-kulturowa*. Tom II. Lublin.
- GOSK, H. (2013), Postzależnościowe cechy czasu postzależności. W: Gosk, H./Kołodziejczyk, D. (red.), *Historie, społeczeństwa, przestrzenie dialogu. Studia postzależnościowe w perspektywie porównawczej*. Kraków, 301–313.
- HONDURÓWA, T. (2011), Ciało, choroba i kicz: melancholijne sublimacje we współczesnej ukraińskiej prozie młodzieżowej. W: Marusiak, A. (red.), *Wielkie tematy w literaturach słowiańskich. Ciało*. Slavica Wratislaviensia. IX, 55–71.
- KIJAK, R./SZAROTA, Z. (2013), *Starość. Między diagnozą a działaniem*. Warszawa.
- KOTOWSKA, A. (2015), Medialne wizerunki ludzi starzejących się i starych oraz ich psychospołeczne konsekwencje. W: Siwiec-Piłat, M./Kwiatkowska, B./Boryśławski, K. (red.), *Inkluzja czy ekskluzja. Człowiek stary w społeczeństwie*. Wrocław, 191–205.

- MAJCHROWSKA, A./NOWAKOWSKA, L. (2015), Starość jako choroba. Starzejące się ciało w procesie medykalizacji. W: Siwiec-Piłat, M./Kwiatkowska, B./Boryśławski, K. (red.), *Inkluzja czy ekskluzja. Człowiek stary w społeczeństwie*. Wrocław, 157–171.
- NOWACKI, A. (2013), Kobieta w literaturze ukraińskiej: współczesne modyfikacje. W: Jakubowska-Krawczyk, K. (red.), *Kobieta we współczesnej kulturze ukraińskiej*. Warszawa, 43–51.
- PORTNOW, A./Portnowa, T. (2010), Nic nie zostało zapomniane. W: *Nowa Europa Wschodnia*. 6, 119–129.
- STACHOWSKA, I. (2009), Aksjologiczne aspekty starości. W: Jakubowska, H./Raciniewska, A./Rogowski, Ł. (red.), *Patrząc na starość*. Poznań, 115–125.
- STEFANOWSKA, L. (2013), Paradoxy ukraińskiego feminizmu przełomu XIX i XX w., W: Jakubowska-Krawczyk K. (red.), *Kobieta we współczesnej kulturze ukraińskiej*. Warszawa, 11–20.
- ZDANOWICZ-CYGANIAK, K. (2013), (Nie)widzialna – próba rekonstrukcji wizerunku starej kobiety. W: Gomółka, M./Rygielska, M. (red.), *Starość jako wyobrażenie kulturowe*. Katowice, 196–209.
- BURLAKA, W. [Бурлака, В.] (2005), Перевірка реальності – постмедійний реалізм у творчості сучасних українських митців. W: *Сучасне мистецтво*. 3, 20–30.
- DIESIATERIK, D. [Десятерик, Д.] (2014), Сергій Братков: творчість дає можливість художникові бути більше людиною, ніж він є насправді. W: <www.day.kiev.ua> [dostęp 9 grudnia 2014].

EDUKACJA

Бибигуль Альмурзаева / Орынкуль Шункеева / Алтнай Жайтапова
Актюбинский региональный государственный университет имени К. Жубанова
КУМОиМЯ имени Абылай хана

СОЗДАНИЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНО- -ИНФОРМАЦИОННОГО ТЕХНОПАРКА КАК СРЕДСТВО СОЦИАЛИЗАЦИИ СЕЛЬСКИХ ШКОЛЬНИКОВ¹

Creation of educational-information technopark as means of socialization of rural schoolboys

Ключевые слова: малокомплектная школа, ресурсный центр, образовательно-информационный технопарк, электронные образовательные ресурсы, информационно-коммуникативные технологии, государственная программа развития образования

Keywords: small rural schools, resource center, educational and information technology park, electronic educational resources, information and communication technologies, the state program of education development

Abstract: The subject of the research within the scientific grant is to determine the degree of socialization of rural schoolboys of Aktobe region of Kazakhstan at information and educational technology park. Theoretical base was the analysis of philosophical, psychological, pedagogical and methodological literature, legal documents, reflecting the activities of small schools. The work used genetic, systemic, structural and interpretive methods. The implementation effectiveness of the research work will allow to include all educational organizations Mugalzarsky district of Aktobe region in the work of education and information Technopark. The issues of transportation of students and their accommodation in the sessional period, power, etc. fade away. With further improvement and elaboration of all sections at Technopark area students will be able to engage in in-depth academic subjects, organize scientific community to share techniques and solutions etc.

Введение

Развитие человека во взаимодействии и под влиянием окружающей среды в самом общем виде можно определить как процесс и результат его социализации, т.е. усвоения и воспроизводства культурных ценностей

¹ Работа выполнена в рамках финансирования Комитета науки МОН РК (грант № 4298/ГФ, приказ № 8-нж от 2 февраля 2015 г.).

и социальных норм, а также саморазвития и самореализации в том обществе, в котором он живет. Географические особенности месторасположения Республики Казахстан свидетельствуют о том, что большую ее часть составляют областные центры с развитой инфраструктурой и системой образования, что позволяет выделить как самостоятельные малокомплектные школы (начальные, основные и средние), так и ресурсные центры с прилегающими магнитными школами. В данном аспекте следует акцентировать внимание на сельские школы, расположенные в самых отдаленных пунктах, где численность населения не превышает и 100-200 человек. Особую тревогу вызывают территориальные, погодные, социальные факторы, кадровый потенциал, влияющие на отсутствие возможности получить полного качественного образования сельскому школьнику. Эти же факторы зачастую являются препятствием для прикрепления «школ такого формата» за районным ресурсным центром.

Статистика также свидетельствует факт малого охвата магнитными школами ресурсного центра: при функционировании 20–25 малокомплектных школ в одном районе магнитными являются лишь 3–5 организаций образования, остальные же находятся в условиях самовывживания. К тому же возможности ресурсного центра ограничивают численность принятия учащихся в сессионный период: наличие койка/мест, охват полноценным питанием, транспорт и т.д.

Наиболее эффективным решением социализации сельских школьников является расширение потенциальных возможностей ресурсного центра, его преобразование в информационно-образовательный технопарк с охватом малокомплектных школ, находящихся в самых отдаленных регионах области с одной стороны, и предоставление качественного обучения учащимся магнитных школ с другой.

Проект Концепции развития малокомплектных школ в Республике Казахстан на 2010-2020 годы позволяет выделить разделы 5.3 «Содержание и организация образования в МКШ» и 5.4 «Развитие современной инфраструктуры МКШ», где особая роль уделяется электронному образованию сельских школьников: «Внедрение электронного обучения в МКШ существенно меняет характер взаимодействия между учителем и учеником, ориентируя последнего на активное самостоятельное освоение учебного материала. Педагог выступает в роли тьютора, деятельность которого направлена не на воспроизводство информации, а на психолого-педагогическое сопровождение обучающегося в учебно-познавательном процессе» (Об особенностях... 2015, 52). Электронное обучение потребует обеспечения обучающихся компьютерами новой модификации, создание единой информационной сети и подключения всех школ республики к широкополосному Интернету.

Для качественного информационного обеспечения деятельности МКШ целесообразно создание информационного фонда, включающего: виртуальные лаборатории, базу данных, консультационную службу, электронную библиотеку, медиатеку, представленную обучающими, диагностическими программами, компьютерными играми, конструкторами и другими учебно-методическими пособиями.

Как показывает зарубежный опыт, наиболее эффективным механизмом активизации инновационной деятельности на рынке высоких технологий является создание технопарковой зоны. То, что сегодня реализуется в области технопарков в мировом масштабе, относится к первому или максимум ко второму поколению. Однако для этого необходимы большие помещения, целые здания со специальным оборудованием. Для этого требуются большие инвестиции.

Более эффективное решение этой проблемы возможно при создании технопарков третьего поколения в виде распределенных виртуальных технопарков. Основное назначение распределенной системы виртуального технопарка – информационное объединение многочисленных субъектов, занимающихся образовательной и научной деятельностью, т.е. создание «информационного подпространства образования, науки и высокотехнологического инновационного бизнеса». Это подпространство образуется как пересечение общего информационного пространства страны и глобального научного и образовательного информационного пространства.

Основные блоки виртуального технопарка на базе ВУЗа: 1) кластеры; 2) виртуальные лаборатории; 3) учебные центры и центры коллективного доступа; 4) научные и учебные лаборатории (Шункеева/Альмурзаева и др. 2015, 132). Технопарк и техническое оснащение учебного процесса – еще одна микросреда, которую необходимо проектировать для качественной подготовки молодых конкурентоспособных специалистов. Новое техническое знание непосредственно производится при рационализаторской, исследовательской, конструкторской деятельности профессионалов, постоянно занимающихся вопросами производства непосредственно на производствах, в профильных конструкторских структурах, отраслевых НИИ, технопарках и т.д. В учебные аудитории новейшее знание приходит с запаздыванием (Леохин 2011, 35).

Технопарк – это средство формирования системы обучения, информации и прикладных исследований, соответствующих направлениям научных исследований системы образования. Это и одно из условий социализации учащихся. В процессе практической деятельности учащиеся учатся познавать себя, свою значимость, свои неограниченный интерес и способности, тем самым стремятся создать вокруг себя позитивную обстановку, вовлечь в свой круг деятельности большую часть классного коллектива, реализоваться самому и содействовать для самореализации своих одноклассников. Главные средства привлечения – развитая инфраструктура (площади, связь, транспортные

артерии, доступность), направления, деятельности которых соответствуют целям технопарка. IT-технопарк является формой организации инновационной деятельности, направленной на обучение, развитие учащихся с использованием информационных технологий. Данная деятельность может осуществляться как самой общеобразовательной школой, так и методическими центрами, университетами – организациями и предприятиями, являющимися участниками технопарка. Компонентами рассматриваемой личностно-развивающей информационно-образовательной среды являются учебная микросреда – учебные дисциплины, курсы по выбору, электронные учебники, пособия; среда личностного саморазвития – проективная деятельность, интернет-классы, как условие индивидуальной траектории личностного развития будущего специалиста; технопарк и техническое оснащение учебного процесса.

Среда личностного саморазвития представляется проективной деятельностью преподавателей и обучающихся, интернет-классами, которые выступают как условие индивидуальной траектории личностного развития, творческой и рефлексивной деятельностью субъектов образования. Интернет-классы предоставляют возможность самостоятельного поиска образовательной информации, а также возможность размещения на собственных сайтах результатов своей деятельности, что является очень значимым для собственного самоутверждения и развития творческих способностей. Размещение ученических проектов в интернете предоставляет возможность получить внешнюю оценку собственной деятельности.

Используя интернет, ученик получает доступ к следующим средствам: электронной почте; научным и образовательным web-ресурсам; к электронным тестам по различным дисциплинам; к лабораторным дистанционным практикумам; тренажерам с удаленным доступом; к базе данных и знаний с удаленным доступом; к электронным библиотекам с удаленным доступом; к средствам обучения на основе геоинформационных систем; к форумам; различным системам общения в реальном времени.

Таким образом, интернет-классы являются одним из инструментов доступа учеников к открытым образовательным порталам и расширяют возможности в доступе к информационным ресурсам, включаясь в единое образовательное пространство и повышая тем самым качество образования.

1. Функционирование образовательно-информационного технопарка

В настоящее время заключен договор о выделении доменного пространства образовательного сайта между Аккемерским ресурсным центром и АО «Казахтелеком»; техник-информатик определил технические возможности

образовательно-информационного технопарка. Членами рабочей группы были разработаны Правила работы образовательно-информационного технопарка, его структура, управление, включающие три стороны учебного процесса: ученик – учитель – родитель (Правила <http://akkemir-rc.kz/>). Как в Аккемерском ресурсном центре, так и в магнитных школах были проведены родительские собрания с целью пропаганды и информационного просвещения о работе экспериментального исследования и включения всех участников педагогического процесса в работу образовательно-информационного технопарка. Работа сайта ведется на государственном и русском языках. Организационные работы по открытию образовательно-информационного технопарка продлятся до декабря 2015 года по причине того, что для его наполнения необходимы сведения, требующие определенного времени на фотографирование учеников и педагогов в формате jpg и размещение их на сайте, утвержденный рабочий учебный план на 2015–2016 учебный год, нагрузка преподавателей, сведения об учащихся, преподавателей.

Основными вкладками образовательно-информационного технопарка являются: 1) общая информация о Ресурсном центре; 2) сведения по участникам проекта; 3) преподаватели; 4) дневники учащихся; 5) сессия; 6) межсессионный период.

Каждому участнику данного проекта предоставлен индивидуальный ключ для входа в систему технопарка. Для родителей и учащихся разработано руководство по пользованию, где определены пошаговые действия работы в электронной системе: 1) запуск и начало работы с Системой; 2) дневник; 3) расписание; 4) оценки; 5) домашнее задание; 6) общение; 7) личная страница; 8) завершение системы.

Основными задачами образовательно-информационного технопарка Аккемерского ресурсного центра являются: 1) обеспечение еженедельного детального компьютерного анализа состояния учебной работы; 2) постоянная поддержка высокого уровня состязательности, соревнования между учащимися класса, между классными коллективами, между педагогами; 3) предоставление результатов анализа школьной администрации (сводная ведомость успеваемости в Интернете на школьном сайте), классным руководителям и учителям-предметникам (электронный журнал в Интернете на школьном сайте); 4) еженедельное информирование родителей об успехах ребенка, событиях школьной жизни и классных мероприятиях через электронный дневник ученика в интернете; 5) еженедельное размещение на страничке электронного дневника информации просветительского характера для родителей учащихся (советы врача, рекомендации школьного психолога, замечания и пожелания классного руководителя).

Образовательно-информационным технопарком охвачены магнитные школы – Елекская, Котибарская, Коктюбинская основные малокомплектные школы Мугалжарского района Актюбинской области.

С целью функционирования образовательно-информационного технопарка, а также выборе Аккемерского ресурсного центра как опорной школы в работе научного гранта, был разработан режим работы опорной базовой школы при Актюбинском региональном университете имени К. Жубанова (Shunkeyeva/Almurzayeva et al. 2015, 237).

Для этого была выполнена следующая работа.

1. Составлен договор о сотрудничестве между следующими организациями образования: Актюбинский областной научно-практический центр, Аккемерская средняя школа – ресурсный центр, Актюбинский городской отдел образования.

2. Определены классы – 8–9, так как в этот период определяется предметная направленность учащихся, также социальные и психологические аспекты адаптации учащихся с целью их перехода в старшее звено для обучения и проживания в интернате.

3. Разработка сайта – основа образовательно-информационного технопарка.

4. Определена опорная школа – Аккемерский ресурсный центр, магнитные школы и самостоятельные малокомплектные школы, расположенные на территории Мугалжарского района Актюбинской области.

5. Определен режим работы опорной базовой школы:

а) организационный: мобилизация средств ресурсного центра, привлечение средств заинтересованных организаций и лиц, привлечение к работе родителей;

б) обучения: формирование ИКТ-компетентности педагогического коллектива через организацию курсов обучения информационным технологиям, семинаров и практических занятий по освоению компьютерной техники. Организация профильного обучения по информатике и ИКТ учеников старшей школы, организация элективных курсов по информационным технологиям;

в) создания методической базы: накопление фонда электронных образовательных ресурсов на различных носителях (CD, DVD, видеотека, аудиотека, медиатека), как созданных учителями образовательного учреждения, так и заимствованных из других источников;

г) создания материально-технической базы: создание модели образовательно-информационного технопарка, организация и настройка автоматизированных рабочих мест в кабинетах, создание и усовершенствование единой локальной вычислительной сети на базе сервера Windows 2007, подключение компьютеров к сети интернет;

д) выход в интернет-пространство, технические и организационные решения по обеспечению данного этапа;

е) создания единой базы данных школы: заполнение базы (сведения о б учениках и их родителях, учителях и других работниках школы), апробация модели единого информационно-образовательного пространства школы, функционирующего и развивающегося на основе внедрения информационных технологий;

ж) развития и совершенствования: в связи с совершенствованием процессов в обществе, научно-техническим прогрессом, распространением новых идей в педагогических и смежных науках, появлением новых информационных технологий в настоящее время происходит дальнейшее развитие всех предыдущих этапов: 1) постоянное техническое усовершенствование единого информационного пространства школы (внедрение интерактивных досок, модернизация сервера, расширение локальной сети); 2) организация курсов повышения ИКТ-компетентности преподавателей, совершенствование элективных, сетевых курсов для обучающихся школ; 3) создание учебных курсов по различным предметам в виртуальном пространстве; 4) постоянное совершенствование и сопровождение образовательно-информационного технопарка и включение в работу сайта самостоятельных малокомплектных школ, функционирующих на территории Мугалжарского района; 5) введение вариативных уроков информатики в учебной программе с 5 класса, организация дистанционного обучения детей, находящихся на домашнем обучении, участие в международных, республиканских, региональных, муниципальных дистанционных конкурсах.

2. Технические возможности образовательно-информационного технопарка

Образовательно-информационный технопарк акцентирует внимание на электронные интерактивные учебники – совершенно новый объект и инфраструктурный компонент образовательного процесса. Кроме того, используются современные методы системной интеграции педагогических и информационных технологий в образовательных организациях; единые информационные среды (пространства) школ: образовательные ресурсы, порталы, электронный контент системы управления электронным обучением и обучением с использованием дистанционных технологий. Единая инфокоммуникационная среда позволит обеспечить защищенный доступ учащихся к информационным образовательным ресурсам. Активное внедрение и применение таких технологий, как электронный дневник, электронный

журнал, электронное портфолио учащегося и других; сервисы обеспечения преемственности сведений обучаемого; мультимедийные возможности и дидактическое качество электронных образовательных ресурсов (ЭОР), интерактивное взаимодействие учащихся и педагогических работников; использование средств ИКТ способствуют интерактивной визуализации учебного материала в системе непрерывного образования.

Образовательно-информационный технопарк функционирует в дистанционном режиме, включение самостоятельных малокомплектных школ в поле зрения Аккемерского ресурсного центра позволяет увеличить его полномочия в образовательном, развивающем и воспитывающем ракурсе.

Обязательным условием функционирования образовательно-информационного технопарка является его техническое сопровождение. В технические возможности входят предоставление доменного пространства АО «Казахтелекомом», разработка электронных вкладок, страниц, ссылок, наличие компьютерной техники, позволяющей функционировать сайту с поддержкой видеопрограмм. Уже существенная, но все же недостаточная скорость Интернета, отсутствие единых регуляторов, унифицированных требований и стандартов разработки информационных систем, систем электронного обучения и обучения с использованием дистанционных образовательных технологий, отсутствие конкурентной индустрии производства образовательных ресурсов и сервисов, отсутствие четких требований к ИКТ-компетенциям педагогических работников и учета этих требований при аттестации – все это формирует барьеры и препятствует дальнейшему использованию ИКТ в образовании, и в целом снижает эффективность ресурсных затрат по всем уровням образования. Технические возможности образовательно-информационного технопарка позволяют сделать доступным его пользователям (Тайлаков 2013, 768): 1) игровые образовательные ресурсы; 2) ресурсы для развития познавательной деятельности; 3) средства интерактивного взаимодействия, групповые интерактивные приложения и игры; 4) сервисы дополнительного образования; 5) сервисы по формированию индивидуальных траекторий; 6) специальные программы для детей с ограниченными возможностями здоровья; 7) сервисы и ресурсы электронного обучения и дистанционного образования; 8) ресурсы для познавательной деятельности, виртуальные лаборатории, тренажеры, эксперименты; 9) цифровой трехмерный, визуальный, интерактивный, мобильный образовательный контент и методики его применения; 10) ресурсы профессиональной ориентации и личностного самоопределения, связь с информационными системами рынка труда; 11) ресурсы поддержки домашней формы обучения и экстерната; 12) ресурсы поддержки углубленного изучения предметов и областей знаний; 13) ресурсы поддержки учебно-проектной и учебно-исследовательской, учебно-конструкторской деятельности, в том числе

на международном уровне; 14) ресурсы для отбора и работы с одаренными и талантливыми детьми; 15) ресурсы по международным, республиканским и областным олимпиадам; 16) сервисы поддержки проектов международного взаимодействия; 17) сервисы развития личности и способностей; 18) сервисы оценки качества образования; 19) сервисы международного сотрудничества; 20) ресурсы виртуальных экскурсий и приложения по виртуализации культурного наследия; 21) специальные программы для детей с ограниченными возможностями здоровья.

Ключевой составляющей развития образовательно-информационного технопарка является переход на использование электронного образовательного комплекса – это независимый от пользовательского устройства взаимоувязанный образовательный контент, включающий несколько электронных компонентов: учебник, методические материалы и рабочие тетради, проверочные задания, задачки и контрольные работы.

Интеграция сельских ресурсных центров и самостоятельных МКШ в единый образовательно-информационный технопарк (опорная базовая школа на базе вуза) является актуальной задачей современного образования. Обозначенная проблема носит комплексный характер, требующий всестороннего подхода к ее решению (Шункеева/Альмурзаева 2015, 3175-3179).

Заключение

Полнота решений поставленных задач по педагогическому исследованию позволила провести комплексную, системную исследовательскую работу. При реализации первой задачи нами были рассмотрены нормативно-правовые документы, отражающие деятельность малокомплектных школ, проанализирована психолого-педагогическая литература, отражающая организацию образовательного процесса в малокомплектной школе. Анализ деятельности малокомплектных школ и ресурсных центров, расположенных на территории Актюбинской области позволил выявить статистические данные, количественные и качественные показатели, влияющие на учебный процесс; также позволил определить базу исследования – Аккемерский ресурсный центр Мугалжарского района с прилегающими магнитными школами.

Результатом работы по реализации второй задачи исследования являлось организованное сотрудничество с ведущими специалистами системы образования, как по Казахстану, так и в странах СНГ, с целью изучения педагогического опыта МКШ с учёными дальнего зарубежья, а именно из Финляндии, Австрии и Германии. Вместе с тем психолого-педагогическая диагностика участников педагогического процесса показала достаточно

спокойный фон восприятия такой формы обучения, как сессионный и межсессионный периоды в течение учебного года.

При реализации третьей задачи были использованы технические, методические, организационные формы в процессе разработки и создания образовательно-информационного технопарка (опорной школы на базе вуза).

Систематизация полученных данных, согласно четвертой задаче, позволила определить результативность исследовательской группы посредством печатной продукции, пропаганды передового педагогического опыта, публикаций в рецензируемых журналах, участии в международных конференциях.

В ходе работы над поставленными задачами были разработаны рекомендации по конкретному использованию результатов научно-исследовательской работы:

1) для педагогов Аккемерского ресурсного центра – рассмотреть разные варианты и виды тренировочных упражнений по предметам, выдаваемые в межсессионный период с учетом индивидуальных особенностей учащихся; отработать механизм системного расположения заданий, содержание, принцип построения и форму индивидуальной рабочей тетради учащегося с последующим помещением на страницы образовательно-информационного технопарка;

2) для педагогов магнитных и самостоятельных малокомплектных школ – организовать систему профессиональной подготовки педагогов в направлении совершенствования их функциональной грамотности – читательской, математической, естественнонаучной. Это позволит организовать их тьюторскую деятельность в работе с учащимися по разной предметной направленности;

3) для участников рабочей группы исследования – продолжить работу по совершенствованию работы образовательно-информационного технопарка, как в техническом, так и в функциональном плане.

Технико-экономическую эффективность внедрения результатов научно-исследовательской работы позволит включить в работу образовательно-информационного технопарка все организации образования Мугалжарского района. При этом на второй план отходят вопросы транспортировки учащихся, их проживания в сессионный период, питания и т.д. При дальнейшем совершенствовании и проработки всех разделов технопарковой зоны учащиеся смогут заниматься углубленно учебными предметами, организовывать научные сообщества, обмениваться методами решения и т.д.

Работа, проведенная согласно намеченному плану, позволила сделать следующие выводы по результатам научно-исследовательской работы.

1. Преимущественной модернизационной системой сельского образования Актюбинской области являются как самостоятельно функционирующие

малокомплектные школы, так и открытые ресурсные центры и прилегающие к ним магнитные школы.

2. Радиус охвата ресурсным центром малокомплектных школ составляет 2–4 школы. Остальные же сельские школы с малым контингентом учащихся находятся на «самовывживании».

3. Информационно-образовательный технопарк является альтернативной системой обучения сельских школьников всех форм малокомплектных школ, дает большую возможность для получения качественного обучения.

4. Информационно-образовательный технопарк является средой профессионального развития преподавателя.

Результаты оценки научно-технического уровня выполненной научно-исследовательской работы в сравнении с лучшими достижениями в области образования позволили реализовать выбранные методы исследования, также ученый состав участников рабочей группы, их доли научного труда в работе над обозначенной проблемой.

Библиография

- Леохин, Ю. Л. (2011), Распределенный виртуальный технопарк – среда для развития университетской науки. В: Качество. Инновации. Образование. 11, 35–45.
- Об особенностях (2015), Об особенностях преподавания основ наук в общеобразовательных организациях Республики Казахстан в 2015–2016 учебном году: инструктивно-методическое письмо. Астана.
- SHUNKEEVA, O./ALMURZAYEVA, B. (2015), Functioning of basic school as effective way of socialization of rural schoolchildren. In: ICEEPSY on Education & Educational Psychology. Istambul, 237–245
- Правила функционирования информационно-образовательного сайта <<http://akkemir-rc.kz>>.
- Шункеева, О. А./Альмурзаева, Б. К. и др. (2015), Интеграция сельских ресурсных центров и самостоятельных МКШ в единый образовательно-информационный технопарк (опорная базовая школа на базе вуза). В: Вестник НАН РК. 3, 132–144.
- Шункеева, О. А./Альмурзаева, Б. К. (2015), Современная малокомплектная школа Казахстана – центр социокультурного развития и информационного пространства села. В: Фундаментальные исследования. 2/14, 3175–3179 [РИНЦ = 0,630].
- Тайлаков, У. Н. (2013), Единое информационно-образовательное пространство школы как фактор повышения качества образовательных процессов. В: Молодой ученый. 5, 768–772.
- Управление (2014), Управление качеством образования в условиях ресурсного центра: методическое пособие. Астана.

**RECENZJE, OMÓWIENIA,
SPRAWOZDANIA**

HENRYK STROŃSKI

Uniwersytet Warmińsko-Mazurski w Olsztynie

ZBRODNIA DOSKONAŁA, CZYLI LUDOBÓJSTWO POLAKÓW W ZSRR (artykuł recenzyjny)

Nikołaj Iwanow, *Zapomniane ludobójstwo. Polacy w państwie Stalina. Operacja polska 1937–1938*. Kraków 2014; 445 ss.

W bieżącym roku przypada 25-lecie rozpadu Związku Radzieckiego. Jak wiadomo, państwo bolszewickie od początku swego istnienia zakładało swoisty mesjanizm, projekt i zarazem alternatywę dla istniejącego porządku świata. Z góry przewidywano, że w pierwszym (i jedynym) w świecie państwie robotników i chłopów nie mogło być wyzysku, niesprawiedliwości społecznej, a w stosunkach pomiędzy władzą a społeczeństwem miała nastąpić prawdziwa harmonia. W ZSRR wszystko miało być wielkie – plany rozwoju, przeobrażenia gospodarcze i społeczne, solidarność i pomoc masom pracującym w świecie. W praktyce jednak mieliśmy do czynienia z wielkim głodem, wielkim terrorem, wielkimi czystkami, wielką wojną ojczyźnianą itd.

Szczególne zainteresowania wśród badaczy sowieckiej historii budzi represyjna praktyka bolszewickiego państwa wobec swoich własnych obywateli ze względu na rozmach, cele, sposoby realizacji. Terror w państwie sowieckim, o czym wiemy dzisiaj dostatecznie dużo, trwał aż do śmierci sowieckiego dyktatora Józefa Stalina prawie permanentnie. Przemoc ze strony bolszewickich organów bezpieczeństwa wobec własnych obywateli stała się zarówno narzędziem w zarządzaniu państwowym, warunkiem utrzymania władzy, jak i przeprowadzenia głębokich zmian gospodarczych i społecznych.

Represje w sposób bezpośredni były skierowane przeciwko wszystkim grupom społecznym, narodowościowym i spowodowały wielomilionowe ofiary. Oczywiście jest, że podobne zachowania władzy komunistycznej w żaden sposób nie mogą być usprawiedliwione i zasługują na bezwzględny osąd, tym bardziej że w krajach postsowieckich w dalece niewystarczający sposób dokonano dekomunizacji życia społecznego. Bez tego, jak pokazuje praktyka, nie można przeprowadzić nie tylko rozliczeń z przeszłością, lecz także – co ważne – realizować efektywnych reform transformacyjnych w różnych dziedzinach życia. Swojej Norymbergi, niestety, komunizm się nie doczekał. Jak na razie dzisiejsze pokolenia ujawniają i demaskują zbrodnicze czyny swoich poprzedników, korzystając z możliwości dotarcia do odpowiednich materiałów archiwalnych.

* * *

Naukowiec Nikołaj Iwanow przybył do Polski z sowieckiej Białorusi i na stałe mieszka w Polsce od połowy lat 80. ubiegłego wieku. Dość szybko zdobył rozgłos i uznanie dzięki wydanej książce *Pierwszy naród ukarany. Polacy w Związku Radzieckim 1921–1939* (1991). Wymieniona monografia odkryła zupełnie nieznane karty losów ludności polskiej w ZSRR i zapoczątkowała nowy kierunek badań w historiografii nie tylko polskiej, lecz także zagranicznej. Trzeba zaznaczyć, że na tę książkę do dzisiaj powołują się wszyscy badacze zajmujący się historią sowieckiego totalitaryzmu i stalinizmu, w tym szczególnie, co jest zrozumiałe, piszący o Polakach na Wschodzie.

Nową książkę Iwanowa *Zapomniane ludobójstwo* można uznać za kontynuację *Pierwszego narodu ukaranego*, ponieważ większa jej część została poświęcona losom ludności polskiej w ZSRR w latach 30. Jest to zrozumiałe, gdyż od czasu ukazania się pierwszej monografii minęło sporo czasu. Wielu rzeczy w czasie pisania swojej książki Autor jedynie mógł się tylko domyślać z powodu braku informacji. W związku z upadkiem komunizmu w Polsce i rozpadem Związku Sowieckiego kardynalnie zmieniły się warunki społeczno-polityczne i badacze nareszcie mieli możliwość wypełnić biały plamy historycznej przeszłości. Pojawiło się sporo analitycznych prac historyków, politologów, filozofów i in. poświęconych badaniom istoty sowieckiego totalitaryzmu, w tym stalinowskich represji. Ujawniono sporo dokumentów dotyczących antypolskich represji w Kraju Rad, pojawiło się wiele poważnych publikacji na ten temat. Można więc zrozumieć intencje naukowe Iwanowa, który kontynuuje ten temat, ale z wykorzystaniem nowych możliwości badawczych. Obie książki dopełniają się i stanowią nierozdzielalną całość. Przy tym warto odnotować, że – mimo upływu 25 lat od czasu ukazania się pierwszej publikacji – zachowały swoją aktualność wypowiedziane w niej założenia i wnioski. Dlatego zrozumiała i uzasadniona jest ich powtórka w nowej książce Autora.

Wydaje się, iż istotne było zachowanie pewnej proporcji pomiędzy starym a nowym materiałem. Autor generalnie uporał się z tym problemem bez odsyłania czytelnika do swojej wcześniejszej publikacji. Temu służy umieszczenie po głównym tekście jako załączników opracowanych materiałów dotyczących przeglądu piśmiennictwa, kontrowersji wobec liczby Polaków w Rosji czy działalności Politbiura. Iwanow w swojej nowej monografii zostaje wiernym kontynuatorem wyartykułowanych (przeważnie przez siebie) wcześniej najważniejszych pojęć i stwierdzeń, np. „polonijny eksperyment”, „polska autonomia socjalistyczna”, „pierwszy naród ukarany”, „polska kultura proletariacka”. Nie spotkano w tekście nowej książki weryfikacji wcześniejszych ustaleń, stwierdzeń i ocen. Co więcej, Autor zostaje nie tylko wierny sobie, lecz także w sposób konsekwentny broni dawnych tez. Może tylko z jednym wyjątkiem, co też jest zrozumiałe, ujawnione w nowych warunkach społeczno-politycznych informacje na temat wielkości i skutków antypolskich represji w Związku Sowieckim w drugiej połowie lat 30. nie mogą nie przewyższać

wcześniejszych wiadomości czy nawet podejrzeń. Liczba ofiar antypolskich represji, sposoby ich przeprowadzenia nie mogą nie wywoływać dzisiaj przerażenia. I te dane stały się głównym zagadnieniem badawczym w nowej książce Iwanowa.

Jeśli chodzi o źródła, Autor przeważnie wykorzystał nowe materiały z rosyjskich, białoruskich i innych archiwów. Przede wszystkim jednak korzystał z edycji rosyjskich prac źródłowych, dotyczących działalności Łubianki, gdyż zostało opublikowanych wiele dokumentów, pochodzących z odtajnionych dawnych sowieckich archiwów nie tylko NKWD, lecz także Politbiura, gdzie – jak wiadomo – zapadały najważniejsze decyzje natury politycznej. Iwanow wykorzystuje dokumenty dotyczące represyjnej działalności organów bezpieczeństwa, w tym, co ważne, operacji polskiej, również opublikowane na Ukrainie.

Wiele tematów w swojej nowej pracy Iwanow uzupełnił i znacznie je poszerzył. Do takich bez wątpienia należą: polityka II RP wobec Polaków w ZSRR i działalność wywiadowcza w Kraju Rad, przyczyny antypolskich represji i szerzenie polonofobii, represyjne mechanizmy i technologie stalinowskich organów bezpieczeństwa. Ciekawie prezentuje się prześledzenie przez Autora aktywnej roli samego Stalina w kwestii polskiej i represjach wobec Polaków w ZSRR. Stawiane przy tym przez Autora tezy i wnioski w pełni są uzasadnione.

Pojęcie „operacja polska” Autor słusznie rozciąga w ramach czasowych, opisując całokształt stosunku bolszewickiego państwa („państwo Stalina”) wobec mieszkających w nim Polaków. Oczywiście, że centralne miejsce przy tym zajmują lata wielkiego terroru (1937–1938), kiedy właśnie miała miejsce „operacja polska”, będąca apogeum antypolskich represji w ZSRR. Bez wątpienia zjawisko to w pełni zasługuje na określenie „ludobójstwo”, co zaznacza w swojej pracy Iwanow, np. w jednym miejscu tekstu używa określenia „graniczące z ludobójstwem represje wobec Polaków sowieckich” (Iwanow 2014, 175), zaś w innym – „nie inaczej niż l u d o b ó j s t w o” (ibidem, 393; podkreśl. – H. S.). Potwierdzają to także tytuły: omawianej książki oraz ostatniego rozdziału *Pięć przyczyn ludobójstwa*. Można zgodzić się ze stanowiskiem Autora na temat przyczyn zjawiska wyjątkowego pod wieloma względami represyjnego potraktowania ludności polskiej w ZSRR.

Tragedia Polaków w ZSRR ukazywana jest na tle represyjnych działań państwa bolszewickiego przeciwko swoim obywatelom. Autor praktycznie uwzględnił wszystkie ważne miejsca większych skupisk Polaków w Kraju Rad – Ukrainę, Białoruś, Moskwę, Leningrad, Kamenskoje, Ural, Syberię, a także pokazał rozmach represji i ich specyfikę w takich środowiskach jak kolej, Armia Czerwona, Międzynarodówka Komunistyczna, KPP, NKWD.

Należy odnotować staranne podejście Autora do statystyk osób represjonowanych. W pracy wspomniano o wszystkich informacjach podanych w literaturze przedmiotu, wobec których zastosowano uzupełnienia i podejście krytyczne. W rezultacie tego powstało osobiste przypuszczenie Autora, że liczba represjonowanych Polaków podczas przeprowadzenia operacji polskiej sięga 200 tys. osób.

Zaznaczmy, że uwzględniono w tym, poza oficjalnie skazanymi na śmierć poprzez wyroki (111 099), także i zakatowanych w więzieniach, lagrach, zmarłych w akcjach deportacyjnych. Jednocześnie podana przez Iwanowa liczba ofiar jest nieco mniejsza od tej, którą możemy spotkać u innych polskich autorów (np. T. Sommera), ale większa niż podają badacze moskiewscy czy ukraińscy (np. Нікольський 2003, 91).

Najwięcej miejsca w książce poświęcono Białorusi i Ukrainie. Jest to zrozumiałe, gdyż losy ludności polskiej są szczególnie bliskie i znane Autorowi. Na Ukrainie mieszkało najwięcej Polaków, wobec których władza stalinowska ze względu na ich zachowanie i sytuację przygraniczną stosowała szczególnie ostre represje, prowadzone na szeroką skalę: szykanowanie, zwolnienia z pracy, zamykanie kościołów, rozprawy z udziałem księży oraz wiernych, zsyłki, deportacje, morzenie głodem, więzienia i rozstrzeliwania. Do każdego z wymienionych kierunków represji Autor dołącza liczbowe statystyki, odpowiednie źródłowe ilustracje czy wyraża swoje słuszne przypuszczenia.

W centrum uwagi Autora znajduje się znany rozkaz szefa NKWD N. Jeżowa nr 00485 z 11 sierpnia 1937 r., który zapoczątkował na szeroka skalę antypolskie represje w latach wielkiego terroru. Iwanow udowodnił, że operacja polska wyróżniała się pod wieloma względami (rozmachem, czasem trwania, liczbą ofiar) spośród innych operacji narodowościowych. Wartością książki jest pokazanie „polskich śladów” i w innych akcjach represyjnych stalinowskich służb bezpieczeństwa w omawianym czasie, w tym np. „operacji kułackiej” czy głośniejszych publicznych procesach moskiewskich. Autor starannie przeanalizował sposoby przeprowadzenia represyjnych działań stalinowskich organów bezpieczeństwa, jak „dwójki”, „trójki”, „albumy” i in. Warto odnotować, że akurat te aspekty są często pomijane lub błędnie podawane w literaturze przedmiotu. Iwanow nie zrezygnował z możliwości pokazania bezprawia w stosowanych czynach enkawudzystów, a także z ich alogiczności, absurdałności, graniczących często z psychozą.

Praca napisana została zrozumiałym językiem. Temu bez wątpienia sprzyja używanie przez Autora stylu, który można określić jako „nowelistyczny” – opisywane są losy ludzi czy wydarzenia, które są podstawą szerszych procesów i tendencji (np. los marszałka Konstantego Rokossowskiego, żony i dzieci ofiar itd.).

W publikacji zdarzają się jednak różnego rodzaju błędy merytoryczne, pomyłkowe i niefortunne stwierdzenia czy lapsusy. Nieporozumienie wywołuje odsyłanie czytelnika do zasobów dokumentalnych Centralnego Państwowego Archiwum Organizacji Społecznych w Kijowie, a konkretnie powoływanie się na zespół 413 (Centralna Komisja Mniejszości Narodowych przy Wszechukraińskim Centralnym Komitecie Wykonawczym). Rzecz w tym, że omawiany zespół w podanym archiwum po prostu nie istnieje. Jest on natomiast w innym kijowskim archiwum, a mianowicie – Centralnym Państwowym Archiwum Wyższych Organów Władzy. W publikacjach tej rangi takie błędy są niedopuszczalne. Innym błędem jest podanie, że na Marchlewszczyźnie działały cztery przedsiębiorstwa jako huty szkła,

w rzeczywistości jednak wśród nich były dwie huty szkła (Marjanówka, Bykówka) i dwie fabryki porcelany (Marchlewsk, Kamienny Bród). Niepoprawnie podano także liczbę pracowników w nich (Iwanow 2014, 76–77) oraz liczbę szkół polskich na Ukrainie (ibidem, 99). W obu przypadkach wymienione liczby są zdecydowanie przesadzone. W ślad za niektórymi autorami ukraińskimi w pracy podano, że szef ukraińskiego NKWD Wsiewołod Balickij był Polakiem, co nie odpowiada rzeczywistości (ibidem, 297). Zbytńo przeceniono, naszym zdaniem, rolę jednego z kierowników stalinowskich organów bezpieczeństwa Polaka Stanisława Regensa w rozpętaniu antypolskich represji i sięganie do prowokacji z POW. Regens tylko na krótko (od lipca 1931 do lutego 1933 r.) był kierownikiem OGPU na Ukrainie. W rzeczywistości za głównego sprawcę antypolskich działań uważa się jego poprzednika i następcę na tym stanowisku Rosjanina W. Balickija. Nieporozumienie budzi również stwierdzenie, że w okresie międzywojennym do ZSRR za chlebem z Polski przybyło 100 tys. osób (ibidem, 267). Owszem do Kraju Rad przedstawiali się (ale nie na tak dużą skalę) przeważnie emigranci polityczni o orientacji komunistycznej, moskwofile narodowości ukraińskiej, białoruskiej czy żydowskiej. Na przełomie lat 20. i 30. mamy do czynienia z procesami odwrotnymi – szerzenie się nastrojów emigracyjnych, ucieczki ludzi przez zieloną granicę do Polski z powodu głodu i nieznośnych warunków życia, natomiast z powodów czysto zarobkowych napływ Polaków na wschód Imperium Rosyjskiego miał miejsce w czasach przedrewolucyjnych. Setki tysięcy Polaków przedostały się w głąb Rosji jako uciekinierzy w latach I wojny światowej (Korzeniowski/Mądzik/Tarasiuk 2007). Za niefortunne należy uznać mówienie o Polskim Komitecie Wykonawczym na Rusi (Polski Komitet Rusi) jako o „jedynej antysowieckiej organizacji w ZSRR w latach 20.” (Iwanow 2014, 227). PKW na Rusi, skupiający liczne społeczno-polityczne organizacje i towarzystwa, istniał na Ukrainie tylko w latach rewolucji 1917–1920. Potwierdzenia nie mają stwierdzenia o rzekomym powiązaniu czołowego polskiego komunistycznego działacza na Ukrainie Bolesława (w kilku miejscach mylnie podano go jako Bronisława) Skarbka ze stojącym na czele tzw. prawej opozycji w partii bolszewickiej Mikołaja Bucharina (ibidem, 243). Budzi zastrzeżenia używany dosyć często termin „dalsze kresy” (ziemie wschodnie I RP), co ma raczej wydźwięk publicystyczny, a nie naukowy. Niestety, nie unikniono i innych pomyłkowych stwierdzeń: i tak nazwę *Piotrogród* zmieniono na *Leningrad* nie w 1928 r., jak podaje Autor (ibidem, 86), lecz wcześniej – tuż po śmierci Lenina, 26 stycznia 1924 r.

Warto zauważyć, że Autor wykorzystuje, szczególnie w rozdziale pierwszym, przeważnie starą bazę źródłową, znaną nam z *Pierwszego narodu ukaranego*. Jeśli chodzi o nowe opracowania zarówno polskich, jak i zagranicznych autorów, Iwanow przeważnie powołuje się na publikacje rosyjskich badaczy, natomiast w ostatnich latach, szczególnie na Ukrainie, ukazało się niemało publikacji źródłowych, opracowań na temat polskiej mniejszości narodowej, w tym i wielkiego terroru (ibidem). Wiele cennych publikacji na temat stalinizmu wyszło spod pióra zachodnich autorów,

por. opracowanie Viktora Donninghausa (Дённингхаус 2011), tylko o niektórych z nich znajdujemy wzmianki w pracy Iwanowa (np. Terrym Martinie, Timothy Snyderze). W książce zabrakło kilku nowych i wartościowych publikacji polskich autorów na temat sytuacji ludności polskiej w Rosji (Chwalba 1991; Korzeniowski/Mądzik/Tarasiuk 2009). Odwoływanie się niejednokrotnie do klasycznej, ale wydanej dawno temu pracy autorstwa Zygmunta Łukawskiego bynajmniej nie wyczerpuje tematu. Poza tym w recenzowanej książce wykorzystano rysunki karykaturalne pochodzące z prasy sowieckiej, które Autor zamieścił już w swojej poprzedniej publikacji.

Wymienione uwagi krytyczne nie wpływają w sposób istotny na wartość książki Iwanowa. W tak obszernej rozprawie naukowej mogą zdarzyć się pomyłki i niedociągnięcia. Wydaje się jednak, że jedną z ich przyczyn mógł być brak recenzenta wydawniczego.

Bibliografia

- CHWALBA, A. (1999), Polacy na służbie Moskali. Warszawa / Kraków.
DÖNNINGHAUS, V. [Дённингхаус, В.] (2011), В тени «Большого брата». Западные национальные меньшинства в СССР. 1917–1938 гг. Москва.
IWANOW, M. (1991), Pierwszy naród ukarany. Polacy w Związku Radzieckim 1921–1939. Warszawa / Wrocław.
IWANOW, N. (2014), Zapomniane ludobójstwo. Polacy w państwie Stalina. Operacja polska 1937–1938. Kraków.
KORZENIOWSKI, M./MĄDZIK, M./TARASIUK, D. (2009), Tułaczy los. Uchodźcy polscy w imperium rosyjskim w latach pierwszej wojny światowej. Lublin.
НИКОЛЬСКИЙ, В. [Нікольський, В.] (2003), Репресивна діяльність органів державної безпеки СРСР в Україні (кінець 1920-х – 1950-ті рр.): Історико-статистичне дослідження. Донецьк.

ЛЮДМИЛА САФРОНОВА / АИДА НУРБАЕВА
КазНПУ имени Абая

ПОВЕСТВОВАНИЕ И НАУКА О РАЗУМЕ. STORYTELLING AND THE SCIENCES OF MIND

David Herman, *Storytelling and The Sciences of mind*. London: The MIT Press Cambridge, Massachusetts 2013; 429 p.

Когнитивная лингвистика, возникнув в западной филологии около пятидесяти лет назад в трудах Дж. Лакоффа, М. Джонсона, Р. Лангакера, Ф. Унгера, Х. Шмидта и др., уже прочно вошла в языковедческий арсенал многих

стран мира, до сих пор удерживая здесь передовые позиции в ряду других новейших методологий. В то же время в современной филологии отмечается недостаточное внимание ученых-когнитивистов к литературоведению, причем не только в постсоветской науке, где эта область только начала разрабатываться в последние 5-10 лет, но и в странах Европы и США.

В междисциплинарном аспекте изучают когнитивную поэтику западные ученые Р. Цур, П. Сткоуэлл, А. Киклевич, М. Грабовска и др. В постсоветской науке когнитивное литературоведение представлено пока разрозненными публикациями (А. Камалова, Д. Ахапкин, Л. О. Бутакова, И. А. Тарасова, Е. В. Лозинская, Л. В. Витковская, К. Г. Иштоян, Д. Барышникова, Д. С. Урусиков, Л. В. Сафронова и др.).

Еще в меньшей степени изучены узкие области когнитивного литературоведения, такие как когнитивная нарратология. Даже в стремительном развитии западной нарратологии нет еще скоординированной программы ее связи с когнитивной наукой (существуют только отдельные исследования в англоязычной филологии Д. Хермана, М. Фриман, П. Свирски и др.). Монография Хермана «Повествование и наука о разуме» сфокусированное на литературоведческом аспекте исследования когнитивной поэтики в аспекте нарратологии, это еще одна попытка заполнить данную литературоведческую лакуну.

Херман, профессор кафедры гуманитарных наук и искусств Университета Огайо, автор известной монографии «Основные элементы нарратива» («Basic Elements of Narrative») и других книг, прицельно изучающий нарратологию в контексте когнитивистики, отмечает наличие устоявшихся связей между различными дисциплинами, объединенными с изучением нарратива, и приводимый им междисциплинарный список чрезвычайно широк: это когнитивная лингвистика, прагматика, дискурсивный анализ, нарратология, теория коммуникации, антропология, стилистика, когнитивная, эволюционная и социальная психология, теория литературы и риторика, философия, этология и др.

В последней книге Хермана «Повествование и наука о разуме» предпринято трансдисциплинарное исследование повествования, не только имеющее целью интерпретацию текста, но также являющееся и средством для того, чтобы понять сам опыт поведения человека, зафиксированный в произведении. В этой монографии Херман предлагает перекрестный анализ, соединяющий изучение нарратива с исследованиями в области интеллектуального поведения. Это «перекрестное опыление», междисциплинарный анализ текста, не является простым импортированием идей из науки о мышлении и мозге в нарратологию. Напротив, это попытка найти естественные точки соприкосновения между методикой нарративных исследований и когнитивистикой. Херман считает, что современные ученые-нарратологи должны стремиться выйти за пределы только

адаптации идей, инкубированных в других областях, не просто переводить термины и понятия из одной дисциплины в другую, а скорее способствовать трансдисциплинарной конвергенции задач нарратологии и когнитивистики.

Основной фокус данного исследования – это взаимодействие человека и среды на уровне объяснения нейронной активности в мозге, механизмов обработки информации и т. п. Однако в отличие от ряда исследований (например: Hogan 2007; Young/Saver 2001; Закс/Magliano 2011), которые апеллировали к нейробиологии и постулировали изучение взаимосвязей между аспектами производства или обработки повествования, с одной стороны, и конкретными структурами и процессами в головном мозге, с другой стороны, подход Хермана основывается на исследовании повседневного опыта в создании нарратива.

Автор сосредотачивается на двух вопросах: как люди понимают литературные истории и как люди используют литературные тексты, чтобы понять мир? Исследуя художественное повествование различных исторических периодов, представленных через большой спектр литературных и медийных жанров, Херман показывает, как нарративная методика анализа текста может помочь сформулировать и сформировать способы исследования интеллектуальной деятельности, и наоборот, когнитивистика может повлиять на ход нарративного анализа, углубить понимание художественного текста и объяснить ранее необъяснимые его параметры.

Например, процесс «рассказывания историй» дает основание для регистрации и осмысления намерений, целей, эмоций и действий, которые возникают при переговорах «интеллектуальных агентов» (автора и читателя). Другими словами, процесс строительства повествовательной истории всегда обнаруживает и процесс приписывания неких причин действиям участников коммуникации, который и является первостепенным при «столкновении умов» и интересов людей.

Таким образом, Херман рассматривает рассказываемые истории с точки зрения цели их интерпретации. В больших социо-интерактивных средах функционируют разного рода текстовые подсказки, побуждающие к выводам о пространственно-временном профиле повествуемых миров, о перспективах трансформации и развития структуры, организующей повествуемые события, о способах представления речи, воздействующих на понимание событий «переводчиками» (реципиентами), восходящих к большим текстовым шаблонам, связанным с изображением действий архетипических персонажей.

Анализируя исследования, посвященные психоаналитической практике интерпретации сюжетных основ, Херман пишет и о нарративной терапии, в ходе которой клиенты (реципиенты) и терапевты (создатели текстов) работают вместе, чтобы создавать новые, более позитивные, улучшающие жизнь людей истории о себе и о других. Регистрация процесса мышления при

создании неких сюжетных ситуаций помогает реципиентам при интерпретации событий окружающей среды и объясняет функциональность тех или иных действий, в том числе и собственных.

Херман также пытается понять, каким образом и вымышленные, и не выдуманные истории стимулируют интеллектуальную активность реципиентов. В частности, игра, например, и симуляция вымышленного опыта в более общем плане являются тренировкой повышения адаптации человека в социуме.

Автор монографии старается оценить значение исторических событий, расшифровывая перенастройку причинной связи в их описании. Он пытается понять, как повествования о публичной жизни тех или иных исторических персонажей отражают лабораторию их личной и семейной биографии.

В монографии ставится целый ряд важных вопросов. Например, вопрос о том, что является причиной непреходящей власти, которой некоторые *storyworlds*, кажется, обладают? Другими словами, почему некоторые повествования подвергаются многочисленным адаптациям и пересказам, тогда как в иных случаях *storyworld*, вымышленные или нет, всегда остаются связанными с конкретным текстом, с которым они и были связаны изначально? Каковы причины приписывания тексту в его интерпретационных версиях определенных коммуникативных намерений? Какие виды повествовательного опыта предоставлены теми или иными жанрами? С помощью каких средств и приемов происходит эта «настройка вещания»?

В первую очередь «перенастройка вещания» совершается через впечатление непосредственности повествования, укрепление чувства, что опасно неразрешимые события вполне могут перекинуться и «оккупировать» районы, где находятся «слушатели». Обычно герой-рассказчик (реинтерпретатор) пересказывает события с позиции, которая каким-то образом является пространственно и темпорально близкой для реципиентов. В книге Хермана предполагается, что повествование создает оптимальную среду для реалистичного ощущения событийности, позволяя событиям согласовываться с намерениями, желаниями и опытом лиц, которые их воспринимают и интерпретируют.

Например, структура вещания СМИ нередко инициирует процесс, когда мозаика из местных историй (войны социолектов, по Р. Барту) дает в итоге более глобальный взгляд на разворачивающиеся события, подобно, например, набору конкурирующих нарративов в зале суда, политической кампании или семейному спору, которые «спекулируют на определенной озабоченности реципиентов».

Ключевой вопрос для исследования ментального процесса повествования, по Херману, состоит в том, как определить общие атрибуты историй с подобной трансмедиальной генеративностью. Среди атрибутов лидирует простота (и, следовательно, рециркулируемость) шаблона, по которому строится

повествование. Существуют много широко адаптированных и исторически реабилитированных нарративов, имеющих суперпростую конструкцию, «заземляющих» универсальные детали сюжета в новых географических и культурных контекстах, привлекательных для местной аудитории. Обсуждает Херман также пределы и потенциал повествования в провоцировании эмоциональных решений реципиентов путем привлечения контекстов, которые находятся вне области наррации.

Одной из центральных проблем монографии становится и изучение функций многоканальности повествования.

Когда в середине 1960-х годов нарратология была основана как научное направление, теоретики-структуралисты не смогли прийти к соглашению по поводу вопроса о референциальном потенциале создания историй (мирового их интертекста) и вопроса о специфике повествования, практических способах повествования историй, которые могут быть сформированы определенными выразительными возможностями их окружения (прежде всего медиасредой). Когнитивная нарратология существенно дополнила эти модели понятиями и методами, которые были недоступны для теоретиков раннего периода развития нарратологии, таких как Р. Барт, Ж. Женетт, А. Греймас и Ц. Тодоров. Сейчас их концепции существенно пополнились за счет пересечения между нарратологией и когнитивными науками, пишет Херман.

Пролить свет на эти вопросы позволяет изучение возможностей триангуляции – взаимодействия между аспектами повествовательной структуры литературного текста (и мировой истории, лежащей в его основе), атрибутами повествования в рекламе и СМИ и интеллектуальными диспозициями реципиента, которые делают повествование вообще возможным. Следовательно, именно исследования в аспекте когнитивных наук могут объяснить то, как происходит процесс трансформации повествования в различных семиотических форматах: в частности, как используется пратекст для производства базовых для мирового сообщества, универсальных историй, «переведенных» на язык медиа.

Например, исследование разных традиций повествования может осветить, какие ограничения существуют в представлениях реципиентов в разных медиасредах (читателей, зрителей и слушателей). В монографии Хермана основное внимание уделяется процессу текстуального строительства, которое разворачивается в вербальных и визуальных образах, а также функции использования различных текстуальных подсказок, определяющих текстостроительство мировой истории (это конфигурация пространства-времени, онтология событий, модель архетипических героев, вместе с их свойствами и отношениями в данной модели мира).

Мировые истории разворачиваются по-разному не только в разных жанрах (например, в системе вымышленных и невымышленных повествований). Более

того, атрибуты конкретного рекламного повествования посягают на изменение мировых текстов и мира вообще. Это прежде всего касается рекламных и художественных текстов, которые используют более одного семиотического канала влияния на контрагентов (реципиентов), события и обстоятельства в «рассказываемых» ими мирах. Некая базовая мировая история рисуется рекламистами одновременно в нескольких семиотических средах (разговорной, письменной; на языке пантомимы, фотографии, движущихся изображений и др.)

В этом отношении прежде всего жанр рекламной притчи будет являться пересечением вымышленного и реального миров, понятным, однако, людям любых национальностей, так как он затрагивает архетипические для всех духовные и моральные ценности (например, семейные). Истории столкновений таких модельных миров подробно исследует Херман и в других своих работах.

В отличие от классической, структуралистской нарратологии, трансмедиальная нарратология Хермана оспаривает мнение, что фабула или определенный уровень повествования истории (= то, *что* рассказывается) остается полностью инвариантными при «сдвигах среды» (= аспектах, как это *что* представлено). Тем не менее, трансмедиальная нарратология также предполагает, что в истории действительно есть универсальная логика, которая может быть реабилитирована более или менее полно и узнаваемо в зависимости от семиотических свойств среды – исходной среды или среды, в которой пребывает данная целевая аудитория.

Именно в медиальной сфере и раскрываются возможности для того, чтобы наметить ряд стратегий для триангуляции базовых мировых историй, СМИ и когнитивных возможностей человеческого мозга. И именно в трансмедиальной нарратологии возможно исследовать умственные способности и склонности, которые выражаются в повествовательном опыте поколений и наций и позволяют создавать или воспроизводить мировые истории в разных жанрах средств массовой информации по сегодняшний день.

Например, в терминологии Хермана, *exophoric* – стратегия, которая относится к особенностям среды, в которой проходит коммуникативное взаимодействие данной мировой истории; *endophoric* – стратегия, которая влечет за собой повествовательное построение, в более или менее подробной форме представляющее психическую модель рассказываемой ситуации, как бы без «контекстуального якоря». Отношения, схематизированные в этих стратегиях, показывают, как логика истории может быть сформулирована в самых основных семасиологических мультимодальных системах выражения.

Так, считает Херман, такое мономодальное повествование как печатный текст обычно берется из одного семиотического канала (например, печатного издания, комментария к языку жестов, комментария к изображению, записи аудиотекста и др.), который закрепляется за определенный мировой историей.

Например, напечатанный художественный текст может сделать неактуальным его опорный мир (реальность), ссылаясь на предшествующие мировые истории, которым воспринимающее сознание должны искать онтологическое разъяснение.

Таким образом, первая часть книги Хермана содержит концептуальные основы исследования в целом. Вторая и третья части реализуют теоретические выкладки ученого в практическом анализе литературных и медиа-текстов – стихотворений, рекламных роликов, комиксов и др. жанров. И обе эти части обосновывают необходимость более открытого, взаимного диалога между нарратологами и исследователями, работающими в области естественных наук.

Как сокрушается в своем предисловии Херман, один из рецензентов раскритиковал его книгу на том основании, что она содержит «жаргонные выражения». Однако тот, кто пытается объяснить студентам сложные нарратологические понятия, будет только благодарен ученому за большое количество примеров и попытку сделать научный язык более доступным и метафорическим.

PAWEŁ PIETNOCZKA

Uniwersytet Warmińsko-Mazurski w Olsztynie

Międzynarodowa konferencja naukowa „25 lat niepodległości Ukrainy – próba bilansu”; Olsztyn, 6–7 października 2016 roku

W dniu 24 sierpnia 1991 roku ukraiński parlament uchwalił „Akt ogłoszenia niepodległości Ukrainy”, zaś 1 grudnia 1991 r. odbyło się referendum ogólnokrajowe, podczas którego Ukraińcy udzielili zdecydowanego poparcia niepodległości państwa ukraińskiego. Ćwierćwiecze niepodległości Ukrainy stało się okazją do podjęcia próby oceny procesów społeczno-politycznych zachodzących nad Dnieprem, do wskazania osiągnięć i niepowodzeń ukraińskich elit politycznych w obszarze polityki wewnętrznej i zagranicznej. W tym celu z inicjatywy Instytutu Historii i Stosunków Międzynarodowych Uniwersytetu Warmińsko-Mazurskiego oraz Instytutu Państwa i Prawa im. W. M. Koreckiego Narodowej Akademii Nauk Ukrainy została zorganizowana Międzynarodowa Konferencja Naukowa „25 lat niepodległości Ukrainy – próba bilansu”, która odbyła się w dniach 6–7 października 2016 roku na Wydziale Humanistycznym Uniwersytetu Warmińsko-Mazurskiego w Olsztynie. Wzięło w niej udział dwudziestu naukowców – politologów, prawników i historyków

z Polski, Ukrainy oraz ze Słowacji, reprezentujących środowiska naukowe Olsztyna, Krakowa, Poznania, Białegostoku, Torunia, Kijowa, Lwowa, Tarnopola i Bratysławy. Należy odnotować, iż na konferencję przyjechała liczna delegacja z Narodowej Akademii Nauk Ukrainy (Kijów) na czele z prof. Ihorem Usenką i prof. Wołodymyrem Horbatenką.

Sesję inauguracyjną konferencji rozpoczęły przemówienia skierowane do jej uczestników, a wygłoszone przez dziekana Wydziału Humanistycznego UWM w Olsztynie prof. Andrzeja Szmyta, dyrektora Instytutu Historii i Stosunków Międzynarodowych UWM w Olsztynie prof. Jana Gancewskiego, kierownika Wydziału Badań Historyczno-Prawnych Instytutu Państwa i Prawa W. M. Koreckiego Narodowej Akademii Nauk Ukrainy prof. Ihora Usenkę oraz kierownika Zakładu Stosunków Międzynarodowych Instytutu Historii i Stosunków Międzynarodowych UWM w Olsztynie prof. Henryka Strońskiego. W części inauguracyjnej zostały wygłoszone cztery referaty. Dwa pierwsze były poświęcone polityce zagranicznej Ukrainy. Prof. Eugeniusz Mironowicz z Uniwersytetu w Białymstoku w swoim wystąpieniu skoncentrował się na przyczynach niepowodzeń polityki prowadzonej przez post-pomarańczowe elity w zakresie integracji Ukrainy z Zachodem, zaś prof. Henryk Stroński z UWM w Olsztynie dokonał pewnego podsumowania 25 lat państwa ukraińskiego na arenie międzynarodowej, wskazując na sukcesy i niepowodzenia polityki zagranicznej Ukrainy prowadzonej w okresie niepodległości. Kolejne dwa referaty zostały poświęcone sytuacji wewnętrznej Ukrainy. Dr hab. Antonina Kozyska z UMK w Toruniu przybliżyła proces dekomunizacyjny, który rozpoczął się podczas wydarzeń z przełomu lat 2013 i 2014 określanych mianem Euromajdanu, natomiast prof. Ihor Usenko z Narodowej Akademii Nauk Ukrainy poddał analizie akty prawne regulujące sytuację językową na Ukrainie.

W pierwszym dniu konferencji podczas dwóch kolejnych sesji zostało wygłoszonych jeszcze dziewięć referatów, w których skupiono się na następujących zagadnieniach: Ukraina jako następczyni prawna Ukraińskiej Socjalistycznej Republiki Radzieckiej, uwarunkowania i ewolucja współpracy polsko-ukraińskiej, strategia bezpieczeństwa narodowego Ukrainy, mniejszość rosyjska w okresie transformacji, polityka Kijowa wobec Tatarów Krymskich, ukraińska diaspora w Stanach Zjednoczonych a niepodległość Ukrainy, system edukacji w UE i na Ukrainie, reforma ukraińskiej, słowackiej i czeskiej prokuratury, sukcesy i niepowodzenia transformacji systemu politycznego Ukrainy. Podczas drugiego dnia konferencji odbyły się kolejne dwie sesje naukowe, podczas których referenci odnieśli się między innymi do najważniejszych postanowień Układu o stowarzyszeniu między UE a Ukrainą, miejsca Ukrainy w koncepcjach geopolitycznych Federacji Rosyjskiej na przełomie XX i XXI wieku, ukraińskiej tradycji prawnej, systemu politycznego Ukrainy, czynników pozwalających na wzmocnienie niepodległości oraz wojny w Donbasie.

O wadze problemów podnoszonych podczas konferencji niech świadczą liczne pytania kierowane do prelegentów oraz bardzo długie dyskusje, podczas których

w trakcie dwóch dni konferencji następowała wymiana poglądów. Wśród problemów budzących największe zainteresowanie, a którym szczególnie dużo miejsca poświęcono podczas dyskusji, były kwestie związane z problematyką bezpieczeństwa i polityki zagranicznej Ukrainy, konfliktem rosyjsko-ukraińskim, aneksją Krymu i wojną w Donbasie, stosunkami polsko-ukraińskimi oraz relacjami Ukraina – UE. Konferencja w Olsztynie pozwoliła na zaprezentowanie wyników badań polskich i zagranicznych naukowców koncentrujących się w swojej pracy na problematyce współczesnej Ukrainy oraz na wymianę opinii na szereg tematów związanych między innymi z ostatnimi wydarzeniami, a więc Euromajdanem i agresją Rosji wobec Ukrainy.